

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИНСТИТУТ АФРИКИ

ВОСТОК

Афро-азиатские общества: история и современность

2021

3

МАЙ–ИЮНЬ

Выходит 6 раз в год

Основан в январе 1955 г.

Выходил под названиями: “СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ” (1955–1958),
“ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ” (1959–1961),
“НАРОДЫ АЗИИ И АФРИКИ” (1961–1990)

Журнал издается под руководством

Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор

академик РАН В.В. НАУМКИН

Редколлегия

И.О. АБРАМОВА, член-корр. РАН
Л.Б. АЛАЕВ, д.и.н., проф.
Ю.Г. АЛЕКСАНДРОВ, д.э.н.
А.К. АЛИКБЕРОВ, д.и.н.
В.М. АЛПАТОВ, академик РАН
Х.А. АМИРХАНОВ, академик РАН
Турадж АТАБАКИ, проф., доктор
(Нидерланды)
Б.В. БАЗАРОВ, академик РАН
А.С. БАЛАХВАНЦЕВ, д.и.н.
Байрам БАЛДЖИ, доктор (Франция)
А.Б. ДАВИДСОН, академик РАН
Г.М. ЕМЕЛЬЯНОВА, доктор
(Великобритания)
А.О. ЗАХАРОВ, д.и.н.
И.Д. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ, д.и.н., проф.
Пьерфранческо КАЛЬЕРИ, проф.
(Италия)
Михаэль КЕМПЕР, доктор
(Нидерланды)
Н.Н. КРАДИН, член-корр. РАН

А.Б. КУДЕЛИН, академик РАН
ЛИ ЮНЦЮАНЬ, проф. (Китай)
Н.А. МАККАВЕЕВ, к.и.н.
Пьетро МАСИНА, проф. (Италия)
Ильбер ОРТАЙЛЫ, почетный проф.
(Турция)
Мадхаван ПАЛАТ, проф. (Индия)
Юрий ПИНЕС, проф. (Израиль)
М.Б. ПИОТРОВСКИЙ,
академик РАН
И.Ф. ПОПОВА, чл.-корр. РАН
В.Я. ПОРХОМОВСКИЙ,
д.филол.н., проф.
Энтони РЕЙД, проф. (Австралия)
Н.А. СИМОНИЯ, академик РАН
И.В. СЛЕДЗЕВСКИЙ, д.и.н., проф.
А.В. СМЕРНОВ, академик РАН
Билл СТРАЙФЕР, доктор (США)
Р.Р. ХАЙРУТДИНОВ, проф.
Янис ЭШОТС, доктор
(Великобритания)

Редакция

А.С. БАЛАХВАНЦЕВ,
зам. главного редактора
Н.А. МАККАВЕЕВ,
ответственный секретарь,
Т.А. АНИКЕЕВА,
отдел культурологии
Н.Р. КРАЮШКИН
отдел истории
Н.Н. ЦВЕТКОВА,
отдел экономики
и политологии
Н.В. БУСЫГИН
редактор

МОСКВА

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ

Древний Восток

- С.Е. МАЛЫХ 6 Египетская керамика в Нубии: этапы бытования

Арабская весна: десять лет спустя

- А.И. ЯКОВЛЕВ 16 Арабская весна как рубеж модернизации арабского мира: противостояние современности и традиции
- Н.Ю. СУРКОВ 29 Вторая волна арабских революций зашла в тупик
- А.О. ФИЛОНИК 43 Реконструкция Сирии: прикидка возможностей
- Л.Н. РУДЕНКО 52 Особенности современного социально-экономического кризиса в Ливане
- И.А. СВИСТУНОВА,
А.С. БОГАЧЕВА 61 Арабский вектор внешней политики Ирана и Турции после Арабской весны
- Е.С. МЕЛКУМЯН 74 Кувейт: внутривнутриполитическая ситуация после Арабской весны
- Г.Л. КРЫЛОВ 85 Суннитские силы Ирака в контексте политики федеральной власти в 2014–2018 гг.
- Г.Г. КОСАЧ 97 Саудовская Аравия после Арабской весны: меняющаяся внутренняя политика
- И.Д. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ 109 Арабо-израильское сближение: в поисках новой нормальности?

Культура и социум

- М.И. МАХМУТОВА 121 Участие арабских партий в политическом процессе Израиля
- Н.А. ФИЛИН 134 Религиозный статус Рухоллы Хомейни в современном Иране

Вопросы теории

- А.В. АКИМОВ 144 Новая система производительных сил и развивающиеся страны: возможности и риски

Международные отношения

- А.С. ХОДНЕВ 158 Лига Наций и либерийский кризис 1929–1934 гг.
- Э.П. ШАВЛАЙ 168 История индийско-китайских отношений 1950–1991 гг.
- Н.В. ИВКИНА 181 Политика Германии в отношении Намибии: попытки преодоления колониализма
- И.Р. ЮТЯЕВА 193 Африканский Союз в роли миротворца: миссия выполняема?

С.Н. ВОЛКОВ,
Т.Л. ДЕЙЧ	204	Участие БРИКС в преодолении коронавирусного кризиса в Африке

Культура и письменность

Е.А. ЮДИЦКАЯ	216	Речь во сне и грезы наяву в классической санскритской драме

Публикации

Р.А. ОРЕХОВ	231	«Письма из старой конфетницы»
(по архивным материалам Т.Н.Савельевой)
Э.В. РУНГ,
В.П. ОРЛОВ	249	Новая надпись с гробницы Дария I в Накш-и Рустаме и церемония <i>проскинесиса</i> в Ахеменидской империи

РЕЦЕНЗИИ

В.В. ТИШИН	264	[Рец. на:] Rezakhani Kh. <i>ReOrienting the Sasanians: East Iran in Late Antiquity</i> . Edinburg: Edinburgh University Press, 2017. xiv, 242 p. ISBN: 978-1-4744-0030-5
Д.Е. МАРТЫНОВ	269	[Рец. на:] Белая И.В. <i>Поучения Изначальной владычицы Сунь Бу-эр. Даосское учение для женщин</i> . М.: Ганга, 2020. 352 с. ISBN 978-5-907243-44-6

На обложке: Тунис. Авеню Хабиба Бургибы (фото В.А. Кузнецова)

Публикуемые материалы не обязательно отражают точки зрения Института востоковедения и Института Африки РАН, а также редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами. К публикации принимаются только статьи, прошедшие двойное экспертное рецензирование.

Адрес редакции:
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
E-mail: vostokaukt@gmail.com; www.vostokoriens.ru
facebook.com/VostokOriens

© Российская академия наук, 2021
© Составление. Редколлегия журнала
«Восток/Oriens», 2021

C O N T E N T S

ARTICLES

Svetlana E. MALYKH	6	Egyptian Pottery in Nubia: Stages of Existence
Alexander I. YAKOVLEV	16	The Arab Spring as a line of Modernization: the Opposition of Modern and Tradition
Nikolay Y. SURKOV	29	The Second Wave of Arab Revolutions Reached an Impasse
Alexander O. FILONIK	43	Reconstruction of Syria: Estimation of Opportunities
Ljudmila N. RUDENKO	52	Features of the Current Socioeconomic Crisis in Lebanon
Irina A. SVISTUNOVA, Anastasia S. BOGACHEVA	61	Foreign Policy of Iran and Turkey towards Arab States after the Arab Spring
Elena S. MELKUMYAN	74	Kuwait: Internal Political Situation after the Arab Spring
German L. KRYLOV	85	Sunni Political Actors in the Context of Iraqi Federal Policies in 2014–2018
Grigory G. KOSACH	97	Saudi Arabia after the Arab Spring: Changing Domestic Policy
Irina D. ZVYAGELSKAYA	109	The Arab-Israeli Rapprochement: A Search for New Normality?
Maria M. MAKHMUTOVA	121	The Participation of Arab Parties in the Israeli Political Process
Nikita A. FILIN	134	Religious Status of Ruhollah Khomeini in Modern Iran
Alexander V. AKIMOV	144	New System of Productive Forces and Developing Countries: Opportunities and Threats
Alexander S. KHODNEV	158	The League of Nations and the Liberian Crisis of 1929–1934
Ellina P. SHAVLAY	168	History of India – China Ties Between 1950 and 1991
Nataliia V. IVKINA	181	Germany's Policy Regarding Namibia: Attempts to Overcome Colonialism
Irina R. IUTIAEVA	193	African Union as a Peacekeeper: Is the Mission Possible?
Sergey N. VOLKOV, Tatyana L. DEYCH	204	The BRICS Role in Overcoming the COVID-19 Crisis in Africa
Ekaterina A. YUDITSKAYA	216	Somniloquy and Daydreaming in Classical Sanskrit Drama
Roman A. OREKHOV	231	“Letters from an Old Candy Bowl” (Based on Archival Materials by T.N. Savelieva)

Eduard V. RUNG,
Vasiliy P. ORLOV

- 249 A New Inscription from the Tomb of Darius I
in Naqsh-e Rostam and the Ceremony of Proskynesis
in the Achaemenid Empire

BOOK REVIEWS

Vladimir V. TISHIN

- 264 [Review of:] Rezakhani Kh. *ReOrienting the Sasanians:
East Iran in Late Antiquity*. Edinburg: Edinburgh University
Press, 2017. xiv, 242 p. ISBN: 978-1-4744-0030-5

Dmitry E. MARTYNOV

- 269 [Review of:] Belaya I.V. *Sermons of the Primordial
Immortal Sun Bu'er. Taoist Doctrine for Women*. Moscow:
Ganga Publishing, 2020. 352 p. ISBN 978-5-907243-44-6

On the cover: Tunis. Avenue Habib Bourguiba (photo by Vasily A. Kuznetsov)

The journal articles do not necessarily reflect the official views of the Institute of Oriental Studies or the Institute of African Studies, as well as of the editorial board and editorial staff. Only the authors are responsible for the information they report in their articles or reviews. All the manuscripts are submitted to double anonymous peer-reviewing.

Postal Address:

12 Rozhdestvenka, Moscow, 107031, Russian Federation

E-mail: vostokauct@gmail.com

www.vostokoriens.ru

facebook.com/VostokOriens

СТАТЬИ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080013619-7

ЕГИПЕТСКАЯ КЕРАМИКА В НУБИИ: ЭТАПЫ БЫТОВАНИЯ

© 2021

С.Е. МАЛЫХ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2077-7285; malyh2002@mail.ru

Резюме: В статье анализируются этапы проникновения и особенности бытования древнеегипетской керамики в Нубии – южном соседе Египта и зоне его экспансионистских интересов. Первые следы такого проникновения фиксируются в начале 3-го тыс. до н.э. и связаны с основанием египетских форпостов в среднем течении Нила. В середине 2-го тыс. до н.э. Нубия вошла в состав египетской державы, что привело к египтизации различных сторон ее жизни, включая ремесло, и к бытованию традиционных египетских керамических типов, главным образом, сделанных на гончарном круге. После возвращения независимости круговая керамика Напатского царства продолжала демонстрировать египетские черты, однако постепенно наметилось самостоятельное эволюционирование, что в итоге, уже в Мероитский период, привело к возникновению самобытной и уникальной по своему стилю мероитской керамики. Египетская керамика, преимущественно из южных, граничащих с Нубией регионов (прежде всего, из Асуана), продолжала ввозиться в царство Мероэ; ее присутствие на археологических памятниках наглядно демонстрирует активные торговые связи двух соседствующих регионов, а также, возможно, указывает, что асуанские гончарные мастерские могли быть ориентированы не только на внутренний, но и на внешний рынки сбыта, благодаря своей близости к границам Мероэ. В то же время, египетская керамика представлена в Нубии в гораздо меньших количествах, чем можно было бы ожидать. Объяснить это можно, с одной стороны, не всегда точной атрибуцией археологических находок. С другой стороны, гончарство Нубии имеет давние корни и традиции, оно было способно обеспечить бытовые нужды непритязательного местного населения. Также следует заметить, что, хотя в отдельных группах керамических изделий Нубии и прослеживается египетское влияние, гончарное ремесло, особенно в мероитское время, достигло в среднем течении и верховьях Нила таких высот, что было в состоянии конкурировать с импортными образцами на внутреннем рынке.

Ключевые слова: Нубия, Напата, Мероэ, Египет, торговые связи, импортная керамика, асуанская керамика, керамика типа *барботин*.

Для цитирования: Малых С. Е. Египетская керамика в Нубии: этапы бытования. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 6–15. DOI: 10.31857/S086919080013619-7

EGYPTIAN POTTERY IN NUBIA: STAGES OF EXISTENCE

© 2021

Svetlana E. MALYKH^a

^a – Institute of Oriental studies of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2077-7285; malyh2002@mail.ru

Abstract: *The article analyzes the stages of penetration and peculiarities of existence of ancient Egyptian pottery in Nubia – the southern neighbour of Egypt and the area of its expansionist interests. The first traces were recorded at the beginning of the 3rd millennium B.C. and were associated with the founding of the Egyptian outposts in the middle reaches of the Nile River. In the middle of the 2nd millennium B.C. Nubia became a part of the Egyptian Empire, which led to the Egyptization of various aspects of Nubian life, including crafts. After the return of independence, the wheel-made pottery of the Napata Kingdom continued to demonstrate Egyptian features, but gradually there was an individual evolution. As a result, already in the Meroitic Period, this led to the forming of the original and unique style of Meroitic ceramics. Egyptian pottery, mainly from the southern regions bordering on Nubia (primarily from Aswan), continued to be imported into the Kingdom of Meroe. However, Egyptian pottery represented in Nubia in much smaller quantities than one would expect. This can be explained as inaccurate attribution of archaeological finds, so the Nubian ceramics has long roots and traditions; it was able to provide for the everyday needs of the unpretentious local population. Although Egyptian influence can be traced in certain groups of Nubian ceramic, but local pottery producing of the Meroitic time became highly developed and was competitive with imported samples in the domestic market.*

Keywords: Nubia, Napata, Meroe, Egypt, trade relations, import pottery, Aswan pottery, Barbotine ware.

For citation: Malykh S.E. Egyptian Pottery in Nubia: Stages of Existence. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 6–15. DOI: 10.31857/S086919080013619-7

Нубия – южный сосед Египта, отделенный от него 1-м порогом Нила. С ранних пор Нубия испытывала влияние своего более развитого соседа, заинтересованного в природных богатствах этой страны. Соответственно, вместе с северянами в Нубию попадали и предметы материальной культуры, в том числе керамические изделия, стиль и технологические особенности которых могли оказывать влияние на местное гончарное ремесло, изначально имевшее типично африканский облик, характерный в целом для обширной зоны Сахеля с неолитического времени. Традиционная керамика нубийского стиля сохраняла свое место в быту рядового населения независимо от смены государственных образований и оказалась мало подверженной воздействию внешних факторов, что нашло отражение в замедленной морфологической эволюции [Adams, 1964, p. 169; Edwards, 2014, p. 60; Malykh, 2017, p. 138–141].

Египетские гончарные изделия стали проникать на территорию южного соседа сравнительно рано – уже в начале 3-го тыс. до н.э., что связано с основанием в Нубии период правления II династии укрепленного поселения Бухен в районе 2-го порога Нила. Южнее располагалось царство Керма (середина 3-го – середина 2-го тыс. до н.э.), на территории которого также обнаружено некоторое количество привозной египетской керамики и других предметов [Emery, Kirwan, 1935, p. 26; Lacovara, 2012, p. 82–83; Honegger, 2018, p. 25–26, fig. 5–6, 8].

Основание египетских городов-крепостей Миргисса, Асгут, Уронарти, Семна, Кумма и других в области 1-го–3-го порогов Нила еще в эпоху Среднего царства [Fisher, 2012, p. 21–22] способствовало появлению в этом регионе значительного количества предметов египетской материальной культуры [Knoblauch, 2018, p. 47–60, fig. 2–9], некоторые из которых достигали более южных областей в районе 4-го порога Нила [Emberling et al., 2014, p. 332, pl. 10] и даже восточных границ современного Судана – междуречья Атбары и реки Гаш (Махал Теглинос, область Кассала) [Manzo, 2018, p. 13–28]. Примечательно, что отдельные керамические изделия культуры Кермы были найдены в Египте, например, в Иераконполе и в Аварисе (Телль эль-Даб'а) [Giuliani, 2006, p. 223; Dirminti, 2014, p. 343–344, fig. 5–6; Schröder, 2018, p. 243–250], а в отдельных местах производились их имитации, как, например, на поселении у аметистового рудника в Вади эль-Худи (недалеко от Асуана) [Brand, 2018, p. 29–45]. Однако развитие царства Керма было прервано в 1550-е гг. до н.э. египетским завоеванием, а его территория вошла в состав египетской державы эпохи Нового царства. Это привело к насаждению египетского политического уклада и религиозных верований, сооружению храмов по египетскому образцу [Wolf, 2006, p. 239; Smith, 2018], а также к доминированию предметов египетского облика, либо привозных, либо сделанных здесь же¹.

В нубийских поселениях и некрополях времени Нового царства (середина XVI–XI вв. до н. э.), например, на острове Саи, в Анибе, Бухене, Аскуте, Миссиминии, Сесеби, Керме, Томбосе преобладали керамические изделия египетского облика, как привозные, так и местные, в основном наиболее массовых типов – плоскодонные пивные кувшины, хлебopечные формы-конусы, полусферические и плоскодонные чаши, шарообразные горшки, небольшие фляги, мешкообразные продолговатые сосуды, кувшины для хранения продуктов, жаровни и кольцообразные подставки под круглодонные формы [Thill, 2006, p. 205–207, fig. 2–3; Budka, 2018, p. 108–113, fig. 1–9]. Встречалась здесь и расписная керамика (полихромная, бихромная, а также так называемая *Blue-painted ware*), покрытая растительным и геометрическим узором, реже – антропоморфными и зооморфными сюжетами [Shortland et al., 2006, p. 93; Ruffieux, 2016, p. 512; Budka, 2018, p. 112, fig. 8–9; Smith, 2018, p. 75–76, pl. 3–5]. Возможно, именно от этой орнаментированной керамики происходит мероитская традиция расписных гончарных изделий².

С падением Нового царства Нубия получила независимость от Египта, и оплотом государственности стало Напатское царство. Однако, несмотря на автономность, египтизированная Напата в своем развитии продолжала следовать в направлении, заданном египетским господством: это нашло отражение и в политическом устройстве, и в религиозных взглядах, и в облике материальной культуры. Гончарное (как и фаянсовое) ремесло также продолжало использовать технические приемы и формы сосудов, насажденные Египтом, а также импортировать египетскую керамику. Закономерен и ее ареал, ограниченный северной Нубией и столичным напатским регионом³. Особенно примечательно в данном контексте изготовление в Керме (Дукки Гел) продолговатых амфор египетского облика [Boulet, 2018, p. 158, fig. 3], характерных для египетских поселений и некрополей времени правления XXV (кушитской / нубийской) и XXVI (саисской) династий (см., например, [Masson, 2011, p. 646–648]). Существовавшее уже в это время поселение Мероэ, остававшееся пока еще

¹ Подробнее см.: [Knoblauch, Lacovara, 2012, p. 204–205, fig. 141; Miellé, 2014, p. 387–389, fig. 2–4; Rose, 2018, p. 135–142, fig. 1–4; Ruffieux, 2014, p. 418–428; Spence, Rose, 2014, p. 410–412, fig. 1].

² Об этом см.: [Малых, 2018, с. 45–47].

³ Произведенные в Египте сосуды обнаружены при раскопках Доргинарти, Донголы, Кермы, Санама, эль-Курру, Нури (последние – некрополи Напаты): [Boulet, 2018, p. 153–168; Heidorn, 2018(1), p. 195–196, fig. 5; 2018(2), p. 317–330; Vincentelli, 2018(1), p. 177–187; 2018(2), p. 132, pl. 7–8].

провинциальным населенным пунктом, также было знакомо как с египетской керамикой, так и ее местными имитациями [Nowotnick, 2018, p. 211–219].

Преемник Напаты – Мeroитское царство (названное так по перенесенной в город Мероэ столице), обладало развитым гончарным производством: как свидетельствуют археологические исследования, практически каждое поселение имело собственную гончарню или несколько таких мастерских, продукцией которых были и бытовые, и культовые сосуды, использовавшиеся в храмовых обрядах⁴. Однако несмотря на то, что местные гончарни обеспечивали нужды страны в керамической таре, привозные изделия также играли в жизни мероитов заметную роль. Среди керамического импорта, обнаруженного на территории Мeroитского царства, доминирующее место принадлежит египетской керамике – гончарным изделиям ближайшего соседа, что естественно.

Основная доля привозной египетской керамики в Мeroитском царстве приходится на амфоры – тару, транспортировавшуюся в Мероэ с вином, маслом или другими продуктами. В основном такие находки датированы интервалом от I до III вв. н.э., что показывает активные торговые связи африканского царства и Римского Египта. Так, винные амфоры типа *AE 2–4*, производившиеся в Верхнем Египте, обнаружены в Каср Ибриме, Каве, Седеинге [David, Francigny, 2018, p. 259, fig. 7]. Египетские винные амфоры I – середины II вв. н.э. из северных египетских областей, прежде всего – Мареотиды (типы *AE 3*, *AE 4*), выявлены на поселении в Седеинге и в Бегравии – некрополе царского города Мероэ [Bagińska, 2005, p. 24–25; David, Francigny, 2018, p. 260, fig. 10]. Среднеегипетские винные амфоры I–III вв. н.э. из характерной темно-коричневой слюдяной глины найдены в храме Абу Эртейлы [Malykh, 2019, p. 175, 177, 179, pl. CXIX (AE15/II-39/2, 3)]. Однако наибольшее число находок подобного рода принадлежит асуанским амфорам, что логично, учитывая близость Асуана к границам Мeroитского царства.

Египетская Сиена (совр. Асуан) в I-м тыс. до н.э. – I-м тыс. н.э. обладала развитым гончарным производством благодаря залежам необходимых по качеству глины⁵. Кроме того, расположенный рядом на Ниле остров Элефантина имел собственное гончарное производство⁶, но ввиду близости двух гончарных центров и внешнего сходства сырья четко разделить их продукцию в настоящее время не представляется возможным, поэтому более логично обобщенно говорить об асуанском гончарном регионе. По предположению Л. Тёрока, гончарное производство Асуана в значительной степени было ориентировано на нубийский рынок [Török, 2011, p. 278–279].

Продукцией асуанских мастерских были как тонкие столовые изделия – различные вазы, лекифы, аскосы, бутылки, лампы, подставки, чаши и тарелки, в том числе имитировавшие римскую сигиллату и тонкостенные сосуды с объемным декором в стиле *барботин*⁷, так и крупная тара – кухонная утварь (котлы, жаровни, миски, тарелки) и амфоры [Adams, 2018, p. 304–305, fig. 2–6], служившие для транспортировки местного вина и хранения различных продуктов. Часть изделий покрывалась расписным орнаментом эллинистического облика, в основном с использованием геометрических (линейных) мотивов и виноградных лоз [Adams, 2018, p. 305, fig. 5].

⁴ [Edwards, 1999, p. 37–38; Robertson, Hill, 2004, p. 117; Wolf et al., 2011, S. 234–237, Abb. 10, 21; Wolf et al., 2014, p. 728–730]. О возможности наличия в одном из мероитских храмовых центров – Абу Эртейлы – собственной гончарной мастерской см.: [Малых, 2017, с. 28–31].

⁵ [Hayes, 1972, p. 387–397; Ballet, Picon, 1987, p. 43; Ballet et al., 1991, p. 140–143; Ballet, Vichy, 1992, p. 114; Ballet, Południkiewicz, 2012, p. 17; Rodziewicz, 1992, p. 106–107; Aston, 1999, p. 231]. См. также дискуссию по этому вопросу у [Adams, 2018, p. 303].

⁶ [Ballet, Vichy, 1992, p. 114]. См. также: [Gempeler, 1992].

⁷ [Adams, 1964, p. 160 (ware IVA)]. О римском влиянии на форму и декор асуанской керамики см.: [Rembart, 2014, p. 617–622]. Подробнее о барботиновых изделиях в Римском Египте см.: [Малых, 2016].

Асуанские амфоры примечательны не только своей формой, но и розовато-бежевой или палево-розовой глиной, покрытой ангобом от темно-бежевого до палево-красного цвета [Malykh, 2019, p. 195]. Это наиболее частый вид керамики, выявляемый на территории Мeroитского царства, как в поселениях и храмовых центрах, так и в некрополях. В частности, фрагменты асуанских винных амфор I–III вв. н.э. обнаружены в Фарасе, Мейнарти, Южном Аргине, Наг Гамусе, Донголе, Напате, Седеинге, Селибе, Мероз, Абу Эртейле⁸ (илл. 1)⁹, что свидетельствует о популярности у южного соседа Египта «вина из Сиены» [Adams, 1966, p. 279, pl. XXXVIIIa (no.1)].

Столовая посуда, изготовленная в асуанских гончарнях, более редка и выявлена в Седеинге, Селибе и Гебель Баркале (храм В 560) [David, Francigny, 2018, p. 256–258, fig. 3–6; Cedro, 2017, p. 324–326, fig. 15–17; Bagińska, 2018, p. 494, fig. 9]. Столь точечный ареал может объясняться не столько реальной не востребоваанностью подобных изделий у мероитов, сколько тем, что в публикациях археологических памятников такие сосуды не определены как асуанская продукция. Это хорошо видно на примере керамики с декором барботин, обнаруженной в Бегравии, Гебель Баркале (храм В 560), а также в некрополях знати в Караног, Фарасе, Шаблуле и Неллуа (южный Аргин)¹⁰ (илл. 2). Из-за своего запоминающегося объемного декора этот тип гончарных изделий более узнаваем и характеризуется большинством исследователей как сделанный в Асуане; лишь для некоторых сосудов из Фараса исследователи допускают местное происхождение из-за более светлых оттенков глины¹¹. Однако археологическими исследованиями до сих пор не подтверждено нахождение в нубийском Фарасе гончарной мастерской, производившей барботиновые изделия.

Учитывая археологический контекст асуанской столовой керамики, в том числе с барботиновым декором, ее обнаружение в захоронениях царей и знати может говорить о том, что она являлась предметом роскоши для мероитов, впрочем, как и для самих египтян. Тем не менее, с падением Мeroитского царства тонкий «ручеек» асуанской столовой посуды не был перекрыт, и небольшое количество подобных изделий, например, тонкостенные бутылки для масла, чаши и тарелки, были найдены в постмероитских слоях поселений в Мероз и Собе, в постмероитском некрополе Габати, в раннехристианской Донголе [Edwards, 1998, p. 184–185, fig. 6.31; Danys, 2018, p. 609–610, fig. 2]. Это же можно сказать и о египетских винных амфорах типов *Late Roman Amphorae 5/6 (LRA 5/6)* из Мареотиды, *Late Roman Amphorae 7 (LRA 7)* из Среднего Египта, амфор из палево-оливково-зеленой мергельной глины из Фустата (Старый Каир), бытовавших с IV по середину VIII вв. н. э. – они найдены на поселениях и в некрополях царств Нобадия и Макурия¹² (Мукурра) – государственных образований-преемников Мероз. Все это свидетельствует о сохранении торговых связей между двумя африканскими регионами – Египтом и Суданом в указанный хронологический период.

⁸ [Bagińska 2005, p. 19, 22–23; 2015, p. 253; Bąkowska, 2015, p. 459; Bąkowska-Czerner 2018, p. 510, fig. 3, pl. 2 (no. 828); Cedro, 2017, p. 321–322, fig. 134; Danys, 2018, p. 612, fig. 4; David, Francigny, 2018, p. 259, fig. 8; Malykh, 2019, p. 175, 177, 179, 187, fig. 47, pl. CXIX (AE15/II-43/1), CXXIII (AE16/II-56/1, AE16/II-40/1)].

⁹ Рисунок к статье находится на цветной вклейке.

¹⁰ [Woolley, Randall-MacIver, 1909, p. 41, pl. 29 (№ 7); 1910, pl. 81 (№ 8493), 90 (№ 8703–8705), 100 (№ 9019); Griffith, 1924, pl. XLIX, LVII.24; Almagro et al., 1965, p. 85, fig. 4; Bourriau, 1981, p. 94–95 (no. 187); Wildung, 1997, p. 359–360, fig. 427–431; Evina, 2010, p. 109–110, fig. 131; Bagińska, 2018, p. 494, fig. 9c; Шинни, 2004, с. 136, 202, илл. 53; коллекция Музея изящных искусств в Бостоне (MFA 22-1-129; из пирамиды Beg. N XXII, время Натакамани (1–20 гг. н. э.)).

¹¹ В сравнительно недавней статье Э. Макканн, посвященной керамическому материалу Фараса, отмечается, что из местных каолиновых глин также изготавливалась керамика, имитирующая греко-римские формы и декор, в том числе барботин. Однако асуанские изделия в Фарасе также присутствуют в значительном количестве [McCann, 2012, p. 119, 121].

¹² [Adams, 1986, p. 576–577; Bagińska, 2015, p. 253; Cedro, 2017, p. 321; Danys, 2018, p. 612, fig. 4].

Таким образом, две соседних африканских страны, связанные между собой водной артерией – Нилом и караванными тропами, закономерно имели тесные торговые связи. В то же время, учитывая доминирующую роль Египта в регионе в 3-м тыс. до н.э. – 1-м тыс. н.э., естественно было бы предположить, что египетская керамика в Нубии будет представлена в значительных количествах, однако этого не произошло. Объяснить это можно, с одной стороны, тем, что не всегда в археологических публикациях среди керамики атрибутирован импорт. С другой стороны, гончарство Нубии имеет давние корни и традиции, оно было способно обеспечить бытовые нужды непритязательного местного населения, тогда как привозные сосуды или продукты в них потреблялись привилегированной частью мероитов, которые составляли более узкую прослойку по сравнению с остальной частью общества. Также следует заметить, что, хотя в отдельных группах керамических изделий Нубии и прослеживается египетское влияние, гончарное ремесло, особенно в мероитское время, достигло в среднем течении и верховьях Нила таких высот, что было в состоянии конкурировать с импортными образцами на внутреннем рынке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Малых С.Е. Керамика типа «барботин» в Римском Египте: распространение и проблема атрибуции. *Вестник древней истории*. 2016. № 2. С. 361–370 [Malykh S.E. “Barbotine” Ceramic Ware in Roman Egypt: Diffusion and the Problem of Attribution. *Journal of Ancient History*. 2016. No. 2. Pp. 361–370 (in Russian)].

Малых С.Е. Позднемероитская керамика Абу Эртейлы: проблема существования локальных гончарных центров в округе Мероэ. *Восток (Oriens)*. 2017. № 5. С. 26–36 [Malykh S.E. Late Meroitic Ceramics of Abu Erteila: The Problem of Existence of Local Pottery Workshops in the Meroe Region. *Vostok (Oriens)*. 2017. No. 5. Pp. 26–36 (in Russian)].

Малых С.Е. Египетские мотивы в декоре керамики Мероэ: проблема межкультурных влияний в материальной культуре древних обществ. *Восток (Oriens)*. 2018. № 5. С. 37–55 [Malykh S.E. Egyptian Motifs in the Ceramic Decoration of Meroe: The Problem of Intercivilizational Influence in the Material Culture of Ancient Societies. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 5. Pp. 37–55 (in Russian)].

Шинни П. Нубийцы. Могушественная цивилизация древней Африки. М.: Центрполиграф, 2004 [Shinnie P. L. *Ancient Nubia*. Routledge, 1996, Russian ed.: Moscow: Tsentrpoligraf, 2004 (in Russian)].

Adams W.Y. An Introductory Classification of Meroitic Pottery. *Kush*. 1964. Vol. 12. Pp. 126–173.

Adams W.Y. The Vintage of Nubia. *Kush*. 1966. Vol. 14. Pp. 262–283.

Adams W.Y. *Ceramic Industries of Medieval Nubia*. Lexington: University Press of Kentucky, 1986.

Adams W.Y. The Aswan Wares in Nubia, AD 1–1500. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*, ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 303–328.

Almagro M., Blanco Caro R., Garcia-Guinea M.A., Presedo Velo F., Pellicer Catalan M., Teixidor J. Excavations by the Spanish Archaeological Mission in the Sudan, 1962–63 and 1963–64. *Kush*. 1965. Vol. 13. Pp. 78–95.

Aston D.A. *Elephantine XIX. Pottery from the Late New Kingdom to the Early Ptolemaic Period*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1999.

Bagińska D. Amphora Imports in Nubia. *Gdańsk Archaeological Museum African Reports*. 2005. Vol. 3. Pp. 15–36.

Bagińska D. The Meroitic Pottery from Selib. *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1–4 September 2008. Beiträge zur Sudanforschung, Beiheft 9*, ed. M.H. Zach. Vienna: Verein der Förderer der Sudanforschung, 2015. Pp. 455–464.

Bagińska D. Meroitic Pottery from Temple B 560 at Jebel Barkal. *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014. Orientalia Lovaniensia Analecta 273*, ed. M. Honegger. Louvain: Peeters, 2018. Pp. 489–504.

Bąkowska G. Some Remarks on Meroitic Pottery from Jebel Barkal / Napata. *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1–4 September 2008. Beiträge zur Sudanforschung, Beiheft 9*, ed. M. H. Zach. Vienna: Verein der Förderer der Sudanforschung, 2015. Pp. 249–264.

Bąkowska-Czerner G. Meroitic Pottery from Natakamani's Palace in Jebel Barkal: Preliminary Report on the Results of Seasons 2011–2013. *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014. Orientalia Lovaniensia Analecta 273*, ed. M. Honegger. Louvain: Peeters, 2018. Pp. 505–512.

Ballet P., Mahmoud F., Vichy M., Picon M. Artisanat de la céramique dans l'Égypte romaine tardive et byzantine. Prospections d'ateliers de potiers de Minia à Assouan. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1991. Vol. 2. Pp. 129–143.

Ballet P., Picon M. Recherches préliminaires sur les origines de la céramique des Kellia (Égypte). Importations et productions égyptiennes. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1987. Vol. 1. Pp. 17–48.

Ballet P., Południkiewicz A. *Tebtynis V. La ceramique des epoques hellenistique et imperiale. Campagnes 1988–1993. Production, consommation et réception dans le Fayoum méridional*. Le Caire: IFAO, 2012.

Ballet P., Vichy M. Artisanat de la céramique dans l'Égypte hellénistique et romaine. Ateliers du Delta, d'Assouan et de Kharga. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1992. Vol. 3. Pp. 109–119.

Boulet S. Interactions entre les productions céramiques égyptiennes et nubiennes du VIIIe au VIe s. av. J.-C. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*, ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 153–175.

Bourriau J. *Umm El-Gaabb. Pottery from the Nile Valley before the Arab Conquest. Catalogue*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Brand M. Early Middle Kingdom Nubian Imitation Wares at Wadi el-Hudi. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*, ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 29–46.

Budka J. Egyptian Pottery from the New Kingdom Temple Town of Sai Island. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*, ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 107–133.

Cedro A. Selib 3. Pottery from the Midden. *Polish Archaeology in the Mediterranean. Reports*. 2017. Vol. 26.1. Pp. 310–328.

Danys K.A. Seventh Century Pottery from Old Dongola in the Light of Recent Finds from Palatial Building B.I. *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014. Orientalia Lovaniensia Analecta 273*, ed. M. Honegger. Louvain: Peeters, 2018. Pp. 609–614.

David R., Francigny V. Les céramiques importées à Sedeinga et la question des «échanges à longue distance» dans le royaume de Méroé. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*, ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 255–278.

Dirminti E. Between Kerma and Avaris: the First Kingdom of Kush and Egypt during the Second Intermediate Period. *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies*, eds. J.R. Anderson, D.A. Welsby. Leuven, Paris, Walpole: Peeters, 2014. Pp. 337–345.

Edwards D.N. Early Meroitic Pottery and the Creation of an Early Imperial Culture? *Der antike Sudan. Ein Forscherleben zwischen den Welten Zum 80. Geburtstag von Steffen Wenig. Mitteilungen der Sudanarchaologischen Gesellschaft zu Berlin e.V. Sonderheft 2014*, Hrsg. A. Lohwasser, P. Wolf. Berlin: Sudanarchaologischen Gesellschaft zu Berlin e.V., 2014. Pp. 51–63.

Edwards D.N. *Gabati. A Meroitic, Post-Meroitic and Medieval Cemetery in Central Sudan*. Vol. 1. Oxford: Archaeopress, 1998.

Edwards D.N. *Musawwarat es Sufra III. A Meroitic Pottery Workshop at Musawwarat es Sufra. Meroitica* 17,2. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999.

Emberling G., Williams B.B., Ingvaldstad M., James T.R. Peripheral Vision: Identity at the Margins of the Early Kingdom of Kush. *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies*, eds. J.R. Anderson, D.A. Welsby. Leuven, Paris, Walpole: Peeters, 2014. Pp. 329–336.

Emery W.B., Kirwan L.P. *Service des Antiquités de l'Égypte Mission archéologique de Nubie, 1929–1934. The Excavations and Survey between Wadi es Sebua and Adindan, 1929–1931*. Cairo: Government Press, 1935.

Evina M. Une double tradition céramique. *Méroé. Un empire sur le Nil*, ed. M. Baud. Paris: Musée du Louvre Éditions, 2010. Pp. 105–113.

Fisher M.M. The History of Nubia. *Ancient Nubia. African Kingdoms on the Nile*, eds. M.M. Fisher, P. Lacovara, S. Ikram, S. D'Auria. Cairo, New York: American University in Cairo Press, 2012. Pp. 10–44.

Gempeler R.D. *Elephantine X. Die Keramik römischer bis früharabischer Zeit*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1992.

Giuliani S. Nubian Evidence in Hierakonpolis. *Acta Nubica. Proceedings of the X International Conference for Nubian Studies. Rome, 9–14 September 2002*, eds. I. Caneva, A. Roccati. Rome: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, Libreria dello Stato, 2006. Pp. 223–227.

Griffith F.L. Oxford Excavations in Nubia. The Meroitic Cemetery at Faras. *Annals of Archaeology and Anthropology*. 1924. Vol. 11. Pp. 141–180.

Hayes J.W. *Late Roman Pottery. A Catalogue*. London: British School at Rome, 1972.

Heidorn L. A. The 6th Century BC Imported Amphorae at Dorginarti. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*, ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018(1). Pp. 189–207.

Heidorn L. A. The Boston Museum of Fine Arts Pottery from the Twenty-Fifth Dynasty Tombs at El-Kurru and Nuri. *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014. Orientalia Lovaniensia Analecta* 273, ed. M. Honegger. Louvain: Peeters, 2018(2). Pp. 317–332.

Honegger M. New Data on the Origins of Kerma. *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014. Orientalia Lovaniensia Analecta* 273, ed. M. Honegger. Louvain: Peeters, 2018. Pp. 19–34.

Knoblauch C. The Late Middle Kingdom in the Cemeteries at Mirgissa: Pottery and Relative Chronology. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*, ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 47–72.

Knoblauch C., Lacovara P. Nubian Ceramics. *Ancient Nubia. African Kingdoms on the Nile*, eds. M. M. Fisher, P. Lacovara, S. Ikram, S. D'Auria. Cairo, New York: American University in Cairo Press, 2012. Pp. 200–209.

Lacovara P. The Art and Architecture of Early Nubia: The A-Group to the Kerma Culture. *Ancient Nubia. African Kingdoms on the Nile*, eds. M.M. Fisher, P. Lacovara, S. Ikram, S. D'Auria. Cairo, New York: American University in Cairo Press, 2012. Pp. 78–83.

Malykh S.E. Late Meroitic Pottery of Abu Erteila: Local Traditions and Foreign Influence. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2017. Vol. 27. Pp. 137–180.

Malykh S.E. Pottery from the Temple. Kormysheva E., Lebedev M., Malykh S., Vetokhov S. *Abu Erteila. Excavations in Progress*. Moscow: IOS RAS, 2019. Pp. 173–206.

Manzo A. Egyptian Ceramics from Eastern Sudan (Kassala Region). *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*, ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 11–28.

Masson A. Jarres au décor polychrome du Musée Pouchkine: manifestations originales de la tendance archaïsante des 25e–26e dynasties? *Under the Potter's Tree. Studies on Ancient Egypt Presented to Janine Bourriau on the Occasion of her 70th Birthday*, eds. D. Aston, B. Bader, C. Gallorini, P. Nicholson, S. Buckingham. Leuven, Paris, Walpole: Peeters, 2011. Pp. 645–677.

McCann E. A Fresh Look at the Site of Faras: Important Findings Concerning Local and Regional Ceramic Industry in North Sudan during the Meroitic Period (ca. 350 B.C. – A.D. 350). *Beiträge zur Sudanforschung*. 2012. Bd. 11. Pp. 107–135.

Miellé L. Nubian Traditions on the Ceramics Found in the Pharaonic Town on Sai Island. *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies*, eds. J. R. Anderson, D. A. Welsby. Leuven, Paris, Walpole: Peeters, 2014. Pp. 387–392.

Nowotnick U. Napatan Ceramics from the Excavations at the Royal Bath in Meroe. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*, ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 209–230.

Rembart L. Roman Influence on Pottery from the Ancient Town Syene (Upper Egypt). *Rei Cretariae Romanae Favtorvm Acta*. 2014. Vol. 43. Pp. 617–622.

Robertson J.H., Hill E.M. The Meroitic Pottery Industry. *Meroitica 20. The Capital of Kush. Meroë Excavations 1973–1984*, eds. P.L. Shinnie, J.R. Anderson. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. Pp. 109–212.

Rodziewicz M. Field Notes from Elephantine on the Early Aswan Pink Clay Pottery. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1992. Vol. 3. Pp. 103–107.

Rose P. Egyptian Pottery from the Site of Sesebi. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*, ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 135–149.

Ruffieux P. Early 18th Dynasty Pottery Found in Kerma (Dokki Gel). *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies*, eds. J.R. Anderson, D.A. Welsby. Leuven, Paris, Walpole: Peeters, 2014. Pp. 417–429.

Ruffieux P. Pottery of the 18th Dynasty at Dukki Gel (Kerma): Classical Repertoire and Local Style. *Vienna 2 – Ancient Egyptian Ceramics in the 21st Century. Proceedings of the International Conference held in the University of Vienna, 14th–18th of May, 2012. Orientalia Lovaniensia Analecta 245*, eds. B. Bader, K. M. Knoblauch, E. C. Köhler. Leuven, Paris, Bristol: Peeters, 2016. Pp. 507–525.

Schröder M.-K. Nubian Pottery Assemblage from the C-Group Cemetery HK27C at Hierakonpolis. *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014. Orientalia Lovaniensia Analecta 273*, ed. M. Honegger. Louvain: Peeters, 2018. P. 243–250.

Shortland A.J., Hope C.A., Tite M.S. Cobalt Blue Painted Pottery from 18th Dynasty Egypt. *Geomaterials in Cultural Heritage. Geological Society Special Publication no. 257*, eds. M. Maggetti, B. Messiga. London: Geological Society, 2006. Pp. 91–99.

Smith S.T. Colonial Entanglements. Immigration, Acculturation and Hybridity in New Kingdom Nubia (Tombos). *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014. Orientalia Lovaniensia Analecta 273*, ed. M. Honegger. Louvain: Peeters, 2018. Pp. 71–89.

Spence K., Rose P. Fielwork at Sesebi 2010. *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies*, eds. J.R. Anderson, D.A. Welsby. Leuven, Paris, Walpole: Peeters, 2014. Pp. 409–415.

Thill F. La tombe 8 de la nécropole pharaonique de Saï. *Acta Nubica. Proceedings of the 10th International Conference for Nubian Studies. Rome, 9–14 September 2002*, eds. I. Caneva, A. Roccati. Rome: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, Libreria dello Stato, 2006. Pp. 203–212.

Török L. *Hellenizing Art in Ancient Nubia 300 B.C. – AD 250 and Its Egyptian Models: a Study in "Acculturation"*. Leiden: Brill, 2011.

Vincentelli I. Egyptian Pottery in the Sanam Royal Stores. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*, ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018(1). Pp. 177–187.

Vincentelli I. Long Distance Trade: The Evidence from Sanam. *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014. Orientalia Lovaniensia Analecta 273*, ed. M. Honegger. Louvain: Peeters, 2018(2). Pp. 127–134.

Wildung D. Meroitic Ceramics. *Sudan. Ancient Kingdoms of the Nile*, eds. D. Wildung, P. Der Manuelian, K. Guillaume. Paris, New York: Flammarion, 1997. Pp. 341–368.

Wolf P. Temples in the Meroitic South – Some Aspects of Typology, Cult and Function. *Acta Nubica. Proceedings of the 10th International Conference for Nubian Studies. Rome, 9–14 September 2002*, eds. I. Caneva, A. Roccati. Rome: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, Libreria dello Stato, 2006. Pp. 239–262.

Wolf P., Nowotnick U., Hof C. The Meroitic Urban Town of Hamadab in 2010. *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies*, eds. J.R. Anderson, D.A. Welsby. Leuven, Paris, Walpole: Peeters, 2014. Pp. 719–737.

Wolf S., Wolf P., Onasch H.-U., Hof C., Nowotnick U. Meroe und Hamadab – Stadtstrukturen und Lebensformen im afrikanischen Reich von Kush. *Archäologischer Anzeiger*. 2011. Bd. 2. S. 213–245.

Woolley C.L., Randall-MacIver D.R. *Areika (Eckley B. Coxe Junior Expedition to Nubia. Vol. 1)*. Oxford: University Press, 1909.

Woolley C.L., Randall-MacIver D.R. *Karanòg: The Romano-Nubian Cemetery (Eckley B. Coxe Junior Expedition to Nubia. Vol. 3–4)*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum, 1910.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАЛЫХ Светлана Евгеньевна –
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института
востоковедения РАН, Москва, Россия.

Svetlana E. MALYKH, PhD (History),
Senior Research Fellow, Institute of Oriental
Studies RAS, Moscow, Russia.

АРАБСКАЯ ВЕСНА: ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

DOI: 10.31857/S086919080015064-7

АРАБСКАЯ ВЕСНА КАК РУБЕЖ МОДЕРНИЗАЦИИ АРАБСКОГО МИРА:
ПРОТИВОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ

© 2021

А.И. ЯКОВЛЕВ ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7164-1321; aliv_yak@mail.ru

Резюме: В задачи статьи входит проследить значение событий Арабской весны 2011 г. как этапа формирования современного арабского общества в процессе догоняющей модернизации. Рассмотрены основные механизмы и этапы социально-экономической трансформации арабского общества как комплексного процесса «реформы системы», следующего западной модели современного индустриального общества. Уделено внимание характеристике особенностей модернизации на Арабском Востоке, усилению роли национального государства и растущей дифференциации арабских стран. Автор объясняет взрывной характер событий 2011 г. в регионе противоречиями, вызванными к жизни в процессе модернизации, с одной стороны, нарастающей фрагментацией общества в отношении к ценностям современности и традиции, а с другой – социально-экономическими проблемами модернизированного или полумодернизированного общества, чьи ожидания не были реализованы властью в процессе перемен. Вследствие этого в арабских странах возникали конфликты не только между «хозяевами» и «работниками», но и между сторонниками масштабной вестернизации и ревнителями традиционной культуры и норм жизни. Эта особенность региона в эпоху глобализации привела к парадоксальному результату: вместо включения модернизированного арабского общества в глобальное ценностно-смысловое пространство с унифицированной системой ценностей, норм и правил в регионе сформировалось духовно-идейное пространство на иных принципах. Реформированное арабское общество обрело – с учетом страновых различий – относительно целостный дискурс, по существу, альтернативный западному. Таким образом, модернизация не вызвала из далекого прошлого традицию, а используя оболочку традиции наполнила ее актуальным и важным содержанием.

Догоняющая модернизация имела разные результаты для арабских стран, но она кардинально изменила социально-политический баланс сил в арабском обществе, осложнив решение старых проблем и породив новые конфликты, в частности, проблему международного терроризма. В XXI в. перед арабскими странами встает задача формирования общественного баланса на новой основе путем проведения модернизации развития.

Ключевые слова: арабские страны, Арабская весна, модернизация, традиция, современность, фрагментарное развитие.

Для цитирования: Яковлев А.И. Арабская весна как рубеж модернизации арабского мира: противостояние современности и традиции. *Восток (Orientis)*. 2021. № 3. С. 16–28. DOI: 10.31857/S086919080015064-7

THE ARAB SPRING AS A LINE OF MODERNIZATION OF THE ARAB WORLD:
THE OPPOSITION OF MODERN AND TRADITION

© 2021

Alexander I. YAKOVLEV ^a^a – Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7164-1321; aliv_yak@mail.ru

Abstract: *The article aims at studying the meaning of the events of the Arab spring of 2011 as a stage of formation of the modern Arab society within the process of catching-up modernization. The article examines the main mechanisms and stages of socio-economic transformation of the Arab society as a comprehensive process of “the reform of the system” which follows the Western model of the modern industrial society. Attention is paid to the specific characteristics of the modernization in the Arab East, which are: asynchronous nature of economic and sociopolitical processes, growing role of the nation-state, increasing differentiation of Arab countries. The author explains the explosive nature of the events of 2011 in the region by contradictions, which were provoked within the process of modernization, on the one hand, by growing fragmentation of the society with regard to their attitude to the values of the modernity and the Tradition, and on the other hand, by socioeconomic issues of the modernized or semi-modernized society whose expectation hadn't been met by the authorities during the process of transformation.*

The catching-up modernization, which has ended, has had different results for the Arab states but it has drastically changed the sociopolitical balance of power in the Arab society and has complicated the process of addressing the old issues as well as led to new conflicts, particularly, the issue of the international terrorism. In the 21st century the Arab states are facing the need to form a social balance on a new basis through a development modernization.

Keywords: Arab countries, Arab spring, modernization, tradition, modernity, fragmentary development.

For citation: Yakovlev A.I. The Arab Spring as a line of Modernization: the Opposition of Modern and Tradition. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 16–28. DOI: 10.31857/S086919080015064-7

Арабская весна 2011 г. не просто кардинально перемешала карты на Ближнем Востоке, но существенно ускорила идущие там социально-экономические и политические процессы. Бурные перемены в политической и общественной жизни ряда арабских стран, а также трансформация региональной системы международных отношений на Ближнем Востоке побуждают спустя десять лет к их новому осмыслению, прояснению поводов и причин того, что получило название *Арабского пробуждения*.

Масштаб этих события казался абсолютно невысказанным, пока они не произошли в первой половине 2011 г. Их никто не ждал. Между тем неожиданность грянувших перемен была лишь видимой. Никто не знал, когда нажмут на курок, но пуля была в ружье, а ружье давно висело на стене. Оставляя в стороне образы, обратимся от повода события к его причине, уделим внимание содержанию общественной жизни арабских стран во второй половине XX в., породившему Арабскую весну, – модернизации.

МОДЕРНИЗАЦИЯ АРАБСКОГО МИРА

В современной литературе концепция модернизации была детально разработана западными учеными в 1960–1970-е гг., когда бурный процесс социально-экономической

трансформации «третьего мира» потребовал осмысления и выработки отношения к нему со стороны Запада. Возникли различные точки зрения на сложный процесс модернизации, который понимался то как вестернизация незападных стран, то как индустриализация, то как демократизация социально-политической жизни [Hantington, 1968]. Во всех случаях процессы трансформации незападного общества подразумевали следование западной модели, воспринимавшейся как нормативный образец.

Большее распространение получило более широкое понимание модернизации как комплексного процесса, затрагивающего все стороны общественной жизни незападных стран, впервые предложенное У. Ростоу [Rostow, 1960]. В последующие десятилетия теория модернизации получила развитие в десятках работ западных и отечественных ученых [Black, 1966; *Эволюция восточных обществ*, 1984; Семенов, 2003; Побережников, 2006; Яковлев, 2006; *Обзорный доклад*, 2011; *Теория и методология истории*, 2014; *Реконструкция мировой и региональной истории*, 2017; Заостровцев, 2020].

Во второй половине XX в. в большинстве арабских стран, как и немалой части иных стран Востока, шел процесс модернизации – коренных целенаправленных социально-экономических реформ, проводимых властью для преодоления отсталости и достижения страной и обществом более высокого уровня развития по западному образцу [Яковлев, 1999; Александров, 2000; Косач, 2007; Lerner, 1965; Eisenstadt, 1973; *King Faisal*, 1980; Al-Farsy, 1990; O'Sullivan, 2008].

Истоки догоняющей модернизации лежат в проявившемся в середине XX в. стремлении арабских народов, осознавших кризис застойного традиционного развития, к преодолению социально-экономической отсталости по сравнению со странами Запада, а также в отказе от роли пассивного объекта в отношениях «метрополия – колония». Общей чертой преобразований в арабском мире стало стремление господствовавших режимов самим начать и возглавить совершение коренных перемен в общественном строе, дабы избежать перерастания кризиса в неуправляемый процесс анархии и революционной ломки. Общность истоков модернизации проявилась и в том, что для ее совершения была взята модель индустриального общества, существовавшая в то время в двух вариантах: капиталистическом и социалистическом. Господствовавшее в то время представление о линейном характере общественного развития питало надежды арабских лидеров, от президента Египта Насера и президента Туниса Бургибы до короля Марокко Хасана и короля Саудовской Аравии Фейсала, на то, что современные техника, технологии, социальные отношения, административные институты и достижения культуры, заимствованные из индустриальной модели, создадут в их странах развитое общество с основами современной экономики. Но ожидаемого триумфального преобразования не случилось.

Общая схема и механизм модернизации видны в проведении большинством арабских режимов в 1960–1970-е гг. коренных социально-экономических реформ [см.: Яковлев, 2015, с. 13–107]. Несмотря на весьма различные изначальные объективные условия, властью был начат процесс переустройства общества на новых началах, но без разрыва с традицией, исходя из модели и опыта развития стран Запада или СССР для совершения качественного скачка в социально-экономическом развитии без насильственного изменения политической системы и социальной структуры общества.

Главным и решающим субъектом такой трансформации выступило государство, опирающееся не просто на опыт, но и на реальную помощь внешнего фактора – Запада или СССР. Вскоре стал понятен иной, чем в западной модели стран «первого эшелона» капиталистического развития, характер преобразований – они оказались асинхронными, протекали быстрее в сфере экономики, медленнее – в социальной жизни, и еще медленнее – в сфере культуры и духовной жизни, там, где менялись не материальные условия жизни, а мента-

литет и нормы поведения больших масс людей. Определились и два типа преобразований: иницирующие и санкционирующие. Первые проводились властью для формирования социально-политических начал, отсутствующих или слабо развитых в арабском обществе, а вторые – легализовали уже существующие общественно-политические практики. В то же время преобразования в нематериальной сфере носили подчеркнуто охранительный характер, сохраняя цивилизационные основы, а также закрепляя существующую политическую систему.

В жизненное пространство арабского общества в разной мере, но повсеместно входили техника, технологии, уклады жизни и хозяйствования, нормы и практики политической и социальной жизни, плоды массовой и классической культуры Запада. Их взаимодействие происходило преимущественно в форме *симбиоза*, неантагонистического сочетания разнородных начал, реже в форме *синтеза* – соединения разнородных элементов в целостную систему, обретающую новое качество. Нередким, особенно в нематериальной сфере, было и прямое *отторжение* – неприятие арабским обществом навязываемых начал и вытеснение заимствований.

Необходимо подчеркнуть, что западная модель предполагала построение не просто современного, а капиталистического общества. Но, поскольку догоняющая модернизация представляет собой ускоренное, сжатое во времени развитие, арабскому обществу не хватало времени на изживание своих традиционных основ. Между тем на это самому западному обществу понадобились несколько столетий и революций, плодом которых стало широкое демократическое развитие капиталистического уклада снизу, что можно назвать *сталагмитовым типом* развития. Арабские правители, избравшие западную модель, также стремились к построению основ рыночной экономики на индустриальной основе, но начатая ими «революция сверху», вела к иному – *сталактитовому типу* развития нового общества с ограниченной социальной опорой и сохранением господства государства.

На 1960–1980-е гг. приходятся три этапа модернизации арабского мира, отчасти совпадающие во времени. Первый этап: проведение властью фрагментарной модернизации в качестве попытки выйти из системного кризиса отсталости. Второй этап: разработка властью комплекса социально-экономических преобразований, обретение внешней поддержки, появление лидера-реформатора, создание правовой и институциональной основы нового общества, возникновение «очагов» нового развития. Третий этап: расширение и углубление процесса реформ в материальной и социальной сферах в зависимости от возможностей экономики, влияния внешних факторов, психологической готовности масс, борьбы в правящих и господствующих слоях, силы проявления технологического фактора и т.д. На этом самом продолжительном и трудном этапе происходит решение властью ключевых проблем общественной жизни; материальное производство на новых основах определяет хозяйственное развитие; возрастает социальная мобильность, меняется баланс социальных сил в обществе. Четвертый этап: после прохождения в обществе «волн преобразований» с неизбежными забеганиями вперед, торможением развития и отступлениями назад, после достижения качественно нового уровня жизни и изменения менталитета значительной частью населения, власть шаг за шагом приводит политическую систему общества в соответствие с возникшей новой социальной структурой и новой идейно-ценностной системой. Таким образом реформы политической системы, политической культуры и политической жизни завершают процесс догоняющей модернизации.

Предложенная схема реформ при наложении на конкретно-историческую действительность стран арабского мира, конечно, имеет существенные различия. Но, как бы то ни было, в первой половине XX в. логика догоняющей модернизации вела арабские общества по этому пути от одного этапа к другому.

К концу XX в. стало очевидно, что процесс модернизации подошел к своему пределу: реформы позволили совершить более или менее сильный рывок от отсталости, закрепив новое качество материальной жизни, но не позволив достигнуть высокого уровня западного общества, которое также не стояло на месте, а главное – реформы нарушили былую органическую целостность арабского общества, но не принесли новое единство. Былая многоукладность не только укрепилась, но и усложнилась по новым параметрам. Иначе говоря, догоняющая модернизация выработала свой потенциал на третьем этапе, не успев его завершить. Но люди живут не по схемам, и четвертый этап реформ фактически начался досрочно в условиях незавершенности социально-политической эволюции общества по западным лекалам.

Наконец, необходимо сказать еще об одном параметре общественного развития, менее заметном, чем материальный (формационный), но столь же важным – о цивилизационных характеристиках арабского общества. В самом начале процесса социально-экономической трансформации и власти, и само арабское общество, одержимые нетерпением аутсайдеров, включились в гонку модернизации, рассматривая ее как универсальный и линейный процесс, то, что позднее Ф. Фукуяма описал в своей статье как «конец истории». Однако возникавшие в экономической и тем более в социальной жизни конфликты скоро показали всем пределы реализации модели индустриального общества, возникшего на иной цивилизационной основе. Заводы и университеты заполняли люди с иным мировосприятием, иным мировоззрением. Линейная логика прогресса, заменявшего устаревшее прошлое на более передовое современное, все чаще не срабатывала в арабском мире – от вестернизированного Магриба до архаичной Аравии.

Данное обстоятельство побуждает к понятию *симбиоз* добавить понятие *фрагментарность* для более адекватной характеристики результатов догоняющей модернизации. Арабское общество просто не успевало изжить старое, сохраняя его неустаревшие элементы, и адаптироваться к новому, в то же время и сохраняя, и отсекая то, что виделось отсталым и ненужным. Возникавшие противоречия перехлестывали друг друга, накладываясь на текущие проблемы, вызывая к жизни актуальные и спящие конфликты, разделяя общество по разным критериям. Ответом общества на новые вызовы становилось использование как практик западной политической жизни, так и элементов архаики.

Кроме того, необходимо принимать в расчет стремительно меняющуюся внешнюю среду, развернувшиеся процессы глобализации, которые не могли не охватить весь арабский мир. Влияние глобализации порождало иллюзию включенности арабского общества в пространство современного мира, и тем глубже становилось разочарование людей, когда они убеждались в недостижимости притягательных идеалов материального комфорта, социального равенства и политических прав.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ФРАГМЕНТАЦИЯ МОДЕРНИЗИРОВАННОГО АРАБСКОГО МИРА

Большим разочарованием для арабских лидеров (отчасти и для поддерживавших их внешних сил) стала открывшаяся в начале 1970-х гг. невозможность реализации западной исходной модели во всей полноте.

Переход от старого общества к новому всегда сложен и чреват неизбежными конфликтами, но в данном случае процесс перехода для арабских стран осложнялся огромной силой социальной инерции и различиями в стартовом уровне. Исходная западная модель формировалась в течение столетий западноевропейской истории в процессе постепенного изживания и ослабления старых социальных идеалов и ценностей и замене их новыми,

исчерпания экономического потенциала аграрного общества и смены его обществом индустриальным, поэтапного отказа от авторитарно-иерархического строя политической жизни и утверждения демократического строя, трансформации религиозного характера культуры в светский и секулярный, утверждения идеологии либерализма. Но догоняющая модернизация требовала одномоментной замены старых основ, норм и институтов на новые.

Отчасти это получалось в экономике, поскольку строительство завода или электростанции не замещали, а дополняли существующий уклад жизни и хозяйствования. В то же время в социальной и тем более в духовной жизни не срабатывали механизмы симбиоза традиционного и современного (самобытного и западного), не говоря уже о синтезе двух разнородных начал. Запускался механизм отторжения нового, навязываемого властью и Западом. Построение современного общества западного типа оказывалось невозможным вследствие господства в общественном сознании традиционных социальных ценностей. О заимствовании принципа демократизма арабские республиканские и монархические лидеры всерьез и не помышляли, хотя в некоторых вестернизированных странах с более развитой политической культурой отдельные демократические институты вошли в политическую жизнь. Таким образом, при проведении модернизации приходилось на ходу решать возникавшие проблемы, реализуя фактически фрагментированную модель.

Тем не менее по формальным показателям арабские страны совершили качественный скачок в своем развитии к концу XX в., когда исходная модель модернизации была использована в той мере, в какой это оказалось возможным.

Возьмем самые общие показатели: объем ВВП (млн долл.) и ВВП на душу населения (долл.) в 1974 г. и 2003 г.: Ирак – 3090 и 319, 14 950 и 594; Саудовская Аравия – 3220 и 416, 207 320 и 8 561; Сирия – 1750 и 280, 26 650 и 1 497; Йемен (Северный) – 290 и 51, 9 690 и 484; Иордания – 570 и 250, 9860 и 1 803 [*Studies*, 1975, p. 4; *Страны мира*, 2006, с. 76, 77, 83, 165, 175]. Средняя продолжительность жизни за тот же период выросла с 32–45 лет до 62 (у женщин) и 59 (у мужчин) лет в Ираке и 73 (у женщин) и 70 (у мужчин) лет в Иордании [*Страны мира*, 2006, с. 76–77]. Почти во всех арабских странах изменилась структура национального хозяйства, в нем выросла доля промышленности (преимущественно добывающей, но также и обрабатывающей), возникли основы, а в иных странах и система современной промышленной инфраструктуры. Во всех арабских странах власть начала проведение активной социальной политики, приведшее к созданию на более или менее современном уровне основ национальных систем здравоохранения и образования. Можно приводить и другие данные в подтверждение очевидности процесса постепенного размывания былой общности арабского мира: модернизация привела арабские страны к различному уровню социально-экономических показателей, и этот разрыв со временем сохранялся.

Стоит заметить, что сам по себе процесс модернизации, начинаемый и проводимый национальным государством, способствует формированию нации и ослаблению локальной и региональной идентичности и лояльности. Национализм, ставший одной из идеологий современного буржуазного общества в первой половине XIX в., также должен был проявиться в арабском мире. Правда, в отличие от нормативной модели, там формируется не «гражданская» нация с либеральной идеологией, а «этническая» нация, обладающая общим наследием и общей целью, хотя идеологические основы такой нации представляют сочетание разнородных начал.

Нефтяные монархии Аравии, имевшие небольшую численность населения, смогли в наибольшей степени использовать возможности, открываемые индустриализацией. После периода «нефтяного опьянения» от возросшего после 1973 г. потока нефтедолларов с помощью западных специалистов был введен рациональный порядок долгосрочного плани-

рования экономического развития и более рационального использования государственных инвестиций наряду с иностранными вложениями. Буквально на пустом месте была создана нефтехимическая промышленность, сумевшая добиться достойного места на мировом рынке.

Так, саудовская корпорация SABIC, созданная в 1976 г. в самом начале модернизации, спустя три десятилетия включала в себя 18 компаний в Королевстве, объем ее активов в 2007 г. составлял 256,2 млрд сауд. риалов (около 70 млрд долл.), а чистая прибыль 27 млрд сауд. риалов (более 7 млрд долл.). В совет директоров SABIC входили семь саудовцев, среди них один член королевской семьи как председатель правления. Корпорация вошла наряду с западными BASF и Lyondel Basell в тройку крупнейших производителей крупнотоннажной нефтехимии (полимеры, пластик), имеет более 45 подразделений в Азии, Европе и Америке [SABIC, 2007, p. 19, 76–83].

Развитие социальной сферы давно стало предметом гордости богатых нефтяных монархий. В ОАЭ, развивавшихся по той же капиталоизбыточной модели, в программе развития Abu Dhabi Economic Vision 2030 предусматривалось достижение экономического роста «благодаря знаниям и инновациям». Тридцать лет реформ там были потрачены не только на заимствование плодов научного и технического прогресса, но и на «воспитание талантов и креативного мышления» у коренных жителей страны в условиях мультикультурного состава населения и влияния глобализации [The Future of Education, 2014, p. 5].

В арабских странах, лишенных больших запасов углеводородов, благодаря модернизации произошла реструктуризация национальных экономик, проведена индустриализация и созданы предприятия обрабатывающей промышленности, но их продукция удовлетворяет лишь потребности внутреннего рынка. Социальные реформы проводили все власти, строили школы, появились университеты, возникла система здравоохранения. Однако эти достижения модернизации в странах с большим населением и высокими темпами его прироста в условиях постоянного дефицита инвестиций лишь усиливали социально-политическую напряженность в обществе.

К концу XX – началу XXI в. определились черты новой дифференциации арабских стран: страны модерна, в которых при сохранении традиционного социально-экономического массива ведущую роль играли индустриальная экономика и идеалы, ценности, институты современности (страны Магриба, Египет, Сирия, Ирак); страны постмодерна, в которых наступило господство современности во всех сферах жизни (нефтедобывающие страны Аравии); страны премодерна, где модернизация вызвала к жизни «очаги современности», но не смогла стать определяющим фактором в общественном развитии (Йемен, Палестинская автономия, Мавритания, Западная Сахара). Названная дифференциация определяется исходя из уровня арабского мира, хотя в регионе наличествовало общество постмодерна по западным критериям – Израиль.

О динамике продвижения арабских стран по пути модернизации свидетельствуют данные Индекса развития человеческого потенциала за 1990 и 2015 гг. Страны с очень высоким значением этого показателя: Катар – 0,754 и 0,856, Саудовская Аравия – 0,698 и 0,847, ОАЭ – 0,726 и 0,840, Бахрейн – 0,745 и 0,824; страны с высоким уровнем: Оман – ... и 0,796, Ливан – ... и 0,763, Иордания – 0,620 и 0,741; страны со средним уровнем: Египет – 0,547 и 0,691, Палестина – ... и 0,684, Ирак – 0,572 и 0,649, Сирия – 0,556 и 0,536; страны с низким уровнем – Йемен – 0,405 и 0,482 [Ближний Восток, 2018, с. 78–79].

Признанием высокого уровня развития ряда стран стало их сотрудничество в военной сфере с США. Сама по себе сделка Д. Трампа о поставках современных видов вооружения Саудовской Аравии на 20 млрд долл. могла быть осуществлена лишь потому, что модернизированные Вооруженные силы Саудовской Аравии имели достаточно квалифицированных специалистов для обслуживания этой техники. Впрочем, атака из Йемена на саудовский

НПЗ возле Эр-Рияда в сентябре 2018 г. показала предел значения технико-экономических показателей модернизации для отстаивания национальной независимости и государственности (как это случилось в Афганистане во время англо-афганских войн 1838–1842, 1878–1880, 1919 гг.).

Очевидным общим результатом модернизации стало усиление роли национального государства, которое взяло на себя функции организатора и производителя коренных социально-экономических реформ, став главным субъектом модернизации. Оно выполняло регулирующие и контролирующие функции исходя из целей, поставленных им же в пятилетних планах развития. Власть прямо влияла на развитие частного сектора, сдерживая или поощряя формирование национальной буржуазии и нового образованного класса, не сумевших стать равнозначным субъектом процесса модернизации. Государство наряду с частным сектором выступало партнером западного капитала. Наконец, оно стремилось сохранить контроль над общественно-политической жизнью, поскольку индустриализации вовсе не сопутствовало «нормативное» развитие демократизма по западным нормам. Альтернативы государству – в отличие от западной модели – не возникло.

Эта иная природа арабской государственности, усиленная за десятилетия модернизации, проявилась в политической жизни арабских стран в виде сохранения авторитарных режимов с разной формой государственного устройства. отождествление режимами себя с государством и представление (отчасти справедливое) о себе как о гаранте развития стали одними из негативных результатов модернизации и поводом к взрыву Арабской весны.

Таким образом, наряду с безусловно положительными процессами, принесшими благо миллионам жителей арабских стран, модернизация обострила старые и вызвала к жизни новые противоречия и конфликты. Общество в целом осознавало свой переход к новому качеству, стремилось обрести новый баланс сил, создать заново ту органическую целостность, которой оно лишилось в процессе своей трансформации. Это было возможно и мирным путем, как произошло в капиталоизбыточных странах Аравии. В другой части арабского мира, лишенной ресурсов для смягчения социальных перемен, конфликт переходности мог быть разрешен лишь с использованием насилия.

ПРОБЛЕМЫ И КОНФЛИКТЫ, ПОРОЖДЕННЫЕ МОДЕРНИЗАЦИЕЙ

В 2011 г. назревшие противоречия модернизации, порожденные ею конфликты и нерешенные проблемы выплеснулись наружу. Эти вызовы были обусловлены прежде всего внутренними причинами. Фрагментация проявилась в странах региона и как состояние самих социумов, в которых в процессе симбиоза сочетались разнопорядковые уклады жизни и хозяйствования, конфликтующие ценности и идеи, и как процесс общественного развития, в котором переплелись разнородные социально-политические течения, подчас испытывающие внешние воздействия.

Конфликты разгорались в сфере общественной жизни, потому что в области экономики традиционные начала были настолько слабы, что не могли сопротивляться индустриальному хозяйству. Иное дело – нематериальная сфера – сознание, память и поведение больших масс людей, которым предлагалось принять иную жизнь взамен собственной, чего они не желали. Но плодом модернизации стал и конфликт иного рода, стремление отдельных слоев и групп людей реализовать в национальной политической жизни те демократические ценности и тот принцип демократизма, о котором они узнали из западной модели.

Для завершения формирования целостной капиталистической системы требовалось после формирования основ капиталистической экономики создать базу демократического общества с присущими ему институтами, правами и нормами. С точки зрения формальной

логики все вроде бы так и происходило, основы индустриальной экономики наличествовали в регионе и были включены в мировое хозяйство, но события на Ближнем Востоке весной 2011 г. явно вышли за рамки названной схемы.

В ходе догоняющей модернизации развитие шло неравномерно. Асинхронно протекали процессы экономического, социального и культурного развития. Заимствование новой техники и хозяйственных отношений в силу очевидной выгоды всегда опережало развитие иных сфер. В то же время в них не просто сохранялись, а закреплялись элементы многоукладности, что еще больше лишало восточное общество органической целостности. В начале XXI в. усилились как деструктивные, так и конструктивные процессы в модернизирующихся обществах, однако старые основы пошатнулись, а новые еще не установились. Привычное холистическое восприятие жизни исчезло, целостная картина мира уступила место причудливой мозаике. Рецепция модернизации происходила выборочно в разных слоях арабского общества, тем более что в условиях глобализации слабеет сама структура основных принципов, на которых до сих пор стояли государства, общины людей и отдельные семьи, разрушаются системы подчинения властям и верности традиционным ценностям. Между тем поиски новой лояльности идут не только в западной модели, но и в собственном прошлом. Ведь «каток модернизации» не раздавил полностью цивилизационные национально-самобытные начала арабского общества. Социально-экономическая модернизация не обернулась полной духовной или культурной вестернизацией, т.е. вытеснением традиции современностью в нематериальной жизни, но отдельные политические ценности западной модели вошли в сознание людей, усиливая социально-политический раскол в обществе. Требование политических перемен опередило завершение третьего этапа реформ.

Главной социальной силой событий в Тунисе, Египте и ряде других арабских стран весной 2011 г. стало сочетание больших масс образованной молодежи, лишенной жизненных перспектив, и миллионов простых жителей, оказавшихся ниже уровня бедности. Они стали основой движения социально-политического протеста против власти. Выделялось немало поводов этого социального взрыва начиная с акта самосожжения Мухаммада Буазизи 17 декабря 2010 г. в Тунисе или Абдель Мунима Камала 17 января 2011 г. в Каире. За десять лет были выявлены основные причины массового недовольства, прежде всего, замедление политических реформ, сохранение режима чрезвычайного положения, коррупция и т.п. [см.: *Ближний Восток*, 2012]. Существовавший баланс социально-политических сил был поколеблен, а власть не хотела или не могла установить новый. Вероятно, именно усталость от старого режима, точнее, от сложившихся правящих и господствующих династий, двигала молодыми людьми с вестернизированным мировоззрением, видевшими альтернативу существующим режимам в некоей арабизированной вестминстерской модели демократии, которой никогда не существовало.

Арабская весна вывела на поверхность назревший кризис всей модернизированной социально-экономической системы, в которой потенциал традиционализма оказался не слабее потенциала современности. Опыт Ирана в 1970-е гг. показал, что по мере прохождения волн модернизации и постепенного улучшения материального положения широких слоев населения в массовом сознании обществ, принадлежащих к незападной цивилизации, возникает некая альтернатива существующему политическому строю, которая меняет соотношение традиции и современности.

Парадоксально, но догоняющая модернизация в арабском обществе возрождала и усиливала традицию, к которой власть была вынуждена адаптироваться. Более успешные результаты показали страны, в минимальной степени испытывавшие воздействие вестернизации, – нефтяные монархии Аравии. Их пример показывает, что не только материальный

фактор – нефтедоллары, которыми обладал и Алжир – способствует в ходе модернизации смягчению симбиоза традиции и современности. На это влияет и большая степень органической целостности общества, отмечавшаяся к началу кардинальных преобразований, а также инерция социума, жившего традиционными ценностями.

В успешно модернизированной Саудовской Аравии, тем не менее, в 2011 г. появились «заявление 23 февраля» и «заявление 123-х университетских преподавателей» от 27 февраля, в которых более 100 известных саудовцев, включая деятелей науки, культуры и делового мира, призвали к установлению конституционной монархии, формированию избираемого (а не назначаемого) парламента, т.е. организации общественно-политической жизни в Королевстве по принципам демократизма. По сути, это был призыв к завершению реформ (четвертого этапа *реформы системы*). Дальше либеральных реформаторов пошли радикалы-исламисты, призвавшие 11 марта выйти на улицы и «совершить джихад на пути Господа». В ответ в начале марта 2011 г. власти запретили проведение любых акций протеста, а высшие улама поддержали правительство. Спешно вернувшийся в страну король Абдалла 18 марта обратился к народу с обращением, в котором огласил новые меры по улучшению социально-экономического положения больших масс населения. В их числе – повышение минимальной заработной платы в госсекторе до 3 тыс. риалов (800 долл.), установление пособия по безработице в размере 2 тыс. риалов (533 долл.), создание 60 тыс. новых рабочих мест только в системе МВД, увеличение размера кредитов на строительство или покупку жилья с 300 до 500 тыс. риалов (80 и 133 тыс. долл.) и другие меры в сферах здравоохранения и образования. Король Абдалла заявил также о начале нового этапа политики «широкого национального диалога» для «блага отечества» [*Ближний Восток*, 2012, с. 357–358; Дударев, 2015, с. 40]. Политика «кнута и пряника» вполне оправдала себя. Авторитет власти и лично короля Абдаллы не был поколеблен.

Пример Аравии как раз показывает, что было бы неверно отождествлять «реформу системы» с вестернизацией, модернизация не отменяет традицию, а если нарушается их баланс, общество переживает серьезный кризис. Примеры саудовского королевства, ОАЭ, Катара и Кувейта показывают, что проведение политики реформ и нефтедолларов, даже при сохранении традиционной племенной иерархии и существующих семейных династий, может способствовать устойчивости общественного развития и завершению модернизации. Можно предположить, что в данном случае процесс симбиоза переходит в процесс синтеза разнородных начал и формирования «аравийской модели» современного общества.

На первый взгляд, такого же рода параметры развития наличествовали в Ливии. Однако там процессу модернизации помешало вмешательство могущественного внешнего фактора – Запада. Он нарушил шаткий баланс общественных сил, и неподавленная до конца архаика вырвалась на поверхность. Такой возможности не предполагали на Западе, где преобладало убеждение, что в ходе модернизации «мы создаем нашу собственную реальность» [Fuller, 2010, p. 6], соответствующую западной модели. Между тем М. Каддафи в ходе проводимой им модернизации для построения национального современного государства стремился сочетать индустриализацию и социальное развитие с социально-политической архаикой, используя жесткую узду авторитарного режима. Но, по характеристике А.З. Егорина, «сразу после поражения верных Каддафи сил лагерь победителей оказался расколот, причем сразу по нескольким принципам: идеологическому, территориальному и племенному» [*Ближний Восток*, 2012, с. 239]. Страна при активном участии внешних сил вернулась в состояние премодерна.

Сходным образом кончилась иная попытка построения национального государства путем модернизации в Йемене, лишенного по воле судьбы спасительных нефтедолларов. Там за несколько десятилетий общество также не обрело внутреннего единства, а раскололось по территориальному, племенному и религиозному принципам, которые не были изжиты

в силу слабости процессов модернизации, лишенных внутреннего потенциала и внешней подпитки. От западной модели были восприняты некоторые идеи, ценности и практики, но они не обрели почвы для укоренения в отсутствие глубоких социально-экономических реформ. По оценке С.Н. Сереброва, в политической жизни имела место «фрагментарность и отсутствие единства среди сил, выступавших за трансформацию политической системы Йемена в русле модернизации», что привело к актуализации «хусизмом религиозного подхода» к будущему [*Ближний Восток*, 2019, с. 303, 309]. В общественной жизни утверждались ценности архаики. В региональном масштабе очевидным свидетельством этого стало появление проекта террористического «Исламского государства»¹, обращение к мифологизированной традиции как парадоксальное порождение модернизации.

Высокая степень неустойчивости, подвижности и неопределенности общественного развития, проявившаяся в ходе Арабской весны, как раз и стала показателем глубоких внутренних противоречий в арабском обществе, конфликта таких порожденных модернизацией антагонистических начал, которые не могут в существующем виде сочетаться друг с другом: достижения технологической революции и натуральное хозяйство, выпускник американского технологического института и неграмотный овцевод, принцип демократизма в политической жизни и племенная лояльность, либеральные ценности и патриархальные нормы жизни... Впереди долгий путь насилия и компромиссов, пока станет возможным перейти от симбиоза к синтезу.

Таким образом, можно констатировать, что Арабская весна 2011 г. послужила своеобразным триггером, ускорившим протекавшие в арабском мире процессы завершения третьего и четвертого этапов догоняющей модернизации с результатом, далеко не совпадающим с исходной западной моделью, что способствовало более ясной дифференциации арабских стран по разным критериям: экономическим, социальным и политическим. Вот почему, исходя из того уровня модернизации, которого они достигли на рубеже веков, в них идут процессы переформатирования национального государства, формирования нового социума, а также реорганизация национального хозяйства на новых основах, выработка новой политической системы и определение своего места в новой конфигурации международных отношений в регионе и в мире.

Предстоящий арабским странам в XXI в. период развития будет существенно отличаться не только по внешним проявлениям, что неизбежно в условиях современного мира, переживающего Четвертую промышленную революцию. В XX в. арабские страны вольно и невольно встали на путь догоняющей модернизации, имея в качестве нормативного образца западную модель современного индустриального общества. В настоящее время такая модель нигде не реализована (если не сводить всю жизнь общества к материальным продуктам технического прогресса), но есть варианты современного общества на Востоке: китайский, иранский, турецкий и др. Перед арабскими странами встает задача осуществления *модернизации развития*, цель которой будет определяться уже не только с учетом важности устойчивого развития, но и самобытной архаики, прежде всего, с учетом интересов национального государства и капитала для построения *сталагмитового* демократического капитализма, при котором арабское общество обретет новый баланс сил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Александров И.А. *Монархии Персидского залива: этап модернизации*. М.: Слово и дело, 2000.
[Alexandrov I.A. *The Monarchy of Persian Gulf: the Phase of Modernization*. Moscow: Slovo i delo, 2000 (in Russian)].

¹ Террористическая организация, запрещенная в России.

Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Под ред. В.В. Наумкина, В.В. Попова, В.А. Кузнецова. М.: ИВ РАН, 2012 [*The Middle East, the Arab Awakening and Russia: What Will Be Next?* Eds. Naumkin V.V., Popov V.V., Kuznetsov V.A. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2012 (in Russian)].

Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. Под ред. В.Г. Барановского, В.В. Наумкина. М.: ИВ РАН, 2018 [*The Middle East in the Changing Global Context.* Eds. Baranovsky V.G., Naumkin V.V. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2018 (in Russian)].

Ближний Восток в поисках политического будущего. Под ред. В.Г. Барановского, В.В. Наумкина. М.: ИВ РАН, 2019 [*The Middle East in Search of a Political Future.* Eds. Baranovsky V.G., Naumkin V.V. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2019 (in Russian)].

Дударев К.П. *Саудовская Аравия. XXI век на родине ислама: от «всемирной бензоколонки» к «лаборатории инноваций и совершенства».* М.: Недра, 2015 [Dudarev K.P. *Saudi Arabia. 21st Century in the Homeland of Islam: from the "World's Gas Station" to the "Laboratory of Innovation and Perfection"*. Moscow: Nedra, 2015 (in Russian)].

Заостровцев А. *Пolemика о модернизации: общая дорога или особые пути?* СПб.: Европейский университет, 2020 [Zaostrovtshev A. *The Polemic about Modernization: General or Special Ways?* St. Petersburg: European University, 2020 (in Russian)].

Косач Г.Г. *Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ».* М.: Институт Ближнего Востока, 2007 [Kosach G.G. *The Saudi Arabia: Intrapolitical Process of "Phase of Reforms"*. Moscow: Institute of the Middle East, 2007 (in Russian)].

Обзорный доклад о модернизации в мире и в Китае (2001-2010). Под ред. Хэ Чуаньци. М.: Весь мир, 2011 [*China Modernization Report Outlook (2001-2010).* Ed. by Chuanqi He. Moscow: Ves' Mir, 2011 (in Russian)].

Побережников И.В. *Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации.* М.: РОССПЭН, 2006 [Poberezhnikov I.V. *The Transition from Traditional to Industrial Society: Theoretical Problems of Modernization.* Moscow: ROSSPEN, 2006 (in Russian)].

Реконструкция мировой и региональной истории. От универсализма к модели межкультурного диалога. Под ред. Л.И. Репиной. М.: Аквилон, 2017 [*The Reconstruction of the World and Regional History.* Ed. by L.I. Repina. Moscow: Akvilon, 2017 (in Russian)].

Семенов Ю.И. *Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней.* М.: Современные тетради, 2003 [Semenov U.I. *The Historical Philosophy.* Moscow: Sovremennye tetradi, 2003 (in Russian)].

Страны мира. 2005. Статистический справочник ООН. М.: Весь мир, 2006 [*Countries of the World. 2005. United Nations Statistical Handbook.* Moscow: Ves' Mir, 2006 (in Russian)].

Теория и методология истории. Под ред. В.В. Алексеева, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Л.Е. Гринина. Волгоград: Учитель, 2014 [*The Theory and Methodology of History.* Ed. by V.V. Alexeev, N.N. Kradin, A.V. Korotaev, L.E. Gridin. Volgograd: Uchitel, 2014 (in Russian)].

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. Под ред. Л.И. Рейснера, Н.А. Симония. М.: ГРВЛ, 1984 [*The Evolution of Eastern Societies: the Synthesis of Tradition and Modernity.* Ed. by L.I. Reysner, N.A. Simoniya. Moscow: GRVL, 1984 (in Russian)].

Яковлев А.И. *Фейсал – король-реформатор.* М.: РЦСМИ, 1999 [Yakovlev A.I. *Faisal – the King-reformer.* Moscow: RSSMI, 1999 (in Russian)].

Яковлев А.И. *Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX–XX веках.* М.: Восточный университет, 2006 [Yakovlev A.I. *Studies in Modernization Eastern and Western Countries in the 19th and 20th Centuries.* Moscow: Vostochny universitet, 2006 (in Russian)].

Яковлев А.И. *Страны Востока в эпоху глобализации: синтез традиционного и современного.* М.: ИВ РАН, 2015 [Yakovlev A.I. *Countries of the East in the Globalization Era: Synthesis of Tradition and Modernity.* Moscow: IOS RAS, 2015 (in Russian)].

- Rostow W.W. *The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*. Cambridge, 1960.
- Black C.E. *The Dynamics of Modernization: A Study of Comparative History*. N.Y., 1966.
- Eisenstadt S.H. *Tradition, Change and Modernity*. N.Y.– London, 1973.
- Al-Farsy F. *Modernity and Tradition. The Saudi Equation*. N.Y.– London, 1990.
- Fuller G.E. *A World without Islam*. New York – London: Little, Brown and Company, 2010.
- The Future of Education in UAE. Innovation and Knowledge Production*. Abu Dhabi: Emirates Center for Strategic Studies and Research, 2014.
- Huntington S.P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, 1968.
- King Faisal and Modernization of Saudi Arabia*. London, 1980.
- Lerner D. *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. N.Y.–London, 1965.
- SABIC. Report and Accounts 2007*. Riyadh: SABIC, 2007.
- Studies on Development Problems in Countries of Western Asia. 1974*. New York: United Nations, 1975.
- O’Sullivan E. *The New Gulf. How Modern Arabia is Changing the World for Good*. Dubai-Abu-Dhabi–London, 2008.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЯКОВЛЕВ Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Alexander I. YAKOVLEV, DSc (History), Professor, Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014800-7

ВТОРАЯ ВОЛНА АРАБСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ ЗАШЛА В ТУПИК

© 2021

Н.Ю. СУРКОВ ^a^a – ИМЭМО РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-7185-7990; nsurkov@imemo.ru

Резюме: В данной статье анализируются особенности второй волны массовых протестов в арабском мире, которую также иногда называют Арабской весной 2.0. На примере трех стран (Алжира, Ирака, Судана) предпринимается попытка выявить факторы, от которых зависит успех/неуспех так называемых народных революций. Автор рассматривает роль следующих факторов: позиция военных, состояние и уровень активности гражданского общества, поведение элит, воздействие внешних сил. Разбор кейсов Алжира и Ирака позволил установить, что в условиях нового витка протестов в арабских странах часто наблюдается неспособность гражданского общества к необходимой самоорганизации, что при пассивности внешних сил приводит к «мертворожденным» революциям. В Алжире массовые многомесячные протесты обернулись лишь косметическими изменениями, поскольку оппозиция не сформулировала позитивную программу и не выдвинула из своей среды лидеров, способных вести переговоры со старой элитой. В Ираке тоже отсутствует необходимая для успешной смены власти контрэлита, протестующая молодежь не имеет общего видения будущего страны, власти активно применяют насилие, а внешние игроки пассивны или поддерживают правительство. Сочетание факторов делает политический транзит в Ираке маловероятным, но там сохраняются условия для перманентной «революционной ситуации». Кейс Судана – это пример успеха народной революции. Он продемонстрировал, что хорошо организованное гражданское общество при активной внешней поддержке способно добиться смены режима. Однако процесс демократического транзита в этой стране оказался под угрозой из-за неспособности новых лидеров взять под контроль силовиков, обеспечить проведение необходимых реформ и создать новые эффективные институты. Автор приходит к выводу о том, что в большинстве арабских государств пока нет сил, способных конкурировать с авторитарными режимами, поскольку для их появления требуются время и ресурсы. Следовательно, процесс трансформации стран региона растянется на 30–40 лет, а в настоящее время наблюдается лишь его начальная фаза.

Ключевые слова: Арабская весна, демократизация, Алжир, Ирак, Судан, протесты.

Для цитирования: Сурков Н.Ю. Вторая волна арабских революций зашла в тупик. Восток (Oriens). 2021. № 3. С. 29–42. DOI: 10.31857/S086919080014800-7

THE SECOND WAVE OF ARAB REVOLUTIONS REACHED AN IMPASSE

© 2021

Nikolay Y. SURKOV ^a^a – IMEMO RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7185-7990; nsurkov@imemo.ru

Abstract: *This article deals with the distinctive features of the second wave of mass protests in the Arab world, which is also sometimes called the Arab Spring 2.0. By analyzing the experience of three countries (Algeria, Iraq, Sudan) the author attempts to identify the factors which determine the success or failure of the popular revolutions. The author examines the role of the following factors: the position of the military, the level of activity of civil society, the behavior of the elites, the impact of external forces. The cases of Algeria and Iraq demonstrate that the inability of civil society to self-organize and the passivity of external forces lead to the so-called “stillborn” revolutions. In Algeria, protests led to only cosmetic changes, since the opposition did not formulate a positive program and did not nominate leaders to negotiate with the old elite. Iraq also lacks the counter-elite necessary for a transition, protesting youth do not have a common vision of the country’s future, the authorities actively use violence, and external players are passive or support the government. The Sudanese case is an example of a successful popular revolution. It demonstrated that a well-organized civil society, with active external support, can initiate regime change. However, transition in this country is threatened due to the inability of the new leaders to reign in the security forces, implement the reforms and create new institutions. The author comes to the conclusion that in the majority of Arab states there are still no forces capable of competing with authoritarian regimes, because their emergence takes time and resources.*

Keywords: Arab Spring, democratization, Algeria, Iraq, Sudan, protests.

For citation: Surkov N.Y. The Second Wave of Arab Revolutions Reached an Impasse. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 29–42. DOI: 10.31857/S086919080014800-7

Пандемия коронавируса отодвинула на второй план новостной повестки массовые социальные протесты в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки. Однако причины для массового недовольства, спровоцировавшие революционный всплеск 2011 г., нигде не исчезли, и с 2019 г. наблюдатели заговорили о второй волне так называемой Арабской весны. Правительства большинства арабских стран не использовали возникшую паузу, чтобы провести необходимые политические и структурные экономические реформы. В результате за время, прошедшее с 2011 г., социально-экономические проблемы региона (бедность, безработица, неэффективное использование государственных средств) только усугубились [Мельянцев, 2020, с. 211]. Причем в 2019 г. кризис затронул и некоторые нефтедобывающие страны (Алжир, Ирак). Из-за продолжающегося снижения уровня жизни страх населения перед возможным хаосом ослабевает, что сильно отражается на внутривнутриполитической ситуации. В перспективе Арабская весна 2.0 может охватить от четырех до шести стран: в Алжире, Ираке, Ливане, Судане протесты уже начались, а в Иордании и Египте ситуация балансирует на грани. В этой связи представляется актуальным разобраться в особенностях второй протестной волны и понять, какие факторы определяют результат массовых выступлений.

Данная работа построена на разборе трех кейсов – Алжира, Ирака и Судана. Эти страны относительно безболезненно пережили события 2011 г. Кроме того, кейсы Алжира и Ирака интересны тем, что для обеих стран важна нефтяная рента. Судан, в свою очередь, служит примером страны, где антирежимные протесты достигли цели. При анализе используется описанный в предыдущих работах автора подход, в рамках которого рассматриваются четыре основных фактора успеха/неуспеха народных революций: позиция силовиков, состояние гражданского общества, поведение элит, воздействие внешних сил [Сурков, 2019].

Следует отметить, что вторая волна внутренней нестабильности и социальных протестов в арабском мире как некое явление регионального масштаба еще не получила большого

освещения в научных публикациях российских авторов. Вместе с тем К.М. Труевцев в своей статье указал на характерные особенности нового всплеска протестной активности: неприятие политической элиты, косметических реформ и исламизма [Труевцев, 2020, с. 104]. Не очень много русскоязычных публикаций и по конкретным странам. Так, анализу современной ситуации в Алжире посвящены монография С.Э. Бабкина, статьи В.А. Кузнецова, Н.А. Жерлицыной, М.А. Володиной, впрочем, последние два автора пишут больше о причинах кризиса, а не о его последствиях. Об особенностях политического развития Ирака и причинах активизации протестного движения писали Р.Ш. Мамедов и П.А. Шишлин. При этом автору не удалось обнаружить русскоязычных научных публикаций, в которых бы обстоятельно анализировалась народная революция в Судане. Последнее не является основной целью данной статьи, но отчасти определяет ее научную новизну.

ОСОБЕННОСТИ НОВОГО ВИТКА АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

Для нового витка протестной активности характерно то, что протестующие учли ошибки предыдущей революционной волны. Они не просто добиваются отставки авторитарных лидеров, а ставят более масштабные цели – отстранение от власти прежних элит и полное обновление политических систем. Демонстранты больше не доверяют традиционным оппозиционным партиям, поскольку те либо сотрудничают с режимами, либо с высокой вероятностью попытаются узурпировать власть, «украсть революцию», как это сделали исламисты «Братья-мусульмане» в Египте после свержения Хосни Мубарака в 2011 г. В новых протестах основную роль играет гражданское общество – профсоюзы, молодежные организации, которые становятся организующей силой.

Протесты второй волны в основном носят подчеркнуто мирный характер. Люди не хотят гражданских войн, повторения ливийского или сирийского сценария. Даже в случае применения насилия со стороны властей, как в Ираке или Судане, демонстранты стараются проявлять сдержанность. Протестующие также старательно избегают религиозных лозунгов, справедливо опасаясь конфессиональных конфликтов, и не допускают в свои ряды исламистов. В этой связи можно надеяться, что Арабская весна 2.0 уже не станет шансом для исламистских партий.

Еще одной характерной особенностью второй протестной волны в арабском мире является нежелание военных участвовать в подавлении народных выступлений. В частности, в Алжире значительная часть армии, особенно молодые офицеры, поддерживали демонстрантов в ходе протестов 2019 г. В Ираке часть силовиков тоже сочувствовала протестующей молодежи и в ряде случаев полицейские даже защищали демонстрантов от проиранских вооруженных формирований, задействованных для разгона. Это, с одной стороны, мешает правительствам использовать тактику репрессий и «утопить в крови» протесты (отсюда их затяжной характер), а с другой – создает угрозу раскола не только в обществе, но и в вооруженных силах, что чревато новыми гражданскими войнами в регионе.

Для второй волны характерно то, что протестные движения не могут добиться институализации и обеспечить выработку позитивной повестки (конкретных программ преобразований). В результате образуется опасный вакуум: старые режимы переживают кризис и постепенно теряют контроль над ситуацией, а новые не могут сформироваться. Такое развитие событий способно привести к хаосу. Более-менее прочные режимы не спешат с силовыми контрмерами (которые, как отмечалось выше, чреваты недовольством армии), а занимают выжидательную позицию, рассчитывая, что протестные движения не сумеют самоорганизоваться и сами собой пойдут на спад. Страны оказываются в

состоянии политической неопределенности, что может еще больше усугубить социально-экономические кризисы.

Впрочем, в рамках второй протестной волны наблюдаются и позитивные моменты. Как представляется, страны региона и западные державы сделали определенные выводы по итогам событий 2011 г. и последовавших за ними конфликтов. Они, как правило, не спешат поддерживать в охваченных протестами странах оппозиционные движения или вооруженные группировки, чтобы не спровоцировать коллапс и без того хрупкой государственности. Это дает осторожную надежду, что удастся избежать новых гражданских войн.

Чтобы лучше разобраться в особенностях второй волны арабской демократизации, целесообразно обратиться к конкретным примерам и проанализировать, как протестная активность развивается в отдельных странах региона.

АЛЖИР: ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТУПИКЕ

Наиболее интересным кейсом из числа доступных для изучения является Алжир. Эта страна Северной Африки относительно благополучно пережила Арабскую весну 2011 г., несмотря на имевшие место вспышки протестной активности. Однако дальнейшие события показали, что речь шла о своего рода «отложенной» революции.

Начавшиеся в 2019 г. в Алжире массовые протесты против переизбрания на очередной президентский срок престарелого и фактически недееспособного Абдельазиза Бутефлики стали результатом напряжения, которое копилось в обществе еще с 2009 г. Социальная стабильность страны десятилетиями базировалась на нефтяной ренте и революционной легитимности режима [Жерлицына, 2019, с. 21]. Однако к 2019 г. в Алжире наблюдались одновременно и кризис легитимности власти, и финансовая нестабильность.

В случае Алжира под революционной легитимностью понимается позиционирование руководителей страны как борцов за независимость от Франции еще в 50–60-е гг XX в. Все президенты страны были хотя бы формально ветеранами освободительной борьбы, что в условиях XXI в. неизбежно привело к почти карикатурной геронтократии, в рамках которой тяжело больной президент становился марионеткой в руках коррумпированного окружения. Эти обстоятельства не способствовали популярности власти в глазах стремительно молодеющего общества [Жерлицына, 2019, с. 20].

На политические проблемы накладывались социально-экономические трудности. К 2020 г. только 26% граждан страны считали экономическую ситуацию в Алжире хорошей [Volk, 2021, p. 12]. Из-за быстрого роста населения и снижения мировых цен на нефть алжирскому государству в 2010-х гг. было все сложнее выполнять социальный контракт. По оценкам некоторых алжирских экономистов, стране нужна цена 90 долл. за баррель нефти, чтобы иметь комфортный бюджетный разрыв. Углеводороды обеспечивали около 90% экспортной выручки и 60% доходов госбюджета [Володина, 2019, с. 82]. Чтобы компенсировать падение мировых цен на энергоносители правительству пришлось тратить валютные резервы. В результате за период с 2014 по 2018 гг. они сократились со 178 млрд долл. (в декабре 2014 г.) до 90 млрд долл. (по состоянию на май 2018 г.), а к 2021 г., по прогнозам алжирского Министерства финансов, они должны упасть до 33,8 млрд долл. [Ghanmi, 2018].

Параллельно усугублялись другие экономические проблемы: быстро росли цены на все виды потребительских товаров; очень подорожала недвижимость, особенно в столице. Неэффективная система госсубсидий не решала социальных проблем, но оставалась бременем для бюджета. Попытки государственного регулирования цен приводили к тому, что в Алжире процветал черный рынок, в том числе валюты и продуктов питания. Наблюдатели

отмечали низкий уровень зарплат, даже в силовых ведомствах. Так, по свидетельствам наблюдателей, к 2019 г. в столице месячная зарплата рядового сотрудника полиции была приблизительно равна стоимости аренды малогабаритной квартиры. На этом фоне острое недовольство населения вызывала одержимость властей дорогостоящими «взяткоемкими» мегапроектами.

Одной из главных социальных проблем оставалась безработица, особенно среди молодежи. По состоянию на 2019 г., около трети молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет не имели работы [Володина, 2019, с. 82]. Для изменения ситуации в лучшую сторону было необходимо развитие производств, однако из-за политической неопределенности и коррупции иностранные инвесторы не спешили вкладывать средства в проекты в Алжире. По данным МВФ, после резкого провала в 2015 г. ежегодный приток прямых иностранных инвестиций постепенно падал, достигнув к 2019 г. 1,382 млрд долл. [Foreign direct investment, 2020]. Это стало еще одним поводом для недовольства. Социальные лифты не работали, поэтому образованная молодежь стремилась эмигрировать. В результате очень серьезной проблемой для Алжира стала «утечка мозгов» и нехватка квалифицированных кадров. Врачи и инженеры массово уезжали за границу, поэтому к 2019 г. не доставало специалистов даже для государственной нефтяной компании Sonatrach.

Население страны устало от несменяемости власти и институализированной коррупции, когда окружение главы государства превратилось в мафию, собирающую дань с бизнеса и разворовывающую бюджетные средства. По данным социологических опросов, подавляющее большинство граждан оценивало уровень коррупции в стране как «очень высокий». Триггером для резкого всплеска протестной активности в 2019 г. стала попытка организовать переизбрание А. Бутефлики на пятый президентский срок. На волне массовых уличных выступлений Бутефлика ушел в отставку, которую приветствовали свыше 90% населения страны [Grewal et al., 2019, p. 7]. Примечательно, что с уходом Бутефлики протесты не прекратились. Быстро выяснилось, что алжирцев перестал устраивать старый (установившийся после гражданской войны 1990-х годов) социальный контракт – стабильность в обмен на фактическую передачу власти в руки силовиков. Протестное движение, известное как Хирак, не удовлетворилось уходом с политической арены Бутефлики и связанных с ним лиц и стало добиваться перестройки всей политической системы. Согласно данным опросов, в 2019 г. 82% участников протестного движения ратовали за полную смену режима [Grewal et al., 2019, p. 7]. Главным лозунгом протестующей молодежи стал слоган: «Все они должны уйти!»

Как отмечалось выше, до последнего времени руководство Алжира составляли ветераны войны за независимость. Однако это уже очень пожилые люди, которые перешагнули 80-летний рубеж и стали физически не способны справляться со своими обязанностями. Для многих алжирцев физическое старение руководства страны стало символом упадка режима. Более того, против правящей верхушки выступили некоторые ветераны борьбы за независимость, заклеившие нынешних политиков как «примазавшихся» [Nickels, 2019].

После ухода с политической арены Бутефлики Хирак не прекратил борьбу и вступил в противостояние с генералитетом, который объединился с частью бюрократической элиты и фактически взял на себя управление страной. Креатурой генералитета стал 74-летний президент Абдельмаджид Теббун, который не снискал популярности в обществе. При этом алжирские наблюдатели отмечают, что молодые образованные армейские офицеры зачастую разделяют недовольство общества и негативно относятся к высшему военному руководству, считая его коррумпированным. По словам алжирских собеседников автора, многие офицеры и рядовой состав в апреле 2019 г. отказались «стрелять в народ». Именно поэтому генералам не удалось повторить сценарий 1988 г. и силой подавить протесты.

Оппозиция в лице Хирака не готова мириться с правлением военных, но даже спустя два года после начала протестов она так и не определилась с программой реформ. Ситуацию осложнил тот факт, что протестное движение намеренно не сотрудничало с политическими партиями, поскольку все они так или иначе связаны с режимом. Отмечался всплеск политической активности в вузах, где профессура выступала с проектами преобразований, однако это не привело к появлению внятной программы действий. Параллельно Хирак прилагал значительные усилия, чтобы не допускать в свои ряды исламистов и не давать властям поводов для репрессий.

Начавшаяся в марте 2020 г. пандемия коронавируса вынудила Хирак свернуть уличные протесты [Бабкин, 2020, с. 193]. На этом фоне 1 ноября 2020 г. в Алжире при рекордно низкой явке в 23,7% [France24, 2020] состоялся референдум по новой конституции, которая предполагает перераспределение властных полномочий в пользу премьер-министра и парламента. Представители правящей партии настаивали на том, что новая конституция отражает чаяния протестующих, а ее принятие приведет к восстановлению национального согласия [Daily Sabah, 2020]. Впрочем, сами оппозиционеры так не считали и заявили, что намерены добиваться смены политической элиты.

Чтобы понять перспективы демократического транзита в Алжире, следует проанализировать влияние следующих факторов – роль вооруженных сил, влияние элит, гражданского общества и внешних сил [Сурков, 2019].

В Алжире вооруженные силы являются одним из самых авторитетных государственных институтов. Влияние военных объясняется в первую очередь тем фактом, что независимость была достигнута в результате длительной антиколониальной борьбы, а в дальнейшем именно армия стала источником кадров для гражданских структур. Алжирские военные традиционно видели себя в роли «стражей революции» и гарантов внутривластной стабильности [Жерлицина, 2019, с. 21]. Имеются примеры их открытого вмешательства в политику в 1988 и 1992 гг. для подавления протестов и отстранения от власти исламистов, победивших на парламентских выборах.

Влияние армии неизбежно выросло в ходе гражданской войны 1992–1999 гг. Позже, в 2010-е гг., на политической арене появились и другие игроки – крупный бизнес и высшая бюрократия, недовольные опекой со стороны военных [Кузнецов, 2018, с. 16]. Тем не менее накануне Арабской весны 2011 г., по оценкам ряда западных наблюдателей, реальная власть в стране принадлежала 10–15 генералам, которые также контролировали ключевые сектора экономики, в том числе добычу нефти и газа [Philipp, Kimball, 2019]. По состоянию на осень 2020 г. алжирский генералитет не проявлял готовности идти на реальные уступки оппозиции и пытался де-факто сохранить власть, создав себе гражданский фасад за счет избрания главой государства Абдельмаджидом Теббуна.

Что касается гражданских элит, то после прихода к власти президент Теббун не тронул никого из высшей бюрократии – губернаторов провинций, послов, судей, министров и т.п. Среди алжирской политической элиты наблюдается определенное единение: олигархи, высшая бюрократия, лидеры политических партий и парламентарии – все сплотились против Хирака. Показательно, что власти проигнорировали требования Хирака о созыве Национального учредительного собрания для выработки новой конституции. Ситуацию усугубило то, что в Алжире нет оппозиционных партий и контрэлиты, которая в условиях массовых протестов могла бы вступить в переговоры с властями.

На фоне противодействия со стороны элит гражданское общество стало главной движущей силой демократизации. Хирак объединил несколько поколений алжирцев, а в стране возникло неподконтрольное властям политическое пространство. Протестующие не идут на сотрудничество ни с существующими партиями, ни с государственными профсоюзами,

ни с официальным духовенством. В протестном движении заметную роль играют независимые профсоюзы (госслужащих, студентов, безработных). К Хираку также присоединились местные правозащитники. Наблюдатели отмечают, что резко выросли масштабы политического участия, поскольку Хирак создал необходимые альтернативные механизмы. Впрочем, Хирак пока не может предложить людям механизмов транзита или четкую программу преобразований. Есть только механизмы протеста, а этого мало для успешного транзита.

Внешнее влияние на события в Алжире остается незначительным, несмотря на географическую близость страны к Европе и наличие там многочисленной алжирской диаспоры. Одной из причин такой пассивности может быть негативный опыт Арабской весны. Власти европейских государств, особенно юга Европы, опасаются, что масштабная дестабилизация в Алжире приведет к новым потокам нелегальных мигрантов, поэтому они не спешат поддерживать протестное движение. Страны Персидского залива, которые оказывали заметное влияние на события в Ливии и Сирии, теоретически могут обеспечить поддержку различным религиозным группировкам (местным салафитам или «Братьям-мусульманам»), однако эти силы фактически вытеснены из политики.

Разрешение текущего кризиса в Алжире возможно только на основе субстантивного диалога между военно-бюрократическим блоком и протестным движением. Тем не менее такому развитию событий препятствует ряд обстоятельств. Во-первых, генералитет и бюрократия ограничиваются косметическими реформами и не идут на переговоры в надежде, что протест постепенно «выгорит». Во-вторых, сам Хирак так и не сформулировал позитивную программу и не выдвинул из своей среды лидеров, способных вести переговоры. В-третьих, внешние силы пассивны – нет ни поддержки для оппозиции, ни давления на власти. Другими словами, по состоянию на весну 2021 г. протестное движение в Алжире зашло в тупик, поскольку не было условий, необходимых для успешного транзита. На этом фоне ситуация в экономике Алжира продолжала ухудшаться из-за пандемии коронавируса и дальнейшего снижения мировых цен на энергоносители. Следовательно, недовольство населения и ожесточение протестующих будут расти. Показательно, что уличные протесты в Алжире возобновились уже в марте 2021 г., когда немного улучшилась эпидемическая обстановка.

ИРАК: «МЕРТВОРОЖДЕННАЯ» РЕВОЛЮЦИЯ

Ситуация в Ираке очень похожа на алжирскую, хотя и с поправкой на местную специфику. Протесты в этой стране начались осенью 2018 г. на волне недовольства населения обострением социально-экономического кризиса и неэффективной политикой правительства премьер-министра Аделя Абдул-Махди. В отличие от Алжира уже первая неделя выступлений в Ираке обернулась гибелью свыше ста человек.

Подавляющее большинство протестующих – люди моложе 30 лет, а в целом эта социальная группа составляет около 67% населения страны. По данным Всемирного банка, уровень безработицы среди молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет с 2017 г. не опускался ниже 25% [Unemployment, 2020]. В основном это выходцы из нижней страты среднего класса, которые не могут рассчитывать на хорошее образование и трудоустройство в госструктурах. Они не доверяют существующей политической системе и не верят в эффективность демократических механизмов. Для них уличный протест – наиболее эффективный способ быть услышанными.

У иракских властей, как и в Алжире, наблюдается кризис легитимности. В обществе отмечается сильное недовольство масштабной коррупцией и некомпетентностью властей. Основным аргумент протестующих – почему нефтедобывающая страна имеет такой низ-

кий уровень жизни. По оценкам наблюдателей, ежегодно Ирак тратит до 50 млрд долл., т.е. большую часть бюджета, на зарплаты и бонусы работникам раздутого госсектора [Loveluck, Salim, 2020]. Считается, что таким способом власти «покупают» лояльность хотя бы части населения. Однако те, кто оказался вне этой патронажной системы, пополняют ряды недовольных. Социально-экономический кризис ожидаемо обострился в условиях пандемии коронавируса и снижения цен на нефть на мировом рынке. По прогнозам Всемирного банка, по итогам 2020 г. нефтяной ВВП Ирака сократится на 12%, а ненефтяной – на 5%. Бюджетный дефицит в 2021–2022 гг. будет достигать 12% ВВП [Iraq Overview, 2020]. Все это означает, что количество людей, живущих за чертой бедности, может практически удвоиться и превысить 12 млн человек (около трети населения страны).

Провалились попытки построить легитимность нынешней власти на фундаменте «революционного прошлого»: борьбы за свободу иракского народа от тирании режима Саддама Хусейна. Разочарованную и потерявшую надежду на достойное будущее молодежь на улицах не интересует, какую роль тот или иной политик сыграл в борьбе с прежним режимом, который многие из протестующих даже не помнят. Дополнительным поводом для недовольства послужили политический конфессионализм и клановость, большая роль неформальных институтов и практик [Мамедов, Сапронова, 2021, с. 365].

Распределение нефтяной ренты могло бы обеспечить легитимность, но из-за коррупции и расхищения бюджетных средств в стране до сих не работают даже базовые коммунальные службы. Люди возмущены отсутствием электричества и питьевой воды [Шишлин, 2020, с. 214]. Причем в летние месяцы, когда температуры в Ираке превышают 50 градусов, отключения электричества (по вине несовершенной сети ЛЭП) означают прекращение работы кондиционеров в домах, что еще больше озлобляет граждан.

Как и в Алжире, в Ираке протестующие не хотят сотрудничать с существующими политическими партиями, поскольку все они рассматриваются как часть коррумпированной политической элиты. Протестное движение требует улучшить госуправление, обеспечить нормальное функционирование коммунальных служб, а главное – провести масштабную реформу политической системы.

Аналогично Алжиру протестное движение в Ираке никак не структурировано, т.е. у него нет руководства, которое могло бы вести переговоры с властями. Основная движущая сила протестов, как отмечалось выше, – городская молодежь. Символом борьбы за перемены стал лагерь на площади Тахрир в Багдаде, который побывавшие там западные наблюдатели описывали как совершенно нетипичное для Ближнего Востока публичное пространство с атмосферой молодежного рок-фестиваля. Протестующие возлагают большие надежды на местные структуры гражданского общества, однако пока необходимая для успешной смены власти контрэлита отсутствует. Характерно, что, как и в Алжире, протестующая молодежь не имеет общего видения будущего страны.

Для Ирака характерно наличие силовой составляющей в поведении властей. Политическая элита и государственная бюрократия Ирака не готовы идти на уступки и склонны полагаться на силу. Можно говорить о значительной роли военных и МВД, а также разнообразных вооруженных группировок, лояльных тем или иным политическим партиям. В отличие от Алжира в Ираке местные силовики не стесняются стрелять в участников протестов, что оборачивается сотнями убитых и раненых. Однако в Ираке с его преимущественно шиитским населением и присущим шиитам культом мучеников жертвы не устрашают, а лишь озлобляют протестующих. Кроме того, протестное движение поддержал даже великий аятолла Али Систани, призвавший к скорейшему проведению реформ, а также потребовавший от силовиков обеспечить безопасность мирных демонстрантов [Ibrahim, 2020].

Ситуация усугубляется заметным внешним вмешательством (которого практически нет в Алжире). Тегеран стремится сохранить влияние в Ираке, поскольку через него ведется торговля в обход санкций и осуществляется снабжение иранских прокси-группировок в Сирии и Ливане. Проиранские силы даже участвовали в разгоне протестов, что обернулось значительными жертвами среди демонстрантов и ответными погромами офисов проиранских партий и формирований.

Дополнительные проблемы для Ирака создала пандемия коронавируса, которая наложила на резкий спад нефтяных цен. Бюджет Ирака более чем на 90% формируется за счет доходов от экспорта энергоресурсов, при этом около 8 млн человек заняты в бюджетной сфере, т.е. благополучие почти четверти населения (без учета членов семей) напрямую зависит от государства. 2021 г. обещает быть очень тяжелым для иракской экономики, что делает новый всплеск протестной активности практически неизбежным уже в конце лета или в начале осени.

Сочетание этих факторов делает политический транзит в Ираке маловероятным, но в то же время там налицо сформировались условия для перманентной нестабильности и «революционной ситуации», когда верхи по-новому жить не могут, а низы по-старому жить не хотят. Все это создает риск если не новой гражданской войны, то новых масштабных столкновений, которые, впрочем, не дадут эффекта, пока у протестующих не появится объединяющая и руководящая структура.

СУДАН: ОБРАЗЦОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БЕЗ ПРОГРЕССА

Алжир и Ирак – страны, где есть запрос обществ на демократический транзит, однако ему мешают различные факторы – в первую очередь наличие у правящих режимов поддержки со стороны армии или иных силовых структур. Для лучшего понимания особенностей второй волны демократизации в арабском мире целесообразно рассмотреть пример народной революции, достигшей своей цели. В этом смысле интересен и показателен кейс Судана.

Судан относительно благополучно пережил революционную волну 2011 г., а протесты 2013 г., в которых участвовали в основном студенты и образованная городская молодежь, были жестко подавлены. Однако причины недовольства населения никуда не исчезли: в стране наблюдался хронический экономический кризис, на периферии продолжались вооруженные конфликты (поглощавшие и без того скудные ресурсы государства), ощущалась острая потребность во внешней помощи и инвестициях (для их привлечения Судану было важно избавиться от статуса страны-спонсора терроризма). При этом к значительному ухудшению экономической ситуации привела сецессия в 2011 г. богатого нефтью Юга. Бюджет Судана лишился половины доходов, а инфляция достигла двузначных показателей.

Иначе говоря, в Судане имелся набор проблем, которые фигурировали и в двух предыдущих кейсах, – коррупция, неэффективность госаппарата, низкий уровень жизни населения и т.п. Непосредственным поводом для начала протестов в декабре 2018 г. стало более чем трехкратное повышение цен на некоторые продукты питания и товары повседневного спроса [Hassanaian, 2020, p. 218]. Недовольство подобного рода не ново для арабского мира, где население считает субсидируемые цены на продовольствие частью социального контракта. Однако дальше ситуация развивалась совсем не так, как в Алжире или Ираке.

Протесты, начавшись в декабре 2018 г., растянулись на несколько месяцев, в течение которых Омар аль-Башир постепенно терял былое влияние. В отличие от Алжира и Ирака от главы государства довольно быстро отвернулись спецслужбы и армия. На уходе аль-Башира сперва настаивала разведка NISS, а в апреле 2019 г. против президента выступили внутренние

войска – так называемые Силы быстрой поддержки (СБП), созданные на базе иррегулярных формирований джанджавид, а затем уже кадровые военные взяли власть в свои руки. Однако протесты продолжились, оппозиция сумела организовать всеобщую забастовку, и под давлением внешних сил хунта пошла на переговоры с оппозицией, завершившиеся формированием переходного правительства [Труевцев, 2020, с. 99]. Оппозиция хотела полной смены режима, но ей пришлось пойти на компромисс с силовиками, которые пожертвовали аль-Баширом.

Следует отметить, что в Судане гражданское общество сумело быстро самоорганизоваться и властям противостояло сплоченное протестное движение. Всего через две недели появилась зонтичная структура – оппозиционный альянс «Силы за свободу и перемены» (Forces of Freedom and Change, FFC). FFC объединил профессиональные ассоциации, различные организации гражданского общества, профсоюзы, политические партии и даже некоторые вооруженные группировки [Blanchard, 2019, p. 3]. Имело место массовое и эффективное забастовочное движение. Кроме того, по сравнению с акциями недовольства 2013 г. у протестов 2019 г. была более широкая социальная база – их поддерживали простые суданцы, живущие за пределами городов. Большую роль сыграли стихийно возникавшие «комитеты сопротивления» на местах [Bach et al., 2020, p. 28]. Протесты в Хартуме приветствовала даже часть элиты. Наблюдатели также отмечали беспрецедентно активное участие в протестах женщин [Hassanaian, 2020, p. 219].

Не стоит недооценивать влияние, которое оказали на революционные события в Судане внешние силы. Монархии Персидского залива (КСА, ОАЭ) и АРЕ поддерживали поначалу режим и лично аль-Башира, а затем военную хунту [Blanchard, 2019, p. 9], однако США, ЕС, Африканский союз и Эфиопия встали на сторону протестующих. Внешние силы пригрозили персональными санкциями тем политическим фигурам, которые будут мешать демократическому транзиту. Кроме того, оказывалось давление на те страны, которые финансово помогали режиму аль-Башира (КСА, ОАЭ, АРЕ). Тем самым удалось в значительной степени нейтрализовать силовиков. Таким образом, победу суданской революции принесло сочетание мощного, хорошо организованного протестного движения и активного вмешательства внешних сил.

По состоянию на конец 2020 г. в Судане продолжало действовать заключенное в июле 2019 г. соглашение о разделе власти между военными и гражданскими силами, которое позволило избежать масштабного кровопролития и дальнейшей эскалации напряженности. В стране сложилась гибридная система, сочетающая элементы военного и гражданского правления. Наблюдался хрупкий баланс между силовиками и гражданскими властями. Силовой лагерь включал: Переходный военный совет (ПВС), внутренние войска «Силы быстрой поддержки» (Rapid Support Forces, RSF), Суданские вооруженные силы (СВС), Национальную службу разведки и безопасности (NISS). Гражданский лагерь составляли альянс «Силы за свободу и перемены» (FFC), профсоюзы – «Суданская ассоциация профессионалов» (SPA), различные структуры гражданского общества.

Причем каждая из сторон столкнулась с ограничениями. Оппозиция рассчитывала добиться полной смены режима, но ей пришлось пойти на компромисс с армией и спецслужбами. В свою очередь, суданская военная элита хоть и сохранила свои позиции, однако вынуждена была согласиться на транзит, поскольку внешние силы (Африканский союз, ЕС, США) пригрозили персональными санкциями.

Впрочем, суданские политологи отмечали слабость гражданских властей, которые не могли влиять на события в стране. По словам некоторых гражданских активистов, в июле 2019 г. установлению военного правления помешала лишь жесткая позиция США. Отсутствие единства в рядах оппозиции [Safeguarding Sudan's Revolution, 2019, p. 19] в перспективе делает возможным захват власти военными, у которых по-прежнему большое влияние и значительные экономические ресурсы. Они, например, контролируют добычу

и экспорт золота, которое отчасти заменило собой нефть в качестве основного источника доходов для бюджета. Однако на руку гражданским властям оказалось наметившееся соперничество между различными силовыми структурами (армия конкурирует с Силами быстрой поддержки). Немаловажно, что спустя год после формирования правительства оно все еще пользовалось массовой поддержкой населения. Однако, по свидетельствам суданских активистов, процесс реформ шел медленно, особенно с точки зрения формирования новых государственных институтов. Ситуация осложнялась тем, что в Судане процесс изменений носил комплексный характер, поскольку одновременно с политическим транзитом шел мирный процесс в Дарфуре и предпринимались попытки обеспечить экономическое восстановление страны, доведенной за годы санкций до фактической разрухи.

На политический кризис наложилась очень сложная ситуация с продовольствием. По оценкам работающих в Судане сотрудников гуманитарных организаций, уже в 2019 г., т.е. до пандемии коронавируса, до 50% населения страны страдали от нехватки продуктов. Причем перебои со снабжением стали нормой даже в городах. В 2019 г. экономические трудности усугублялись в связи с высоким уровнем внешнего долга (около 50 млрд долл. США) и сохранявшимися международными санкциями (до декабря 2020 г. Судан оставался в американском списке стран-спонсоров международного терроризма), которые серьезно затрудняли предоставление помощи Хартуму по линии МВФ. Страна выживала за счет помощи от Саудовской Аравии и ОАЭ.

В целом кейс Судана показывает, что мощное протестное движение, пользующееся внешней поддержкой, способно осуществить народную революцию даже против режима с мощной силовой составляющей. Однако это еще не гарантия успешного демократического транзита. Заключение летом 2019 г. формального соглашения между суданскими военными и оппозицией позволило избежать кровопролития, но созданное в соответствии с договоренностями гражданское правительство оказалось слишком слабым, чтобы в сжатые сроки добиться реальных демократических перемен.

По свидетельствам наблюдателей, к весне 2021 г. ситуация с правами человека не улучшилась, о чем говорит большое количество внесудебных арестов. Так и не был создан парламент, который мог бы контролировать политику правительства и обсуждать проекты реформ. Ни молодежь, ни женщины не получили представительства во властных органах и не влияли на процесс транзита. Среди населения наблюдалось разочарование результатами революции. Было распространено мнение, что революцию украли партии и вернувшиеся политэмигранты. Экономическая ситуация в стране стала хуже, чем при аль-Башире. После введения плавающего курса суданский фунт рухнул, возник дефицит топлива и хлеба. По словам суданских собеседников автора, аль-Башир был коррумпирован, но хотя бы кормил народ, а новые власти страны умеют только воровать.

В ближайшей перспективе напряженность в Судане будет расти из-за экономических проблем и перебоев с продовольствием. Военные, которые пользуются поддержкой КСА и ОАЭ, продолжают играть основную роль в политике, а единственным реальным сдерживающим фактором для них останется давление со стороны западных стран. Высока вероятность, что армия возьмет власть в свои руки, поскольку население устало от хаоса и перестало доверять переходным властям.

УРОКИ ВТОРОЙ ВОЛНЫ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

Изучение опыта массовых протестов в Алжире, Ираке и Судане показало, что арабские страны, за исключением монархий Персидского залива, продолжают сталкиваться с примерно одинаковым набором социально-экономических проблем, а при наличии значитель-

ной доли молодого и пассионарного населения это практически гарантировано приводит к массовым выступлениям и требованиям демонтажа существующих режимов.

Однако результаты этих кризисов отличаются от итогов первой волны арабских протестов. Ни в Алжире, ни в Ираке протестующим не удалось добиться заявленных целей – смены режимов и отстранения от власти старых политических элит. Как представляется, это связано в первую очередь с «рыхлостью» протестных движений, которые при всей массовости остаются плохо организованными, не могут предложить конструктивную программу преобразований или сформировать контрэлиту. Поэтому даже в Алжире, где местные силовики на низовом уровне сочувствуют демонстрантам, протестное движение после двух лет борьбы продолжало топтаться на месте. Схожим образом развивались события в Ираке. Зато разительно отличалась ситуация в Судане, где оппозиция сумела оперативно самоорганизоваться, мобилизовав на борьбу с режимом не только городскую молодежь, но также профсоюзы и сельских жителей.

Дополнительную прочность режимам придала лояльность военных и гражданских элит и силовых структур. В результате революции в Алжире и Ираке свелись к избавлению от лидеров, назначенных «козлами отпущения», и замене их на практически таких же деятелей из числа представителей элиты. Более того, налицо стремление успокоить население за счет косметической демократизации (перестановок в правительстве, изменений в конституции и т.п.).

Единственной страной, где старая элита была вынуждена поступиться частью власти, стал Судан. И тут необходимо указать на третий фактор, влияющий на исход революций, – внешнее воздействие. Ни в Алжире, ни в Ираке протестные движения не получили сколько-нибудь весомой поддержки извне, зато в случае Судана именно внешнее давление (в сочетании с внутренним) сперва сподвигло силовиков отстранить от власти президента аль-Башира, из которого тоже рассчитывали сделать «козла отпущения», а затем вынудило их самих поделиться властью с гражданскими политиками.

Поскольку предпосылки для протестной активности никуда не исчезли, а даже усугубились из-за пандемии, следует ожидать сохранения внутренней напряженности в Алжире, Ираке и ряде других стран БВСА. Процесс трансформации стран региона с высокой степенью вероятности растянется на 30–40 лет. В настоящее время продолжается его начальная фаза. Пока в большинстве арабских государств нет сил, способных конкурировать с авторитарными режимами, поскольку для их появления требуются время и ресурсы. Нет и четкого понимания, как должен выглядеть новый арабский мир. Режимы держатся за счет доходов от нефти и репрессий, однако оба эти инструмента теряют эффективность. Параллельно оппозиционные силы накапливают опыт и учатся на ошибках, поэтому в перспективе следует ожидать мобилизации обществ, чему будет способствовать развитие цифровых технологий. Агентами изменения выступают интеллектуалы и молодежь. При этом своеобразными маркерами возможного успеха/неуспеха революций остаются отношение силовиков, состояние гражданского общества, позиция элит и готовность внешних сил к вмешательству. Изменения даже по одному из этих пунктов могут привести к серьезным подвижкам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бабкин С.Э. *Алжир: выстояла ли «система»? (к событиям 2019 г.)*. М.: Институт востоковедения РАН, 2020 [Babkin S.E. *Algeria: did the System Survive? (the Events of 2019)*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2020 (in Russian)].

Володина М.А. Модернизация в Северной Африке. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 4. С. 78–86 [Volodina M. Modernization in North Africa. *World Economy and International Relations*. 2019. Vol. 63. No. 4. Pp. 78–86 (in Russian)].

Жерлицына Н.А. Кризис преемственности в Алжире. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 6. С. 19–23 [Zherlitsyna N.A. The Succession Crisis in Algeria. *Asia and Africa Today*. 2019. No. 6. Pp. 19–23 (in Russian)].

Кузнецов В.А. Проблема укрепления государственности на Ближнем Востоке в свете теории социальных порядков. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2018. № 3. С. 6–23 [Kuznetsov V.A. Strengthening of Statehood in the Middle East in the Context of the Theory of Social Orders. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 3. Pp. 6–23 (in Russian)].

Мамедов Р.Ш., Сапронова М.А. Особенности политического развития Ирака в 2003–2020 годах: формирование новой элиты. *Научный диалог*. 2021. № 1. С. 357–370 [Mamedov R.S. Features of the Political Development of Iraq in 2003–2020: the Formation of a New Elite. *Nauchnyi dialog*. 2021. No. 1. Pp. 357–370 (in Russian)].

Мельянцев В.А. Долгосрочные тренды социально-экономического развития арабских стран. *Вестник МГИМО-Университета*. 2020. № 13(5). С. 194–219 [Meliantsev V.A. Long-term Trends in the Socio-Economic Development of Arab Countries. *MGIMO Review of International Relations*. 2020. No. 13(5). Pp. 194–219. (in Russian)].

Сурков Н.Ю. Уроки «арабской демократизации» в Северной Африке. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2019. № 2(124). С. 28–37 [Surkov N.Y. Lessons from the Arab Democratization in North Africa. *NZ. Debates about Politics and Culture*. 2019. No. 2(124). Pp. 28–37 (in Russian)].

Труевцев К.М. Поворот 2019: продолжение Арабской весны или начало новой парадигмы политического развития? *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2020. № 2. С. 96–105 [Truevtsev K.M. 2019 Turn: The New Stage of the Arab Spring or Start of the New Paradigm of Political Development? *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 2. Pp. 96–105 (in Russian)].

Шишлин П.А. Причины и перспективы протестного движения в Ираке 2015–2019 гг. *Вестник Московского государственного областного университета*. 2020. № 2. С. 209–218 [Shishlin P.A. Reasons and Prospects of the Protest Movement in Iraq 2015–2019. *Bulletin of Moscow Region State University*. 2020. No. 2. Pp. 209–218 (in Russian)].

Algerian referendum looms amid mass protests, political upheaval. *Daily Sabah* <https://www.dailysabah.com/world/africa/algerian-referendum-looks-amid-mass-protests-political-upheaval> (accessed: 17.10.2020).

Bach J-N., Chevrillon-Guibert R., Franck A. Introduction to the Topic. Sudan, the End of an Authoritarian Experience? 2020. *Politique Africaine*. No. 158(2). Pp. 5–31.

Blanchard L.P. Sudan's uncertain transition. *Congressional Research Service* <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45794> (accessed: 23.02.2021).

Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US\$). *Worldbank* <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?locations=DZ> (accessed: 17.10.2020).

Ghanmi L. Algeria's foreign currency reserves shrink despite rising oil revenues. *The Arab Weekly*. December, 2018 <https://the arabweekly.com/algerias-foreign-currency-reserves-shrink-despite-rising-oil-revenues> (accessed: 22.11.2020).

Grewal Sh., Kilavuz M.T., Kubinec R. Algeria's uprising: A survey of protesters and the military. *Brookings*. July, 2019 https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/07/FP_20190711_algeria.pdf (accessed: 18.09.2020).

Hassanaian M. Protest and Transition in Sudan. *Journal of International Affairs*. 2020. Vol. 73. No. 2. Pp. 217–224.

Iraq Overview. *Worldbank* <https://www.worldbank.org/en/country/iraq/overview> (accessed: 20.12.2020).

Ibrahim A. 'Hopeful again': Iraqi protesters hail Ayatollah Sistani's speech. *Al Jazeera* <https://www.aljazeera.com/news/2020/2/7/hopeful-again-iraqi-protesters-hail-ayatollah-sistanis-speech> (accessed: 14.12.2020).

Loveluck L., Salim M. Iraq's economy is collapsing under the double blow of sinking oil prices and coronavirus lockdown. *The Washington Post*. May, 2020 https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/iraqs-economy-is-collapsing-under-the-double-blow-of-sinking-oil-prices-and-coronavirus-lockdown/2020/05/04/61b26a3e-8897-11ea-80df-d24b35a568ae_story.html (accessed: 14.12.2020).

Nickels B.P. Algeria Has a Legitimacy Problem. *LSE's Middle East Centre Blog* <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2019/05/20/algeria-has-a-legitimacy-problem/> (accessed: 18.10.2020).

Philipp P., Kimball S. Powerful military makes regime change in Algeria unlikely. *DW* <https://p.dw.com/p/10H2A> (accessed: 31.03.2019).

Safeguarding Sudan's Revolution. *CrisisGroup*. 21 October, 2019 <https://www.crisisgroup.org/africa/horn-africa/sudan/281-safeguarding-sudans-revolution> (accessed: 23.10.2020).

Turnout at record low in Algerian referendum aimed at giving parliament more power. *France24* <https://www.france24.com/en/africa/20201101-algeria-votes-on-revised-constitution-aimed-at-giving-parliament-more-power> (accessed: 21.11.2020).

Unemployment, youth total (% of total labor force ages 15-24) (modeled ILO estimate). *Worldbank*. <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.1524.ZS?locations=IQ> (accessed: 27.11.2020).

Volk T. 10 Years after the Arab Uprisings: Where does Public Opinion in the Region Stand Today? *Konrad Adenauer Foundation (KAS PolDiMed)* <https://www.kas.de/en/single-title/-/content/10-years-after-the-arab-uprisings-where-does-public-opinion-in-the-region-stand-today-2> (accessed: 28.01.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СУРКОВ Николай Юрьевич –
кандидат политических наук, старший
научный сотрудник Центра ближневосточных
исследований ИМЭМО РАН, Москва, Россия.

Nikolay Y. SURKOV, PhD (Political Science),
Senior Research Fellow, Center for Middle East
Studies, Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080015017-5

РЕКОНСТРУКЦИЯ СИРИИ: ПРИКИДКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ

© 2021

А.О. ФИЛОНИК^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7455-0361; fao44@mail.ru

Резюме: В статье рассматриваются текущие проблемы, связанные с послевоенным восстановлением Сирии. Ее реконструкция стала проблемой, вокруг которой сталкиваются интересы государства и крупного национального капитала, по-своему трактующего свои место и роль в системе экономических координат страны. Автор делает попытку рассмотреть возможности реновации экономики и ее материально-технической базы в свете весьма сложной проблемы выбора подходов к цели, когда государство и общество оказываются перед необходимостью поиска рационального соотношения между национальным бизнесом и иностранным капиталом, каждый из которых будет преследовать собственные цели и искать максимальную выгоду от инвестированных в реконструкцию ресурсов. По сути, речь идет о том, какой платформе будет отдано предпочтение – государственнической или неолиберальной, от чего зависит и форма существования Сирии в будущем. В статье также уделено внимание стремлению западного истеблишмента активно нагнетать обстановку вокруг и внутри Сирии и препятствовать масштабным восстановительным работам на ее территории, одновременно исподволь выстраивая схемы внедрения в строительный комплекс страны, заведомо обеспечивая себе конкурентное преимущество в борьбе за бизнес- и политические интересы на этом гигантском рынке строительных работ. Автор заключает, что перспективы Сирии на самостоятельный выход из ситуации неочевидны. Руководству страны придется проявлять немалое умение маневрировать в условиях сложно складывающейся политической и международной обстановки, которая формируется пока при участии России, Ирана, Китая, но в которую будут внедряться и другие «стейкхолдеры» в лице арабских монархий и западных финансовых институтов по мере решения проблемы санкций.

Ключевые слова: восстановление, экономика, инвестиции, рынок, западный капитал, бизнес, проекты, Россия, Иран, Китай, арабские монархии.

Для цитирования Филоник А.О. Реконструкция Сирии: прикидка возможностей. Восток (Oriens). 2021. № 3. С. 43–51. DOI: 10.31857/S086919080015017-5

RECONSTRUCTION OF SYRIA: ESTIMATION OF OPPORTUNITIES

© 2021

Alexander O. FILONIK^а

^а – Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0001-7455-0361; fao44@mail.ru

Abstract: The article examines the current problems associated with the post-war reconstruction of Syria. The author makes an attempt to consider the possibilities of renovating the economy and its material and technical base in the light of the very complex problem of choosing

approaches to the goal, when the state and society are faced with the need to search for a rational relationship between national business and foreign capital. Actually, this refers to which of the two platforms will be preferred – the statist or the neoliberal, on which the form of Syria's existence in the future depends. The article also focuses on the desire of the Western establishment to actively escalate the situation around and inside Syria and prevent large-scale reconstruction work on its territory, while gradually building schemes for penetration into the country's construction complex, knowingly providing itself with a competitive advantage in the struggle for business and political interests in this gigantic construction works market. The author concludes that Syria's prospects for an independent way out of the situation are unclear. The country's leadership will have to show considerable ability to maneuver in the complicated political and international situation, which is still being formed with the participation of Russia, Iran, China, but into which other "stakeholders" represented by the Arabian monarchies and Western financial institutions will be introduced as the problem of sanctions is resolved.

Keywords: recovery, economy, investments, market, western capital, business, projects, Russia, Iran, China, Arabian monarchies.

For citation: Filonik A.O. Reconstruction of Syria: Estimation of Opportunities. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 43–51. DOI: 10.31857/S086919080015017-5

СИРИЯ «ПОД ПРИЦЕЛОМ» ИНВЕСТОРОВ

Ситуация в поствоенной Сирии потенциально привлекательна для промышленно и технологически развитых государств, которые «ведут» страну уже минимум с 2016 г. как объект для инвестиций с целью получения контрактов и возможности влиять на положение дел в ней. Подтверждение этому – Всемирный банк, который развернул интенсивную деятельность по сбору экономической информации о Сирии и приступил к подготовке досье в предвидении возможного участия в реконструкции ее после окончания разрушительной войны с Исламским государством¹.

Внутри банка был создан центр Сирийской информационно-исследовательской инициативы, в задачу которого входит определение перечня необходимых ресурсов и каналов их поставок. Тогда же принимается решение о Фонде предварительных закупок строительных материалов и их складировании на территории ближневосточных государств в расчете на то, что в последующие десять лет могут потребоваться до 530 млрд долл. для восстановления нормальной жизни [Бассам Абу Абдалла, 2021]. Чтобы планировать работу, фонд должен заручиться донорской и коммерческой поддержкой и наладить контакты с партнерами, заинтересованными в получении преференций при приобретении строительных материалов в регионе [*The Importance of Planning*, 2016].

Фактически, несмотря не жесткую риторику в адрес Сирии, требования изменить политическую систему страны в соответствии с западными предпочтениями и масштабное и истощающее санкционное давление, коллективный Запад не выпускает из поля зрения экономические аспекты развития страны, понимая, что отторжение Сирии не будет вечным. Признавая ценность ее как валового потребителя инвестиций, капитальных товаров, огромных товарных количеств материалов и продуктов самого разного назначения, деловой мир Запада не сомневается в том, что у него будут возможности и ресурсы, чтобы накачивать сирийский рынок товарами промышленного характера и технологиями.

¹ Организация запрещена на территории РФ.

Западные монополии дистанционно примериваются к решению конкретных вопросов реконструкции страны и создают информационную базу под интересы «стейкхолдеров», которые приложат все усилия, чтобы участвовать в восстановительных процессах. Если наброски освоения сирийского экономического пространства, разрабатываемые Всемирным банком как лидером такой инициативы, будут восприняты, то в зону его внимания попадет множество объектов – от инфраструктуры гражданской до недвижимости. Последней посвящены несколько крупных исследований городской среды и коммунальной инфраструктуры. Собственно промышленные объекты с длительным периодом оборота капитала, возможно, изучаются на уровне отдельных строительных или подрядных компаний, которые имеют свои подразделения для разработки заданий, проектов и т.п. Возможно, конечно, что планы носят и более конструктивный характер, и то, что может предлагаться на первых порах, рассматривается как некая обкатка последующих масштабных объектов.

На примере менее затратных работ западные компании явно намереваются практически выяснить способности Сирии к маневрированию ресурсами и капиталами, качество рабочей силы, настрой населения. Эти обстоятельства крайне важны для перспективной работы, которая требует защиты иностранных инвестиций, достаточного оборудования, механизмов и квалифицированного труда и рассчитана на годы вперед. В совокупности эти и другие параметры образуют базу делового климата, состояние которого определяет готовность корпораций к внедрению в рынок. Возможность свободно вести хозяйственную деятельность и легко взаимодействовать с властью в стране, которая остро нуждается в помощи, создают привлекательную ауру для крупного капитала, ожидающего преференций и дивидендов.

Для Запада важно понять, каким образом будет строиться экономическая политика страны, каковы политические расклады в ней, что вообще может ожидать иностранный капитал, на какие привилегии стоит рассчитывать, и многое другое.

Не меньшее значение придается и тому, в какой степени в восстановительных процессах может участвовать частный национальный капитал, как союзник и партнер западного бизнеса. Тем более, что идея опоры на крупный частный капитал, как можно предполагать, исходя из предвоенной практики, не остается без внимания сирийского руководства. Видимо, оно осознает необходимость корректировать подходы, на которых строилось предвоенное развитие страны, и сейчас находится в поиске схем, которые могли бы быть лучше адаптированы к реалиям восстановления экономики. Возможно, либеральный подход к этой теме определяется и расчетами на то, что параллельно с услугами частные инвестиции будут поступать и в реальный сектор экономики в том или ином соотношении.

Запущенная в начале 2016 г. экономическая стратегия в виде национального партнерства государственного и частного секторов имеет своим назначением вскрытие более эффективных способов мобилизации частного национального капитала, а не только волновую приватизацию государственных активов. Между тем, рыночная экономика, если становится самоцелью, требует минимизировать возможности государственного сектора, который в Сирии действительно работал с недостаточной эффективностью, но соответствовал концепции социально ориентированного рынка, первоначально не сопровождавшейся неодолимым разрывом между экономической и социальной составляющими роста.

Но крупная сирийская буржуазия не имеет особых качественных отличий от иной другой в арабском мире и также стремится к спекулятивным операциям, сделкам с недвижимостью, нацеливается на сферу услуг, предпочитает не рисковать капиталами и опасается неопробованных решений. Возможно, вопрос о соотношении частного и государственного участия в восстановлении страны в национальных масштабах пока не рассматривается во всей его полноте при слабости государственного капитала, которому при сиюминутном решении придется потесниться и отойти от позиций, которые зарезервированы за ним.

Частный же сирийский капитал, сконцентрированный в руках немногих нуворишей, хотя и может достигать значительных величин, но едва ли рассчитывает конкурировать с государством на производственном поприще. Поэтому пока вопрос, в известной степени, остается дискуссионным.

Но следует учитывать и дополнительные моменты, которые могут влиять на практическое наполнение процессов развития. В частности, выбор в пользу преобладания государства может снизить интерес западного капитала к проектам, однако, скорее всего, не до критической отметки. Преобладание же частного начала может дополнительно стимулировать приток инвестиций, но этот момент будет зависеть от конъюнктуры сирийского рынка, спроса на товары повышенного качества, уровня неформальных отношений с партнерами, контрагентами, банками и т.п.

Впрочем, на сегодня все ситуации можно толковать более в предположительном ключе, чем в практическом плане, и они представляются не столь актуальными из-за санкций и негативизма в целом по отношению к Сирии со стороны западных монополий.

ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКО-СИРИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В обстановке хозяйственной неустроенности, внешнего давления и неопределенности, в чем-то нехватки политической воли, не подкрепленной нужным материальным ресурсом, режим ощущает потребность в поддержке сильной стороны.

Едва ли следует сомневаться, что России придется противостоять давлению США на Сирию и на собственные болевые точки, но факт изоляции Сирии открывает дополнительные возможности перед Россией в укреплении своего положения в стране. Россия ранжирует контакты внутри экономического блока Сирии, занимая позиции в тех его сегментах, где сотрудничество между двумя сторонами может быть наиболее перспективным и выгодным.

Россия имеет достаточно предпосылок к наращиванию присутствия в Сирии уже не путем демонстрации военной силы, которая оказалась вне конкуренции, сколько усилением экономического влияния. Тем более, что и сирийское руководство готово идти на упрочение отношений, стремясь найти дополнительные точки сближения и демонстрирует это желанием самым непосредственным образом. Во всяком случае, еще в середине 2015 г. Сирия озвучила желание войти в состав Евразийского экономического союза.

Однако это вопрос геостратегического значения, и он не может быть решен в короткие сроки. Необходим большой перечень серьезных мер со стороны Сирии для членства в организации. Должны быть введены режимы торговых преференций с каждым участником ЕАЭС, заключены таможенные соглашения, унифицировано законодательство и выполнен ряд других процедур. К тому же есть порядок приема, при котором в Организацию прежде всего принимаются бывшие союзные республики, составлявшие ранее единое политическое и государственное пространство, но до настоящего времени ожидающие своей очереди.

Реализация такого намерения принесла бы Сирии существенные экономические дивиденды, поскольку ее экономические и торговые отношения охватывали бы сразу большой круг государств, в котором Россия занимает видное место. Но Сирия рисковала бы остаться пассивной стороной сотрудничества, учитывая многократное падение макроэкономических показателей и колоссальную нехватку финансовых ресурсов.

В преодолении этих трудностей может внести вклад организация зоны свободной торговли со странами ЕАЭС, что позволит Сирии создать новые точки роста, расширив и свой сегмент экономического сотрудничества с членами экономического союза. Ныне торговый оборот с ними составляет 70 млн долл., и наполовину формируется за счет оборудования, комплектующих, транспортных машин, химических товаров, пшеницы, медикаментов.

При этом 76% его приходится на Россию [*Сирия и ЕАЭС*, 2020]. Сирия же пока преимущественно ограничивается экспортом аграрной и текстильной продукции.

Тем не менее, даже не будучи членом организации, Сирия может получать выгоды от сотрудничества, например, с Белоруссией, которая планирует заключить контракты на поставку большегрузных автомобилей и иной техники в виде трансформаторов, продукции химической промышленности и аграрного сектора [Чичкин, 2018]. Постоянно ведется работа между министерствами, ведомствами, комитетами по текущим вопросам взаимодействия, и это служит обнадеживающим моментом, который свидетельствует о непрерывности процесса поиска партнеров.

После завершения боевых действий Россия стала уделять большее внимание содействию экономическому развитию Сирии, делая упор на восстановление ее хозяйства с привлечением иностранных инвестиций. Россия пытается сдвинуть вопрос с мертвой точки, проявляя дипломатические инициативы и побуждая западный капитал вкладываться в сирийские хозяйственные объекты. Тем более, что и Сирия готова предоставить инвесторам обширное поле деятельности в расчете на то, что факт открытости побудит заинтересованных западных бизнесменов к сотрудничеству, особенно после окончательного водворения мира.

Смена настроений в этой области интересна и для России, которая в этом случае смогла бы сгладить негатив в своих контактах с мировым финансовым рынком. Оживление деловой активности на конкретных участках в Сирии могло бы породить тренд, стимулирующий не только маневр российских предприятий на сирийских стройплощадках, но и подстегивающий иностранных поставщиков и товаропроизводителей к разворачиванию бизнеса с Сирией, постепенно создавая продуктивные производственные цепочки, в которых найдется место многим партнерам.

Со своей стороны, Сирия делает ставку на крупные сегменты российского бизнеса, передавая ему проекты, имеющие особую значимость для подъема сирийского хозяйства, и будет делать выгодные оферты тем иностранным компаниям и фирмам, которые первыми предложат свои услуги сирийскому правительству.

Сотрудничество с одной только Россией уже дает Сирии потенциальную возможность опираться на контракты в разных областях – от бурения в территориальных водах страны и сооружения газоперерабатывающих предприятий до создания ирригационных проектов, а в перспективе, возможно, и строительства АЭС. Еще в 2013 г. «Союзнефтегаз» подписал контракт на 90 млн долл. сроком на 25 лет на работы на сирийском шельфе, где располагаются высоколиквидные товарные количества газа и нефти [Самофалова, 2015]. После начала разработки недр часть ресурсов поступит в оплату российского участия в подъеме сирийской экономики.

Обширные планы касаются и собственно энергетического сектора. Подготовлены проекты реконструкции четырех ТЭС, строительства новых и восстановления других энергообъектов. Одновременно продолжаются переговоры об открытии новых кредитных линий под ряд хозяйственных объектов с целью укрепления экономической базы страны.

На социальные потребности Сирии Россия уже открывала в 2014 г. кредит на 240 млн евро, из которых 46 млн предоставлялись безвозмездно, а ныне выделила кредит в один миллиард евро в обеспечение нужд Сирии, сопряженных с необходимостью стимулировать экономический рост.

Расширение связей позволит нарастить российский экспорт высокотехнологичной продукции, учитывая потребности Сирии в модернизации хозяйства и организации производств с более высокой долей добавленной стоимости. Эти планы существенно дополняются намерением содействовать развитию транспортной инфраструктуры страны. Еще в советское время объектом особого внимания были железные дороги. И ныне сирийская

транспортная система представляет серьезный интерес для России, поскольку связывает непосредственно прилежащие к Сирии страны с группой нефтеэкспортеров Персидского залива. Они, в свою очередь, железными дорогами и продуктопроводами соединены с Турцией и Европой, что с географической точки зрения важно и для экономических связей России со всеми участниками этой логистической цепи [Чичкин, 2018].

В целом, российская экономическая политика в Сирии сводится к трем задачам: с одной стороны, оказывать экономическую поддержку дружественной стране, военная помощь которой принесла положительный результат и требует дальнейшего развития другими средствами. С другой – закрепить свое присутствие экономически и укрепить политически пребывание в этой стране путем воссоздания и реконструкции основных отраслей в промышленном производстве, в энергетике, аграрной сфере. Еще одним важным моментом является стремление подготовить позиции, которые смогли бы гарантировать присутствие России в восстановительных процессах на обозримую перспективу. С учетом того, что после завершения конфликта в страну хлынут западные инвесторы и бизнес, которые будут активно противодействовать российским интересам, стремясь экономически и внешнеэкономическими способами принизить ее роль в реконструкции сирийской экономики.

КОНКУРЕНЦИЯ ИНТЕРЕСОВ

На новом отрезке Россия будет сталкиваться с серьезными трудностями, чтобы удержать равновесие в турбулентной обстановке, которая ожидаемо станет разворачиваться вокруг самой Сирии и в регионе. Подобное наводит некоторых аналитиков на вывод о том, что Россия «станет краткосрочным победителем в процессе восстановления, но ограниченные финансовые ресурсы Москвы и растущее соперничество с Китаем и Ираном за контракты могут подорвать ее долгосрочное влияние на Сирию» [Ramani, 2019].

В принципе, российские возможности действительно ограничены. И в свете этого возможны любые варианты. Однако Россия все же рассчитывает свои силы и средства таким образом, чтобы не оказаться «в прогаре». По поводу ее участия в военной операции на Западе также высказывались сомнения. А сейчас поднимается новый их вал на тему – сможет ли Россия поддержать свой авторитет уже на мирном поприще. Предвкушение неприятностей для России связывается с ее нынешними партнерами в восстановлении Сирии.

Очевидно, что Россия, как и Иран, представляются друг другу прямыми партнерами-соперниками в восстановлении Сирии.

Иран принял живейшее участие в сирийских событиях. На всем их протяжении он демонстрировал готовность брать на себя финансовое и материальное обеспечение своего присутствия в Сирии и подтверждал намерения регулярными валютными инъекциями. В 2013 г. Иран в критическое для Сирии время выделил два кредита на 1 млрд и 3,6 млрд долл., в 2015 г. также 1 млрд долл. По некоторым данным, Иран расходовал в год почти 13 млрд долл. на содержание своих формирований, поставки военного снаряжения, электроэнергии, аграрной продукции [Беленькая, 2018].

Иран рассматривает эти расходы как инвестиции в Сирию и гарантию своего участия в ее послевоенном переустройстве «независимо от того, кто стоит у власти» [Филоник, 2017]. Он стремится юридически закрепить свое положение в стране, подписав в 2017 г. несколько меморандумов о взаимопонимании и рассчитывает распространить свое сотрудничество на разные отрасли хозяйственной деятельности – от экономической инфраструктуры до фармацевтической промышленности и коммуникационных сетей. Его проекты охватывают многочисленные ниши в Латакии, Дейр эз-Зоре, Алеппо и в других городах и создают мощную несущую конструкцию его интересов. Есть и другие планы оседания в стране.

Иранская сторона добилась соглашения о строительстве своими силами «нескольких сотен зданий в крупных городах Сирии. В одном только Дамаске намечено ввести в эксплуатацию 200 тыс. квартир и частных домовладений [Богачева, 2020].

Вполне возможно, что это – претензия на контракты на восстановление жилья, поскольку такое решение позволило бы Ирану занимать ведущее место на Ближнем Востоке в качестве производителя черного металла и второе – по стальному прокату [*Investing in Syria's Future*, 2017]. Очевидно также, что Иран демонстрирует основательность своего присутствия на годы вперед, хотя сам находится под ограничениями с тенденцией к их нарастанию, что едва ли способствует мобилизации им ресурсов для поддержания масштабной деятельности. Тем более, что западная помощь Сирии в той или иной мере увязывается с минимизацией иранского присутствия в ней.

Китай также рассчитывает принять участие в восстановлении сирийского экономического потенциала и располагает необходимыми для этого возможностями. На июль 2017 г. он аккумулировал валютные резервы в объеме более 3 трлн долл. [Wang Jin, 2017], т.е. несопоставимо больше, чем любая другая нация, и это поощряет его финансовые маневры и на сирийском пространстве. Тем более, что Сирия и для него стала форпостом против исламистов.

В июле 2018 г. на крупном китайско-арабском форуме Китай заявил о готовности предоставить своим партнерам 28 млрд долл. в виде кредитов и помощи. Очевидно, часть этого пакета будет передана и Сирии, хотя за год до этого Китай уже заявлял о своем вкладе в ее реконструкцию 2 млрд долл. на строительство индустриального центра на 250 компаний. Китайский бизнес создает представительские бюро по всей Сирии и через них реализует или разрабатывает разного рода проекты [Lyall, 2019]. Под них Китай создал и базу проникновения в намеченные отрасли, открыв несколько финансовых институтов международного уровня, поддерживающих его разнообразные инициативы [Wang Jin, 2017].

Китай имеет намерение вовлечь Сирию в перспективе в проект «Один путь – один пояс», который станет альтернативой Суэцкому каналу и ускорит доставку китайских грузов в Европу. Китайцы собираются реконструировать пути сообщения между ливанским Триполи и Хомсом и интегрировать в эту систему порт Латакия, давая Сирии надежду на дополнительные инвестиции и поступления в бюджет. Источником последних может стать сталелитейное производство, электростанции, автосборка и другие проекты. Китай может также в качестве жеста доброй воли подготовить нулевой цикл под строительство любого объекта в Сирии, подобно тому, что было сделано в Ираке [Lyall, 2019].

Судя по размаху, с каким действует Китай, он выстраивает долгосрочные и основательные планы освоения Сирии, модернизации ее промышленности и инфраструктуры. Он способен потенциально стать ведущим экономическим агентом и потеснить конкурентов на ее экономическом пространстве.

Возможно, расхолаживающим моментом для Сирии может стать то, что три государства, заявляющие о своей готовности оказывать помощь и действительно в разных нишах ее оказывающие, реализуют свои проекты без особого форсирования работ. Еще не все аспекты мирной жизни и безопасности в Сирии устоялись. Кроме того, не проявляет себя жесткая конкуренция со стороны агрессивного и состоятельного коллективного Запада. Для него препятствие состоит не столько в конкуренции, сколько во внешних факторах, которые через механизмы международных санкций и вследствие внутренних обстоятельств снижают оперативность маневра на сирийском поле.

В определенной мере такие же обстоятельства управляют и намерениями нефтедобывающих аравийских монархий. Кроме того, они испытывают давление на рынках энергетического сырья, имеют программы внутренних реформ и планы совершенствования экономических, политических и властных институтов, что требует привлечения серьезных ресурсов.

До начала войны Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар были известны как наиболее крупные фигуранты на сирийском инвестиционном поле. Однако, следуя традиции использования финансовых ресурсов преимущественно в непроизводительных областях, они и в Сирии не отказывались от принятой практики, тем более что сирийское руководство всеми средствами поощряло их присутствие в любой форме. Как правило, они сосредоточивались на недвижимости, гостиничном деле и вкладывались в банковско-финансовые операции. В общей сложности по этим каналам были задействованы около 30 млрд долл. к концу 2011 г. [Daher, 2020].

Учитывая объем капиталовложений этих стран Залива накануне сирийских событий, можно предполагать, что участие в восстановительных работах не легло бы тяжелым бременем на бюджеты трех монархий, тем более что они едва ли заметно изменили свою практику финансирования сферы услуг в Сирии. Между тем, участие в реконструкции страны, много лет сопротивлявшейся Исламскому государству, могло бы поднять авторитет монархий в арабском мире и подчеркнуть их роль как лидеров, способных прислушиваться к нуждам обездоленных соседей по региону. Однако такого рода акции в настоящее время не актуальны для монархий, поскольку они лишены свободы маневра и, сотрудничая с Сирией, рискуют больше потерять, чем обрести.

Примеры этому есть, если принять во внимание опыт двух абу-дабийских компаний, которые были замечены в поставках вооружений и топлива в Сирию и попали под санкции. Эти последние распространяются даже на учреждения, занятые восстановлением чисто гуманитарных объектов, имеющих исключительно культурно-историческое значение [Daher, 2020].

Тот факт, что аравийские режимы занимают одно из ведущих мест на мировом экономическом пространстве как поставщики углеводородов, владельцы мощного банковского капитала и активные участники глобальных рыночных отношений и инвестиционных процессов, не гарантирует им иммунитета от американских нападков. Их движение за пределами этого круга ограничено реальной угрозой попасть в немилость к США, которые выступают как их союзники и гаранты безопасности в регионе, как главные поставщики вооружений, но, соответственно, и как регуляторы их суверенитета. Американский зонтик настолько значим для аравийских монархий, что они идут на самоограничения своих прав, интересов и политических действий, если последние вступают в противоречия с американскими интересами.

Очевидно, что, как доноры крупномасштабной помощи Сирии, монархии не смогут реализоваться ни сейчас, ни в обозримом будущем, по крайней мере, до снятия санкций с Сирии. Даже возможность использовать свои капиталовложения для ослабления экономического влияния Ирана в Сирии может, видимо, считаться для монархий отдаленной перспективой.

* * *

Текущая практика сирийского восстановительного периода свидетельствует о том, что источники ее финансирования и материально-технического обеспечения лимитированы до крайней степени. И при опоре только на свои силы страна будет не в состоянии нормально развиваться, но будет всякий раз сваливаться в затяжной застой с перспективой оставаться в арьергарде развивающегося мира, деля места с безнадежными аутсайдерами. Для Сирии это – очень большой вызов, который воспринимается как колоссальная проблема для благополучия нации, которая десятилетиями не испытывала столь критических угроз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Беленькая М. *Иран разжигает войну инвестиций* [Belenkaya M. *Iran Fuels the War of Investments* (in Russian)] <https://www.kommersant.ru/doc/3714912> (accessed: 08.11.2020).
- Богачева А.С. Политика Ирана в Сирии. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2020. № 1. С. 74–80 [Bogacheva A.S. Iran's Policy in Syria. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. 2020. No. 1. Pp. 74– 80 (in Russian)].
- Самофалова О. *Сирия хочет присоединиться к ЕАЭС и получить кредиты у России* [Samofalova O. *Syria Wants to Join EAES and Get Credits from Russia* (in Russian)] <https://vz.ru/economy/2015/7/21/757209.html> (accessed: 11.12.2021).
- Сирия и ЕАЭС: Рейтинг товаров во взаимной торговле с Кыргызстаном, Россией, Казахстаном, Беларусью и Арменией [Syria and EAES: Rating of Merchandise in Mutual Trade with Kirgizstan, Russia, Kazakhstan, Belorussia and Armenia (in Russian)] <http://tazabek.kg/news:1623214/www.tazabek.kg/news:1623214/?f=cp> (accessed: 10.02.2021).
- Филоник А. Война в Сирии: экономические последствия и возможности реконструкции страны. Оценки и идеи. *Бюллетень. Институт востоковедения РАН*. № 10, июль 2017. С. 1–16 [Filonik A. War in Syria: Economic Aftermath and Possibility of Country's Recovery. Assessments and Ideas. *Bulletin. Institute of Oriental Studies RAS*. No. 10, July 2017. Pp. 1–16 (in Russian)].
- Чичкин А. *Сирийский коридор ЕАЭС на Ближний Восток* [Chichkin A. *Syrian Corridor of EAEC to the Middle East* (in Russian)]. <http://mirperemen.net/2018/11/sirijskij-koridor-eaes-na-blizhnij-vostok/> (accessed: 11.12.2021).
- Бассам Абу Абдалла. Кадая ва Ара. Хайат Аркан Иктисадийя. *Аль-Ватан 03.03.2021* [Bassam Abu Abdallah. Problems and Opinions. Economic Department of Headquarters. *Al Watan*. 03.03.2021 (in Arabic)].
- Investing in Syria's Future. *Stratfor Worldview*. Assessments Feb. 6, 2017. <https://worldview.stratfor.com/article/investing-syrias-future> (accessed: 17.11.2020).
- Daher J. Syria, the Gulf and Reconstruction – What Possible Future? *Journal of Middle Eastern Politics and Policy*. April 25, 2020 <https://jmepp.hkspublications.org/2020/04/25/syria-gul-and-reconstruction-what-possible-future> (accessed: 17.11.2020).
- Lyall N. *China in Postwar Syria*. <https://thediplomat.com/2019/03/china-in-postwar-syria/> (accessed: 09.10.2019).
- Ramani S. *Russia's Eye on Syrian Reconstruction*, Carnegie Endowment for International Peace. January 31, 2019. <https://carnegieendowment.org/sada/78261> (accessed: 27.07.2020).
- The Importance of Planning Syria's Eventual Reconstruction*. May 24, 2016 <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2016/05/24/the-importance-of-planning-syria-s-eventual-reconstruction> (accessed: 02.11.2019).
- Wang Jin. *Will China Pay for Syria to Rebuild*. <https://thediplomat.com/2017/02/will-china-pay-for-syria-to-rebuild/> (accessed: 19.08.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ФИЛОНИК Александр Оскарович –
кандидат экономических наук, ведущий
научный сотрудник Института востоковедения
РАН, Москва, Россия.

Alexander O. FILONIK, PhD (Economics),
Leading Research Fellow, Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia.

DOI: 10.31857/S086919080015012-0

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
КРИЗИСА В ЛИВАНЕ

© 2021

Л.Н. РУДЕНКО^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-4629-1889; L-Rudenko22@yandex.ru

Резюме: В статье делается попытка исследовать различные аспекты современного социально-экономического и валютно-финансового кризиса в Ливане. Важное место при этом отводится анализу основных внешних и внутренних факторов, способствовавших в течение последних двух десятилетий обострению множества проблем, с которыми сталкивается страна в настоящее время. Одна из важнейших причин существенного ухудшения макроэкономической и социальной ситуации в 2010-е гг. связана с усилением политической напряжённости как внутри страны, так и в ближневосточном регионе, в частности с сирийским военным конфликтом, начавшимся в марте 2011 г. Накопившиеся за прошедшие два десятилетия острые социально-экономические проблемы вылились в конце 2010-х гг. в массовые протесты ливанского населения по всей стране.

Вслед за обострением политической и экономической ситуации в начале 2020 г. на Ливан распространился кризис, связанный с глобальной пандемией COVID-19. Принимая во внимание множество различных сложных проблем, с которыми сталкивается современный Ливан, можно ожидать, что последний кризис нанесёт сильный удар по крайне неустойчивой экономике страны. Наряду с COVID-19, экономика Ливана значительно пострадала от взрыва, который произошёл в Бейрутском порту 4 августа 2020 г. Поэтому в статье делается акцент на изучение влияния этих событий на экономическое положение и доходы населения страны, а также мер, принимаемых ливанскими властями с целью минимизации социально-экономического ущерба. Особое внимание при рассмотрении особенностей современного социально-экономического кризиса в Ливане автор уделяет таким наиболее острым, требующим неотложного решения проблемам, как высокий уровень государственного долга и бюджетного дефицита, рост бедности, безработицы и социального неравенства.

Ключевые слова: Ливан, социально-экономический кризис, финансовые проблемы, внешние и внутренние факторы, COVID-19, рост бедности, безработицы и социального неравенства.

Для цитирования: Руденко Л.Н. Особенности современного социально-экономического кризиса в Ливане. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 52–60. DOI: 10.31857/S086919080015012-0

FEATURES OF THE CURRENT SOCIOECONOMIC CRISIS IN LEBANON

© 2021

Ljudmila N. RUDENKO^a^a – Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4629-1889; L-Rudenko22@yandex.ru

Abstract. *The author of the article attempts to investigate various aspects of the current socio-economic and monetary-financial crisis in Lebanon, while analyzing the main external and internal factors that have contributed to the exacerbation of many problems the country is currently facing over the past two decades. One of the most important reasons for the significant deterioration of the macroeconomic and social situation in the 2010s is associated with the intensification in political tensions both within the country and in the Middle East region, in particular, with the Syrian military conflict that began in March 2011. The socio-economic problems erupted in the late 2010s into massive protests by the Lebanese population across the country.*

Following the aggravation of the political and economic situation in early 2020, the crisis related to the global COVID-19 pandemic spread to Lebanon. Given numerous complex challenges facing Lebanon today, the latest crisis, as can be expected, hit hard on the country's highly volatile economy. Along with COVID-19, the Lebanese economy was seriously affected by the explosion that occurred in the Port of Beirut on August 4, 2020. Therefore, the author of the article focuses on studying the consequences of these events for the economic situation and incomes of the country's population, as well as measures taken by the Lebanese authorities for minimization of social and economic damage. When examining the current socio-economic crisis in Lebanon, the author pays special attention to such most acute problems requiring urgent solution as the high level of public debt and budget deficit, growth of poverty and social inequality.

Keywords: Lebanon, socioeconomic, currency and financial crises, external and internal factors, COVID-19, public debt, poverty, unemployment, social inequality.

For citations: Rudenko L.N. Features of the Current Socioeconomic Crisis in Lebanon. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 52–60. DOI: 10.31857/S086919080015012-0

Экономика и социальная сфера Ливана в 2010-х гг. практически перманентно находились в кризисном состоянии. Одна из важнейших причин существенного ухудшения макроэкономической и валютно-финансовой ситуации связана с усилением политической напряжённости как внутри страны, так и в ближневосточном регионе, в частности, с сирийским военным конфликтом, начавшимся в марте 2011 г. Согласно данным правительственных и независимых источников, в Ливане нашли убежище более 1.5 млн сирийцев, что составляет около 30% ливанского населения [The Deliberate Depression, 2020, p. 51]. Присутствие значительного числа сирийских беженцев усугубило и так существовавшие серьёзные социально-экономические проблемы страны, приток беженцев стал тяжёлым бременем для ливанских государственных финансов, сектора услуг и социальной сферы. Среднегодовой темп экономического роста в 2011–2017 гг. замедлился до 1.8%. Для сравнения: в 2008–2010 гг., согласно данным Всемирного банка, этот показатель равнялся 9.0% [The Deliberate Depression, 2020, p. 52]. При этом в результате резкого падения экономической активности, которое наблюдалось в 2018 г., прирост валового внутреннего продукта Ливана снизился до 0.2 против 0.6% в 2017 г. [Lebanon Overview, 2019]. Заметно ухудшилось фискальное положение: дефицит государственного бюджета, согласно оценке, вырос на 4.5 процентных пункта против предшествующего года и достиг 11.5% ВВП. Соотношение государственного долга и ВВП (*the debt-to-GDP*) по состоянию на конец 2018 г. составило 151%, и по этому показателю Ливан занял третье место в мире. Уровень инфляции в годовом исчислении повысился до 6.1% по сравнению с 4.7 в 2017 г. Резервы иностранной валюты уменьшились на 2.3 млрд долл.¹ и равнялись 39.7 млрд долл. на конец 2018 г., что было эквивалентно стоимости импорта товаров и услуг в страну в течение

¹Здесь и далее имеются в виду доллары США.

13.5 месяцев [*Lebanon Overview*, 2019]. Снижение основных макроэкономических индикаторов Ливана в 2018 г. было обусловлено главным образом увеличением расходов на обслуживание государственного долга, повышением цен на топливо, а также ростом финансирования ливанских муниципалитетов перед очередными выборами.

Кризисное состояние ливанской экономики продолжало прогрессировать в 2019 г., особенно в четвёртом квартале. Накопившиеся за последние два десятилетия острые социально-экономические проблемы вылились в октябре 2019 г. в массовые протесты ливанского населения по всей стране. Согласно докладу Международного валютного фонда “*2020 Regional Economic Outlook for the Middle East and Central Asia*”, ВВП Ливана сократился в 2019 г. на 6,5% [*2020 Regional Economic Outlook*, 2020]. Финансовый кризис, в свою очередь, привёл к тому, что курс национальной валюты страны – ливанского фунта – упал на параллельном официальном рынке на 50%, выросла безработица, а банки ужесточили валютный контроль с целью экономии долларов [*IMF Sees Crisis*, 2020; *2020 Regional Economic Outlook*, 2020].

Несмотря на серьёзные социально-экономические трудности, важную роль в сохранении относительной макроэкономической и финансовой стабильности страны вплоть до конца 2010-х гг. играл достаточно сильный банковский сектор, который был способен привлекать значительные вклады частных лиц из-за рубежа. Необходимо отметить, что банки традиционно финансировали более половины значительной государственной задолженности Ливана, образовавшейся в основном в результате крупных заимствований для восстановления экономики страны, сильно разрушенной в ходе пятнадцатилетней гражданской войны, которая закончилась в 1990 г.

Вслед за обострением политической и экономической ситуации, произошедшим в 2019 г., в начале 2020 г. на Ливан распространился кризис, связанный с глобальной пандемией COVID-19, которая, естественно, не обошла стороной эту страну, как и многие другие части Арабского Востока. Принимая во внимание множество различных сложных проблем, с которыми сталкивается современный Ливан, можно ожидать, что последний кризис нанесёт сильный удар по крайне неустойчивой экономике страны.

Экономический ущерб от эпидемии коронавируса пока трудно оценить. Тем не менее прогнозируется, что дефицит государственного бюджета увеличится на 15%, что приведёт к заметному повышению уровня инфляции [Abi-Rashed, Diwan, 2020]. До начала пандемии в Ливане уже имело место массовое закрытие бизнесов в качестве реакции на события конца 2019 г., что способствовало резкому росту безработицы и бедности в стране. По имеющейся информации на январь 2020 г., 200 тыс. рабочих мест были утрачены по сравнению с данными об их общем числе на октябрь 2019 г. По предварительной оценке международных экспертов, к концу 2020 г. уровень безработицы, возможно, повысится с 12 до 30% [Abi-Rashed, Diwan, 2020]. Ливанские домохозяйства страдают от ограничений доступа к своим банковским счетам, а объём денежных переводов ливанцев, работающих за границей, существенно снизился из-за очередного падения глобальных нефтяных цен.

Наряду с COVID-19, сильный удар по экономике Ливана нанёс взрыв, который произошёл в Бейрутском порту 4 августа 2020 г. и вызвал серьёзное повреждение порта, а также прилегающих к нему районов Центрального Бейрута, оставив тысячи ливанцев без крова. В этой связи можно предположить, что необходимость восстановления порта, зданий и инфраструктуры города потребует от ливанского правительства в обозримом будущем значительных расходов, что может ещё более усугубить валютно-финансовый кризис, который переживает страна. Курс ливанского фунта по отношению к доллару снизился, согласно оценке на начало сентября 2019 г., на 80% по сравнению с октябрём того же года [*Lebanon Country report*. *Garda World*, 2020]. Взрыв 4 августа инициировал возобновление в Ливане

массовых протестов и привёл к отставке правительства. 31 августа 2020 г. новым премьер-министром был назначен Мустафа Адиб, однако внутренние политические споры относительно распределения власти в стране, вероятно отсрочат формирование нового кабинета министров [Lebanon Country report. *Garda World*, 2020].

Прежнее правительство Ливана в феврале 2020 г. одобрило весьма незначительный пакет мер с целью поддержки населения страны в связи с распространением эпидемии COVID-19. В частности, была выделена помощь бедным домохозяйствам в размере 150 долл. на одно домохозяйство. Кроме того, правительство обратилось с просьбой к местным банкам реструктурировать погашение задолженности для малых и средних предприятий (*small and medium enterprises – SMEs*) по низким процентным ставкам. Общая стоимость пакета мер составляет примерно 1.2 трлн ливанских фунтов (около 300 млн долл. по рыночному валютному курсу). Хотя государственные расходы на программу помощи оцениваются всего в 1% ВВП (это намного меньше, чем, например, в Египте, Иордании и Тунисе, где стоимость подобных пакетов мер равняется 2–3% ВВП), Ливан в настоящее время не располагает фискальными возможностями даже для их финансирования. Следовательно, реализация этой программы требует дополнительного печатания денег, что при отсутствии внешней помощи будет ухудшать нынешнюю кризисную макроэкономическую ситуацию в стране.

Важным негативным последствием COVID-19 для современной социально-экономической ситуации в Ливане является продолжающееся падение денежных переводов от ливанской диаспоры, значительная часть которой живёт и работает в нефтедобывающих странах Персидского залива и Западной Африки. Экономика этих государств, как известно, серьёзно пострадала в результате резкого снижения глобальных нефтяных цен в 2014 г. и испытывает серьёзные трудности в связи с их очередным падением и сохранением в дальнейшем на сравнительно низком уровне в связи с пандемией коронавируса. В результате многие ливанские гастарбайтеры, трудящиеся в странах-нефтеэкспортёрах, либо лишились работы, либо столкнулись с сокращением оплаты труда, или же пострадали их бизнесы, связанные с нефтяным и другими секторами экономики, что привело к падению объёма денежных трансферт экспатриантов в Ливан.

Множество сложных проблем, с которыми сталкивается страна в настоящее время, способствует углублению неравенства среди социально-экономических групп ливанского населения. Территориальные диспаритеты являлись одной из ключевых проблем Ливана даже в более благополучные годы. Периферийные территории, такие как Северный Ливан, Долина Бекаа и Южный Ливан оставались маргинализированными и слабо развитыми в течение длительного времени, в то время как усилия властей в сфере развития были сфокусированы на Бейруте и его окрестностях. По оценке Всемирного Банка, общая бедность (*overall poverty prevalence*) может достичь в 2020 г. 50% (в 2011 г. – 27%), при этом экстремальная бедность, как ожидается, составит 22% [Daqa, 2020]. Можно с уверенностью утверждать, что поскольку исторически самый высокий уровень бедности наблюдался на периферийных ливанских территориях, то эти регионы страны станут ещё беднее. Согласно последней имеющейся информации по распределению бедности по регионам Ливана в 2011 г., 38% населения Долины Бекаа относилось к бедным слоям, 36 – в Северном Ливане и 25 – в Южном Ливане по сравнению с 16% в Бейруте [Daqa, 2020].

Девальвация ливанского фунта привела к росту цен на товары первой необходимости, так как значительная часть местного потребления приходится на импортную продукцию. В результате уровень инфляции в стране повысился почти до 90% в годовом исчислении (*a year-to-year basis*) в середине 2020 г. [Daqa, 2020]. Однако более высокий рост инфляции наблюдался в ценах на базовые статьи потребления, в первую очередь на продовольствие. Малоимущие домохозяйства Ливана тратят подавляющую часть своих доходов на продукты

питания. Таким образом, растущая доля граждан страны страдает от уменьшения возможностей для приобретения еды. Следовательно, всё больше ливанцев, по всей вероятности, будут не в состоянии удовлетворить свои базовые потребности и окажутся в нищете. Более того, учитывая падение совокупного спроса (*aggregate demand*), частный бизнес пытается снизить операционные издержки путём уменьшения объёма своей деятельности и увольнения части занятых или, в лучшем случае, сокращения оплаты их труда (иногда за счёт сокращения рабочего времени). В результате растёт безработица или неполная занятость, толкая людей в неформальную («теневую») экономику.

Неравенство в доходах местного населения ещё более увеличивается из-за существования в стране множественных валютных курсов. Как правило, наёмные работники в Ливане получали заработную плату (доход) в долларах США или в ливанских фунтах. Ливанский фунт начал быстро обесцениваться после массовых протестов в конце 2019 г., эта практика привела к существенной разнице в доходах между двумя группами населения страны. Работники, которые получали заработную плату в ливанских фунтах, потеряли более 80% своих доходов. В свою очередь ливанцы, зарабатывающие в долларах, могли получить свои доходы только после их конвертации в национальную валюту по следующему курсу: 1 доллар США = 3900 ливанских фунтов. Иными словами, они теряли от 40 до 55% номинального дохода, если пересчитать его по привилегированному рыночному курсу: 1 доллар США = 7000 ливанских фунтов [Dara, 2020]. Важно отметить, что ливанские экспатрианты имели право покупать национальную валюту по рыночному курсу.

Занятые в государственном секторе Ливана находятся среди тех граждан страны, которые понесли наибольшие потери своей покупательной способности. Согласно некоторым оценкам, около 14% ливанской рабочей силы занято в госсекторе [Dara, 2020]. Большинство из них являются выходцами из бедных и неблагополучных регионов, в которых доля населения, занятого в государственном секторе, значительно выше, чем средний показатель по Ливану². Исходя из этого, можно предположить, что волна кризисов, с которыми сталкивается страна в настоящее время, ударяет сильнее по ливанской периферии, чем по центру, увеличивая социально-экономическое неравенство между регионами страны.

В июне 2020 г. министр экономики Ливана заявил, что 60% ливанцев к концу указанного года окажутся за чертой бедности, а, по оценке главы Ассоциации трейдеров Бейрута (*the Beirut Traders Association*), примерно ¼ частных бизнесов столицы прекратили свою деятельность, причём их число в ливанской провинции ещё выше [Sunniva, 2020]. В июле 2020 г. цены на продовольственные товары выросли на 24% по сравнению с предшествующим месяцем и на 330% против уровня, который был зафиксирован в июле 2019 г. [Half of Lebanese Businesses, 2020; Khreiche, 2020].

В настоящее время Ливан переживает глубокий, многослойный экономический и финансовый кризис, а также резкое падение доходов населения страны. Исходя из этого, эксперты Всемирного банка оценивают падение ВВП в 2020 г. в 19.2%, повышение уровня бедности до 45%, а экстремальной нищеты до 22%. Согласно их оценке, примерно 1.7 млн ливанцев находятся за чертой бедности (при этом 841 тыс. ниже черты продовольственной бедности) [*US \$246 Million*, January 12, 2021]. В этих условиях Ливан, безусловно, нуждается в поддержке международных финансовых организаций. Международный валютный фонд, в частности, выразил стремление оказать подобную помощь, однако, он оговорил её предоставление рядом условий, в том числе необходимостью проведения в стране ряда важных структурных реформ [Assoud, 2018; Assoud, 2021]. Всемирный банк, в свою очередь, в январе 2021 г. одобрил предоставление Ливану 246 млн долл. в качестве социальной помощи [*US 246 Million*, January

² Например, удельный вес ливанцев, занятых в государственном секторе в нижеследующих провинциях страны достигает (в %): 31 – в Аккаре, 26 – в Баальбек-Хермел и 19 – в Набатии.

12, 2021]. Согласно этому проекту (*The Emergency Crises and COVID-19 Response Social Safety Net Project – ESSN*), финансовая помощь будет оказываться 147 тыс. экстремально бедным ливанским домохозяйствам (примерно охватывающим 786 тыс. человек) в течение одного года. Домохозяйства, имеющие право на материальную помощь, будут получать месячные денежные трансферты в размере 100 тыс. ливанских фунтов на одного своего члена. Кроме того, 87 тыс. детей в возрасте 13–18 лет получают денежные трансферты для погашения расходов на обучение, включая сборы на школьную регистрацию (*school registration fees*), родительские советы, школьные учебники, транспорт, школьную униформу, компьютерное оборудование. и/или подключение интернета для дистанционного обучения [US \$246 Million, January 12, 2021].

Проект *ESSN* предусматривает расширение масштаба и улучшение реализации *National Poverty Targeting Program (NPTP)*, запущенной в 2011 г. с помощью Всемирного Банка. С этой целью в рамках *ESSN* будет применяться адресная методология для определения домохозяйств, имеющих право на финансовую помощь, а также наиболее уязвимых групп населения во всех ливанских регионах.

Пандемия COVID-19, по сути, усугубила социально-экономические и финансовые тренды, которые развивались в предшествующий период. Выше уже говорилось, что денежные переводы ливанской диаспоры начали резко снижаться после 2014 г. Одновременно банки страны попали под давление из-за американских санкций и угрозы частных гражданских судебных процессов в связи с вовлечённостью финансовых структур Ливана в глобальную систему отмыwania теневых доходов исламистского движения «Хизбалла». В этих условиях ливанские элиты начали выводить свои крупные долларовые вклады из страны. В то же время малые и средние предприятия и компании Ливана, а также индивидуальные (некрупные) вкладчики продолжали доверять фиксированному валютному курсу Центрального банка страны (*the Bank du Liban – BdL*) и сохраняли долларовые депозиты в ливанских банках, пока это не стало слишком поздно. В настоящее время данные депозиты оказались заморожены и потеряли свою прежнюю стоимость, а ливанская финансовая система потерпела совокупные валовые убытки в объёме свыше 93 млрд долл., а процентное отношение государственного долга к ВВП страны выросло до 171% [The Deliberate Depression, 2020, p. 25; Ricards, 2020].

Центральный Банк Ливана в связи с падением денежных трансфертов ливанской диаспоры в страну после 2014 г. увеличил во второй половине 2010-х гг. выпуск еврооблигаций. Так, например, в период с апреля по май 2016 г. были осуществлены новые выпуски на 3 млрд долл. В 2017–2018 гг. Ливан получил 10.2 млрд долл. за счёт выпусков еврооблигаций [Ricards, 2020].

Другим важным решением *Bank du Liban* было расширение практики так называемого финансового инжиниринга (*financial engineering*). Согласно этим схемам, *BdL* предлагал процентные ставки выше рыночных на долларовые депозиты коммерческих банков, которые, в свою очередь, использовали аналогичные ставки для своих вкладчиков с целью стимулирования долларовых вкладов и денежных переводов ливанских экспатриантов [Ricards, 2020]. Центральный банк Ливана также делал вклады в национальной валюте в коммерческие банки (главным образом за счёт печатания денег), возвращая таким образом местную валюту в качестве депозитов в *BdL* по намного более высоким процентным ставкам. Разрыв (*spread*) между суммами, которые выплачивали коммерческие банки, и теми, что они получали за вклады в местной валюте, мог составлять 11% от оборота ливанских фунтов, то есть, используя эту схему, они получали огромные прибыли [Ricards, 2020]. Финансовый инжиниринг расширился, и с его помощью искусственно поддерживался курс национальной валюты вплоть до второй половины 2019 г., когда он потерпел крах в связи с демонстрациями протеста по всей стране, триггером которых стали планировавшиеся

налоги на табак, бензин и на трафик некоторых интернет-мессенджеров. Вскоре фокус протестов переместился в сторону недовольства состоянием экономики, коррупцией и политических требований. Ливан, следовательно, был отрезан от рынка еврооблигаций (последний их выпуск состоялся в мае 2018 г.), а без притока новых долларовых ресурсов для продолжения реализации схем финансового инжиниринга достаточно быстро наступил коллапс. Центральный банк ужесточил валютный контроль, вывоз долларов был запрещён за редким исключением [Ricards, 2020]. Определённая часть ливанской элиты, по всей вероятности, была предупреждена о введении жесткого валютного контроля, поскольку успела перевести крупные суммы с долларовых депозитов на зарубежные счета. Большинство обычных граждан страны пали жертвой заморозки долларовых счетов.

Неэффективность и нестабильность ливанских правительств, наряду с ограниченным доступом к финансированию, являются главными проблемами для ведения частного бизнеса в Ливане. Слабо развитый фондовый рынок и отсутствие возможностей для инвестирования помимо монополизированной банковской системы ещё более затрудняет создание и развитие малых и средних предприятий. Неформальная («теневая») экономика рассматривается правящим режимом страны в качестве важного хозяйственного компонента, что показывает неадекватность системы управления экономикой. Согласно данным *World Bank Enterprise Survey*, около 60% обследованных ливанских компаний заявляли, что они испытывают жёсткую конкуренцию со стороны незарегистрированных и нелегальных бизнесов. Для сравнения упомянем, что аналогичный средний индикатор для стран Ближнего Востока и Северной Африки равняется 42%, то есть уровень неформальной экономики в Ливане более высок [*Lebanon Country Report*, BТИ 2018].

Антимонопольная политика пользуется в стране лишь ограниченной поддержкой из-за тесных внутренних связей среди политических и бизнес-элит. Парламент Ливана в течение более чем десяти последних лет не мог принять закон о конкуренции из-за противоречий между двумя влиятельными депутатскими коалициями – «March 14» и «March 8». Первая из них выступала за более существенное дерегулирование и развитие рыночноориентированной модели экономики. «March 8», в свою очередь, предпочитала доминирование в экономике государственного сектора и контролируемых государством предприятий. Безуспешные дебаты вокруг закона о конкуренции – это всего лишь наглядный пример нежелания проводить экономические реформы даже среди политиков, ориентирующихся на частный бизнес.

Учитывая высокий уровень рисков, связанных с нарастанием социально-политического, экономического, валютно-финансового и долгового кризисов в стране, ливанские правящие элиты должны найти в обозримом будущем консенсус по многим важным вопросам, касающимся выхода из крайне сложной экономической ситуации. В первую очередь Ливану необходима надёжная стратегия, которая позволила бы стабилизировать ситуацию, а также включала бы меры по восстановлению государственного управления, проведение ряда назревших структурных преобразований, в частности, монетарной и фискальной реформ, полную реорганизацию банковской системы.

Острая необходимость снижения огромного государственного долга и дефицита бюджета требует реформирования энергетического сектора Ливана, неэффективность деятельности которого в течение последних десятилетий наносит большой ущерб экономике страны. Приток сирийских беженцев ещё более обострил энергетические проблемы. На государственное финансирование национальной энергетической компании *Electricité du Liban*, по данным Всемирного банка, в 2011–2017 гг. приходилось в среднем 3.54% ВВП [The Deliberate Depression 2020, p. 41]. Ряд попыток реформировать ливанскую энергетику, которые предпринимались в предшествующий период при содействии зарубежных госу-

дарств и международных организаций, оказались безуспешными. В докладе Всемирного банка “*Lebanon Power Sector Emergency Action Plan—2020*” ливанскому правительству предлагается реализовать основные рекомендации закона № 462, введённого в действие в 2002 г., а также дополнений к нему. Закон № 462 предусматривает реструктуризацию энергетического сектора, в частности, путём передачи активов национальной компании *Electricité du Liban* по генерации и распределению электроэнергии частному сектору. Кроме того, план, подготовленный экспертами Всемирного банка, включает необходимость модернизации операционной деятельности, управления и повышения прозрачности в сфере энергетики в соответствии с международными стандартами, а также меры по стимулированию осуществления программы развития возобновляемых источников энергии в соответствии с задачами, заявленными на период до 2030 г. [The Deliberate Depression, 2020, p. 40–41; *The Global Competitiveness Report*, 2019].

Разгосударствление телекоммуникационного сектора Ливана также является важной составной частью необходимых структурных преобразований в экономике Ливана, особенно учитывая тренд на цифровизацию экономики, набирающий силу на Арабском Востоке. Развитие IT-сектора в стране сдерживается низким качеством предоставляемых услуг и их высокой стоимостью. В результате Ливан занимал в 2019 г. 95-е место среди 141 страны по показателю *ICT adoption* и 195-е место среди 221 страны в 2020 г. по скорости широкополосного интернета [*Cable’s Worldwide Broadband*, 2020; The Deliberate Depression, 2020, p. 41–42].

Осуществлению экономических реформ в Ливане препятствуют возобновившиеся с новой силой религиозные и политические конфликты. В то же время продвижение страны по пути социально-экономической модернизации невозможно без достижения консенсуса как в правящей элите, так и в ливанском обществе в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

2020 Regional Economic Outlook for the Middle East and Central Asia. International Monetary Fund. Washington, July 13, 2020. Pp. 3–11. <https://www.imf.org/en/Publications/REO/MECA/issues/2020/07/13> (accessed: 20.07.2020).

Abi-Rashed J.M., Diwan I. *The Socioeconomic Impact of COVID-19 on Lebanon: A Crisis within Crises*. June 2020. <https://www.euromesco.net/publication/the-socioeconomic-impact-of-covid-19-on-lebanon> (accessed: 29.08.2020).

Assoud L. Rethinking the Lebanese Economic Miracle: The Extreme Concentration of Income and Wealth in Lebanon 2005–2014. *WID. World working paper series number 2017/13. World Inequality Lab*, September 19, 2018. <https://www.wid.world/document/rethinking-the-lebanese-economic-miracle-the-extreme-concentration-of-income-and-wealth-in-lebanon-2005-2014-wid-world-working-paper-201713> (accessed: 25.12.2021).

Assoud L. *Political Economy: From Predatory to Self-Devouring*. Carnegie Middle East Center. London, 14 January 2021. <https://carnegie-mec.org/2021/01/14/lebanon-s-political-economy/> (accessed: 29.01.2021).

Cable’s Worldwide Broadband Speed League. 2020. <https://www.cable-broadband/speed/worldwide-speed-league/2020/> (accessed: 2.02.2021).

Dara K. *Marginalization Costs: Regional Disparities Fueling Lebanon’s Fragility*. Carnegie Middle East Centre. London, 2020. <https://carnegie-mec.org/> (accessed: 30.09.2020).

The Deliberate Depression. Fall 2020. *Lebanon Economic Monitor: World Bank Document*, Washington, December 1, 2020. Pp. 3–90. <https://www.worldbank.org/en/country/lebanon/publication/lebanon-economic-monitor/the-deliberate-depression-fall-2020/> (accessed: 1.02.2021).

The Global Competitiveness Report 2019. World Economic Forum, www.weforum.org/gsr/ (accessed: 2.02.2021).

Half of Lebanese Businesses Could Close in 2020: Chammas. *Daily Star*, June 16, 2020. <https://www.dailystar.com.lb/Business/Local/2020/June-16/507563-half-of-lebanese-businesses-could-close-in-2020-chammas.ashx> (accessed: 15.11.2020).

IMF Sees Crisis Hit Lebanon's Output Shrinking 12% in 2020. The Reuters, April 15, 2020. <https://www.reuters.com/article/lebanon-crisis-imf-idUSL5A2c361P> (accessed: 17.08.2020).

Khreiche D. Lebanon Inflation Soars Past 100% in Latest Sign of Meltdown. *Bloomberg*, August 26, 2020. <https://www.bloombrg.com/news/articles/2020-08-26/lebanon-inflation-soars-past-100-in-fallout-from-currency-shock> (accessed: 15.12.2020).

Lebanon Country Report. BTI, 2018. <https://www.bti-project.org/en/reports/country-reports/detail/itc/LBN> (accessed: 15.08.2020).

Lebanon Country report. Garda World. HIS Market, 8 September 2020. <https://garda.com/crises24/country-reports/Lebanon> (accessed: 12.09.2020).

Lebanon Overview. World Bank, Washington, 1 April 2019. <https://www.worldbank.org/en/country/lebanon/overview> (accessed: 17.08.2020).

Ricards J. *Crisis in Lebanon. Anatomy of a Financial Collapse*. Foundation for Defense of Democracies (FDD), August 4, 2020, Pp. 3–57. <https://www.fdd.org/analysis/2020/08/04/crises-in-lebanon/> (accessed: 17.09.2020).

Sunniva R. Over-Indebted Lebanon Goes Deeper into Crisis. *Le Figaro*, June 7, 2020. <https://www.lefigaro.fr/cojoncture/le-liban-surendette-s-enfonce-dans-une-crise-profonde-20200607> (accessed: 24.10.2020).

US \$246 Million to Support Poor and Vulnerable Lebanese Households and Build-Up the Social Safety Net Delivery System. World Bank. Washington, January 12, 2021. <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2021/01/us246-mln-to-support-poor-and-vulnerable-lebanese-households--and-build-up-the-social-safety-net-delivery-system> (accessed: 20.01.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РУДЕНКО Людмила Николаевна –
кандидат экономических наук, старший
научный сотрудник Центра арабских
и исламских исследований, Института
востоковедения РАН, Москва, Россия.

Ljudmila N. RUDENKO, PhD (Economics),
Senior Research Fellow, Centre of Arab and
Islamic Studies, Institute of Oriental Studies
RAS, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080015234-4

АРАБСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА И ТУРЦИИ
ПОСЛЕ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

© 2021

И.А. СВИСТУНОВА^а, А.С. БОГАЧЕВА^б^а – ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID 0000-0001-5191-9090; isvistunova@imemo.ru^б – ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0556-67198; bogacheva.ans@imemo.ru

Резюме: События Арабской весны привели к трансформации политических режимов и региональной конфигурации на Ближнем Востоке. Арабское пробуждение и его последствия оказали влияние на внешнюю политику неарабских мусульманских стран ближневосточного региона – Ирана и Турции. Обе эти страны восприняли начало Арабской весны как возможность для расширения своего регионального влияния, однако непредсказуемый ход протестных выступлений не оправдал изначальных ожиданий Тегерана и Анкары. Затянувшиеся внутренние конфликты в ряде стран Арабской весны и вмешательство в эти конфликты внешних сил привели к изменению иранского и турецкого подходов и к появлению новых тенденций в политике Ирана и Турции в арабском мире.

В условиях углубляющихся сирийского и йеменского кризисов все более важным приоритетом Ирана на Ближнем Востоке становится безопасность ближних и дальних подступов к ИРИ. В этом контексте особое значение приобретает создание приграничной «буферной зоны» за счет объединения лояльных Тегерану региональных сил.

В политике Турции в арабском мире также возросло значение противодействия вызовам национальной безопасности. Повысилась готовность Анкары использовать силовой фактор, осуществляя военные операции на территории Сирии, оказывая военную помощь ливийскому правительству в Триполи и развивая военное сотрудничество с Катаром.

Арабская весна и вопросы ее влияния на внешнюю политику Ирана и Турции привлекают внимание представителей экспертного сообщества двух стран. Оценки иранских и турецких исследователей представляют интерес для понимания региональных подходов и внешнеполитического мышления Тегерана и Анкары.

Ключевые слова: Арабская весна, Иран, Турция, Ближний Восток, внешняя политика Ирана, внешняя политика Турции, международные отношения.

Для цитирования: Арабский вектор внешней политики Ирана и Турции после Арабской весны. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 61–73. DOI: 10.31857/S086919080015234-4

FOREIGN POLICY OF IRAN AND TURKEY TOWARDS ARAB STATES AFTER THE ARAB SPRING

© 2021

Irina A. SVISTUNOVA ^a, Anastasia S. BOGACHEVA ^b

^a – Primakov Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia
ORCID 0000-0001-5191-9090; isvistunova@imemo.ru

^b – Primakov Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0556-67198; bogacheva.ans@imemo.ru

Abstract: *The events of the Arab Spring resulted in transformation of the political regimes and reconfiguration of the Middle East region. The “Arab Awakening” and its consequences had impact on foreign policy of Iran and Turkey. Both of these countries perceived the beginning of the Arab Spring as an opportunity to expand their regional influence. But the unpredictability of the protests had not met the expectations of Tehran and Ankara. The protracted internal conflicts in several Arab Spring countries and the intervention of external forces in these conflicts led both to a change in the Iranian and Turkish approaches and the emergence of new trends in Iranian and Turkish policy in the Arab world.*

In times of the deepening Syrian and Yemeni crises, the security issue is becoming increasingly important for Iran and establishing its policies in the Middle East. In this context, the creation of a border “buffer zone” by uniting pro-Iranian regional forces is acquiring special significance.

The importance of countering national security challenges has also increased for Turkey’s policy in the Arab world. Ankara is more willing to use the force factor during its military operations in Syria, providing military assistance to the Libyan Government in Tripoli and developing military cooperation with Qatar.

The Arab Spring and the issues of its influence on the foreign policy of Iran and Turkey attract the attention of both Iranian and Turkish expert communities. Iranian and Turkish experts’ evaluations are important for better understanding of Iranian and Turkish regional approaches and foreign policy thinking.

Keywords: the Arab Spring, Iran, Turkey, the Middle East, foreign policy of Iran, foreign policy of Turkey, international relations.

For citation: Svistunova I.A., Bogacheva A.S. Foreign Policy of Iran and Turkey towards Arab States after the Arab Spring. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 61–73. DOI: 10.31857/S086919080015234-4

Десятилетие спустя после начала событий Арабской весны, стремительно трансформировавших политическое устройство ряда государств, можно констатировать новую региональную конфигурацию на Ближнем Востоке. Вместе с тем фактор «арабского пробуждения» и его последствия до сих пор продолжают косвенно влиять на внешнеполитические стратегии Ирана и Турции – двух мусульманских стран региона, не относящихся к арабскому миру. В статье будут рассмотрены подходы иранских и турецких исследователей к Арабской весне с точки зрения ее влияния на внешнюю политику Тегерана и Анкары, а также новые тенденции в политике этих государств на арабском поле.

Проблематика влияния Арабской весны на внешнюю политику Ирана и Турции привлекла к себе внимание российских, иранских и турецких авторов, опубликовавших целый ряд научных статей после начала революционных процессов на Ближнем Востоке.

В работах отечественных исследователей изучались вопросы эволюции понятий «арабское пробуждение» и/или «арабское возрождение» в идеологических и концептуальных основах внешней политики ИРИ [Филин и др., 2019] или её ближневосточный вектор [Ахмедов, 2020; Бирюков, 2017]. Российские авторы рассматривали ближневосточную политику Ирана и Турции в целом [Глазова и др., 2014; Шлыков, 2012], турецко-сирийские отношения [Васильев, 2016] и влияние «арабской весны» на политику Турции в других регионах [Варбанец, 2012].

Иранские эксперты исследовали новые внешнеполитические подходы, обусловленные «арабским пробуждением» [Недждад, 2014], а также изменившиеся региональные обстоятельства, в которых Иран оказался после этих событий [Al-Smadi, 2017]. Турецкие авторы анализировали позицию Анкары в отношении «арабской весны» и возможности продвижения в арабском мире «турецкой модели» развития [Duran, Özdemir, 2012; Kösebalaban, 2020]. В работах турецких политологов неоднократно поднималась тема эволюции турецкой внешней политики под влиянием ближневосточных протестов [Akıllı, 2012; Kardaş, 2013; Oğuzlu, 2020(1), 2020(2)]. Отдельное внимание уделялось развитию отношений Турции со странами Персидского залива после начала «арабской весны» [Oktav, 2013].

ПОЛИТИКА ИРАНА: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРИОРИТЕТОВ

События Арабской весны способствовали актуализации во внешней и внутренней политике Ирана концепции «Исламского пробуждения» (перс. *бидари-йе эслами*). Её суть в самом общем виде заключалась в гиперболизации роли исламской революции 1979 г. до мессианской и представлении ИРИ в качестве катализатора развития исламизма в странах мусульманского мира [Филин, Кокликов, Медушевский, 2019]. На этом основании в общественно-политическом дискурсе ИРИ «арабская весна» часто заменяется на «арабское возрождение», с целью подчеркнуть преемственность иранской и арабских революций, а также обозначить стремление ИРИ к универсализации идеи исламского мира.

Официальная позиция Тегерана касательно Арабской весны по мере удаления от момента основных событий в период с 2010 по 2014 гг. постепенно изменялась от воодушевления и готовности к сотрудничеству с новыми арабскими лидерами до сдержанно-настороженной или даже негативной, как, например, в случае Сирии. Ключевой фигурой, с точки зрения оценки последствий происходящего в арабском мире для Ирана, стал Верховный Лидер ИРИ Али Хаменеи. Именно ему принадлежат базовые тезисы, согласно которым Арабская весна является продолжением исламской революции в Иране [Khamenei, 2011], а иранская модель исламской политической системы может быть экспортирована вовне [Khamenei, 2013].

Осмысление последствий «арабского возрождения» представителями религиозной элиты и экспертным сообществом, ответственными за выработку внешней политики, включает идеологическую и практическую линии, соответственно [Nedzhad, 2014]. Так, в рамках первой, события в арабском мире оценивались исходя из интересов национальной безопасности, в частности, проводилась политика поиска новых союзников, институализации нового порядка. В 2010–2011 гг. под эгидой ИРИ была сформирована Всемирная ассамблея исламского пробуждения (26–27 сентября 2011 г. в первом заседании Ассамблеи приняло участие более 700 участников, среди которых мыслители, лидеры сопротивления, политические деятели, известные активисты, журналисты, представители исламских партий и организаций со всего исламского мира). Целью этой организации было провозглашено «предотвращение отклонения региональных событий от правильного пути», обеспечение «единства исламской уммы и сближения между мазхабами», а также «обеспечение прозрач-

ности, информации и противодействия антиисламским движениям, стремящимся бросить вызов исламскому пробуждению» [*Всемирная Ассамблея исламского пробуждения*, 2021].

В свою очередь практическая линия выражалась мерами, предпринимаемыми МИД ИРИ. Череду революций в арабских странах объяснялась иранской пропагандой как следствие политики США и Израиля, направленной на подрыв единства исламского мира. Иранская же сторона, напротив, призывала к снижению напряженности в регионе путём реформирования политических систем арабских государств. Некоторые арабские лидеры (в том числе глава «Братьев-мусульман» Мухаммед Мурси) получали приглашения приехать в Тегеран и 27 февраля 2011 г. принять участие в конференции, посвященной исламскому пробуждению. Подобные приглашения, однако, не означали автоматического установления союзнических отношений между конкретными арабскими странами и ИРИ, но демонстрировали рост амбиций иранской стороны в условиях складывания новой региональной конфигурации.

К 2015 г. руководству Исламской Республики стала очевидна неготовность большинства лидеров арабского мира к политическому сближению и несостоятельность собственных общеисламских проектов, вдохновленных исламским пробуждением в арабских странах. Тегеран был вынужден возвратиться к политике ограниченного проецирования своего культурного, политического и экономического воздействия на страны региона. Фокус внимания руководства при активном содействии регулярных вооруженных сил Исламской Республики и Корпуса стражей Исламской Революции (КСИР) вновь оказался всецело обращен на обеспечение безопасности ближних и дальних подступов к ИРИ. В условиях усугубляющихся сирийского и йеменского кризисов возросла заинтересованность Ирана в создании приграничной «буферной зоны» за счет объединения лояльных Тегерану региональных сил. Фактор арабской весны с тех пор оказывает на внешнюю политику Ирана только косвенное влияние, и рассматривается как один из многих катализаторов трансформационных процессов на Ближнем Востоке, определивших актуальную региональную конфигурацию.

Сегодня Иран вместе с Турцией, Королевством Саудовская Аравия (КСА) и Израилем является одним из региональных лидеров и занимает важное место в системе региональной безопасности, проводит собственную региональную политику. В свою очередь арабский вектор внешней политики Тегерана распадается на несколько конкретных направлений, приоритетность которых определяется и зависит от позиций конкретных правительств или сил, противостоящих правительству той или иной арабской страны, их готовности сотрудничать с Тегераном, политической и идеологической лояльности.

По сути единственным, официально союзным Тегерану арабским государством является Сирийская Арабская Республика (САР). Однако в условиях готовности правительства Башара Асада принимать экономическую и военную помощь от ИРИ, в стране начали нарастать опасения в возможности чрезмерного усиления влияния Тегерана. И все же, Иран и Сирия тесно связаны друг с другом исторически, политически и географически. САР была включена в иранский проект «Оси сопротивления» (перс. *михвар-е могавзмат*)¹ за долго до начала арабской весны. Сирийский кризис, начавшийся в 2011 г., не рассматривался Тегераном как составляющая «арабского пробуждения» и был признан следствием американской политики.

¹ Термин впервые был употреблен на арабском языке в ливийской газете, а затем получил широкое распространение в иранских СМИ – альянс, объединивший Иран, Сирию, иракские шиитские ополчения, ливанскую «Хезбаллу» и йеменское движение хуситов. И хотя «Ось», по существу, оказалась ситуативным альянсом, обусловленным общностью геополитических представлений ее участников, ведущую роль в нем играет Исламская Республика Иран (ИРИ). Общая цель всех ее участников – противодействие проекту американско-израильского доминирования на Ближнем Востоке.

С 2011 г. до настоящего времени политика, реализуемая Ираном в Сирии, прошла несколько этапов [Богачева, 2020]. С самого начала сирийского конфликта Тегеран начал активно противодействовать попыткам США и НАТО свергнуть режим Асада [Глазова и др., 2014]. Военная поддержка наращивалась от минимального участия иранских сил до постоянного, санкционированного правительством Б. Асада присутствия на территории САР иранских и союзных ИРИ сил из числа проиранских шиитских группировок и ополчений [Ахмедов, 2020, с. 247–256].

Актуальная стадия кризиса не рассматривается Тегераном как окончательная, ввиду чего Иран пока не заинтересован в сокращении своего присутствия на сирийской территории.

Остальные арабские государства взаимодействуют с Исламской Республикой куда менее охотно. Однако и среди них руководство ИРИ выделяет более и менее приоритетные направления. Так, в настоящее время наиболее существенное влияние (помимо Сирии) Иран имеет в Ираке и Ливане, чуть меньшее в Йемене, а также периодически предпринимает попытки продвинуть собственную концепцию безопасности в Персидском Заливе.

Ливан и Ирак исторически являются зоной особого внимания Тегерана и традиционно рассматривались им в качестве форпостов сопротивления американской и израильской экспансии. Из двух стран события 2011 г. в существенно большей степени затронули Ирак, так как привели к укреплению и экспансии на иракской территории «Исламского Государства»² – террористической организации, борьба с которой на территории страны завершилась только в 2019 г., а также к разделению Ирака на сферы влияния между США, Турцией и Ираном. В Ливане «арабское пробуждение» спровоцировало очередную интифаду, направленную против политики конфессионализма. Интифада продолжалась в течение 2011 года и завершилась формированием нового правительства, не решив основных проблем внутривластного устройства и сохранив «бомбу замедленного действия», снова и снова приводящую к протестам.

Союзные ИРИ силы представлены «Хизбаллой» в Ливане и блоком проиранских шиитских ополчений в Ираке. Среди них: «Катаиб Хизбалла», «Катаиб Имам Али» и «Катаиб Сейид аш-Шухада», сохранившие максимальную лояльность Тегерану даже в условиях «Арабской весны 2.0» – второй волны протестных настроений, прокатившейся некоторым странам арабского мира (Судан, Алжир, Ирак и Ливан) [*«Арабская весна»: результат внешнего влияния или часть глобального процесса, 2021*].

В целом же в обеих странах Иран сейчас сталкивается с еще большим (по сравнению с периодом 2011–2014 гг.) количеством проблем: нарастанием не только в Ираке, но теперь и в Ливане политической фрагментированности и внутривластной нестабильности, общим ростом антииранских настроений и «кризисе доверия» даже среди шиитского населения к «Хизбалле», активном противодействии росту иранского влияния со стороны США и Израиля. В частности, в Ираке отмечается снижение градуса лояльности Тегерану среди прежде лояльных ему сил народной мобилизации (СНМ); ростом автономности таких ополчений как «Бадр», «Асаиб Ахль аль-Хакк», «Харакят Хизбалла ан-Нуджаба», ранее считавшихся проиранскими. На ливанском же направлении наметилось охлаждение отношений Ирана с «Хизбаллой» ввиду ограниченности финансовых возможностей Тегерана, которое может отразиться на размере иранских инвестиций и оказываемой ей финансовой поддержке.

Дополнительным фактором, омрачающим внешнюю политику ИРИ на иракском и ливанском направлениях, является гибель в январе 2020 г. командира «Катаиб Хезболла» и фактического лидера СНМ Абу Махди аль-Мухандиса и главнокомандующего спецподраз-

² Организация запрещена в РФ.

делением КСИР «Аль-Кудс» Касема Сулеймани. Сменившие их лидеры обладают меньшей харизмой и авторитетом, поэтому они в меньшей степени контролируют ситуацию.

Арабская весна стала серьезным дестабилизирующим фактором в отношениях Исламской Республики с Саудовской Аравией и другими странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Период 2011–2013 гг. стал временем жесткого подавления любых шиитских выступлений в странах Залива, на что иранское шиитское духовенство не могло реагировать положительно.

Так, например, в Бахрейне в 2011 г. при подавлении суннитской правящей верхушкой протестов шиитского большинства, в целях поддержания порядка в страну были введены объединенные войска ССАГПЗ. Поводом для ввода послужили выдвинутые в адрес ИРИ правительством Бахрейна обвинения во вмешательстве во внутренние дела. Тегеран же, в свою очередь, осудил вмешательство во внутренние дела Бахрейна арабских стран, что еще больше ухудшило отношения [Al-Smadi, 2017].

Однако по мере затухания протестных настроений в странах Залива обоюдное напряжение снижалось. И в январе 2014 г. правительством Х. Роухани (занимавшего пост президента в 2013 г.) были инициированы нормализация отношений по линии Иран – Залив. Новый министр иностранных дел ИРИ М.Д. Зариф в рамках турне посетил Оман, Арабские Эмираты, Катар и Кувейт, а также выразил готовность к взаимодействию с КСА [Zarif Asks Saudi, 2013]. В ходе турне М.Д. Зарифу удалось запустить нормализацию иранско-катарских отношений, следствием которой стало возобновление конструктивного диалога. Аналогичный порыв в 2014–2015 гг. был характерен и для пришедшего на смену покойного короля Абдаллы Бен Абдель Азиза нового руководства Саудовской Аравии. Однако иранско-саудовской нормализации не произошло, так как КСА развернуло военную кампанию против поддерживаемых Ираном хуситов в Йемене. Двусторонние отношения пошли на новый виток эскалации, в частности в 2016 г. во время очередного кризиса, спровоцированного казнью в КСА шиитского проповедника шейха Нимра ан-Нимра [Бирюков, 2017], между странами были разорваны дипломатические отношения.

И тем не менее сохраняющаяся напряженность в иранско-саудовских отношениях, а также в отношениях Исламской Республики со странами Залива вовсе не означает отказ правительства ИРИ от поиска путей двусторонней и многосторонней нормализации. Время от времени Тегераном выдвигаются мирные инициативы или предлагаются общие проекты. Так, например, в 2019 г. в ходе своего выступления на заседании Генеральной Ассамблеи ООН Х. Роухани предложил странам Залива сформировать «Коалицию надежды», главной целью которой стало бы обеспечение региональной безопасности. Что, однако, стало неприемлемым для Тегерана после инициированной Дональдом Трампом еврейско-арабской нормализации.

В свою очередь на йеменском направлении события Арабской весны способствовали углублению вовлеченности Тегерана. При этом фактор арабской весны имел здесь отложенный и ограниченный эффект, так как силы союзной ИРИ группировки «Ансар Алла» (хуситов) захватили Сану только в 2014 г. Кроме того, далеко не все члены движения хуситов поддерживали проводимую Тегераном политику и не были в достаточной степени близки к Тегерану идеологически (хуситы принадлежат к зейдитскому мазхабу, т.е. они догматически ближе к суннитскому направлению ислама, чем к неошиитской идеологии, положенной в основу Исламской Республики).

Несмотря на ограниченность двустороннего взаимодействия, постепенно стали наращиваться объемы иранской помощи. В частности, были увеличены объемы военно-технического сотрудничества и финансовой поддержки; возросло число рейсов по маршруту из Йемена в ИРИ, в страну были направлены иранские военные советники. Тегеран стремился

превратить хуситов в союзное ополчение, которое было бы возможно использовать против Саудовской Аравии [*Iran's Networks of Influence in the Middle East*, 2019, p. 159–178].

На сегодняшний момент реализовать это удалось только отчасти. К середине 2020 г. в Йемене обозначилась ограниченность контролируемого хуситами пространства (около 20%); а их относительная автономность и географическая удаленность от ИРИ, практически лишает Тегеран контроля над ситуацией. Кроме того, наращиванию иранского влияния активно противостоит Саудовская Аравия, осуществляются периодические перехваты поставляемой Ираном помощи.

Очевидно, что фактор Арабской весны, хоть и косвенно, все же продолжит влиять на внешнюю политику Исламской Республики Иран. И хотя перспектив пересмотра основополагающих концепций ИРИ пока нет, нельзя не принимать во внимание тот факт, что в иранском общественно-политическом дискурсе в последние все чаще стала звучать идея о необходимости пересмотра конституции. Как бы то ни было, в случае ее изменения, равно как и в случае осуществления руководством Исламской Республики реформы политической системы «сверху», смены президентских администраций и тем более верховного лидера, внешняя политика Ирана не останется неизменной и должна будет быть адаптирована к новым внутривнутриполитическим реалиям.

Аналогичным образом внешняя политика ИРИ изменится и в случае изменений на глобальном или региональном уровнях.

В свою очередь, отношения ИРИ с арабскими странами в краткосрочной и среднесрочной перспективе вряд ли претерпят серьезные изменения. Арабо-израильская нормализация, наряду с вмешательством в дела ближневосточного региона нерегиональных акторов останутся для Исламской Республики основными раздражителями на арабском направлении.

При этом в случае победы на президентских выборах в июне 2021 г. представителя ультра-консервативных сил более вероятными станут разовые эскалации в отношениях с целым рядом арабских стран. В то же время в случае победы сторонника политической линии последних лет возможно продолжение попыток нормализовать отношения с большим количеством государств ССАГПЗ.

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Начало Арабской весны в 2011 гг. было встречено в Анкаре с надеждой на усиление турецких позиций в регионе благодаря распространению в арабском мире «турецкой модели» мусульманского демократического государства. Турция приветствовала протестные движения, стремясь позиционировать себя в качестве поборника демократизации консервативных режимов. В реальности продвижения «турецкой модели» не получилось, в ряде стран конфликты приняли затяжной характер, а в отношениях Анкары с некоторыми арабскими государствами возникла напряженность. В случае с Сирией и Египтом отношения ухудшились настолько, что были отозваны послы.

Сегодня вопрос о влиянии Арабской весны на внешнюю политику Анкары вызывает различные оценки турецких экспертов. Некоторые видят в ней своего рода «водораздел» этапов развития внешней политики современной Турции [Kösebalaban, 2020; Oğuzlu, 2020(1), 2020(2)]. Волна революций стала фактором, остановившим попытки реализации региональных концепций А. Давутоглу, таких, как «ноль проблем с соседями» и «политика мягкой силы». В соответствии с этими концепциями, до 2011 г. в поисках баланса между ценностями и интересами турецкое руководство предпочитало не вмешиваться во внутренние дела соседних стран, фокусируясь на вопросах сотрудничества. Если до Арабской вес-

ны Турция стремилась к сохранению в регионе статус-кво, то после нее внешняя политика Анкары приобрела наступательный характер [Oğuzlu, 2020(2)]. Радикальные изменения политического пейзажа в арабском мире не позволяли Турции оставаться в стороне от борьбы за передел регионального влияния.

Турецкий профессор-международник Х. Кёсебалабан полагает, что для Турции Арабская весна превратилась из благоприятной возможности в тупиковую ситуацию. Турецкое руководство попыталось выстраивать региональную политику не на основе рационального подхода к происходящим событиям, но с упором на «принципы и ценности» под лозунгом защиты демократии. В частности, Анкара не смогла перевести в прагматичное русло свою реакцию на переворот в Египте, что привело к охлаждению отношений с Каиром. Напряженность, возникшая между Турцией и еще целым рядом арабских стран, стала причиной фактической региональной изоляции Анкары. После ухода в 2016 г. из турецкого правительства А. Давутоглу ответственность за внешнеполитические неудачи была возложена на него, однако возврата к рациональному курсу на Ближнем Востоке не произошло [Kösebalaban, 2020].

Известный турецкий журналист Ф. Булут считает, что Арабская весна застала Турцию врасплох, принесла ей и неожиданные возможности, и новые сложности. Анкара не смогла четко определить направление своей внешней политики, но, тем не менее, Турции удалось укрепить свои региональные позиции за период Арабской весны и показать себя влиятельным игроком на Ближнем Востоке [Bulut, 2021].

Турецкий политолог А. Эрбога, который пишет для проправительственного журнала «Критер», утверждает, что рост ревизионистских настроений среди малых игроков, уставших от региональной нестабильности, и укрепление турецких позиций в приграничной зоне Сирии позволят Анкаре без особого труда вернуть себе то положение на Ближнем Востоке, которое она занимала до Арабской весны [Erboğa, 2019].

По мнению Х. Кёсебалабана, отсутствие рациональной и последовательной внешнеполитической региональной стратегии в период после Арабской весны привело к тому, что у Турции не осталось союзников в арабском мире, за исключением Катара [Kösebalaban, 2020]. В свою очередь А. Эрбога полагает, что кроме Катара Турцию связывают прочные отношения с такими арабскими государствами, как Иордания, Палестина и Кувейт [Erboğa, 2019].

После Арабской весны во внешней политике Турции усилилось внимание к вопросам безопасности. Особенно ярко это проявилось на сирийском направлении. Начало волнений вызвало в Турции надежды на особую роль в распространении либерально-демократических ценностей в арабском мире. Анкара перешла на критические позиции по отношению к режимам, с которыми раньше активно сотрудничала, невзирая на идейные разногласия. Сирийский кризис стал первым случаем в истории республиканской Турции, когда она открыто поддержала попытку смены режима в соседней стране [Oğuzlu, 2020(2)].

Автономистские устремления сирийских курдов способствовали смещению фокуса внимания Анкары, приоритетом которой стало предотвращение появления вдоль турецко-сирийской границы сплошной полосы, подконтрольной курдам. Официальная позиция Турции заключается в том, чтобы приравнять к ИГИЛ³ боевые организации турецких курдов (РПК) и сирийских курдов (PYD/YPG) [Çavuşoğlu, 2020, p. 22]. С 2016 г. под предлогом права на самооборону от террористических атак РПК Анкара перешла к самостоятельным силовым акциям на территории Сирии. Осуществление ряда военных операций со звучными названиями («Щит Евфрата», «Оливковая ветвь», «Источник мира») позволило турецкой армии установить контроль над значительной частью приграничной зоны

³ Террористическая организация, запрещена в РФ.

в Сирии. В октябре 2020 г. парламент Турции в очередной раз продлил на год полномочия правительства отправлять вооруженные силы в Сирию.

Новым фактором арабского вектора внешней политики Анкары стало военно-политическое взаимодействие с Россией. Традиционно настороженное отношение Турции к внерегиональным игрокам на ближневосточном поле сменилось прагматичным подходом к российскому присутствию в Сирии. Астанинский процесс переговоров по Сирии, в котором участвует также Иран, и совместное российско-турецкое патрулирование в зонах деэскалации в Сирии, даже с учетом всех его сложностей, представляют собой новую модель отношений между Москвой и Анкарой. Российско-турецкий диалог в рамках сирийского конфликта и усилия двух стран по его урегулированию вывели двусторонние связи Москвы и Анкары на уровень регионального взаимодействия. Это особенно заметно на фоне присутствия в Сирии традиционного западного союзника Турции – США, стратегические разногласия с которым определили предпочтительность для Анкары российского варианта.

Попытки совместного российско-турецкого посредничества в урегулировании ливийского конфликта свидетельствуют об успешности сирийского опыта с точки зрения отношений между Москвой и Анкарой. Несмотря на разногласия в подходах сторон, поддерживающих противостоящие силы в сирийском и ливийском конфликтах, Россия и Турция получили ценные навыки регионального сотрудничества в условиях противоречий.

Ливийский конфликт дополнительно высветил рост готовности Анкары использовать фактор силы при реализации своих внешнеполитических интересов. Ранее Турция задействовала силовой фактор в арабском мире только в «ближней зоне» (на территории Сирии и Ирака). Турецкая военная активность в Ливии вышла за пределы традиционной географии. С 2020 г. Анкара начала оказывать официальную военную помощь одной из сторон гражданского конфликта в Ливии – Правительству национального согласия в Триполи. Эта политика зарубежной военной помощи кардинально отличается от действий Анкары в Сирии, где Турция объясняет свои военные операции угрозой терроризма. Турецкие власти стремятся позиционировать ливийский вектор внешней политики в качестве акции защиты законного правительства и подчеркивают, что «Турция стала единственной страной, которая откликнулась на просьбу ливийских братьев о помощи и оказала им конкретную поддержку» [Çavuşoğlu, 2020, p. 26]. Очевидно стремление турецких властей апеллировать к ценностной мотивации для объяснения своей наступательной региональной стратегии.

Еще одной новой тенденцией внешней политики Турции в арабском мире стало развитие тесных связей с Катаром в политической, экономической и военной сферах. Отправной точкой сближения двух стран послужили их симпатии к «Братьям-мусульманам» [Хайруллин, 2019], определившие сходство подходов к военному перевороту в Египте. В 2014 г. был создан турецко-катарский Высший стратегический комитет, который ежегодно собирается на заседания для обсуждения широкого спектра вопросов двусторонних отношений под председательством глав двух государств. В ходе работы шести заседаний комитета было подписано 62 соглашений о двустороннем сотрудничестве в различных сферах и шесть совместных деклараций [Dilek, 2020, p. 8].

В 2017 г. Турция вместе с Ираном официально выступила против инициированных Эр-Риядом попыток международной изоляции Катара и приняла деятельное участие в прорыве блокады, поставляя в эмират продовольствие через иранскую территорию. В 2018 г. поддержку Турции, переживавшей экономический кризис, оказал Катар, который направил в эту страну прямые инвестиции на сумму 15 млрд долларов [Dilek, 2020, p. 15]. В 2020 г. центральные банки двух стран договорились о своповых контрактах в национальных валютах в размере 20 млрд долларов [Dilek, 2020, p. 15]. Торговый оборот между двумя странами увеличился с 800 млн долларов в 2014 г. до 2,2 млрд долларов в 2019 г. [Bitmez, İbicioğlu, 2020].

В 2014 г. Турция и Катар договорились о создании в эмирате турецкой военной базы, которая была открыта три года спустя. На базе, по разным данным способной разместить от 3 до 5 тысяч солдат, несут службу 300 турецких военнослужащих [*Türkiye'nin hangi ülkede...*, 2020]. Началось регулярное проведение совместных военных учений двух стран (последние по времени состоялись со 2 по 31 марта 2021 г.). Все это означает беспрецедентное укрепление турецкого влияния в районе Персидского залива и первый случай военного проникновения сюда современной Турции.

Один из ведущих колумнистов турецкой газеты «Хюрриет» С. Эргин отмечает, что на рубеже 2020–2021 гг. на первый план во внешней политике Анкары выходит идентичность, связанная с «жесткой силой» [Ergin, 2020]. Безусловно, эта идентичность разительно отличается от популярной до Арабской весны концепции «мягкой силы» как ключевого инструмента турецкой политики на Ближнем Востоке.

Эргин выражает опасения по поводу закрепления за Турцией международного имиджа страны, которая отдает приоритет «жесткой силе». По мнению колумниста, это несет риски сужения дипломатических возможностей Анкары, что требует поиска рационального баланса «мягкой» и «жесткой» сил [Ergin, 2020].

В свою очередь известный в Турции международный обозреватель С. Кохен назвал 2020 г. «годом экспансии» во внешней политике страны, полагая, что новая стратегия Анкары привела к расширению ее регионального и международного влияния. Кохен считает, что Турция соединяет политику «жесткой силы» и дипломатию, отстаивая свои интересы, но не закрывая двери для переговорных процессов [Kohen, 2020]. Представляется, что турецкое руководство не только соединяет различные инструменты внешней политики, но и использует силовой фактор для обеспечения более выгодных переговорных позиций.

* * *

И Тегеран, и Анкара рассматривали Арабскую весну как шанс на значительное усиление своего регионального влияния. Процессы «арабского пробуждения» пошли по сценарию, который не соответствовал ожиданиями Ирана и Турции. Тем не менее, обе страны, разделяющие особый интерес к ближневосточному региону, с которым их связывает общая история и культура, пытаются заполнять геополитические лакуны, возникающие в результате череды военно-политических кризисов, охвативших арабский мир.

Затянувшиеся внутренние конфликты в ряде стран Арабской весны и вмешательство в эти конфликты внешних сил привели к появлению новых тенденций в политике Ирана и Турции в арабском мире.

В условиях непрекращающегося кризиса значительно углубилось взаимодействие Ирана с Сирией и движением хуситов в Йемене. Произошёл пересмотр приоритетных направлений «арабской политики» Тегерана, который начал попытки перезагрузить отношения с отдельными странами Залива. В последние годы наметилась тенденция снижения влияния Ирана на внутривосточную обстановку в Ираке и Ливане, в связи с чем Тегеран вынужден прилагать дополнительные усилия чтобы удержать позиции в этих странах.

В политике Анкары в арабском мире резко возросло значение силового фактора. Применение силы и использование турецких вооруженных сил за пределами национальных границ становится одним из приоритетов политики Турции в регионе. Результатом этого стали военные операции турецкой армии на территории Сирии, военная помощь ливийскому правительству в Триполи и военное сотрудничество с Катаром. В некотором смысле арабский регион для Турции оказался «площадкой», где отрабатываются новые

внешнеполитические стратегии, вызванные к жизни кризисными явлениями «арабской весны». Зона применения этих стратегий расширяется, как свидетельствует обращение Анкары к силовому фактору в Восточном Средиземноморье и Закавказье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

«Арабская весна»: результат внешнего влияния или часть глобального процесса? Валдай. Международный дискуссионный клуб [“*Arabic Spring*”: the Result of External Influence or Part of a Global Process? Valдай. Discussion Club (in Russian)] <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/arabskaya-vesna-rezultat-vneshnego-vliyaniya-ili-chast-globalnogo-protsessa/> (accessed: 21.03.2021).

Ахмедов В.М. Политика Ирана на Ближнем Востоке: политические и военные измерения. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 4. С. 247–256 [Akhmedov V.M. Iran’s Politics in the Middle East: Political and Military Dimensions. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. No. 4. Pp. 247–256 (in Russian)].

Бирюков Е.С. Взаимоотношения Саудовской Аравии и Ирана в сфере безопасности. *Россия и мусульманский мир*. 2017. № 12(306). С. 60–84 [Biryukov E.C. Security Relations between Saudi Arabia and Iran. *Russia and the Moslem World*. 2017. No. 12(306). Pp. 60–84 (in Russian)].

Богачева А.С. Политика Ирана в Сирии. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2020. № 1. С. 74–80 [Bogacheva A. S. Iran’s Policy in Syria. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. 2020. No. 1. Pp. 74–80 (in Russian)].

Варбанец П. Внешняя политика Турции в Центральной Азии и на Кавказе: отголоски событий «арабской весны». *Центральная Азия и Кавказ*. 2012. Т. 15. № 4. С. 59–66 [Varbanets P. Turkey’s Foreign Policy in Central Asia and the Caucasus: Echoes of the Arab Spring. *Central Asia and the Caucasus*. Vol. 15. No. 4. Pp. 59–66 (in Russian)].

Васильев А.Д. «Арабская весна» и участие Турции в сирийском конфликте. *Поиск. Альтернативы. Выбор*. 2016. № 1(1). С. 58–70 [Vasilyev A.D. The Arab Spring and Turkish Participation in the Syrian Conflict. *Search. Alternatives. Choice*. 2016. No. 1(1). Pp. 58–70 (in Russian)].

Всемирная Ассамблея исламского пробуждения. Исламская революция. Вчера, сегодня, завтра [World Assembly of Islamic Awakening. Islamic revolution. Yesterday Today Tomorrow (in Russian)] <https://iran1979.ru/vsemirnaya-assambleya-islamskogo-probuzhdeniya/> (accessed: 20.03.2021).

Глазова А.В., Иваненко В.И., Колесников А.А., Свистунова И.А. Влияние «арабской весны» на неарабские страны Ближнего Востока. *Проблемы национальной стратегии*. 2014. № 4(25). С. 9–27 [Glazova A.V., Ivanenko V.I., Kolesnikov A.A., Svistunova I.A. Impact of the Arab Spring upon Non-Arab Countries in the Middle East. *National Strategy Issues*. 2014. No. 4(25). Pp. 9–27 (in Russian)].

Филин Н.А., Кокликов В.В., Медушевский Н.А. Концепция «Исламского пробуждения» как внешнеполитическая доктрина Исламской Республики Иран в XXI в. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2019. № 2. С. 98–109 [Filin N.A., Koklikov V.V., Medushevskii N.A. The Concept of «Islamic Awakening» as the Foreign Policy Doctrine of the Islamic Republic of Iran in the 21st Century. *RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series*. 2019. No. 2. Pp. 98–109 (in Russian)].

Хайруллин Т.Р. Формирование катарско-турецкого альянса. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 4. С. 30–35 [Khairullin T.R. The Formation of the Qatari-Turkish Alliance. *Asia and Africa Today*. 2019. No. 4. Pp. 30–35 (in Russian)].

Шлыков П.В. Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны». Портал «Перспектива». 17.12.2012 [Shlykov P.V. *Turkish Policy in the Middle East under the Arab Spring. “Perspective” Portal* (in Russian)] http://www.perspektivy.info/book/blizhn vostoch naja_politika_turcii_v_kontekste_arabskoj_vesny_2012-12-17.htm (accessed: 28.03.2021).

Akıllı E. Türk Dış Politikası Zemininde Arap Baharı. *Ortadoğu Analiz*. Ocak 2012. Cilt: 4. Sayı: 37. S. 39–45 [Akıllı E. The “Arab Spring” in the Context of Turkish Foreign Policy Tradition. *Middle East Analysis*. January 2012. Vol. 4. No. 37. Pp. 39–45 (in Turkish)].

Bitmez S., İbicioğlu S. Türkiye-Katar iş birliği 2020 yılında Kovid-19 salgınına rağmen güçlenerek devam etti. *Anadolu Ajansı*. 23.12.2020 [Bitmez S., İbicioğlu S. In 2020 Turkey-Qatar Cooperation Strengthened Despite Covid-19. *Anadolu Agency*. 23.12.2020 (in Turkish)] <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/turkiye-katar-is-birligi-2020-yilinda-kovid-19-salginina-ragmen-guclenerek-devam-etti/2086466#> (accessed: 25.03.2021).

Bulut F. “Arap Baharı”, devletlerin dış politikalarını nasıl etkiledi? *Independent Türkçe Sitesi*. 07.01.2021 [Bulut F. How Did the Arab Spring Influence Foreign Policies of States? *Independent Türkçe Portal* (in Turkish)]. <https://www.indyurk.com/node/296216/turkiyeden-sesler/arap-bahari-devletlerin-dis-politikalarini-nasil-etkiledi-3> (accessed: 05.03.2021).

Çavuşoğlu M. 2021 Yılına Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız. *Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Resmi Sitesi*. 14.12.2020 [Çavuşoğlu M. Our Proactive and Humanitarian Foreign Policy on the Eve of 2021. *Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs Official Website* (in Turkish)]. http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2021-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (accessed: 18.03.2021).

Dilek Ş. Katar Yatırımları ve Türkiye’nin Yeri. *SETA Analiz*. Aralık 2020. Sayı 341 [Dilek Ş. Qatar Investments and the Place of Turkey. *SETA Analysis*. December 2020. No. 341 (in Turkish)].

Duran H., Özdemir Ç. Türk Dış Politikasına Yansımalarıyla Arap Baharı. *Akademik İncelemeler Dergisi*. Cilt 7, Sayı 2, Yıl 2012. S. 181–198 [Duran H., Özdemir Ç. Arab Spring with Its Reflections in Turkish Foreign Policy. *Journal of Academic Inquiries*. 2012. Vol. 7. No. 2. Pp. 39–45. (in Turkish)].

Erboğa A. 2019’da Türkiye’nin Ortadoğu Politikası. *Kriter Dergisi*. Ocak 2019 / Yıl 3, Sayı 31 [Erboğa A. Turkish Foreign Policy in the Middle East in 2021. *Kriter Journal*. January 2019 / Year 3. No. 31 (in Turkish)]. <https://kriterdergi.com/yazar/abdullaherboga/2019da-turkiyenin-ortadogu-politikasi> (accessed: 15.03.2021).

Ergin S. 2020’den 2021’e dış politika(2) – Türkiye’nin ‘sert güç’ kimliği ön plana çıkıyor. *Hürriyet Gazetesi*. 30.12.2020. [Ergin S. A “Year of Expansion” in Foreign Policy from 2020 to 2021 (2) – Turkey’s “Hard Power” Identity Steps Forward. *Hürriyet Newspaper*. (in Turkish)]. <https://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/sedat-ergin/2020den-2021e-dis-politika2-turkiyenin-sert-guc-kimligi-on-plana-cikiyor-41701711> (accessed: 05.04.2021).

Iran’s Networks of Influence in the Middle East. The International Institute for Strategic Studies (IISS), 2019.

Kardaş Ş. Türkiye ve Arap Baharı: Türkiye’nin Orta Doğu Politikasındaki Değişiklikler. *Hazar raporu*. Bahar 2013. S. 71–79 [Kardaş Ş. Turkey and the Arab Spring: Changes in Turkish Policy in the Middle East. *Hazar Report*. Spring 2013. Pp. 71–79 (in Turkish)].

Khamenei A. *Bianat dar edzhlas-y bein olmelâli-ye bidari-ye eslami*. Khamenei.ir. 17.09.2013. <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=17269> [Khamenei A. *Statements at the International Summit of the Islamic Awakening*. Ali Khamenei’s Official Website “Khamenei.ir”. 17.09.2013 (in Persian)]. (accessed: 26.03.2021).

Khamenei A. *Khotbekha-ie namaz-e dzhome-e tehran + tardzhome-e khotbe-ie arabi*. Khamenei.ir. 04.02.2011. <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=10955> [Khamenei A. *Friday prayer sermons in Tehran + translation of sermon in Arabic*. Ali Khamenei’s Official Website “Khamenei.ir”. 04.02.2011 (in Persian)]. (accessed: 26.03.2021).

Kohen S. Dış politikada “Yayılma Yılı”. *Milliyet Gazetesi*. 29.12.2020 [Kohen S. A “Year of Expansion” in Foreign Policy. *Milliyet Newspaper*. (in Turkish)]. <https://www.milliyet.com.tr/yazarlar/sami-kohen/dis-politikada-yayilma-yili-6391676?sessionid=3> (accessed: 05.04.2021).

Kösebalaban H. 2021’e Girerken Türk Dış Politikasının Dönüşümü. *Perspektif Sitesi*. 31.12.2020 [Kösebalaban H. Transformation of Turkish Foreign Policy Heading into 2021. *Perspektif Portal*. 31.12.2020

(in Turkish)]. <https://www.perspektif.online/2021e-girerken-turk-dis-politikasinin-donusumu-2/> (accessed: 10.03.2021).

Nedzhad S.A. Ravikrod-e siesat-e kharedzhi-ye eslami-ye Iran dar gebal takhavolliyat-e novin-e khar-e nazdik. *Faselename "siosat"*. 2014. №1(4). S. 61–76 [Nejad S.A. Foreign Policy Approaches of the Islamic Republic of Iran in the Face of New Events in the Middle East. *"Politics" Quarterly*. 2014. No. 1(4) (in Persian)].

Oğuzlu T. (1) Arap Baharı'na kadar dış politikada realist ve liberal dinamikler. *Antalya Ekspres Gazetesi*. 24.07.2020 [Oğuzlu T. Realist and Liberal Dynamics in Foreign Policy Before the Arab Spring. *Antalya Ekspres Newspaper*. 24.07.2020 (in Turkish)] <http://antalyaekspres.com.tr/yazi/prof-dr-tarik-oguzlu/-arap-bahari-na-kadar-dis-politikada-realist-ve-liberal-dinamikler/98436> (accessed: 09.03.2021).

Oğuzlu T. (2) Arap Baharından 2015'e Türkiye'nin Ortadoğu politikasında realist ve liberal dinamikler. *Antalya Ekspres Gazetesi*. 30.07.2020. [Oğuzlu T. Realist and Liberal Dynamics in Turkish Foreign Policy in the Middle East from the Arab Spring till 2015. *Antalya Ekspres Newspaper*. 30.07.2020. (in Turkish)]. <http://antalyaekspres.com.tr/yazi/prof-dr-tarik-oguzlu/arap-baharindan-2015-e-turkiye-nin-ortadogu-politikasinda-realist-ve-liberal-dinamikler/98508> (accessed: 09.03.2021).

Oktav Ö.Z. Arap Baharı ve Türkiye-Körfez Devletleri İlişkileri *Ortadoğu Analiz*. Mart 2013. Cilt: 5. Sayı: 51. S. 69–78 [Oktav Ö.Z. The Arab Spring and Turkey GCC States Relations. *Middle East Analysis*. March 2012. Vol. 5. No. 51. Pp. 69–78 (in Turkish)].

Al-Smadi F. Iran and the Arab Revolutions: Narratives Establishing Iran's Monopolism. *Al Jazeera Center for Studies*, 2017. <https://studies.aljazeera.net/en/reports/2017/03/iran-arab-revolutions-narratives-establishing-irans-monopolism-170318050125225.html> (accessed: 21.03.2021).

Türkiye'nin hangi ülkede, kaç askeri var, hangi gerekçelerle bulunuyor? *Evrensel*. 18.11.2020 [In Which Country, How Many Soldiers and for What Reasons Does Turkey Have? *Evrensel*. 18.11.2020 (in Turkish)]. <https://www.evrensel.net/haber/395467/turkiyenin-hangi-ulkede-kac-askeri-var-hangi-gerekcelerle-bulunuyor>. (accessed: 13.03.2021).

Zarif Asks Saudi Arabia to Work with Iran. Al-jazeera, 02.12.2013. <http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2013/12/zarif-asks-saudi-arabia-work-with-iran-2013122154323461970.html> (accessed: 21.03.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СВИСТУНОВА Ирина Александровна –
к.и.н., старший научный сотрудник Центра
ближневосточных исследований ИМЭМО
им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Irina A. SVISTUNOVA, PhD (History), Senior
Research Fellow, Center for the Middle East
Studies, IMEMO, Moscow, Russia.

БОГАЧЕВА Анастасия Сергеевна –
младший научный сотрудник Центра
ближневосточных исследований ИМЭМО
им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Anastasia S. BOGACHEVA, Junior Research
Fellow, Center for the Middle East Studies,
IMEMO, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080015049-0

КУВЕЙТ: ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
ПОСЛЕ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

© 2021

Е.С. МЕЛКУМЯН^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8901-2259; g.kosach@mal.ru

Резюме: После Арабской весны внутриполитическая ситуация в Кувейте пребывает в состоянии стагнации. В 2011 г. в стране прошли массовые народные протесты под руководством парламентской оппозиции, направленные против произвола высших чиновников и за проведение политических реформ. Протестные акции прекратились после отставки обвиненного в коррупции премьер-министра Насера Мухаммада ас-Сабаха, в чем и состояло основное требование протестующих.

В последующие годы противостояние между парламентской оппозицией и правительством приобрело перманентный характер и привело к череде политических кризисов. Изменения в составе парламента, происходившие после очередных выборов, не меняли сложившейся ситуации.

Проведенный автором анализ деятельности обеих сторон показал, что такое положение дел вызвано, с одной стороны, политикой властей, стремившихся избежать серьезных потрясений и не нарушить сложившийся баланс сил. Сохранение статус-кво, ставшее главной целью правящей элиты, было продемонстрировано в период смены власти в стране после кончины эмира Сабаха аль-Ахмада ас-Сабаха в 2020 г. Новый эмир Наваф аль-Ахмад ас-Сабах продолжил политический курс своего предшественника. С другой стороны, подобная преемственность политики отвечает интересам кувейтского общества, которое также не было решительно настроено на перемены. Оно стремилось сохранить стабильность в условиях обострения региональной ситуации. Поэтому идея «единой семьи всех кувейтцев» сохраняется.

Ключевые слова: Кувейт, парламент, протесты, оппозиция, правящая семья, выборы, власть.

Для цитирования: Мелкумян Е.С. Кувейт: внутриполитическая ситуация после Арабской весны. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 74–84. DOI: 10.31857/S086919080015049-0

KUWAIT: INTERNAL POLITICAL SITUATION AFTER THE ARAB SPRING

© 2021

Elena S. MELKUMYAN^а^а – Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8901-2259; g.kosach@mal.ru

Abstract: After the Arab Spring, the domestic political situation in Kuwait is in a state of stagnation. In 2011, there were massive popular protests in the country led by the parliamentary opposition, directed against the arbitrariness of high-ranking officials and for the implementation

of political reforms. The protests ended after the resignation of Prime Minister Nasser Muhammad al-Sabah, accused of corruption, which was the main demand of the protesters.

In subsequent years, the confrontation between the parliamentary opposition and the government became permanent and led to a series of political crises. Changes in the composition of the parliament that took place after next elections did not change the current situation. The author's analysis of the activities of both parties demonstrated that this state of things is caused, on the one hand, by the policy of the authorities, who sought to avoid serious shocks and not upset the existing balance of power. The maintaining the status quo, which became the main goal of the ruling elite, was demonstrated during the period of power change in the country after the death of Emir Sabah al-Ahmad al-Sabah in 2020. The new emir Nawaf al-Ahmad al-Sabah continued the political course of his predecessor. On the other hand, such a policy continuity is in the interests of the Kuwaiti society, which was also not determined to change. It sought to maintain stability in the face of an aggravated regional situation. That is why the national idea of "unique family of all Kuwaitis" persists.

Keywords: Kuwait, parliament, protests, opposition, ruling family, elections, authority.

For citation: Melkumyan E.S. Kuwait: Internal Political Situation after the Arab Spring. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 74–84. DOI: 10.31857/S086919080015049-0

Протестные акции, проходившие в Кувейте в 2011 г., не носили антирежимного характер и не привели к изменениям внутривластной ситуации. Они возникли под влиянием информации о народных выступлениях в Тунисе и Египте. Связь с событиями Арабской весны прослеживалась и в том, что инициатива их проведения исходила со стороны молодежных организаций, сформированных по примеру этих двух арабских стран.

28 февраля 2011 г. в социальных сетях было распространено воззвание молодежной группировки «Кафи» («Довольно»). В Египте активное участие в протестах принимала молодежная группировка с тем же названием «Кифия» («Довольно» на египетском диалекте). В воззвании содержались призывы «покончить с неэффективностью деятельности правительства, признать право на существование политических объединений, развивать гражданское общество, предоставить свободу выражать свое мнение». В нем также содержалось требование «бороться с финансовыми нарушениями, совершаемыми представителями власти» [Al-Naraka, 2012]. Как и в Тунисе и в Египте, образованная молодежь – «эта сама динамичная и современная часть общества», по оценке В.В. Наумкина, стала в Кувейте главной движущей силой народных выступлений» [Наумкин, 2012, с. 7]. Однако такой вывод отвечает реалиям лишь начального этапа протестных акций.

Первая демонстрация протеста в Кувейте прошла 8 марта 2011 г. В ней приняли участие не только молодежь и общественные активисты, но и представители парламентской оппозиции, в которую входили исламисты – организации, представлявшие «Братьев-мусульман» и салафитов, а также сторонники либерализации и демократизации политической жизни. В дальнейшем протесты проходили под руководством парламентской оппозиции, которая, используя протестные настроения, усилившиеся в кувейтском обществе, продолжила наступление на правительство, которое оно вело, начиная с 2006 г., когда премьер-министром был назначен Насер аль-Мухаммад ас-Сабах.

В мае 2011 г. в Кувейте прошла целая серия митингов и манифестаций с требований отставки правительства. Во время акций протеста представители молодежных организаций выступали с призывами о создании «конституционного эмирата» и «снижении роли правящей семьи в органах исполнительной власти», однако парламентская оппозиция их не

поддержала [Al-Kuwait: tazahura, 2011]. Оппозиция не была готова выдвигать требования, которые означали бы наступление на властные позиции правящей семьи.

Митинги и демонстрации протеста проходили под лозунгами отставки премьер-министра и борьбы с коррупцией. 22 сентября 2011 г. тысячи кувейтских граждан собрались перед зданием парламента с теми же требованиями. Было объявлено о формировании объединения «Долой взяточдателей и взяточников». На митинге выступали депутаты, которые обвиняли власть в бездеятельности и нежелании положить конец коррупции. Они требовали предать взяточников суду.

В ходе массового митинга, проходившего 21 октября 2011 г. перед зданием парламента, депутат от оппозиции Мусаллим аль-Барак обвинил премьер-министра Насера аль-Мухаммада ас-Сабаха в коррупции. 16 ноября 2011 г. оппозиция вывела на площадь перед зданием парламента тысячи демонстрантов, которые штурмом взяли здание и, войдя в зал заседаний, «исполнили кувейтский гимн в знак верности эмиру» [Amir al-Kuwait an shleiham, 2012]. 28 ноября эмир Сабах аль-Ахмад ас-Сабах издал указ об отстранении Насера аль-Мухаммада от занимаемой должности. После этого парламентская оппозиция приняла решение прекратить акции протеста. Борьба с правительством была продолжена ею в легальном поле.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ МЕЖДУ ПАРЛАМЕНТОМ И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

Кувейт принял конституцию, в соответствии с которой был создан парламент, в 1962 г. Деятельность парламента – первого среди арабских монархий Залива – началась в январе 1963 г. Статья 80 конституции декларировала создание Совета нации (*Маджлис аль-умма*) в составе 50 депутатов, избираемых путем прямого, тайного и всеобщего голосования граждан мужского пола, достигших 21 года. Представители армии и полиции были отстранены от участия в выборах [The Constitution, 1962, art. 80]. Женщины получили избирательные права только в 2005 г.

На первые избирательные кампании оказывали огромное воздействие такие факторы, как конфессиональная или племенная принадлежность кандидатов, т.к. округа были составлены с учетом преимущественного расселения племен или представителей шиитской общины. В то же время даже в ходе подготовки первых выборов в парламент члены общественно-политических организаций Кувейта выдвигали своих кандидатов и активно их поддерживали. Среди этих организаций были Движение арабских националистов, Общество социальных реформ, связанное с Движением «Братьев-мусульман», и Социально-культурное общество, представлявшее шиитскую общину.

В избирательной кампании, проходившей в 1975 г., впервые приняли участие профсоюзы. Кандидаты, выдвинутые общественно-политическими организациями, составили большинство. Помимо Общества социальных реформ, появилась еще одна влиятельная исламистская организация – Общество за сохранение наследия салафитской направленности.

Деятельность кувейтского парламента прерывалась дважды: в 1976 г. (парламентская деятельность была восстановлена в 1981 г.) и в 1986 г. (восстановлена в 1992 г.).

В последующие годы парламент воздействовал на политику правительства, осуществляя свои контролирующие функции и право отвергать законы, которые не отвечали его курсу. Большое значение придавалось также борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти. В парламентскую оппозицию входили как представители демократической и либеральной направленности, так и исламисты. Активное вмешательство парламента в деятельность правительства вызывало его сопротивление и нередко приводило к политическим кризисам.

После протестных акций 2011 г. на выборах, прошедших в феврале 2012 г., оппозиция одержала победу. Среди депутатов оппозиции большинство составили представители исламистов, а также сторонники либеральных реформ. На результаты выборов повлиял тот факт, что оппозиция возглавила массовые протесты и добилась выполнения своего основного требования – отставки премьер-министра. Спикером парламента был избран Ахмад ас-Саадун – деятель с большим стажем пребывания в составе парламентской оппозиции, известный своей принципиальностью и отказом идти на компромиссы с властью. Он был главой блока «Народное действие», борющееся за осуществление демократических реформ в стране.

Парламентская оппозиция продолжила наступление на министров, выдвигая депутатские запросы в отношении многих из них. Благодаря ее усилиям министр финансов Мустафа аш-Шимали в конце мая 2012 г. подал в отставку после того, как он был вызван в парламент с отчетом о его деятельности. В июне 2012 г. министр социальных дел и труда Ахмад ар-Раджиб оставил свой пост по тем же причинам. Кроме того, оппозиция предъявила претензии правительству в отношении того, что оно не приняло необходимых мер для расследования дела о подкупе депутатов, а также о незаконных переводах денег за границу, в чем обвинили бывшего премьер-министра Насера аль-Мухаммада. Парламент успешно эксплуатировал такую болезненную для общества тему, как коррупция.

Противостояние между парламентской оппозицией и властью обострялось, что заставляло власть искать выход из создавшегося положения. Правительство обратилось за содействием в Конституционный суд страны. Кувейтская власть постоянно подчеркивала демократичный характер своего правления, одним из элементов которого было разделение и независимость трех ветвей власти: законодательной, судебной и исполнительной. Поэтому в условиях конфликтных отношений между законодательной и исполнительной властью, было принято решение обратиться в Конституционный суд. В конце июня 2012 г. он провел заседание, в ходе которого были признаны недействительными итоги состоявшихся 2 февраля 2012 г. выборов из-за ошибок, допущенных в процессе их проведения, и вынес решение, предусматривавшее роспуск парламента и возвращение к составу менее оппозиционного парламента 2009 г.

Оппозиция отказалась признать правомерность решения Конституционного суда и в условиях охватившего страну политического кризиса призвала граждан страны выйти на улицу и поддержать требование о создании «выборного правительства». Такое правительство должно было формироваться на основе результатов выборов в парламент, когда победившая политическая группа должна была выдвинуть своего кандидата на пост премьер-министра, который бы формировал правительство в соответствии с результатами выборов.

Это требование предполагало кардинальные изменения политической системы Кувейта. Оно означало внесение поправок в конституцию 1962 г., которая действовала на протяжении 50 лет, что, по мнению представителей кувейтской власти, обеспечивало сохранение стабильности и национального единства.

Согласно статье 56 действующей конституции Кувейта, эмир после традиционных консультаций назначает премьер-министра, и он же снимает его с должности. Эмир также назначает и снимает с должности министров по рекомендации премьер-министра. Таким образом, формирование правительства осуществляется эмиром и премьер-министром, при этом сохраняются позиции правящей семьи Аль Сабах, за которой были закреплены пост премьер-министра, а также посты ключевых министров, таких как министр обороны, министр внутренних дел и министр иностранных дел. Кроме того, представители правящей семьи, как правило, занимают и другие министерские посты.

Влияние правящей семьи на политическую жизнь страны связано также с тем, что она участвует в выборе наследника престола. Эмир по сложившейся традиции, прежде

чем предложить его кандидатуру, которая должна быть утверждена парламентом, проводит консультации с Советом правящей семьи, в который входят наиболее влиятельные и авторитетные ее члены старше 40 лет. Таким образом, правящая семья обладает, хотя и законодательным образом не закреплёнными, но реальными властными полномочиями.

Для того, чтобы создать необходимые условия для возвращения к составу парламента 2009 г., правительство Кувейта подало прошение об отставке. Однако большинство депутатов не явились на заседание, поэтому эмир был вынужден распустить недееспособный состав парламента 2009 г. и издать указ о проведении новых выборов.

В процессе их подготовки эмир принял решение об изменении избирательных округов таким образом, чтобы каждый гражданин Кувейта смог отдать свой голос только за одного кандидата, хотя в соответствии с законом о выборах 2006 г. каждый избиратель мог поддерживать четырех кандидатов. По мнению власти, процесс голосования нуждался в совершенствовании, что и привело к процедуре внесения изменений в закон. Оппозиция выступила против этого решения и организовала акции протеста. С точки зрения оппозиционных лидеров, глава государства пошел на этот шаг для того, чтобы результатом будущей избирательной кампании не стала бы победа оппозиции, как это произошло в феврале 2012 г. Эмир Сабах аль-Ахмад пообещал, что поправки будут отменены только в том случае, если Конституционный суд признает их незаконными или если будущий парламент их не утвердит.

В результате выборов 2012 г. парламент был обновлен более чем наполовину. Большое число мандатов получила шиитская группировка, которая занимала проправительственные позиции. Члены парламентской оппозиции бойкотировали их, направив обращение в Конституционный суд с требованием принять решение в отношении указа эмира о внесении поправок в избирательный закон (указ стал называться «указом одного голоса»).

16 июня 2013 г. Конституционный суд принял решение, которое носило двойственный характер. С одной стороны, указ эмира о внесении поправок в избирательный закон страны, в соответствии с которым избиратели могут отдавать свой голос только одному кандидату в депутаты парламента, был признан конституционным и оставлен в силе. С другой стороны, решение Конституционного суда предусматривало роспуск действующего парламента, т.к. указ эмира о формировании Национальной избирательной комиссии был признан неконституционным. Это обстоятельство позволило Конституционному суду признать выборы парламента, избранного в декабре 2012 г., недействительными. Таким образом парламент был распущен, и были назначены новые парламентские выборы.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

27 июля 2013 г. в Кувейте состоялись внеочередные выборы в парламент страны. Политическая направленность избранных депутатов претерпела значительные изменения. Большая часть депутатов баллотировались как независимые кандидаты.

В выборах участвовали две группировки либералов: Национально-демократическая коалиция, объединяющая главным образом предпринимателей умеренных взглядов – сторонников проведения либеральных реформ и развития демократии. Вторая группировка – Объединение национального действия. В ней были представлены в основном лица свободных профессий, преподаватели вузов, врачи, инженеры и т.д. В программе Объединения национального действия основной акцент был сделан на необходимости демократизации общественно-политической жизни Кувейта.

Снизили свое представительство как шииты, так и суннитские организации. Крупнейшие исламистские объединения бойкотировали выборы из-за решения Конституционного суда оставить в силе указ эмира о внесении изменений в избирательный закон.

В выборах не участвовало и Движение народного действия (*Харакат аль-амаль аш-шааби*), ядро которого составляли бывшие оппозиционные депутаты парламента, во главе которых стоял его экс-спикер Ахмад ас-Саадун. Эта группировка выступала за проведение политических реформ, а также увеличение заработной платы и субсидий на жилье.

Выборы бойкотировала и одна из группировок либеральной направленности – Демократический форум, сторонники которой поддерживали проведение реформы в политической сфере и программу ускоренного экономического развития.

Необходимо отметить, что деление кувейтского депутатского корпуса на тех, кто представляет шиитов или суннитов, а также тех, кто относится к либералам, консерваторам или другим политическим направлениям, весьма условно, и это обстоятельство стало все более явным. Кроме того, трудно определить фракции парламента, которые поддерживают правительство или входят в состав оппозиции. Некоторые депутаты, по происхождению принадлежащие к одной из двух основных конфессиональных групп, в то же время могут быть избраны при поддержке политической организации, не ассоциирующей себя с какой-либо конфессией. Кроме того, большинство политических группировок создаются в период проведения предвыборной кампании, а затем прекращают свое существование или же претерпевают значительные изменения в своем составе. Исключение составляют немногие давно существующие организации. Среди них организация, объединяющая «Братьев-мусульман», которая действует в Кувейте с середины 1950-х гг. и которая начиная с 1970-х гг. активно участвовала в парламентской деятельности.

Взаимодействия между парламентом и правительством не удалось достичь, несмотря на все усилия, прилагаемые властью. Парламент, в составе которого оппозиционные депутаты составляли меньшинство, продолжил практику прежних парламентских запросов по отношению к членам правительства. Министры и премьер-министр должны были постоянно отчитываться перед парламентом. Правительство, которое испытывало постоянное давление со стороны законодательной власти, было недовольно сложившейся ситуацией и попыталось разрешить ее, обратившись в очередной раз в Конституционный суд страны. Запрос касался законности результатов прошедших в июле 2013 г. выборов в парламент.

Конституционный суд 23 декабря 2013 г. вынес свое решение, которое признало прошедшие выборы соответствующими закону о выборах и конституции страны. После обнародования этого решения премьер-министр Джабер аль-Мубарак ас-Сабах подал эмиру прошение об отставке. Эмир Сабах аль-Ахмад встретился с ним и просил его внести изменения в состав правительства, а не ставить вопрос о его отставке [Al-Kuwait: taadil, 2013]. Джабер аль-Мубарак заявил о своем намерении заменить не менее 8 министров своего правительства, прежде всего тех, деятельность которых была оценена парламентом, как неудовлетворительная [Al-Kuwait: taadil, 2013].

Парламент проработал три года и в октябре 2016 г. был распущен декретом эмира, который обозначил как главные причины этого: «региональные угрозы» и «вызовы безопасности», отражение которых требует «обращение к народу – источнику власти для того, чтобы он выбрал своих представителей, которые бы выражали его чаяния и устремления и принимали участие в противодействии этим опасностям» [Amir Al-Kuwait yahullu, 2016].

Избирательная кампания 2016 г. проходила в обстановке снижения уровня жизни населения и роста безработицы, что стало следствием уменьшения дохода государства из-за падения нефтяных цен и роста дефицита бюджета. Избиратели критиковали прежний парламент за принятие антинародных мер – повышение цен на бензин, воду и электроэнергию, снятие дотаций на некоторые виды товаров первой необходимости. Поэтому в выборах приняли участие подавляющее число лиц, включенных в избирательные списки, и, прежде всего, молодежь, что стало новым явлением в электоральной практике Кувейта.

Оппозиция смогла вновь вернуть утраченные в прежнем парламенте позиции, когда многие оппозиционные силы бойкотировали выборы. Итоги выборов определялись тем, что многие проблемы, поднимавшиеся парламентом в предшествовавшие годы, так и не были решены.

Очередные выборы в парламент состоялись 5 декабря 2020 г. Предвыборная кампания проходила в условиях ограничений, вызванных пандемией коронавируса, в основном в on-line режиме. Значительная часть предыдущего депутатского корпуса выдвинула свои кандидатуры. Для того чтобы избиратели делали сознательный выбор, один из общественных активистов создал on-line платформу, где он представил анализ деятельности депутатов предыдущего созыва: число инициированных ими законов, результаты голосований, присутствие на заседаниях и т.д. По его словам, это должно было способствовать «прозрачности выборов и их предсказуемости» [Explainer, 2020].

Темы, которые поднимались кандидатами, в основном касались необходимости проведения политических реформ, борьбы с коррупцией и тяжелой экономической ситуацией. Страна находилась в состоянии тяжелого кризиса задолженности, усилившегося на фоне падения цен на нефть и пандемии. Большое внимание кандидаты стали уделять проблеме демографического дисбаланса населения, большая часть которого представлена иммигрантами.

Результаты выборов были предсказуемыми. Число депутатов, вошедших в состав оппозиции, составило примерно половину состава депутатского корпуса. Все они были избраны как независимые кандидаты. По возрастному составу избранный парламент был достаточно молодым, т.к. 30 депутатов были лица моложе 45 лет. Женщины, выдвинувшие свои кандидатуры (их было 29), не смогли одержать победу. 31 депутат был избран впервые [Kuwait polls, 2020]. Избиратели голосовали в пяти избирательных участках, в соответствии с законом, принятым в 2012 г., согласно которому каждый избиратель может подать свой голос только за одного кандидата. Десять кандидатов, получивших большее число голосов в каждом избирательном округе, проходят в парламент. Этот избирательный закон подвергался критике со стороны оппозиции, т.к. он позволял тем, кто баллотировался в округах, в которых большинство жителей были представителями одного племени или шиитской общины, добиваться победы благодаря поддержке своих соплеменников или представителей своей конфессии. Список депутатов, которые были избраны в подобных округах, не был обнародован. В то же время состав парламента, как правило, не отражается на его деятельности.

14 декабря 2020 г. премьер-министр Сабах аль-Халед аль-Хамад ас-Сабах представил новый кабинет министров, утвержденный эмиром Навафом аль-Ахмадом ас-Сабахом. 5 января 2021 г. премьер-министр предстал перед парламентом, который выразил ему свои претензии по составу правительства, в котором, по мнению депутатов, многие министры были некомпетентными и с сомнительной репутацией. Кроме того, он не соответствовал результатам проведенных выборов в парламент. Еще одно обвинение касалось вмешательства правительства в процесс выборов спикера парламента и членов парламентских комитетов. 30 депутатов поддержали решение о вынесении вотума недоверия правительству. Многие министры подали прошение об отставке, и правительство было распущено [Debre, 2021].

В последние годы подобный сценарий стал привычным, когда парламент требует отставки правительства. Парламент не имеет полномочий оказывать влияние на формирование правительства. В соответствии с конституцией это – прерогатива эмира. Он назначает министров и отправляет их в отставку после консультаций с премьер-министром. Столкновения между парламентом и правительством оказывали влияние на внутривла-

ческую ситуацию Кувейта на протяжении 14 лет, в течении которых 14 составов кабинета министров были отправлены в отставку, а 7 составов парламента распущены [Mirza, 2021].

2 марта 2021 г. эмир Наваф аль-Ахмад ас-Сабах издал указ о формировании нового правительства, главой которого остался Сабах аль-Халед аль-Хамад ас-Сабах. Министрами внутренних дел, обороны и иностранных дел по-прежнему были назначены представители правящей семьи. Таким образом, министры, влияющие на определение политики страны, по-прежнему представляют правящую семью Аль Сабах, что позволяет ей сохранять свою власть.

ПОЛИТИКА ВЛАСТИ

Кувейтская власть придерживается консервативных позиций, стремясь всеми способами сохранить статус-кво в стране. Приверженность национальной идее о «единой семье всех кувейтцев» позволяет ей сохранять общественный договор, заключенный между правящей семьей Аль Сабах и жителями страны в период становления кувейтской государственности. Патерналистское отношение власти к жителям Кувейта проявилось в том, что в период массовых протестов не применялись силовые методы. Была проявлена готовность прислушаться к требованиям участников массовых манифестаций. Власть страны осознавала, что достижение национального согласия возможно только на основе взаимных компромиссов.

Эмир Кувейта Наваф аль-Ахмад, возглавивший страну в 2020 г., продолжает в своих выступлениях риторику его предшественника. Наваф аль-Ахмад в своем поздравлении гражданам и всем жителям Кувейта по случаю 60-й годовщины обретения национальной независимости и 30-летия со дня освобождения Кувейта от иракской оккупации выразил признательность за «высокий национальный дух», проявляемый гражданами к «любимой родине», подчеркнув «единство кувейтцев как одной семьи». Он вспомнил и об отеческих чувствах, которые проявлял покойный эмир Сабах аль-Ахмад к своей стране и ее гражданам [Amir congratulates, 2021].

Поддержка власти со стороны граждан Кувейта проявилась во время Арабской весны. Участники протестов не выдвигали требований о смене политического режима или не высказывали обвинений в адрес эмира Сабаха аль-Ахмада Ас-Сабаха, который пользовался авторитетом среди широких слоев населения. Сабах аль-Ахмад стал эмиром по воле парламента, предложившего его кандидатуру после кончины эмира Джабера аль-Ахмада ас-Сабаха в 2006 г., когда его преемник – наследник престола Саад аль-Ахмад ас-Сабах был признан из-за состояния здоровья недееспособным. Политическая мудрость Сабаха аль-Ахмада, умение находить выход из трудных ситуаций, а также приверженность конституции и законам, позволяла справляться с охватившими страну политическими кризисами, происходившими из-за столкновений между законодательной властью в лице парламента и исполнительной властью в лице правительства.

В период массовых протестов эмир призывал к соблюдению закона. Штурм здания парламента, предпринятый манифестантами 16 ноября 2011 г., среди которых были и оппозиционные депутаты парламента, вызвал с его стороны жесткую критику. Он охарактеризовал этот инцидент как «черный день в истории страны», т.к., по информации Министерства внутренних дел, некоторые представители сил безопасности и охраны парламента были ранены в ходе столкновений с демонстрантами, штурмовавшими парламент; некоторые из них, в том числе и депутаты парламента, были задержаны. Это привело к новой волне протестов с требованием об их освобождения. Однако этого не произошло. В июне 2012 г. арестованные предстали перед судом и получили реальные сроки, но спустя несколько

месяцев они были выпущены под залог, а затем помилованы эмиром. Отказ от жестких репрессивных мер позволил власти стабилизировать ситуацию в стране.

Действия власти после прекращения протестов были направлены на поддержание стабильности. Представители политического истеблишмента страны неоднократно предупреждали кувейтцев об опасности разделения общества, приводя в пример негативное развитие событий в арабских странах, охваченных анархией и войнами. Выступая на открытии новой сессии парламента 6 августа 2013 г., эмир Кувейта Сабах аль-Ахмад ас-Сабах призвал всех кувейтцев исключить возможность превращения страны в арену противоборства, борьбы между собой ради претворения в жизнь своих интересов. Он подчеркивал необходимость сохранения национального единства, указывая на то, что во многих странах происходят гражданские войны, столкновения между различными политическими силами, поэтому избежать подобных катастроф необходимо через укрепление национального единства». Он говорил о своей уверенности в том, что возможно разрешить все проблемы и противоречия, но, главное, «надо сохранить наш дом, не позволять чужакам вмешиваться, чтобы изменить его основы и присущие ему черты» [Amir Al-Kuwait yaftatih, 2013]. Этот страх разделяло и кувейтское общество, поэтому не поддерживало радикальных требований, выдвигавшихся частью участников массовых протестных акций. Можно согласиться с выводом Кузнецова В.А. о том, что страх стал «основным фактором общественно-политической жизни, определяющим поведение как политических элит, так и широких общественных слоев» [Кузнецов, 2019, с. 114].

«Синдром страха» присутствует в кувейтском общественном сознании. Его источником была иракская угроза. Воспоминания о трагических днях иракской агрессии и оккупации 1990–1991 гг. постоянно подпитывают его.

Правящий класс Кувейта опасается резких перемен, которые могут подорвать традиционные устои кувейтской государственности. Сохранение особого положения, занимаемого в управлении страной правящей семьей Аль Сабах, связано, прежде всего, с боязнью нарушить сложившуюся структуру власти. Поэтому даже представители парламента, которые нередко выступают против монополизации правящей семьей ключевых сфер политической жизни, осознают ее роль в особой политической модели, присущей Кувейту.

Тем не менее положение, которое занимала правящая семья в первые годы после получения независимости, когда кувейтское общество было более традиционным и невозможно было себе представить критические высказывания в адрес Аль Сабах, коренным образом изменилось. К ее представителям, занимающим государственные посты, сегодня предъявляют те же требования, что и к высшим чиновникам, происходящим из других слоев населения. Деятельность парламентской оппозиции в последние годы дает основания предполагать, что она намерена снизить значение правящей семьи в политической системе страны. Однако конституция, в которой зафиксировано право семьи Аль Сабах на власть, гарантирует ее положение в обществе. Если будут предприняты попытки изменить конституцию, то полномочия правящей семьи могут быть ограничены.

Боязнь перемен, проявляемая кувейтской властью, была подтверждена в период, когда после смерти Сабаха аль-Ахмада ас-Сабаха в январе 2020 г. решался вопрос о его преемнике. Им стал наследник престола Наваф аль-Ахмад ас-Сабах (1937 г. рождения). Несмотря на его преклонный возраст и состояние здоровья, его кандидатура была утверждена парламентом. Подтверждением той же тенденции стало и назначение наследника престола. Им стал Мишааль аль-Ахмад аль-Джабер ас-Сабах (1940 г. рождения). Его кандидатура была также утверждена парламентом страны. Опасения со стороны правящей элиты прихода во власть представителей молодого поколения связаны, по-видимому, с опытом соседней Саудовской Аравии, где молодой наследный принц Мухаммад бен Сальман Аль Сауд стремительными темпами пытается изменить страну и проводит порой болезненные для правящего класса реформы.

Показательно, что в отличие от Сабаха аль-Ахмада ас-Сабаха, который имел огромный опыт политической деятельности (он почти 40 лет возглавлял министерство иностранных дел, а с 2003 по 2006 гг. был премьер-министром страны), Наваф аль-Ахмад и Мишааль аль-Ахмад занимались проблемами обеспечения национальной безопасности.

Наваф аль-Ахмад и Мишааль аль-Ахмад, как и покойный Сабах аль-Ахмад – сыновья эмира Ахмада аль-Джабера. Они – представители клана Джабер. Согласно традиции, эмирами Кувейта поочередно становились представители двух ветвей – Аль Джабер и Аль Салем. С приходом к власти Сабаха аль-Ахмада эта традиция не соблюдается. Более того, происходит усиление одной семьи этого клана, что может быть связано с тем, что в рамках правящей семьи происходит размежевание, поэтому необходимо создать сильное ядро, чтобы ему противодействовать. Вместе с тем эти процессы происходят на фоне растущего в обществе недовольства тем, что правящая семья монополизировала власть в стране, опираясь лишь на историческую традицию, не закрепленную конституцией и нормативно-правовыми основами современного государства.

Кувейтская правящая элита пытается сохранить свой особый путь развития, а также свою особую идентичность, опирающуюся на единство кувейтской нации, которая представляет собой единую семью, а эмир выступает в роли «отца нации», который проявляет заботу обо всех своих гражданах. Подобный дискурс не оставляет возможности для изменения сложившейся политической системы и консервирует сложившийся баланс политических сил.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внутриполитическая ситуация в Кувейте после Арабской весны находится в состоянии стагнации. Хотя протесты показали готовность значительной части общества к переменам, требование о коренных реформах не были поддержаны большинством населения и даже парламентской оппозицией. Власть смогла блокировать радикализацию политических сил, пойдя на выполнение требования об отставке премьер-министра, обвиненного в коррупции, что снизило накал общественного недовольства.

Череда политических кризисов, начавшихся еще до событий Арабской весны и продолжившихся после нее, демонстрирует нерешенность накопившихся политических проблем, которые усугубляются на фоне ухудшения экономического положения в стране, вызванного падением цен на нефть, а в 2020 г. последствиями пандемии коронавируса.

На развитие внутриполитической ситуации оказывает воздействие сохранение консервативного характера власти. После кончины эмира Сабаха аль-Ахмада ас-Сабаха в 2020 г. ему на смену пришел наследник престола Наваф аль-Ахмад – представитель того же поколения, пришедшего в политику в первые годы после обретения страной политической независимости в 1961 г. Назначенный им наследник престола – Мишааль аль-Ахмад – представитель той же возрастной категории, что достаточно симптоматично и является показателем того, что и власть, и кувейтское общество опасаются производить серьезные изменения политической системы, учитывая те вызовы и угрозы, прежде всего, регионального характера, которые нарушают региональную стабильность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Кузнецов В.А. Парадоксы развития арабских политических систем. *Ближний Восток в поисках политического будущего*. М.: ИВ РАН, 2019. С. 107–135 [Kuznetsov V.A. Paradoxes of Arab Political Systems Development. *The Middle East in the Search of Political Future*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2019. Pp. 107–135 (in Russian)].

Наумкин В.В. Вместо предисловия: Круговорот Арабского пробуждения. *Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?* М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 3–20 [Naumkin V.V. Instead of a Preface: The Cycle of the Arab Awakening. *The Middle East, the Arab Awakening and Russia: What's Next?* Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2012. Pp. 3–20 (in Russian)].

Debre I. Kuwait's Government Quits. Deeping Political Deadlock. *AP*. 12.01.2021 <https://apnews.com/article/kuwait-dubai-cabinets-united-arab-emirates-90aade95a23c9fde0edc141806381> (accessed: 11.02.2021).

Explainer: Everything You Need to Know about the 2020 Kuwaiti Parliamentary Elections. *Word Gulf*. 05.12.2020 <https://gulfnews.com/world/gulf/kuwait/explainer-everything-you-need-to-know-about-the-2020-kuwaiti-parliamentary-elections-1.75076105> (accessed: 11.02.2021).

Kuwait Polls. Opposition Makes Gains, Gov't Resignation Accepted. *Al-Jazeera*. 06.12.2020 <https://www.aljazeera.com/news/2020/12/6/kuwait-opposition-makes-strong-gains-in-parliamentary-elections> (accessed: 11.02.2021).

Mirza A. Kuwait's Political Crisis Continues as Cabinet Resigns. *Argus*. 13.01.2021 <https://www.argus-kuwait-media.com/ru/news/2176402-kuwait-political-crisis-continues-as-cabinet-resigns?backToResults=true> (accessed: 11.02.2021).

The Constitution of the State of Kuwait. Kuwait, 1962.

Amir Congratulates Citizens, Residents on National Day. *Kuwait Times*. 28.02.2021 <https://news.kuwaittimes.net/website/amir-congratulates-citizens-residents-on-national-days/http://www.aawsat.com/print.asp?did=739214&issueno=12671> (accessed: 07.03.2021).

Amir Al-Kuwait an shleiham al-barlaman. *Al-Sharq Al-Awsat* [Amir Al-Kuwait about Parliament Storm. *Al-Sharq Al-Awsat* (in Arabic)]. 08.05.2012 <http://www.aawsat.com/print.asp?did=677784&issueno=12225> (accessed: 20.06.2012).

Amir Al-Kuwait yaftatih al-barlaman bi al-da'wa ila al-wifak. *Al-Sharq Al-Awsat* [Amir of Kuwait Appeals Parliament to the Harmony. *Al-Sharq Al-Awsat* (in Arabic)]. 07.08.2013 <http://www.aawsat.com/print.asp?did=739214&issueno=12671> (accessed: 07.09.2013).

Amir Al-Kuwait yahullu majlis al-umma li "al-zuruf al-iklimiya wa al-tahdiyat al-amaniya. *Al-Sharq Al-Awsat* [Amir of Kuwait Dissolved the Council of Nation Due to Regional Circumstances and Security Threats. *Al-Sharq Al-Awsat* (in Arabic)]. 17.10.2016 <http://aawsat.com/mode/762161> (accessed: 27.02.2017).

Al-Haraka al-shaabiya Kaf. *Al-Jazeera* [Youth Movement "Kafi". *Al-Jazeera* (in Arabic)]. 08.03.2011 <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/C1F9E1AB-E7C6-4BDC-90EF-E8> (accessed: 30.04.2012).

Al-Kuwait: taadil badlen min hukuma djadida. *Al-Hayat* [Kuwait: the Change Instead of New Government. *Al-Hayat* (in Arabic)]. 25.12.2013 <http://alhayat.com/home/Print/585616?PrintPictures=0> (accessed: 30.04.2014).

Al-Kuwait: tazahura li iskat "al-rashi wa murtashi". *Al-Hayat* [Kuwait: Demonstration to End with Bribe-Givers and Bribe-Takers. *Al-Hayat* (in Arabic)]. 22.09.2011 <http://international.daralhayat.com/internationalarticle/310122> (accessed: 12.05.2013).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МЕЛКУМЯН Елена Суреновна –
доктор политических наук, ведущий научный
сотрудник Института востоковедения РАН,
Москва, Россия.

Elena S. MELKUMYAN, DSc (Political
Science), Professor, Leading Researcher,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014779-3

СУННИТСКИЕ СИЛЫ ИРАКА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В 2014–2018 гг.

© 2021

Г.Л. КРЫЛОВ ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5838-6298; german_krylov@mail.ru

Резюме: *Статья рассматривает ситуацию в суннитском политикуме Ирака накануне захвата Мосула ишидовцами¹ в 2014 г. и в период между парламентскими выборами 2014 и 2018 гг. Катастрофа 2014 г., когда значительная часть иракской территории оказалась под контролем экстремистов из «Исламского государства», в немалой степени была спровоцирована политикой центральной власти в отношении суннитской общины. Мощный импульс к её маргинализации был дан ещё американской оккупацией Ирака в 2003 г., одним из пропагандистских оправданий которой было освобождение шиитского большинства от диктата опирающейся на суннитское меньшинство властной верхушки. Недовольство суннитов игнорировалось федеральной властью, так что не могло не вызывать противодействия в суннитских политических кругах, порой доходившего до прямых выражений поддержки ИГИЛ, крайне негативно сказывавшихся на положении этой конфессии, когда-то контролировавшей все государственные структуры страны.*

«Мосульская катастрофа» привела к маргинализации суннитских политических сил и подтолкнула их на поиски компромисса с доминирующими в Ираке шиитскими игроками, прежде всего теми из них, кто подчёркивал светско-националистическую направленность своего политического курса (аль-Аббади, Аллави). Таким образом, снижение амбиций суннитских политиков, вынужденных доказывать свою лояльность Багдаду на фоне действий экстремистов из «Исламского государства» в суннитских провинциях, практически нивелировало автономистские настроения в среде суннитов и в целом привело к уменьшению межконфессиональной напряжённости, что само по себе можно расценивать положительно. Суннитских политиков несомненно привлекали умеренные лидеры шиитов, настроенные против межконфессионального противостояния, что в 2014 г. привело к смене парадигмы жесткого противостояния не настроенных на компромисс премьер-министра Нури аль-Малики и председателя парламента Усамы ан-Нуджейфи на парадигму осторожного, но конструктивного взаимодействия пришедших на их места Хайдара аль-Аббади и Салима аль-Джаббури.

Ключевые слова: Ирак, политика, суннитско-шиитские отношения, шииты, экстремизм, выборы.

Для цитирования: Крылов Г.Л. Суннитские силы Ирака в контексте политики федеральной власти в 2014–2018 гг. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 85–96. DOI: 10.31857/S086919080014779-3

¹ Члены запрещенной в России террористической организации «Исламское государство».

SUNNI POLITICAL ACTORS IN THE CONTEXT OF IRAQI FEDERAL POLICIES IN 2014–2018

© 2021

German L. KRYLOV ^a

^a – Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5838-6298; german_krylov@mail.ru

Abstract: *The article deals with the situation in the Sunni political circles prior to the seizure of Mosul by ISIS in 2014 and within the period between the 2014 and 2018 parliamentary elections. The 2014 catastrophe, when the federal government lost control over vast territories in the west and north of Iraq, was to a large extent provoked by the policies of Shia-dominated Baghdad towards the Sunnis. A strong impetus to the Sunni political establishment marginalization was created by American occupation in 2003, propagandistically advocated by the need to liberate the Shia majority from the dictate of Sunni minority. The Sunnis grievances, largely ignored by the new authorities, eventually found output in strenuous opposition to Baghdad, sometimes going as far as to supporting the ISIS, at least verbally.*

The “catastrophe” of Mosul pushed the Sunni politicians to search compromise with Shia players, primarily with those of secular patriotic views (like al-Abbadi and Allawi). The ambitions of Sunnis were thus drastically moderated as they faced the imperative of proving their loyalty to the federal state while their provinces were under the “Islamic State” occupation. This actually put an end to the autonomists aspirations and in general lowered the intensity of sectarian confrontation. The Sunni politicians started moving closer to moderate Shias, whose popularity began to rise respectively. This trend resulted in 2014 in changing the antithesis of Nuri al-Maliki and Usama an-Nujeifi by incomparably more constructive duet of Haydar al-Abbadi and Salim al-Jabburi as the prime-minister and head of parliament.

Keywords: Iraq, politics, Sunni-Shia relations, extremism, elections.

For citation: Krylov G.L. Sunni Political Actors in the Context of Iraqi Federal Policies in 2014–2018. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 85–96. DOI: 10.31857/S086919080014779-3

СУННИТСКИЙ ПОЛИТИКУМ НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ 2014 ГОДА

В июне 2014 г. «Исламское государство» установило контроль над Мосулом, административным центром северо-западной провинции Найнава, населённым преимущественно суннитами, ранее захватив обширные территории к западу от Багдада. Эта катастрофа случилась не мгновенно – ей предшествовал целый ряд событий, ставших дурными предзнаменованиями для молодого иракского государства. В конце декабря 2012 г. суннитские районы Ирака охватили массовые протесты. Непосредственным поводом для их начала стал штурм дома министра финансов, суннита Рафи аль-Исави силами безопасности Ирака и арест 10 его телохранителей. Начавшись в Эль-Фаллудже, выступления суннитов перекинулись на другие города «суннитского треугольника» к западу и северу от Багдада. Их участники заявляли о неприятии политики премьер-министра Нури аль-Малики как проишиитской и антисуннитской. В шиитских районах начались встречные выступления в поддержку аль-Малики. Премьер наносил удары по демонстрантам-суннитам, используя контролируемые им силовые структуры. 23 апреля 2013 г. военнослужащие иракских

вооружённых сил осуществили рейд против протестующих суннитов в города Хавиджа к западу от Киркука, в ходе которого были убиты десятки людей [Al-Hukuma, 2013].

Обстоятельства падения Мосула были противоречивыми: отряды федеральной полиции четыре дня с оружием в руках пытались удержать город, а армия, в том числе гарнизоны, дислоцированные в непосредственной близости от города, не вмешивались в боевые действия. Деморализованные межконфессиональными противоречиями и коррупцией армейские подразделения уклонились от боёв и после захвата Мосула экстремистами. Под контроль боевиков попала обширная территория на севере и западе Ирака. Хотя завоеватели и заявляли о своей принадлежности к суннитскому исламу, их «успехи» знаменовали начало весьма трагического периода для суннитской общины страны. Суннитские политические лидеры оказались в сложной ситуации. С одной стороны, они были под подозрением у стремительно дезинтегрирующейся государственной власти, где тон задавал не склонный к проявлению терпимости шиитский политик Нури аль-Малики. С другой, их жизни угрожали окопавшиеся на севере и западе страны игилловцы, руки которых легко могли дотянуться до Багдада. Аль-Малики противостоял не менее бескомпромиссно настроенный председатель парламента Усама ан-Нуджейфи, обвинявший шиитский политикум во всех бедах страны.

Сформированный по итогам выборов парламент, собравшийся на первое заседание 1 июля 2014 г., не без труда избрал председателем Салима аль-Джаббури, утвердил в должности президента курда Фуада Маасума, а тот в свою очередь поручил сформировать правительство умеренному политику-шииту Хайдару аль-Аббади, с чем последний успешно справился. По сравнению с непримиримыми аль-Малики и ан-Нуджейфи, аль-Аббади и аль-Джаббури были гораздо больше открыты для компромисса, что, несомненно, положительно сказалось на ситуации в государстве.

До катастрофы 2014 г. в суннитском политикуме можно было выделить два заметных направления. Первое – это резкая оппозиция Нури аль-Малики и правительству страны как главному виновнику всех проблем, воплощённая в Усаме ан-Нуджейфи. Второе – попытки сближения с шиитской правящей элитой на почве противостояния общей опасности, в качестве которой преподносились сепаратистские амбиции Иракского Курдистана. Наиболее жесткие оппозиционеры в отношении к правительству аль-Малики требовали предоставления суннитским районам автономии по аналогии с курдистанским самоуправлением. Об этом первым неосторожно обмолвился ещё во время визита в США в июне 2011 г. председатель парламента Усама ан-Нуджейфи, вынужденный после этого публично оправдываться, объясняя, что он выражал не личную точку зрения, но бытующее среди суннитов мнение [Tasrih rais, 2011]. Уже 27 октября 2011 г. Совет провинции Салах-эд-Дин присвоил этой административной единице полуавтономный статус, а 12 декабря того же года Совет провинции Дияла одобрил проведение референдума об автономии. Несмотря на то, что, согласно конституции, органы местного самоуправления имели соответствующее право, аль-Малики проигнорировал эти решения и даже принял в Дияле чрезвычайные меры, фактически представлявшие собой ввод в провинции военного положения [Sowell, 2012].

Серьёзным вызовом со стороны влиятельного суннитского политического клана ан-Нуджейфи (младший брат председателя парламента Асиль в 2009 г. был выбран губернатором северной провинции Найнава) была их попытка формирования политического альянса с Демократической партией Курдистана (ДПК) Махмуда Барзани. Первоначально деклариовавшие приверженность централизованному Ираку и отвергавшие амбиции курдов на большую автономию, представители рода ан-Нуджейфи решили пойти на сближение с курдистанскими политиками. Изменение политического курса явно было произведено в русле политики Турции, сменившей враждебное отношение к курдской автономии в Ираке

на благожелательное ради превращения Иракского Курдистана в рынок сбыта турецких товаров и источник нефтяного и газового сырья. Руководство Иракского Курдистана также определило сотрудничество с Турцией в качестве одного из приоритетов своей экономической политики, стремясь таким образом расширить автономию курдского субъекта в рамках иракского государства. Сближаясь с ДПК, ан-Нуджейфи также двигался в турецком направлении. Эта ориентация на Анкару в сочетании с намерениями на возможность суннитской автономии в дискурсе Усамы ан-Нуджейфи и близких к нему игроков вызывала неоднозначное отношение в суннитском политикуме Ирака в целом и раздражение аль-Малики [Sowell, 2020, p. 3].

Своих союзников имел в суннитском лагере и аль-Малики. Назовём здесь прежде всего вице-премьера Салиха аль-Мутлага из провинции Анбар, благодаря поддержке которого был принят бюджет 2013 г., запрещающий экспорт нефти из Иракского Курдистана напрямую, минуя Багдад. Курс аль-Малики поддерживали тогда губернаторы провинций Анбар и Салах-эд-Дин – соответственно Касим аль-Фахдави и Ахмад Абдалла аль-Джаббури. Последний, будучи избран на губернаторский пост в 2009 г., изначально был сторонником суннитской автономии, однако затем занял пробагдадскую позицию [Sowell, 2020, p. 3].

Недовольство суннитов политикой центра зрело довольно давно, хотя идея вооружённого противостояния никогда не была особенно популярной. Сунниты почувствовали себя ущемленными в правах в результате дебаасификации, проведённой под руководством оккупационной администрации Пола Бремера, их недовольство вызывали и практиковавшиеся американцами незаконные аресты. Неудивительно, что значительная часть суннитской общины всё же поддерживала идею борьбы с оружием в руках, что уже совсем скоро создало серьёзную базу для экстремистов из «Исламского государства», активно использовавшего опыт уволенных из армии офицеров-баасистов [Dhubbat baath al-Iraq, 2015].

Фигуры председателя парламента ан-Нуджейфи и вице-премьера аль-Мутлага стали центрами консолидации суннитских сил для участия в выборах 2014 г. Коалиция ан-Нуджейфи получила название «Муттахидун ли-ль-ислах» («Объединившиеся для реформы»). В неё вошли, помимо самого Усамы ан-Нуджейфи, его брат-губернатор Найнавы Асиль, лидер влиятельной суннитской партии «Аль-Халль» («Решение») Джамаль аль-Карбули и его брат – министр промышленности и минеральных ресурсов в правительстве аль-Малики Ахмад аль-Карбули², последовательный противник дебаасификации Зафир аль-Ани и связанный с военно-политическими формированиями «Ас-Сахават» («Иракского пробуждения») политик Ахмад Абу Риша⁴, активный участник антиправительственных протестов 2013 г. Ахмад аль-Масари, Салим аль-Джаббури⁵ и Аммар Юсуф Хаммуд из Исламской партии Ирака. Таким образом коалиция ан-Нуджейфи того времени носила весьма пёстрый характер, включая в себя сторонников мирных антиправительственных протестов,

² Джамаль аль-Карбули не был сторонником автономии суннитских районов, однако примкнул к ан-Нуджейфи ещё в 2013 г. ради укрепления своих позиций в провинции Анбар, чем вызвал раздражение аль-Малики. Премьер-министр в ответ распорядился провести обыск в офисе партии «Аль-Халль» в Багдаде, а вскоре в отношении его брата Ахмада аль-Карбули было открыто расследование. В 2016 г. при следующем премьер-министре – Хайдаре аль-Аббади – Ахмад аль-Карбули был приговорён к четырём годам тюремного заключения за коррупцию и злоупотребления служебным положением.

³ Финансировались США и противостояли с оружием в руках отрядам «Аль-Каиды». С выводом основной части американских войск из Ирака лишились финансирования. К 2013 г. фактически прекратили существование. Премьер-министр аль-Малики отказался интегрировать «Ас-Сахават» в иракские силовые структуры. Многие из оставшиеся без работы бойцы пополнили ряды ИГИЛ, образовавшейся на основе «Аль-Каиды» в Ираке, с которой раньше они вели борьбу [см.: Atwan, 2015, с. 83].

⁴ Брат Абдуссаттара Абу Риши, командующего «Ас-Сахават», убитого в результате теракта «Аль-Каиды» в 2007 г.

⁵ В 2014 г. стал председателем парламента.

поборников автономии суннитских районов, обеспечивавших интересы Турции в регионе, и членов поддерживаемой Катаром Исламской партии Ирака.

Другой предвыборной коалицией стал «Иттиляф аль-Арабийя» («Коалиция аль-Арабийя») вокруг партии «Аль-Хивар» («Диалог») вице-премьера Салеха аль-Мутлага, занимавшего в целом умеренные позиции в отношении аль-Малики. Это ослабляло его конкурентоспособность на выборах среди в целом оппозиционно настроенных суннитов, что заставило аль-Мутлага выступить с рядом критических заявлений в отношении аль-Малики перед выборами 2014 г.

Значимой фигурой в суннитском политикуме стал умеренный шиит Айяд Аллави, блок которого «Аль-Иттиляф аль-ватани» («Национальная коалиция»), выступал с националистических позиций, объединяя вокруг себя целый ряд суннитских политиков. Коалиция Аллави жёстко критиковала политику аль-Малики, однако не требовала автономии каких-либо регионов, чем качественно отличалась от оппозиционеров-автономистов ан-Нуджейфи. Большинство голосов в суннитском лагере по итогам выборов 2014 г. получили «Муттахидун» ан-Нуджейфи, численность депутатов которого тем не менее снизилась по сравнению с предыдущим составом парламента с 45 до 27, что явилось следствием увеличившейся политической раздробленности суннитов. Общая численность депутатов-суннитов и конфессионально нейтральных депутатов-шиитов блока Аллави снизилась со 101 до 76 мест. Аллави и Мутлаг получили по итогам выборов 2014 г. соответственно 21 и 11 мест (вместо 24 и 15 в предыдущем составе парламента).

Зато шииты-исламисты стремительно набирали вес, в том числе и за счёт оттока суннитских голосов к умеренному и надконфессиональному Аллави, что, с другой стороны, понизило рейтинг ан-Нуджейфи. Учитывая увязку ан-Нуджейфи с автономистскими настроениями, можно предположить, что причиной перетока части голосов багдадских суннитов от него к Аллави стало их опасение оказаться в изоляции в преимущественно шиитской столице в случае создания суннитской автономии в районах к западу и северу от Багдада. Если сравнить итоги прошедших в 2013 г. местных выборов в Багдаде с итогами общенационального голосования 2014 г., то можно увидеть, что на выборах в столичный совет шиитские исламисты получили в 2013 г. 73% голосов, а ан-Нуджейфи взял небольшое большинство оставшихся голосов (при официально наименьшей в Ираке явке на уровне 33% [Al-Maliki, 2013]). Аллави и Мутлаг взяли соответственно 23% и 21 % остатка. На парламентских выборах 2014 г. шииты-исламисты завоевали уже 75% [Sowell, 2020].

ОСЛАБЛЕНИЕ СУННИТОВ В ПОЛИТИКЕ И СБЛИЖЕНИЕ С ШИИТАМИ (2014–2018)

Новый президент Фуад Маасум 11 августа 2014 г. поручил формирование правительства более умеренному однопартийцу аль-Малики – Хайдару аль-Аббади. Как и аль-Малики, аль-Аббади был сторонником централизованного государства (и ограничения самостоятельности Иракского Курдистана, в частности), однако его имя не вызывало у суннитов негативных ассоциаций, связанных с попытками закрепить шиитское доминирование в политике. В эмиграции аль-Аббади проживал в Великобритании, в отличие от аль-Малики, переживавшего сложные времена в беспокойных Сирии и Иране. Это, очевидно, определило политический стиль аль-Аббади, характеризовавшийся большим спокойствием и стремлением обходить острые углы. Не желая расставаться с властью, аль-Малики предпринял последнюю отчаянную попытку – обвинил президента Маасума в нарушении конституции за несогласие выдвинуть его вновь в качестве кандидата на пост главы правительства (его коалиция «Государство закона» завоевала наибольшее число мест в парламенте, так что

аль-Малики вполне мог рассчитывать на третий премьерский срок) и отдал распоряжение разместить на улицах Багдада элитные подразделения ВС Ирака. США со своей стороны устами официального представителя Госдепартамента Джен Псаки выразили полную поддержку действиям президента Ирака и неприятие «любых попыток добиться каких-либо результатов путём насилия или процессуальных манипуляций конституцией или законами» [McDuffee, 2014]. Лишившийся доверия аль-Малики, потерявший обширные территории к северу и западу от Багдада, уже не имевший поддержки США, Ирана и иракских политических лидеров, вынужден был уйти.

Ослабевшие в качестве парламентской силы по итогам выборов 30 апреля, суннитские политики так и не сумели создать сколько-нибудь эффективную собственную коалицию для противостояния радикалам из ИГИЛ. Самый критически удар был нанесён, прежде всего, по репутации ан-Нуджейфи и его блока «Муттахидун», всего за год с небольшим до этого игравшего влиятельную роль в суннитском протестном движении. В руки радикалов попала резиденция Усамы ан-Нуджейфи под Мосулом; его брат Асиль, губернатор провинции Найнава, административным центром которой является Мосул, был вынужден бежать из города и временно разместить провинциальную администрацию в контролируемом отрядами пешмерги Курдской демократической партии Талль-Кайфе на севере Найнавы. Асиль ан-Нуджейфи пытался спасти положение, маневрируя в курдском лагере и обещая сформировать исключительно суннитскую ударную силу, которая обойдётся без помощи контролируемых шиитами государственных силовых структур и сама освободит Мосул [An-Nujeifi: Tahrir al-Mosul, 2016]. Одновременно губернатор Найнавы пытался решить проблему с помощью контактов с баасистами, немало которых предоставили свой военный опыт в распоряжение радикалов, что сделало его персона нон грата в глазах правящей шиитской элиты Ирака [Al-Waziri yakshif, 2019].

Наступление суннитских радикалов нанесло удар и по влиятельному суннитскому политику Хамису аль-Ханджару. Тесно связанный с Катаром и Турцией миллиардер, один из создателей участвовавшего в выборах 2010 г. альянса «Аль-Каима аль-иракыйя» («Иракский список»), основатель телеканалов «Ар-Рафидейн» и «Багдад», являющихся соответственно рупорами суннитской Ассоциации исламских улам и Исламской партии Ирака (входящих в структуру поддерживаемой Катаром международной сети «Братьев-мусульман») [Ragab, 2019]. Хамис аль-Ханджар вскоре после захвата радикалами Мосула в телеинтервью опрометчиво отождествил действия суннитских радикалов с позицией суннитского населения Ирака, «освободившего», по его словам, свои территории в результате «революции» [Lahzhat zhuhur Khamis al-Khanjar, 2017].

Ранее весьма громкий голос суннитской оппозиции багдадскому руководству зазвучал ещё тише после того, как радикалы «Исламского государства» в августе 2014 г. устроили геноцид йезидов в Синджаре, отправив тысячи йезидских женщин на рынок рабов. Заявление Хамиса аль-Ханджара о поддержке ИГИЛ явно не было случайным и отражало определённую политико-идеологическую тенденцию в суннитском сообществе Ирака или по крайней мере его части. Так, видный арабский публицист и журналист Абдель Бари Атван отмечает, что лидер «Исламского государства» Абу Бакр аль-Багдади пользовался серьёзной поддержкой нескольких суннитских племенных союзов. Одна из жён «мосульского халифа» принадлежала к крупному иракскому племени дулейм, насчитывающему более 7 млн человек, что обеспечивало ему опору в обществе, где родоплеменные связи ценятся высоко. А. Атван утверждает, что суннитские племена Самарры, родного города Абу Бакра аль-Багдади, и провинции Дияла присягнули ему на верность после его провозглашения «халифом» в июле 2014 г. [Atwan, 2015, с. 53]. Демарши такого рода не могли не бросить тень на официальный суннитский политикум и не вызвать подозрительного

отношения со стороны контролирующего Багдад шиитского большинства. Один из религиозных вдохновителей протестов 2012–2013 гг. в суннитском треугольнике – шейх Абдель Малик ас-Саади⁶, проживающий с начала XXI в. в Иордании и пользующийся огромным авторитетом среди иракских суннитов, также считал действия радикалов, приведшие к потере багдадскими властями суверенитета над обширными территориями на севере и западе страны, «революцией», хотя и осуждал ИГИЛ за преступления, бросающие на неё тень [Sowell, 2020, p. 8]. Ассоциация улама и проповедников Найнавы, обеспечивавшая религиозно-идеологическую поддержку ан-Нуджейфи в его родной провинции, хранила молчание. Ассоциация исламских улама Ирака, хотя и осуждала действия ИГИЛ в отношении христиан Мосула и провозглашение членов «халифата» экстремистами, высказывалась в поддержку вооружённого противостояния правительству [Sowell, 2020, p. 8]. Такая двойственность также не могла не сказаться на общем отношении к суннитам со стороны багдадского политического истеблишмента.

Подобно тому, как на отведенный шиитам пост премьер-министра пришел вместо фанатика аль-Малики его умеренный однопартиец аль-Аббади, так и в суннитской «вотчине» в должности председателя парламента жёсткий Усама ан-Нуджейфи был сменён относительно молодым Салимом аль-Джаббури, возглавлявшим в предыдущем составе парламента комитет по правам человека. Адвокат по профессии, избранный в парламент от провинции Дияла, аль-Джаббури производил впечатление более мягкого политика, хотя, как и ан-Нуджейфи, принадлежал к Исламской партии Ирака, известной своими связями с международной исламистской ассоциацией «Братья-мусульмане». Иракские условия не позволяли местному филиалу этого «интернационала» развернуться так, как это сделали их единомышленники в Египте или Турции, так что Исламская партия Ирака выглядела вполне умеренной, вынужденная целиком и полностью предаваться тактическому маневрированию.

Центральная власть в Ираке стремительно слабела, влияние государственных силовых структур становилось сопоставимым с влиянием возникающих вооружённых формирований иракских политиков, названных впоследствии благозвучным словом «хашд» (ополчение). Такими силами обзаводились шиитские лидеры, не отставали от них и сунниты. В начале августа 2014 г. теперь уже бывший председатель парламента Усама ан-Нуджейфи основал и возглавил «Батальоны Мосула», претендуя самим названием на роль будущего освободителя этого города с мандатом доверия народа. В провинции Найнава также действовали вооружённые формирования, принадлежащие депутатам Ахмаду аль-Джаббури и Абдуррахману аш-Шаммари, в соседней провинции Салах-эд-Дин – суннитская милиция Мишаана аль-Джаббури. Принципиальным отличием «Батальонов Мосула» ан-Нуджейфи было то, что бывший председатель парламента создал их самостоятельно без координации с «национальной комиссией по ополчению» при правительстве, в отличие от других суннитских формирований [Sowell, 2020, p. 8]. Правда, Усаме ан-Нуджейфи хватило мудрости однозначно осудить ИГИЛ, в то время как некоторые суннитские лидеры всё ещё пытались разглядеть «революцию» в действиях радикалов. Зато шейхи племён, проживающих в контролируемых игиловцами районах, оказались перед весьма трудным выбором. Если отряды «Ас-Сахават», боровшиеся в своё время против «Аль-Каиды», получали материальную поддержку от США, то в обстановке, сложившейся в 2014 г., багдадские власти не спешили вооружать суннитские племена для борьбы с ИГИЛ, считая, что сражаться против радикалов должна армия. Играли свою роль и сомнения Багдада в лояльности суннитских племён центральной власти [Sinatura, 2015]. Племена многострадального «суннитского

⁶ Родился в городе Хит в провинции Анбар к западу от Багдада. Преподавал в ведущих суннитских учебных заведениях Ирака, был членом Академии фикха при Организации Исламская конференция.

треугольника» оказались беззащитными перед террором «Исламского государства», насадившего в племенные структуры своих информаторов, так что нередко шейхи просто не имели другого выбора, кроме как присягнуть «мосульскому халифу» [Al-Ashair, 2015].

К тому же тезис о «революции суннитских племен» «разгонялся» «Аль-Джазирой» и другими панарабскими СМИ, фокусировавшими внимание на целом ряде неоднозначных моментов проводимой багдадско-курдистанской коалицией антитеррористической кампании. Вполне в духе этой концепции прозвучало сделанное в эфире «Аль-Джазире» в октябре 2016 г., всего неделю спустя после начала операции по освобождению Мосула, главой политического департамента Ассоциации исламских улама Мусанной Харисом ад-Дари заявление о том, что усилия проправительственных вооружённых формирований по вытеснению суннитских радикалов являются частью стратегии Ирана, продолжающей выдвигать исторические претензии персидских правителей на доминирование в Ираке и в стратегической перспективе в регионах Леванта и Персидского залива. Хотя М.Х. ад-Дари и не высказывал одобрения действиям «Исламского государства», его сравнение международной коалиции под руководством США с крестоносцами звучало весьма выразительно. Убедительно выглядел и озвученный им тогда тезис о том, что США со времени событий 11 сентября 2001 г. используют предлог борьбы с терроризмом для закрепления своего военного присутствия в ближневосточном регионе. Ад-Дари также констатировал наличие религиозных мотивов в участии проправительственных шиитских вооружённых формирований в боевых действиях в районе Мосула, а также их стремление изменить демографический состав населения в районах с суннитским большинством в пользу шиитов. Курды, участвующие в операции по вытеснению боевиков из Мосула, по его мнению, также крайне заинтересованы в распространении своего военного влияния в приграничных с Иракским Курдистаном районах. Общий же вектор интересов шиитских и курдских сил направлен в сторону «исключения суннитской переменной из уравнения». Ад-Дари также выразил убеждение, что и США преследуют ту же цель, т.к., по его словам, именно сунниты являются в Ираке большинством. Участие суннитских формирований (в том числе и ополчения бывшего губернатора Найнавы Асиля ан-Нуджейфи) в антиигиловских силах в Мосуле, по мнению ад-Дари, носит чисто символическое значение и направлено на то, чтобы придать им формально общеиракский характер; после окончания операции эти суннитские формирования перестанут существовать. Что касается суннитского населения Мосула, оставшегося в городе под властью ИГИЛ, то ад-Дари отметил, что, несмотря на все страдания, которые они испытывают в городе, этим людям просто некуда идти, поскольку шииты и курды тут же обвиняют их в сотрудничестве с радикалами, а с шиитской точки зрения они к тому же являются «неверными» [Bila hudud, 2016].

«Батальоны Мосула», созданные и возглавляемые бывшим председателем парламента Усамой ан-Нуджейфи, ставшим в сентябре 2014 г. одним из трёх вице-президентов, наряду с Нури аль-Малики и Айдом Аллави, хотя и выступали на стороне федеральной власти, своим статусом подчёркивали её слабость: они подчинялись ан-Нуджейфи, при том что верховным главнокомандующим по конституции является премьер-министр. А в декабре 2015 г. турки, используя в качестве предлога необходимость повышения боевого уровня «Батальонов Мосула», открыли военную базу в городе Баашика на северо-востоке Найнавы, контролировавшемся пешмергой. У турок были и другие базы, расположенные севернее и занятые противостоянием отрядам Курдской рабочей партии. А эта база, самая южная, мало того, что была создана для взаимодействия с не подчиняющимся верховному главнокомандующему формированием, так ещё и возникла безо всякого участия Багдада. Соответствующие переговоры проводил в Анкаре глава курдской автономии Масуд Барзани, хотя провинция Найнава не входит в состав Курдского автономного региона [Ar-Rantisi, 2015; Sowell, 2020, p. 9].

В конце 2014 г. одним из ключевых вопросов «суннитской политики» иракского руководства стало создание «национальной гвардии» для борьбы с ИГИЛ. Идея была поддержана США и 27 января 2015 г. получила принципиальное одобрение правительства аль-Аббади, которое даже сформировало для подготовки соответствующего законопроекта специальную комиссию под председательством вице-премьера Бахи аль-Аараджи, включающую в свой состав ряд министров, в том числе обороны и внутренних дел [Qararat majlis al-wuzara, 2015]. В феврале 2015 г. законопроект был готов. Он, в частности, предполагал, что территориальные формирования гвардии будут укомплектовываться за счёт граждан, проживающих на этих территориях, что вызвало у суннитских политиков опасения, что в ряды гвардейцев попадут и бойцы расквартированных в суннитских провинциях отрядов шиитского ополчения. Кроме того, предполагалось, что кандидатуры на посты высших командиров провинциальных гвардейских формирований должны предлагаться премьер-министром, и, хотя провинциальные советы могли выбирать финальных кандидатов из числа трёх предложенных верховным главнокомандующим, суннитскими политиками это было воспринято как ещё одно серьёзное ограничение их полномочий [Sowell, 2020, p. 9–10]. В общем, идея повисла в воздухе, и лишь Усама ан-Нуджейфи сделал отчаянную попытку номинально перехватить инициативу в деле создания национальной гвардии, переименовав собственные вооружённые формирования «Батальоны Мосула» в «Гвардию Мосула» [Sowell, 2020, p. 9].

Вполне естественно, что шиитские политики не могли поддержать суннитскую идею создания суннитского провинциального ополчения, подчиняющегося местным суннитским элитам и получающего финансирование из государственного бюджета. Помимо соображений конфессионального доминирования шиитский истеблишмент понимал, что налаженные связи политиков-суннитов, таких как ан-Нуджейфи и аль-Ханджар, с рядом региональных суннитских игроков, таких как Турция, Саудовская Аравия и Катар, в случае создания суннитских провинциальных гвардейских формирований приведут к возникновению ещё более благоприятных условий для вмешательства во внутренние дела Ирака со стороны этих государств. Правда, на фоне продолжавшихся в течение двух лет дебатов о юридическом статусе провинциальных гвардейских формирований отряды шиитского хашда, также законодательно никак не оформленные, за исключением указов сначала аль-Малики, а затем – аль-Аббади, не только продолжали существовать, но и росли в числе. В конце концов, шиитские депутаты 26 ноября 2016 г. решили вопрос, одобрив Закон об организации народного ополчения в качестве альтернативы вызвавшему столько разногласий законопроекту о национальной гвардии. Суннитские депутаты в голосовании не участвовали. Закон признавал народное ополчение силовой структурой, существующей параллельно с иракской армией и подчиняющейся верховному главнокомандующему [Taagraf, 2016].

Степень маргинализации суннитского политикума в период 2014–2017 гг. иллюстрирует и тот факт, что суннитские политики не выступали на ведущих ролях в политических кризисах общенационального масштаба. Такого рода ситуации были связаны почти исключительно с внутришиитскими разногласиями и затрагивали суннитов лишь постольку-поскольку. Первый подобный конфликт происходил в марте – июне 2016 г., когда депутаты, связанные с аль-Малики и влиятельным шиитским политико-религиозным деятелем Муктадой ас-Садром, сформировали блок «Джабхат аль-ислах» («Фронт реформы») для противостояния правительству аль-Аббади. Хотя суннит аль-Джаббури едва не лишился поста председателя парламента в результате этого демарша, он не был активной стороной в этом конфликте и его имя звучало лишь благодаря его репутации в качестве политического союзника аль-Аббади. «Фронт реформы» быстро прекратил своё существование из-за острых разногласий между аль-Малики и ас-Садром, однако тенденция превалирования внутришиитских конфликтов на общенациональном уровне в это период прослеживалась достаточно ясно.

Другим крупным кризисом стал импичмент в 2016 г. двух ключевых министров в правительстве аль-Аббади – министра обороны суннита Халида аль-Убейди и министра финансов, курда Хошияра Зебари. Формальной причиной их отстранения стали обвинения в коррупции, однако истинная подоплёка была политической. Хотя аль-Убейди и был суннитом, против него выступили его же единоверцы-сунниты – председатель парламента Салим аль-Джаббури и депутат от провинции Анбар Мухаммад аль-Карбули. Курды также не проявили тогда этнической солидарности – одна из крупнейших курдских фракций, принадлежащая Патриотическому союзу Курдистана (ПСК), отказалась выступить против импичмента Зебари, члена семьи Масуда Барзани, возглавляющего Демократическую партию Курдистана (ДПК)⁷. Примечательно, что суннит аль-Убейди на парламентских выборах в мае 2018 г. вошёл в блок шиита аль-Аббади, не рассчитывая на поддержку маргинализованного суннитского избирателя, и в итоге стал депутатом.

Борьба различных этно-конфессиональных групп на общенациональном уровне не могла способствовать стабилизации политической обстановки. Нейтрализация активного суннитского фактора в этом процессе, несомненно, уменьшала степень нестабильности, пусть лишь на время. Шииты успокоились собственным доминирующим положением, так что межконфессиональная напряжённость даже снизилась. Кроме того, растущее влияние Ирана, проводимое, в частности, посредством таких политических фигур, как лидер проиранской «Организации Бадр» Хади аль-Амири, вызывало беспокойство и в шиитском лагере, а силы, его разделяющие, консолидировались вокруг премьер-министра аль-Аббади, и суннитские политики тут не были исключением. Таким образом, активизация иранского вмешательства в Ираке стала фактором, подстегнувшим надконфессиональную консолидацию политиков, считавших его неприемлемым. В значительной степени надконфессиональность аль-Аббади сделала возможным формирование в 2018 г. смешанных предвыборных блоков, одним из которых стала коалиция, возглавляемая им самим. Суннитские политики, которых аль-Аббади удалось привлечь на свою сторону, сыграли большую роль в принятии бюджета на 2018 г., в котором Иракскому Курдистану отводилось уже не 17%, как ранее, а всего 12,67% (последняя цифра не фигурирует в соответствующем Законе о федеральном бюджете, однако высчитывается, исходя из обозначенного им принципа распределения ассигнований между провинциями в соответствии с их долей населения), а финансирование зарплат государственных служащих увязывалось с продажей не менее 250 тыс. баррелей нефти в сутки на внешние рынки через федеральное правительство [Al-Mawlawi, 2018]. Таким образом, аль-Аббади к концу своего премьерства сумел использовать суннитский политикум для укрепления центральной власти.

Очевидно, что политическая катастрофа, постигшая Ирак во втором десятилетии XXI в., в немалой степени была спровоцирована политикой центральной власти в отношении суннитской общины. Мощный импульс к её маргинализации был дан ещё американо-британской оккупацией Ирака в 2003 г., одним из пропагандистских оправданий которой было освобождение шиитского большинства от диктата опирающейся на суннитское меньшинство властной верхушки. Такое положение не могло не вызвать недовольства суннитов Ирака. Однако новая власть в Багдаде не только не принимала во внимание позицию суннитской общины, а, напротив, всячески усиливала давление на неё. Двигателем этой политики стал премьер-министр Ирака Нури аль-Малики (2006–2014 гг.), спровоцировавший массовые протесты суннитов против курса федеральной власти в 2012–2013 гг. Действия власти вызывало равное противодействие суннитской общины. Протесты сопровождалась

⁷ Хотя ПСК и ДПК в 1990-х противостояли друг другу с оружием в руках, после смещения Саддама Хусейна в 2003 г. они сумели установить чёткую координацию и действовали единым фронтом, давшим трещину лишь в 2016 г. во время импичмента Зебари.

заявлениями политиков-суннитов о планах создания суннитской автономии, воспринимавшихся федеральным центром как открытый вызов.

Не удивительно, что суннитское недовольство было использовано силами, заинтересованными в дестабилизации ситуации в Ираке. Нельзя отрицать, что экстремисты из ИГИЛ, устанавливая контроль над обширными территориями на севере и западе страны, встречали значительную поддержку со стороны местных суннитских племён, надеявшихся, что их положение изменится к лучшему. Некоторые весьма влиятельные суннитские деятели даже видели в лице игиловцев «революционеров», пытаясь преуменьшить серьёзность их преступлений, что, несомненно, определённым образом скомпрометировало их в глазах власти. Вместе с тем нельзя говорить, что суннитский политикум был однороден: в нём находились силы, настроенные на сотрудничество с правительством аль-Малики, да и в целом настроения суннитов не были сепаратистскими. Суннитских политиков несомненно привлекали умеренные лидеры шиитов, отвергающие межконфессиональное противостояние, что в 2014 г. привело к смене парадигмы жесткого противостояния бескомпромиссных премьер-министра Нури аль-Малики и председателя парламента Усамы ан-Нуджейфи на парадигму осторожного, но конструктивного взаимодействия пришедших на их места Хайдара аль-Аббади и Салима аль-Джаббури.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Al-Ashair al-iraqiya as-sunniya tadfa' thaman wuqufiha dhidda Daash [Iraqi Sunni Tribes Pay the Price of Standing with Daesh (in Arabic)]. 5 January, 2015 <https://www.emaratalyoun.com/politics/reports-and-translation/2015-01-05-1.743546> (accessed: 01.01.2021).

Al-Hukuma al-iraqiya: shakkalna lajnatan lit-tahqiq fi ahداث al-Hawija [Iraqi Government: We Created Investigation Commission for Hawija Events (in Arabic)]. 24 April, 2013 <https://www.kdp.info/a/d.aspx?l=14&a=48343> (accessed: 27.12.2020).

Al-Maliki yataqaddam nataij “al-muhafazhat” wa Baghdad al-adna musharakatan [Al-Maliki Shows the Best Result in “Provincial Elections”, the Turnover in Baghdad is the least (in Arabic)]. 4 May, 2013 <https://www.alarabiya.net/arab-and-world/2013/05/04/المالكي-يتقدم-نتائج-المحافظات-وبغداد-الأدنى-مشاركة> (accessed: 05.02.2021).

Al-Mawlawi, Ali. Iraq's 2018 Federal Budget: Key Features and Trends. 17 March 2018 <https://www.bayancenter.org/en/2018/03/1461/>. (accessed: 03.01.2021).

Al-Waziri yakshif muamarat Asyl an-Nujeifi maal baathiyin [Al-Waziri Discloses the Conspiracy of Asyl an-Nujeifi with the Baathists (in Arabic)]. 11 July, 2019 <https://www.almaalomah.com/2019/06/11/411153/> (accessed: 30.12.2020).

An-Nujeifi: Tahrir al-Mosyl tahta “raya sunniya” faqat wal-jeish yantaqim min al-ahali [An-Nujeifi: Liberation of Mosul only under the “Sunni Flag”, the Army Takes Revenge at the Residents (in Arabic)]. 10 March, 2016 <https://www.almasalah.com/ar/news/36196/النجيفي-تحرير-الموصل-تحت-راية-سنية-فقط-الجيش-ينتقم-من-الأهالي> (accessed: 30.12.2020).

Ar-Rantisi, Mumammad. Ab'ad ziyarat Batzani ila Anqaa wa Riyadh [The Dimensions of Barzani's Visit to Ankara and Riyadh (in Arabic)]. 16 December, 2015 <http://www.turkpress.co/node/16464> (accessed: 02.01.2021).

Atwan, Abdulbari. Ad-Dawla al-islamiya: al-juzur, at-tawahhush, al-mustaqbal [“The Islamic State”: Roots, Cruelty, Future (in Arabic)]. Beirut: Dar as-Saqi, 2015.

Bila hudud - masyr sunnat al-Iraq baada maarakar Mosyl maa Muthanna Harith adh-Dhai [Without Borders – Fate of Iraqi Sunnis after the Mosul Battle – with Harith ad-Dhari (in Arabic)]. 26 October, 2016 <https://www.youtube.com/watch?v=S9LskfLO2uM> (accessed: 01.01.2021).

Dhubbat baath al-Iraq yaqudun tanzhim ad-Dawla [Iraqi Baath Officers Command ISIS (in Arabic)]. 8 April, 2015 <https://www.aljazeera.net/news/reportsandinterviews/2015/4/8/ضباط-بعث-العراق-يقودون-تنظيم-الدولة> (accessed: 26.12.2020).

Lahzhat zhuhur Khamis al-Khanjar ala qanat Al-Arabiya Al-Hadath wa huwa yad'u tanzhim Daash bith-thuwwar baad suqut al-Mosyl [The Moment of Hamis al-Khanjar Appearance on "Al-Arabiya" and "Al-Hadath" Calling the ISIS Revolutionaries after the Fall of Mosul (in Arabic)]. 10 March, 2017 <https://youtu.be/nBGAATtJxZ8> (accessed: 30.12.2020).

McDuffee, Allen. Iraq's Embattled al-Maliki Deploys Militia Around Baghdad to Prepare for 'Coup'. 11 August, 2014 <https://www.theatlantic.com/international/archive/2014/08/iraqs-embattled-al-maliki-deploys-militia-around-baghdad-to-prepare-for-coup/375849/> (accessed: 31.12.2020).

Qararat majlis al-wuzara lil-jalsa raqm 4 fi 27/1/2015 [Decisions of the Council of Ministers during the Session No. 4 on 27/1/2015 (in Arabic)]. 27 January, 2015 <http://www.cabinet.iq/ArticleShow.aspx?ID=5728> (accessed: 02.01.2021).

Ragab A. Khamis al-Khanjar Targeted by US Sanctions. 10 December, 2019 <https://www.theportal-center.com/2019/12/khamis-al-khanjar-targeted-by-us-sanctions/> (accessed: 30.12.2020).

Sinatura li Ci En En: Al-Mushkila al-raisiya bi-qital Daash hiya al-qabail as-sunniya. lam nusallihhum wal-hukuma al-iraqiya la tathiq bihim [Senator to CNN: the Main Problem of the Fight against ISIS Is the Sunni Tribes; We Did Not Give Them Weapons and Iraqi Government Does Not Trust Them (in Arabic)]. 25 May, 2015 <https://arabic.cnn.com/middleeast/2015/05/25/sotu-gabbard-disagrees-obamas-isis-asessmentcnn> (accessed: 01.01.2021).

Sowell K. Iraq's Supreme Court yields its independence to Maliki. 29 November, 2012 <https://www.thenationalnews.com/iraq-s-supreme-court-yields-its-independence-to-maliki-1.402124> (accessed: 26.12.2020).

Sowell K. Continuity and Change in Iraq's Sunni Politics: Sunni Arab Political Trends, Factions, and Personalities Since 2014. Foreign Policy Research Institute, 2020.

Taarraf ala qanun hayat al-hashd ash-shaabi [Get Acquainted with the Popular Mobilization Commission Law (in Arabic)]. 27 November, 2016 <https://www.aljazeera.net/encyclopedia/events/2016/11/27/تعرف-على-قانون-هيئة-الحشد-الشعبي> (accessed: 02.01.2021).

Tasrih rais majlis an-nuwwab Usama an-Nujeifi hayla iqlim at-taifa as-sunna fi-l-Iraq [Statement of the Head of the Council of Representatives Usama an-Nujeifi about the Region of the Sunni Confession in Iraq (in Arabic)]. 30 June, 2011 <http://www.wna-news.com/inanews/news.php?extend.29828> (accessed: 26.12.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КРЫЛОВ Герман Леонидович –
соискатель Центра арабских и исламских
исследований Института востоковедения РАН,
Москва, Россия.

German L. KRYLOV, Postgraduate Student,
Center of Arabic and Islamic Studies, Institute
of Oriental Studies of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080015050-2

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ ПОСЛЕ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ: МЕНЯЮЩАЯСЯ ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

© 2021

Г.Г. КОСАЧ ^a

^a – МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
g.kosach@mail.ru

Резюме: Статья подчеркивает, что наиболее значимым проявлением воздействия Арабской весны на внутривнутриполитическую ситуацию в Саудовской Аравии стала попытка выразивших многообразные точки зрения активистов «образованного класса» создать свои первые организационные структуры и выступить в качестве равноправного партнера власти в процессе происходивших модернизационных изменений, предполагавших осуществление коррекции существующей политической системы. Речь шла не только о «либеральных интеллектуалах», но и о последователях умеренного салафитского «просветительского движения», провозгласивших создание Исламской партии уммы.

Эта попытка не только не имела успеха, но власть смогла успешно преодолеть бросающийся ей внутренний вызов, сохранив ведущую роль в качестве единственного инициатора осуществляемых перемен. Категорически отринув инициативу салафитов, но сохраняя тем не менее союз с «либералами», власть требовала от них полной лояльности. Попытки «инакомыслия» и «неповиновения властителю» исключались. Политический истеблишмент лишь выборочно и частично принимал требования своих условных «союзников».

Курс власти особенно ярко проявил себя после 2015 г., когда на трон взошел Сальман бен Абдель Азиз, а его сын Мухаммад бен Сальман стал наследником престола. Осуществляемые властью социально-экономические преобразования укрепляют легитимность режима. А его высшие представители, как и в эпоху до Арабской весны, продолжают играть бедуинско-исламскую роль «благородных правителей». Это положение исключает какие-либо устремления «либералов» изменить существующий порядок, оставляя своим «союзникам» роль «младших партнеров» власти и устрашая их возможностью репрессий.

Ключевые слова: Арабская весна, Саудовская Аравия, саудовский «образованный класс», саудовские «либералы».

Для цитирования: Косач Г.Г. Саудовская Аравия после Арабской весны: меняющаяся внутренняя политика. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 97–108. DOI: 10.31857/S086919080015050-2

SAUDI ARABIA AFTER THE ARAB SPRING: CHANGING DOMESTIC POLICY

© 2021

Grigory G. KOSACH ^a

^a – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
g.kosach@mail.ru

Abstract: The article emphasizes that the most significant manifestation of the impact of the “Arab spring” on the internal political situation in Saudi Arabia was the attempt by activists of

the “educated class” who were expressing diverse viewpoints to create their first organizational structures and act as an equal partner of the authorities in the process of the ongoing modernization changes, which also assumed the implementation of correction of the existing political system. It was not only about “liberal intellectuals”, but also about the followers of the moderate Salafi “enlightenment movement”.

This attempt was not only unsuccessful, but the government was able to overcome the internal challenge that was thrown at it, retaining the leading role as the only initiator of the changes being made. Having categorically rejected the initiative of the Salafis, but nevertheless maintaining an alliance with the “liberals”, the authorities demanded complete loyalty from them. Attempts to “dissent” and “disobey the ruler” were ruled out. The political establishment only selectively and partially accepted the demands of its conditional “allies”.

The course of power was especially pronounced after 2015, when Salman bin Abdel Aziz ascended the throne, and his son Muhammad bin Salman became a crown prince. The socio-economic transformations carried out by the authorities strengthen the legitimacy of the regime. And its highest representatives continue to play the Bedouin-Islamic role of the “noble rulers”. This provision excludes any aspirations of the “liberals” to change the existing order; leaving their “allies” the role of “junior partners” of the government.

Keywords: Arab Spring, Saudi Arabia, Saudi “educated class”, Saudi “liberals”.

For citation: Kosach G.G. Saudi Arabia after the Arab Spring: Changing Domestic Policy. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 97–108. DOI: 10.31857/S086919080015050-2

Оценивая воздействие событий Арабской весны на страны региона, российский исследователь констатировал: «Арабские монархии устояли перед натиском протестного активизма, жертвами которого стали республиканские государства». Развивая этот вывод, В.В. Наумкин полагал, что устойчивость монархий связана с «фактором легитимности», который выше «в полноценном монархическом режиме», «чем в республике» [Наумкин, 2011].

Саудовский активизм 2011 г. был далек от того, чтобы обрести черты революционного взрыва. Его узор (и одновременно широкое идейно-политическое разнообразие) очевидна. В рядах активистов действовали те, кого национальный дискурс той эпохи уже называл «либералами», как и сторонники движения «Братья-мусульмане», заявившие в феврале 2011 г. о создании апеллирующей к шариатской норме Исламской партии уммы (Хизб аль-умма аль-ислям). Из среды этих активистов, включавших сторонников «революционного нетерпения», в марте 2011 г. прозвучал (не нашедший общественного понимания) призыв начать *желанную революцию – саураат ханин*. В городе Эль-Авамия (Восточная провинция) вспыхнули территориально ограниченные волнения шиитской молодежи, переросшие в погромы нешиитов и расхищение государственной собственности. Вопрос не заключался лишь в скромности масштаба событий саудовского варианта Арабской весны – их участники (что не относилось к волнениям в Эль-Авамии) настаивали на участии в модернизационном процессе, стремясь действовать в союзе с властью, олицетворяемой монархом.

При всех различиях в нюансировке этой постановки вопроса (колебавшейся от «свободного доступа граждан» к общественно-политическому процессу до провозглашения «ценностей ислама» источником «демократических перемен») активисты были едины, видя себя «конструктивным» союзником политического истеблишмента и избегая называть себя «оппозицией». Как и власть, считавшая, что Арабская весна – «несущее бедствия землетря-

сение регионального масштаба» [Dinamiyat, 2011], они видели в ней «анархию, кровопролитие, поспание основ существования государства и правопорядка» и, обращаясь к монарху (в то время Абдалле бен Абдель Азизу), оправдывали свои просьбы необходимостью не допустить распространения «этих бедствий на земле благословенной родины» [Saudiyun, 2011]. Соглашаясь с властью, они безоговорочно осуждали волнения в Эль-Авамие.

Саудовский вариант Арабской весны развивался в атмосфере подобия начала «этапа реформ», инициированного в январе 2003 г. на тот момент наследным принцем Абдаллой бен Абдель Азизом, когда группа участников петиционного движения того времени вручила будущему монарху пронизанное обновленческой и религиозной риторикой «Видение настоящего и будущего родины». Подчеркивая, что менявшие мир последствия событий 11 сентября 2001 г. – «вызов королевству», авторы этого документа (под ним стояли подписи 115 человек) призывали власть к созданию «неотделимого от правителя и руководимого им гражданского общества», опирающегося на «избираемые объединенными с правителем едиными узами гражданами» институты центральной и муниципальной власти; предоставлению женщинам «обеспечиваемых шариатом» прав и диверсификации национальной экономики, избавленной от «нефтяной зависимости». Фоном формировавшегося «этапом реформ» союза власти и гражданских активистов стали первые террористические акции внутренней антисистемной оппозиции – «заблудшей группы» (*аль-фиа ад-далля*)¹ в саудовском дискурсе.

Как и в 2003 г. (к тому времени были приняты первые конституционные акты – Основной закон правления, Закон о Консультативном совете и Закон об управлении провинциями), саудовский политический активизм 2011 г. испытал воздействие мощного внешнего вызова. В обоих случаях его участниками выступали выходцы из рядов «образованного класса», продолжавшие апеллировать к власти, не сомневаясь в ее легитимности и способности осуществить модернизационные реформы.

Оба случая не были тем не менее идентичны. Если «этап реформ» – следствие события мирового значения, то его подобие – итог регионального феномена. Петиционное движение 2003 г. выглядело как импульс к началу реформационных изменений, политический активизм 2011 г. стремился доказать возможность их ускорения. Сама же эта возможность определялась предшествующими процессами в саудовском обществе, когда «образованный класс» предстал уже не в качестве едва начинавшего осознавать собственные интересы социального образования, но внутренне дифференцирующейся общественной страты.

Саудовский социум урбанизирован: по итогам переписи 2010 г. 81% населения составляли жители городов (при этом почти 60% граждан страны сконцентрировало в трех мегаполисах – Эр-Рияде, Мекке и Медине) [Thalath, 2017]. По оценкам Саудовского департамента статистики, более 96% работающих саудовцев получили образование: 26,8% обладают дипломами об окончании средней школы, 34,4% – дипломами бакалавров. Образованны как работающие мужчины (96,1%), так и работающие женщины (98,5%). 18,4% работающих мужчин и 55,8% работающих женщин заняты в сфере науки, техники и гуманитарных дисциплин. Ежегодно не менее 90 тыс. молодых саудовцев и саудовок направляются в зарубежные университеты. В Саудовской Аравии действуют 25 высших учебных заведений и 52 региональных технических колледжа [Al-Mamlaka, 2010].

Общественная дифференциация приводила к естественным для этого процесса результатам. Еще в 2010 г., говоря об этом явлении, саудовский автор отмечал «ощутимый разрыв между поколениями», когда «новое образованное поколение» стремится «с помощью Интернета и спутникового телевидения войти в мир, освободиться от мелочной опеки», считая разрешенным то, «что ранее было запретным» [Al-Kuwailat, 2010].

¹ Термин восходит к заключительным аятам первой суры Корана – аль-Фатихи («Открывающей книгу»).

Становление нового социального слоя актуализировало вопрос о коррекции политической системы. Эта система должна была включить в себя обладателей современных профессий и стиля жизни, что, в свою очередь, не могло не привести к функциональному ограничению роли традиционных социальных структур. Сфера политики осмыслялась как поле равноправного сотрудничества «правителя и нации». Легитимность самого правителя (и в целом власти) оказывалась обусловленной его способностью инициировать и возглавить реформационный процесс. Власть была поставлена перед необходимостью дать ответ на принципиально иной (не связанный с попыткой подрыва ее позиций) внутренний вызов.

ВЛАСТЬ И АКТИВИСТЫ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ: КОНФЛИКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Этот вызов не выглядел непреодолимым. Активисты формировавшихся групп политического активизма видели свою задачу в том, чтобы сохранить (случай «либералов») либо установить (случай Исламской партии уммы) союз с властью. И те, и другие (хотя и в разной мере) имели опыт жертв репрессий, заставлявший их считать правящий политический истеблишмент непоколебимым. Призыв Исламской партии уммы создать «широкий фронт политической реформы», объединяющий «действующие внутри Королевства и за его пределами политические группы, правозащитные организации, молодежные движения и устремленных к реформам исламских активистов» [*Hizb al-umma al-islami*, 2011], был проигнорирован «либералами».

Отвечая политическим активистам, истеблишмент обращался к беспроектной бедуинско-исламской роли «щедрого и справедливого» правителя. В конце февраля 2011 г. Абдалла бен Абдель Азиз распорядился выделить из государственного бюджета и личных средств значительные суммы (более 121 млрд саудовских риалов) на нужды социального обеспечения, развитие системы профессиональной подготовки для женщин, повышение стипендий студентам, а также зарплат государственных служащих. Не менее значимые финансовые поступления направлялись в Фонд жилищного развития на возведение жилья для молодежи. Преданные гласности королевские указы предполагали оказание помощи в создании новых и развитии уже существовавших общественных организаций интеллигенции и содержали обещание частичной амнистии политических заключенных [*Istiqlal*, 2011].

Финансовая составляющая укрепления легитимности не выглядела достаточной. Встречаясь в конце февраля с «гражданами» (по словам короля, «гарантами единства родины»), монарх заявил о «новом этапе широкого национального диалога» на «благо отечества». Его начало было подтверждено 25 сентября 2011 г. тронной речью в Консультативном совете, когда было объявлено о предоставлении женщинам начиная с 2013 г. права назначаться в протопарламент – Консультативный совет, а также участвовать в выборах и баллотироваться в депутаты муниципальных советов. Говоря о своем решении, Абдалла бен Абдель Азиз подчеркивал: «Взвешенное обновление, основанное на исламских ценностях и гарантирующее права человека – веление времени» [*Bi qaraḡun*, 2011]. Существенная (для Саудовской Аравии) уступка власти отвечала лишь на одну из просьб гражданских активистов.

Распространенное группой «либеральных интеллектуалов» – «Молодежью Фейсбука» («Шабаб Фейсбук») – «Заявление 23 февраля» призывало «Служителя Двух Благородных Святых провести назревшие реформы», способные создать атмосферу «борьбы с коррупцией, верховенства закона, равенства граждан и обеспечения прав женщин». Его авторы призывали ограничить средний возраст министров 40 годами, а членов Консультативного

совета (нуждавшегося в том, чтобы стать избираемым парламентом, состоящим из «талантливых специалистов – мужчин и женщин») – 45 годами. Они настаивали на трансформации монархии в конституционную, основанную на «разделении властей», «независимости суда», «легальности политических партий», а также призывали к отмене цензуры в средствах массовой информации и освобождению политических заключенных [Saudiyun, 2011].

В конце февраля 2011 г. в Эр-Рияде было распространено «Заявление 123-х», подписанное ста двадцатью тремя университетскими преподавателями, юристами, экономистами, правозащитниками и предпринимателями, утверждавшими, что «меры, предпринятые правителем для развития страны, недостаточны». Ставя те же вопросы, что и «Шабаб Фейсбук», авторы этого заявления подчеркивали, что выступают «не против существующей власти, а солидарны с теми в ее рядах» (правлящий монарх был первым среди них), «кто призывает к реформам», и предлагали разработать «поэтапный план политического реформирования» [Mathalib, 2011].

На этом же настаивала и Исламская партия уммы, стремившаяся стать антитезой *аль-фия ад-далля*. Ее создала группа из девяти человек – ранее действовавших как *просветительское движение – харакат ат-танвир*, представлявшее собой местное ответвление движения «Братья-мусульмане» (в своем «Учредительном заявлении» они сообщали, что являются «людьми науки и знания, университетскими преподавателями, адвокатами, бизнесменами, писателями, мыслителями и политическими активистами»). Партия провозглашала себя «мирной политической» структурой и «народным политическим образованием», устремленным к легальной деятельности. Ее программный документ настаивал на «уважении «определяемых шариатом» прав и свобод личности и, в первую очередь, ее права на «политическую свободу», как и «неотъемлемого права народа выбирать власть и контролировать ее действия», оговаривая принцип разделения властей и независимости судопроизводства [*Al-Nizam*, 2011].

«Миролюбие» документов партии контрастировало с реальностью. В начале марта 2011 г. связанное с ней Объединение свободной молодежи призвало «сторонников [опирающейся на шариат] справедливости» выйти на улицы городов, «совершить великий джихад на пути Господа и сказать свое слово несправедному правителю», начав *желанную революцию*. В обращении ее инициаторов говорилось, что «язык демонстраций и массовых собраний – единственный способ заставить осуществить требования граждан» [*Thaurat hanin*, 2011].

Призыв Объединения исключил достижение взаимопонимания власти и инициаторов создания Исламской партии уммы. Ее основатели были брошены в тюрьмы по обвинению в попытках «раскола единства нации». Отвечая им, Абдалла бен Абдель Азиз подчеркивал: «Мы видим вокруг нас стремление посеять в народе злобу. Сегодня каждый стремится создать партию, а весь наш народ – единая партия. Каждый видит себя первым, в народе воцарилась вражда. Все это вызывает гнев Господа, да избавит Господь нас от этого зла». Развивая свою мысль и объединяя «просветителей» и «заблудшую группу», монарх заявлял: «Среди них те, кто ранее пытались сбить с истинного пути наших детей. Пусть же они знают, что мы можем наказать их сильнее, чем наказали. Они ведь сбивали с истинного пути наших детей, становясь убийцами» [Khadim Al-Harameyn yunawwih, 2013].

Сохраняя союз с «либералами», власть не только обеспечивала себе лояльность членов этой общественной группы, но также тщательно искореняла «инакомыслие» и «неповиновение властителю». Продолжая движение по пути модернизации (но называя ее *ат-тахдис* – «обновление»), политический истеблишмент лишь выборочно и частично принимал требования своих условных «союзников». Его точка зрения отталкивалась от необходимости «опоры реформ на выверенную всеобъемлющую и долгосрочную страте-

гию» при «сохранении национального единства» и «социальной справедливости» [Al-Amir Khaled, 2011]. Это означало, что только пользующиеся безусловным доверием активисты могли играть роль зависимого «младшего партнера» власти, остававшейся единственной инстанцией, имеющей право инициировать начинания, связанные с модернизационным процессом. К сфере коррекции политической системы это относилось в первую очередь.

ВЛАСТЬ КАК ИНИЦИАТОР ПЕРЕМЕН: СОДЕЙСТВИЕ «ОБРАЗОВАННОГО КЛАССА»

Годы, предшествовавшие Арабской весне, во многом изменили Саудовскую Аравию. Назначаемый монархом Консультативный совет, в состав которого из 150 членов вошло 30 женщин, обрел право законодательной инициативы, став органом, представляющим все регионы и конфессиональные сообщества (включая шиитов-двунадесятников и исмаилитов), как и центром притяжения для «образованного класса» и трибуной для выражения его пожеланий. В 2005 г. был создан Центр национального диалога (необходимость которого власть оправдывала ссылками на то, что она нуждается во мнении общества для продолжения реформ), на обсуждение которого выносились наиболее существенные вопросы внутреннего развития: отношения с последователями неханбалитских мазхабов, положение женщин, ситуация в среде молодежи.

В 2008 г. правящий монарх инициировал создание базирующегося в Вене Центра диалога религий и цивилизаций, основание которого меняло саудовский политический дискурс. Выступая в октябре 2010 г., Абдалла ибн Абдель Азиз заявлял об «открытости Саудовской Аравии миру», о власти и обществе, «черпающих вдохновение в Торе, Евангелии и Коране – Книгах, ниспосланных Господом, поскольку все человечество верит в справедливость, благополучие и мир» [Khadim Al-Harameyn, 2010]. В 2005 г. в Саудовской Аравии были возобновлены муниципальные избирательные кампании и повышена общественная роль предпринимательства, представленного Советом торгово-промышленных палат. В стране появился широкий спектр «общественных организаций» (формально независимых от государства), создаваемых профессиональными группами «образованного класса» (ассоциации менеджеров, историков, работников средств массовой информации), включая «общественный» Комитет прав человека.

Присваивая инициативы «либералов» (и повышая уровень своей легитимности), власть дозировано создавала то, что она называла «государством институтов», закладывая основы общенационального единства, в процессе конструирования которого ее роль оставалась ведущей. Власть вводила в саудовский дискурс новые термины: родина – *ватан* и производное от него *муватунун* – граждане. В 2005 г. Абдалла бен Абдель Азиз учредил отмечаемый 23 сентября национальный праздник – День объединения (ранее в стране отмечались только два основных праздника ислама – *ид аль-фитр* и *ид аль-адха*), ставший, по словам саудовского издания, «воплощением единства родины, развития всех регионов страны для преодоления вызовов и кризисов» [Al-Saudiya, 2015].

Выступая в сентябре 2011 г. в Консультативном совете, король Абдалла бен Абдель Азиз, заявив о двух серьезных уступках «либералам» – введении женщин в протопарламент и предоставлении им права участвовать в муниципальных выборах, счел необходимым подчеркнуть: «Осуществляемое нами обновление взвешено и отвечает исламским ценностям». Далее он недвусмысленно предупреждал: «Мы стремимся достичь того, что отвечает вашим чаяниям и интересам, того, что связано с вашим достоинством. Вы же можете только высказывать свое мнение, давая нам советы, как этого требуют положения шариата. Каждый, кто выйдет за пределы этих положений, нарушит закон и понесет полную

ответственность за свой поступок» [Vi qarageyn, 2011]. Та же мысль была повторена им и в феврале 2013 г. на встрече с членами Консультативного совета: «Развитие, к которому мы все стремимся, постепенно. Его постепенность предполагает, что вы должны быть ответственны, руководствуясь разумом при решении всех стоящих проблем» [Khadim Al-Harameyn Al-Sharifayn, 2013]. Это означало лишь, что союз с «либералами» нужен саудовской власти для коррекции проводимого ею курса (как внутреннего, так и внешнего), но вовсе не для того, чтобы пойти на радикальный пересмотр его базовых основ.

Саудовский «образованный класс», вышедший из недр патриархального общества, не стал внутренне сплоченной и четко определяющей программу своих требований силой. К 2006 г. в его рядах проявили себя две основные группы, определявшиеся саудовским исследователем аль-Хабибом как «либералы социального толка (*аль-либералийун аль-иджтимаийун*)» и «либералы-политики (*аль-либералийун ас-сиясийун*)». Если первые считали, что «основные проблемы Саудовской Аравии лежат в социо-культурной сфере», и призывали к проведению «широких социальных и культурных реформ», определяя себя в качестве поборников «обновления, плюрализма, общественных и личных свобод» (но «остававшихся почвенниками», имея в виду лояльность королю и приверженность очищенной от «экстремистских излишеств» ханбалитской доктрине), то вторые настаивали на «всеобъемлющих политических реформах» (порой называя себя «атеистами») [Al-Nabib, 2011]. Отвечая им, уже в 2013 г. власть перешла от словесных угроз к репрессиям (как доказывал случай арестованного по обвинению в «оскорблении религии» и подвергнутого бичеванию блоггера Раифа аль-Бадави, а также наиболее последовательных феминисток).

Сохранение союза власти с «либералами социального толка» (обрамленного ее же жесткостью в отношении «либералов-политиков») требовало от них следования в ее фарватере, определявшегося в том числе и совпадением интересов обеих сторон. Наиболее ярким проявлением этой подчиненности власти стала безусловная поддержка ее курса на продолжение огосударствление религии и сужение сферы общественных полномочий связанного с вероисповедной практикой религиозного истеблишмента. Последовательно лишая мусульманских богословов (*улама*) контроля над женским образованием, выводя из сферы их компетенции институты судебной власти, осуществляя кодификацию ханбалитского права, решительно пресекая протесты высших представителей корпуса законоучителей против расширения сферы современного образования, власть превращала своих союзников в безусловных сторонников ее начинаний. Сами же «либералы социального толка» видели в союзе с властью возможность создать собственный «центр силы», предлагающий обществу лишенную религиозного рвения вероисповедную практику, когда, по словам одного из их идеологов, «будет преодолен взгляд на мир как на поле религиозной войны, что станет поворотным моментом в обращении к идее сосуществования с миром» [Mubarak, 2004].

Следуя за властью, «либералы социального толка» провозглашали себя «противниками консерваторов», теми, кто стремится к «открытому обсуждению общественно-политических проблем» [Al-Kuwailat, 2010]. Это «обсуждение» порождало то, что саудовский исследователь назвал «отчуждением между политиком и правоведом» [Al-Heiyth, 2011], особенно ощутимым в сфере женского равноправия (когда его символом становилась отмена запрета на вождение женщиной автомобиля) и в процессе мониторинга деятельности «полиции нравов» – Лиги поощрения добродетели и осуждения греха. Регулярно публиковавшиеся прессой сообщения о «проступках» сотрудников Лиги становились для власти «доказательствами» общественного недовольства, становившимися поводом для ограничения ее деятельности.

ВЛАСТЬ И ЛИБЕРАЛЫ: ЭПОХА ПРАВЛЕНИЯ САЛЬМАНА БЕН АБДЕЛЬ АЗИЗА

Очевидность этого обстоятельства в полной мере проявилась после начавшегося в 2015 г. правления Сальмана бен Абдель Азиза: начинания внука короля-основателя, наследного принца Мухаммада бен Сальмана, казалось бы, доказывали устремленность политического истеблишмента к удовлетворению запросов своих «либеральных» союзников. Появление в апреле 2016 г. проекта социально-экономической перестройки «Видение: 2030», вводившего новые акценты в политический дискурс, когда речь более не шла о «стране Двух Благородных Святынь», а о «Королевстве Саудовская Аравия» с его собственными «национальными задачами социально-экономического развития», а окружающее геополитическое пространство – «арабо-мусульманский мир» – начинало рассматриваться лишь как саудовский «стратегический тыл» [*Ruyat Al-Mamlaka*, 2016, p. 6], создавало впечатление о начале коренного поворота в развитии страны, предполагавшего «искоренение бюрократии и коррупции» и «преобразование благословенной родины» [Tahaqquq, 2016].

Представляя подготовленный под его руководством проект, Мухаммад бен Сальман провозглашал себя «частью страты молодежи» и «защитником ее идеалов»: «Саудовская Аравия, которую хочу создать я и 70% саудовцев, – говорил он в интервью лондонскому *The Economist*, – это Саудовская Аравия, не опирающаяся на нефть, это страна с растущей экономикой, с прозрачными законами, занимающая достойное место в мире, способная осуществить мечту любого саудовца, предоставив ему мотивирующие его стимулы». «Эта страна, – продолжал он, – с хорошей экологией, ... обеспечивающая участие всех в принятии решений, часть мира, участвующая в его развитии, противостоящая тем же вызовам, что и остальной мир» [Interview, 2016].

Проект «Видение: 2030» обретал черты национальной идеи, имевшей собственный символ. Выступая в конце октября 2017 г. на международном экономическом форуме в Эр-Рияде, наследный принц объявил о строительстве на побережье Красного моря особой экономической зоны – города науки, культуры, образования и туризма Neom². Завершавшие же слова «Видения: 2030» гласили: ««Мы выдвинем новые программы, корректируя наши действия, чтобы “Видение” стало, если позволит Господь, реальностью»» [*Ruyat Al-Mamlaka*, 2016, p. 80]. Легитимность действий наследного принца и его союза с «либералами» освятилась Божественной волей.

В проведенной в августе – декабре 2015 г. третьей муниципальной избирательной кампании женщины стали полноправными участницами электорального процесса. Этому начинанию предшествовали шаги, направленные на расширение сферы женской эмансипации – поступление на значимые государственные посты, получение удостоверений личности, избрание в руководящие органы торгово-промышленных палат и общественных организаций. С июня 2018 г. женщины получили право водить автомобиль – важнейшее требование «либералов» было реализовано.

Содействие «либералов» позволяло наследному принцу развивать наступление на корпус религиозных законоучителей. В конце сентября 2017 г. Консультативный совет одобрил принятое политическим истеблишментом решение о введении женщин – специалистов по мусульманскому праву в высшую религиозную инстанцию – Генеральный совет фетв. В Саудовской Аравии появились женщины-муфтии. Все так же на октябрьском Инвестиционном форуме принц заявил, что, «следуя устремлениям молодого общества», страна «покончит с религиозным экстремизмом», вернувшись «к умеренному исламу, открытому миру, всем религиям, всем традициям, всем народам» [Muhammad bin Salman: sanaqdh, 2017]. Возникла ситуация,

² Название образовано от греческого слова нео – «новый» и первой буквы арабского слова мадина – «город».

когда власть более не получает согласие религиозного истеблишмента на осуществляемые ею меры, связанные с важнейшими внутри- и внешнеполитическими решениями. Фактическая отмена хаджа 2020 в связи с пандемией COVID-19, не согласовывавшаяся с Советом высших улама, это доказывала.

Перестройка экономики на принципах открытости, приватизации и избавления от нефтяной зависимости, как и повышение качества жизни (что вытекало из проекта «Видение: 2030»), женская эмансипация и сужение сферы полномочий религиозного истеблишмента – чаяния выпестованного государством «либерального образованного класса», ориентированного на «реформатора во власти». Этому «классу» в октябре 2018 г. на втором Инвестиционном форуме в саудовской столице принц предложил модель саудовского будущего – динамично развивающийся эмират Дубай, обещая «через пять лет полностью изменить» Саудовскую Аравию и превратить «Ближний Восток в новую Европу» [Muhammad bin Salman: Asharq, 2018]. Перемены становились реальностью: весной 2018 г. впервые после 1979 г. были открыты кинотеатры, разрешены ранее запрещенные публичные выступления артистов, на которых могли присутствовать и женщины. Впервые в истории Каннского кинофестиваля в 2018 г. в нем приняла участие и Саудовская Аравия.

Союзники власти приветствовали «Видение: 2030» и антикоррупционную кампанию 2017 г., которая описывалась пользователями Twitter под хэштегами «революция 4 ноября» и «никто не спасется» [Thaurat 4 November, 2017]. Авторы сообщений требовали продолжить «революцию», призывая к новым арестам и задержаниям членов высшего политического и делового сообщества. Мухаммад бен Сальман получил поддержку тех саудовцев, представителем которых он провозглашал себя с момента своего прихода на вершину власти. Их поддержку он получил и в «деле Джамала Хашогги». В нем видели «жертву необоснованных обвинений» и «защитника величия королевства» [Khashoggi, 2018]. Надежда на «реформатора во власти» укреплялась.

«Либералы» приписывали власти «глубоко укоренившуюся общенародное признание» и «историческую легитимность». Описывая их сегодняшнее отношение к системе правления, глава «общественного» Комитета прав человека (и член Центра диалога между религиями и цивилизациями) говорил о «недопустимости революции против режима, поскольку он – основа единства народа». Если, по его словам, «обрушится объединяющий народ шатер власти, то произойдет то, что мы видим в Сирии и Ливии» [Al-Majed, 2021].

«Либералы» надеялись на перемены, и их чаяния в определенной мере оправдывались. В 2020 г. известный экономист и член Консультативного совета Ханан аль-Ахмади была назначена заместителем спикера протопарламента. В свою очередь, Рима бинт Бандар бен Султан стала первой саудовской женщиной-послом, заняв пост представителя своей страны в Вашингтоне. В феврале того же года указом правящего монарха было разрешено создание подчиненных министерству культуры комитетов, специализирующихся на развитии литературы, издательской и переводческой деятельности, музеев, музыки, театров, кинематографии, живописи, моды. «Либеральный» журналист считал, что его страна сможет стать «региональным центром искусств», способствующим развитию «творческих талантов юношей и девушек», что станет вехой в эволюции противоположности «разрушительной Арабской весны» – «саудовской мягкой революции» [Al-Zaidi, 2020].

В феврале 2021 г. власть освободила двух находившихся в течение почти двух лет в тюремном заключении активисток женского и правозащитного движения, что было воспринято как доказательство смягчения ее позиции в отношении «либералов-политиков». Ранее, в январе того же года был предан гласности проект нового закона о гражданском статусе, уравнивающий мужчин и женщин в сфере семейно-брачных отношений [Okaz tanshur, 2021]. Касаясь этого проекта, Мухаммед бен Сальман утверждал, что осуществленная

кодификация ханбалитского права недостаточна для «торжества справедливости в судебной системе», что означает, что страна «нуждается в волне новых реформ» [Wali al-ahd, 2021]. Линия власти на союз с «либералами» обретала дополнительные нюансы.

Все же, значение нынешних начинаний власти не должно преувеличиваться. Ее действия продолжают определяться все той же устремленностью к монополизации процесса реформирования государства и общества и дозированностью степени и скорости осуществляемых преобразований. Саудовская перестройка реализуется не только в силу необходимости сохранения уровня общественной легитимности, но и под воздействием внешних факторов (одним из которых выступает международное осуждение в связи с «делом Хашогги», нарушениями прав человека и преследованиями политических оппонентов). Если религиозно-племенная роль власти и сохраняется, то это не означает вместе с тем, что она не способна предложить иные варианты более приемлемого для современности исполнения, но при условии, что «либеральный образованный класс» не выйдет за пределы лояльности режиму, оставаясь ведомым элементом их союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Наумкин В.В. Снизу вверх и обратно. *Россия в глобальной политике*. 2011. № 4 [Naumkin V.V. From Bottom to Top and Back. *Russia in Global Affairs*. April 2011. No. 4 (in Russian)] <https://globalaffairs.ru/articles/snizu-vverh-i-obratno> (accessed: 05.05.2011).

Dinamiyat al-amn al-iqlimi. Kalimat al-amir Muqran bin Abdel Aziz [Dynamics of regional security. Speech by Prince Mukran bin Abdel Aziz (in Arabic)] 4 December 2011 <http://www.gulfandglobe.org/home/ar/media-center/speeches-and-papers/34-2011-12-05-06-26-19.html> (accessed: 04.12.2011).

Saudiyyun yutalibun al-malik bi islahat. *Al-Jazeera* [The Saudis Require Reforms of King (in Arabic). *Al-Jazeera*] 23 February 2011 <http://www.aljazeera.net:80/NR/exeres/8492EE30-D3FF-4820-937B-E67286517286.htm?GoogleStatID=20> (accessed: 23.02.2011).

Thalath manatiq tahtadhan 60% min adad sukkun Al-Saudiya. *Okaz* [Three Cities are Home to 60% of the Total Population of Saudi Arabia. *Okaz* (in Arabic)] 17 September 2017 <https://www.okaz.com.sa/last-stop/na/1572802> (accessed: 17.09.2017).

Al-Mamlaka: 8,6 million nasama jumla al-quwwa al-amila. *Al-Hayat* [Kingdom: Total Workforce 8.6 million. *Al-Hayat* (in Arabic)] 1 March 2010 <http://ksa.daralhayat.com/ksaarticle/114181> (accessed: 01.03.2010).

Al-Kuwailat Yu. Min al-mahalliya ila alam muawalam. *Al-Riyadh*. [Al-Kuwailat Yu. From Provincialism to a Globalized World. *Al-Riyadh* (in Arabic)] 7 June 2010. <http://www.alriyadh.com/2010/06/07/article532670.html> (accessed: 07.06.2010).

Hizb al-umma al-islami yadu ila tashkil jabha aridha ki al-islah al-siyasi [Islamic Ummah Party Calls for Broad Front of Political Reform Supporters (in Arabic)] March 2011 <http://www.islamicommaparty.com/Portals/Content/?info=TIRJekpsTjFZbEJoWjJVbU1TWmhjbUk9K3U=.jsp> (accessed: 11.03.2011).

Istiqbal rasmi wa shaabi hafil li Khadim Al-Haramayn fi Al-Riyadh [Solemn Ceremony of the Official and Public Meeting of the Custodian of the Two Holy Mosques in Riyadh (in Arabic)] 24 February 2011 <http://dlibrary.kingabdullah.sa/handle/123456789/86625> (accessed: 24.02.2011).

Bi qarareyn tarikhiiyan al-malik yahjuz maq'ad al-mar'a bi Al-Shura. *Asharq Al-Awsat* [The King Reserves a Seat on the Shura Council for Women by Two Historic Decrees. *Asharq Al-Awsat* (in Arabic)] 26 September 2011 <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=642138&issueno=11990> (accessed: 26.09.2011).

Mathalib bi malakiya dusturiya fi Al-Saudiya. *Al-Jazeera* [Requirements of the Constitutional Monarchy in Saudi Arabia. *Al-Jazeera* (in Arabic)] 27 February 2011 <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/8FD04625-05E9-47C3-8855-04412FDD00E6.htm> (accessed: 27.02.2011).

Al-Nizam al-asasi li al-hizb [Party Charter (in Arabic)] February 2011 <http://www.islamicommaparty.com/Portals/Content/?info=TkRrd0psTjFZbEJoWjJVbU1TWmhjbUk9K3U=jsp> (accessed: 27.02.2011).

Thaurat hanin. 11 March, 6 Rabia al-akhar [*The Desired Revolution*. 11 March, 6 Rabia al-akhar (in Arabic)] March 2011. Pp. 1–5 (Personal archive of the author).

Khadim Al-Haramayn yunawwih bi takatuf al-muwatinin. *Al-Hayat* [Custodian of the Two Holy Mosques Calls for the Rallying of Citizens. *Al-Hayat* (in Arabic)]. 24 April 2013 <http://alhayat.com/home/ksa506441> (accessed: 24.04.2013).

Al-Amir Khaled Al-Faisal: aleya al-tasaddi li muhawwalat ikhtitaf al-mujtamaa yaminan au yasaran. *Asharq Al-Awsat* [Prince Khaled Al-Faisal: We Must Repel Attempts to Push Society to the Right or to the Left. *Asharq Al-Awsat* (in Arabic)] 21 December 2011 <http://www.aawsat.com/details.asp?section=43&article=655238&issueno=12076> (accessed: 21.12.2011).

Khadim Al-Haramayn: naakhuz min Al-Taura wa Al-Injil wa Al-Quran. *Al-Riyadh* [Custodian of the Two Holy Mosques: We Draw from the Torah, the Gospel and the Koran. *Al-Riyadh* (in Arabic)] 25 October 2010 <http://www.alriyadh.com/2010/10/25/article570998.html> (accessed: 25.10.2010)

Al-Saudiya fi Yaumiha Al-Watani. *Asharq Al-Awsat* [Saudi Arabia on its National Day. *Asharq Al-Awsat* (in Arabic)] 23 September 2015 <http://aawsat.com/home/article/458926> (accessed: 23.09.2015).

Khadim Al-Haramayn Al-Sharifayn mukhatyban aadha Al-Shura: islahuna mutadarraj. *Asharq Al-Awsat* [Custodian of the Two Holy Mosques Tells Shura Council Members: Our Reform Is Gradual. *Asharq Al-Awsat* (in Arabic)] 20 February 2013 <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=717967&issueno=12503> (accessed: 20.02.2013).

Al-Habib A. Man Huwa Al-Liberali Al-Saudi? *Al-Jazeera* [Who is He, a Saudi Liberal? *Al-Jazeera* (in Arabic)] 10 January 2011 <http://www.al-jazirah.com/2011/20110110/ar1.htm> (accessed: 10.01.2011).

Mubarak T. Al-Taayush maa al-alam badlan min siraat al-sahwa. *Asharq Al-Awsat* [Coexistence with the World, Not a Religious Battle. *Asharq Al-Awsat* (in Arabic)] 17 December 2004 <http://www.aawsat.com/details.asp?section=17&article=271647&issueno=9516> (accessed: 17.12.2004).

Al-Heyth A. Musharaka al-mar'a fi al-haya al-siyasiya al-saudiya. *Al-Jazeera* [Women's Participation in Saudi Political Life. *Al-Jazeera* (in Arabic)] 17 October 2011 <http://www.aljazeera.net/NR/EXERES/26C86176-EB3A-45AA-874D-369D9D87DA21.htm> (accessed: 17.10.2011).

Ruyat Al-Mamlaka Al-Arabiya Al-Saudiya: 2030 [Vision of the Kingdom of Saudi Arabia: 2030 (in Arabic)] May 2016 <http://vision2030.gov.sa/ar/media-center> (accessed: 26.05.2016)

Tahaquq Tammuh. *Asharq Al-Awsat* [Realization of Aspirations. *Asharq Al-Awsat* (in Arabic)] 26 April 2016 <http://aawsat.com/home/article/625466> (accessed: 27.04.2016).

Interview with Muhammad bin Salman. *The Economist*. January, 6, 2016 http://www.economist.com/saudi_interview (accessed: 07.01.2016).

Muhammad bin Salman: Sanaqdhy Ala Al-Tatarruf. *Asharq Al-Awsat* [Muhammad bin Salman: We Will End Extremism. *Asharq Al-Awsat* (in Arabic)] 25 October 2017 <https://aawsat.com/home/article/1062851> (accessed: 26.10.2017).

Muhammad bin Salman: Asharq Al-Awsat huwa Aurobba jadida. *Asharq Al-Awsat* [Muhammad bin Salman: The Middle East is the New Europe. *Asharq Al-Awsat* (in Arabic)] 25 October 2018 <https://aawsat.com/home/article/1437181> (accessed: 07.01.2016).

Thaurat 4 November. *Al-Watan* [Revolution of November 4. *Al-Watan* (in Arabic)] 5 November 2017 <https://www.elwatannews.com/news/details/2682150> (accessed: 05.11.2016).

Khashoggi Wa Kuwalis Al-Masrahiya. *Al-Watan* [Khashoggi and Comedy Backstage. *Al-Watan* (in Arabic)] 9 October 2018 http://www.alwatan.com.sa/Politics/News_Detail.aspx?ArticleID=349738&CategoryID=1 (accessed: 09.10.2018).

Al-Majed H. Limatha najahat al-duwwal that al-anzhyma al-malakiya? *Asharq Al-Awsat* [Why Monarchical States Were Successful? *Asharq Al-Awsat* (in Arabic)] 23 March 2021

Al-Zaidi M. Thaura Saudiya Naima. *Al-Arabiya* [Saudi soft revolution. *Al-Arabiya* (in Arabic)] 6 February 2020 <https://www.alarabiya.net/politics/2020/02/06/ثورة-سعودية-ناعمة> (accessed: 07.02.2020).

Okaz tanshur abraz malamih nizham jaded li al-ahwal al-shakhsyia. *Okaz* [Okaz Publishes the Most Important Provisions of the New Civil Status Law. *Okaz* (in Arabic)] 25 January 2021 <https://www.okaz.com.sa/news/local/2055886> (accessed: 26.01.2021).

Wali al-ahd al-saudi ya'lian an islahat fi nizham al-ahwal al-shakhsyia. *Sky News Arabic* [Crown Prince Announces Changes to Personal Status Law. *Sky News Arabic* (in Arabic)] 8 February 2021 <https://www.skynewsarabia.com/middle-east/1413843-ولي-العهد-السعودي-يعلن-إصلاحات-نظام-الأحوال-الشخصية> (accessed: 09.02.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОСАЧ Григорий Григорьевич –
доктор исторических наук, профессор
факультета мировой политики МГУ
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Grigory G. KOSACH, DSc (History), Professor,
School of World Politics, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080015114-2

АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ:
В ПОИСКАХ НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ?

© 2021

И.Д. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ ^а^а – ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5937-9997; zvyagel@imemo.ru

Резюме: Процесс заключения мирных соглашений Израиля с арабскими странами, начало которому было положено мирным договором между Израилем и ОАЭ (соглашения Авраама), был неожиданным не только для международной общественности, но и для специалистов. Острота противоречий и непримиримость сторон, вызванная столкновением разных националистических устремлений и исторических нарративов, межэтнические и межрелигиозные противоречия, казалось, почти не оставляли поля для компромисса. Неразрешимость конфликта была результатом формирования палестинской проблемы, ставшей для арабов и значительной части мусульманского мира символом общей борьбы за справедливость, приправленной горечью поражения.

Современный этап урегулирования имеет несколько принципиально важных характеристик. Он стал возможным в условиях, когда палестинская проблема перестала политически доминировать над национальными интересами отдельных арабских стран. Вместе с тем у ряда арабских стран и Израиля появились общие озабоченности, касающиеся вызовов безопасности. В настоящее время урегулирование воспринимается как широкий процесс, затрагивающий различные сферы взаимоотношений и включающий не только межэлитные договоренности, но и создание толерантной общественной атмосферы. Однако превращение этого процесса в «дружбу против других» может привести к потере им позитивной динамики и к углублению региональных расколов.

Ключевые слова: нормализация, сближение, соглашения Авраама, палестинская проблема, национальные интересы, безопасность, толерантность.

Для цитирования: Звягельская И.Д. Арабо-израильское сближение: в поисках новой нормальности? *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 109–120. DOI: 10.31857/S086919080015114-2

THE ARAB-ISRAELI RAPPROCHEMENT:
A SEARCH FOR NEW NORMALITY?

© 2021

Irina D. ZVYAGELSKAYA ^а^а – Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO),
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5937-9997; zvyagel@imemo.ru

Abstract: The process of normalization between Israel and the Arab countries, which was initiated by the peace treaty (the Abraham Accords) between Israel and the UAE, was a surprise not only for the international community, but also for specialists. The sharpness of the contradictions

and the irreconcilability of the parties, caused by the clash of different nationalist aspirations, historical narratives, inter-ethnic and inter-religious contradictions, seemed to leave almost no room for compromise, despite numerous attempts by mediators to facilitate talks between the opposing parties. The intractability of the conflict was the result of the formation of the Palestinian problem, which became a symbol of the common struggle for justice, seasoned with the bitterness of defeat both for the Arabs and for a significant part of the Muslim world.

The current normalization has become possible due to several fundamentally important changes in the region. First, the Palestinian problem has ceased to politically dominate national interests of individual Arab countries. Second, the security uncertainty in the Gulf caused by policies of regional powers and by a prospect of reduction of the US direct involvement has become a most important driver. Third, the peace accords have been preempted by the formation of ties in the field of business, trade, transport corridors. Forth, the settlement is conceived by the former opponents as a broad process that demands the creation of a tolerant social atmosphere. However, if normalization remains to be primarily focused on countering Iran, the prospects for its development and for the accession of new states may easily loose its dynamics.

Keywords: normalization, rapprochement, The Abraham Accords, the Palestinian problem, national interests, security, tolerance.

For citation: Zvyagelskaya I.D. The Arab-Israeli Rapprochement: A Search for New Normality? *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 109–120. DOI: 10.31857/S086919080015114-2

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ КАК МОДЕЛЬ ЗАТЯЖНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Арабо-израильский конфликт вошел в историю как очень плохо поддающийся урегулированию; порой он воспринимался непосредственными участниками и внешними силами как безнадежный. Анализ его причин, движущих сил и динамике посвящено огромное количество работ ведущих отечественных, западных и ближневосточных экспертов. Среди них можно выделить несколько, имеющих более непосредственное отношение к затрагиваемой теме как в теоретическом, так и в прикладном плане, в которых сделан упор на анализе факторов, ставших непреодолимыми препятствиями на пути урегулирования.

Арабо-израильский конфликт в контексте глобальных и региональных международных отношений был рассмотрен выдающимся российским ученым и политиком академиком Е.М. Примаковым [Примаков, 2016] через призму сложнейшего переплетения интересов, амбиций, стратегических целей и тактических задач различных игроков.

Противоречия, которые носят для каждой из сторон ценностный характер, анализировались известными учеными, в том числе академиком В.В. Наумкиным [Наумкин, 2020], ведущими западными специалистами Д.Л. Горовицем [Horowitz, 1985], Дж. Бертоном [Burton, 1990]. В своих работах они убедительно показали, как особенности локальных культур влияют на поведение их носителей, как традиционное самовосприятие сторон способствует зарождению и развитию конфликтов. Ценностный характер конфликтов является производным от уровня вовлеченности в них отдельных этнических, религиозных, конфессиональных клановых и племенных групп, использующих идентичность как маркер принадлежности к «своим» и противопоставления себя «другим». Символизм действий и восприятий определяет взаимное отторжение даже в тех случаях, когда приземленные прагматические соображения диктуют более терпимое отношение к противоположной стороне.

Способы преодоления разногласий являются частью технологического подхода к конфликту, позволяющему вычленив основные противоречия и предлагающему методы снижения их интенсивности. Проблемам технологии и теории урегулирования конфликтов посвящены работы российского ученого М.М. Лебедевой [Лебедева, 2010]. Среди западных специалистов можно назвать Р. Фишера и У. Ури [Fisher, Ury, 1991]. Особое место занимают в этом ряду работы К. Митчелла [Mitchell, 1990], подробно рассмотревшего способы достижения компромиссов, различные сигналы, направляющиеся оппоненту, особенности поведения сильной и слабой сторон в конфликтах, роль медиаторов. В работах Й. Галтунга [Galtung et al, 2002] и Л. Крисбергера [Kriesberg, 1992] особое внимание уделяется проблемам трансформации неразрешимых конфликтов под влиянием изменения внешней среды и внутренних балансов.

Наконец, следует упомянуть работы американского политического деятеля и аналитика Г. Сондерса [Saunders, 2001], разработавшего теорию устойчивого общественного диалога как вспомогательного механизма урегулирования, позволяющего создать новую атмосферу большего доверия между обществами и активизировать роль граждан, готовых брать на себя ответственность за «разговор с врагом».

Среди исследований, посвященных непосредственно процессу урегулирования арабо-израильского конфликта, особое место занимают работы У. Квандта [Quandt, 1993], А. Миллера [Miller, 2008], И. Рабиновича [Rabinovich, 2004], Э. Саида [Said, 2000], в которых рассмотрены отдельные этапы урегулирования, роль в этом процессе внешних и региональных сил, а также причины несбывшихся надежд и неудач.

В целом можно констатировать, что опыт переговоров и соглашений, казалось, лишь подтверждал тезис о том, что неразрешенность основного противоречия, лежащего в основе арабо-израильского конфликта – палестинской проблемы – не дает возможности другим вовлеченным в конфликт игрокам решить собственные проблемы с Израилем и достичь подлинной разрядки в отношениях. И все же трансформация конфликта и изменения внешней среды привели к тому, что палестинская проблема постепенно переставала быть единственным императивом. Противодействие вызовам безопасности стало рассматриваться в арабских государствах как задача, не исключающая привлечение Израиля ради их сдерживания, а также для решения задач национального развития.

ПОИСКИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ: ВЫУЧЕННЫЕ И НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ

Палестинская проблема за годы своего существования постепенно трансформировалась из проблемы беженцев в проблему реализации национальных прав палестинского народа, что требовало куда более сложных и продуманных решений и подходов, чем существовавшие когда-то представления о возможности возвращения всех палестинских беженцев или их ассимиляции в различных арабских странах. Борьба за палестинское дело легла тяжелым бременем на плечи арабских стран, перевешивая порой их узконациональные интересы.

В этом контексте процесс нормализации отношений Израиля с арабскими монархиями Залива (2020 г.), к которым присоединились Судан и Марокко, воспринимался как нечто противоречащее привычной логике развития конфликта. В определенной мере так и было, но все же было бы неверно сводить отношения между арабскими элитами и представителями сионистского движения, а потом руководством Израиля исключительно к незатухающей враждебности и негативным эмоциям.

На протяжении достаточно длительной истории их политического взаимодействия было немало моментов, когда они находили общий язык для продвижения своих стратегий, когда велись переговоры о мире и заключались мирные договоры, когда выдвигались планы урегу-

лирования палестинской проблемы. Однако эти попытки не всегда были результативными и даже в случае успеха не создавали динамики для продолжения процесса. Нормализация, если рассматривать ее в исторической ретроспективе, является продолжением тренда на прекращение военного противостояния, на обеспечение безопасности и развития, но в новой форме и при существенных отличиях. Во-первых, сплочение имело свою специфику – это была «дружба против», когда главным драйвером к объединению стала percepция общей угрозы, а не стремление к развитию отношений в качестве самостоятельной цели. Во-вторых, примирение ныне не столь жестко завязано на прогресс в урегулировании палестинской проблемы. В-третьих, одной из важнейших целей является обеспечение устойчивости процесса за счет изменения атмосферы на общественном уровне и формирования взаимозависимости путем создания многообразных связей в различных областях.

Соглашения с ОАЭ, Бахрейном, Суданом, Марокко хронологически можно рассматривать как третий этап нормализации. Первым этапом было подписание в 1978 г. египетским президентом А. Садатом Кэмп-Дэвидских соглашений [*The Camp David Accords. The Framework for Peace in the Middle East*, 1978], а в 1979 г. мирного договора с Израилем [*The Camp David Accords. Framework for the Conclusion of a Peace Treaty between Egypt and Israel*, 1978]. При этом Садат не имел опыта установления хотя бы минимальных контактов с Израилем, да и практически никто из арабов в постколониальном мире не умел вступать с Израилем в политическое взаимодействие. Для Израиля мирный договор с ведущей арабской страной, о котором втайне мечтали несколько поколений политиков, оказался вызовом привычным представлениям и далеко не легким предприятием, вызвавшим политический раскол в элите.

Визит Садата в Иерусалим 19 ноября 1977 г. вызвал негативную реакцию в арабском мире, причем не только среди наиболее радикальных его элементов, что было вполне естественно и прогнозируемо, но и среди консервативных союзников США. Транслировавшаяся телевизионными каналами картинка, на которой Анвар Садат пожимал руки встречавшим его Менахему Бегину, Голде Меир и израильским военачальникам, была слишком большим психологическим шоком для арабов. Выступление египетского президента в Кнессете в Иерусалиме также произвело на них неизгладимое впечатление.

Вторым этапом нормализации было подписание мирного договора 26 октября 1994 г. между Королевством Иордания и Государством Израиль. В отличие от конца 1970-х гг. общая атмосфера была иной. Палестинцы вели прямые переговоры с Израилем в рамках процесса Осло [*An Historical Encyclopedia of the Arab-Israeli Conflict*, 1996, p. 573–576], что позволило королю Хусейну решить проблемы двустороннего характера с Израилем, оставив палестинцам возможность самим договариваться по параметрам решения палестинской проблемы. В конце июля 1994 г. на встрече в Вашингтоне король Хусейн и премьер-министр Израиля И. Рабин в присутствии президента У. Клинтона подписали Вашингтонскую декларацию, которая прекращала войну и призывала к достижению мира на основе резолюций СБ ООН № 242 и 338. Учитывая, что Хашимиты остаются хранителями мусульманских святынь в Иерусалиме, декларация фиксировала уважение Израилем особых прав Хашимитского королевства и приоритет Иордании в этой связи на окончательных переговорах о статусе территорий [*An Historical Encyclopedia of the Arab-Israeli Conflict*, 1996, p. 573–576].

Судя по всему, король Хусейн, имевший оппозицию в стране и арабском мире, хотел, чтобы Иордания скорее ощутила преимущества мирных соглашений, чтобы это был настоящий, а не «холодный мир». Этого не произошло. И мир с Египтом, и мир с Иорданией оставались межэлитными соглашениями, которые в силу исторических и политических обстоятельств мало отразились на взаимоотношениях между народами государств-участников. Мирные

договора при всей своей исторической значимости были формальными – ни широких политических и культурных обменов, ни развитых экономических связей они за собой не повлекли.

В начале 1990-х гг. даже встретиться с послом Израиля в Египте было непростой задачей, чуть ли не спецоперацией. В 1990 г. автору этой статьи организовали встречу с Шимоном Шамиром в Каире на какой-то нейтральной территории. Машину пришлось оставить достаточно далеко и идти пешком, чтобы не привлекать внимания. Посол, выходец из академической среды, прибывший в сопровождении вооруженных охранников, был открыт для общения, но общая ситуация к этому мало располагала. На современном этапе достаточно развитые отношения с Египтом все же в значительной мере замыкаются на проблемы безопасности.

Тем не менее вывод о том, что между арабами и евреями существует непреодолимое взаимное отторжение, имеет мало общего с историческим взаимодействием обоих народов на Востоке, несмотря на наличие в нем многих горьких страниц. Даже на начальном этапе сионистского продвижения на Ближний Восток (речь шла о европейских евреях, культурно далеких от региона), общие интересы имели шансы перевесить взаимную подозрительность.

И здесь имеет смысл заглянуть в еще более далекую историю первых десятилетий XX в., когда впервые обозначилась возможность контактов и договоренностей между лидерами сионистского движения и правителями Хиджаза, принимавшими активное участие в борьбе против Османской империи на стороне Великобритании в Первой мировой войне. Взаимодействие принца Фейсала (сына шерифа Мекки Хусейна) и председателя ВСО Х. Вейцмана носило конъюнктурный характер и в определяющей степени зависело от позиций держав-победительниц (Великобритании и Франции), которые, как известно, по-своему поделили государства и территории Ближнего Востока, в том числе в нарушение ранее данных обязательств. В конечном итоге вопросы создания независимого арабского государства и создания еврейского очага стали предметом политических манипуляций, исход которых не зависел ни от арабов, ни от представителей сионистского движения.

В 1918 г. в преддверии Парижской мирной конференции казалось, что наличие общих тактических подходов могло бы помочь каждой из сторон достичь своих целей. Фейсал исходил из идеи создания единого арабского государства (Великой Сирии), о котором говорилось в переписке Мак-Магона-Хусейна 1915–1916 гг. [Schneer, 2010, p. 54]. Во всяком случае, именно так трактовались шерифом Хусейном обещания Лондона, призывавшего его к участию в войне против турок. Вряд ли Фейсал и его отец верили в то, что сионизм принесет арабам экономический прогресс и технический опыт. Для них гораздо более важным был поиск ситуативных партнеров, способных ради собственных интересов в Палестине поддержать арабскую независимость, тем более что Сирия была включена в зону французского контроля. Именно такую связку с сионистами продвигали британские политики. 11 декабря 1918 г. Фейсал вместе с полковником Лоуренсом встретились с Вейцманом в отеле «Карлтон» в Лондоне. Вейцман написал длинный меморандум, отметив, что Фейсал обещал на Парижской мирной конференции признать национальные и исторические права евреев на Палестину и назначение Британии в качестве попечителя над ней с защитой мусульманских святынь и экономических интересов арабов [Richman, 2019].

Результатом переговоров и интриг стал документ Вейцмана – Фейсала от 3 января 1919 г., в котором признавались «национальные устремления» как евреев, так и арабов. Соглашение предусматривало, что «будут приняты все меры» для осуществления Декларации Бальфура, включая «массовую иммиграцию евреев в Палестину» при одновременной защите гражданских и религиозных прав арабов и обеспечении мусульманского контроля над мусульманскими святынями. Сионистское движение обещало поддержать

создание арабского государства и оказать ему экономическую, техническую и иную помощь [Weizmann-Feisal Agreement, 1919].

Соглашение долго не просуществовало. Негативное отношение арабских государств к перспективе создания еврейского национального очага и укреплению Хашимитов, нежелание сионистских лидеров вмешиваться в сложные отношения между Лондоном и Парижем, обусловили быстрый отказ Фейсала от соглашения и изменение его позиции.

И все же договоренность Вейцмана – Фейсала при всей ее недолговечности была первым документом, заключенным между лидером сионистского движения и арабским правителем. Она свидетельствовала о возможности нахождения общего языка на сугубо прагматической основе.

ЛОГИКА И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ СОГЛАШЕНИЙ

Новый этап нормализации отношений не мог не отразить определенную преемственность. В конечном итоге государства Залива, Судан и Марокко не были пионерами в деле установления контактов с Государством Израиль. Марокко имело опыт поддержания политических и деловых связей с Израилем, но после начала Второй интифады в 2000 г. они были прерваны. Определенным стимулом для Рабата стало подписание президентом Д. Трампом декларации о признании США суверенитета Марокко над Западной Сахарой [Марокко четвертым из арабских стран установило отношения с Израилем, 2020].

Соглашения, хотя и отражали региональные потребности, все же, как и все предыдущие договоренности, были непосредственным результатом активной политики внешних игроков. В данном случае это была администрация Д. Трампа, активно содействовавшая сближению давних оппонентов. Кроме того, предложенная ею «сделка века» по палестинской проблеме [Peace to Prosperity: A Vision to Improve the Lives of the Palestinian and Israeli People, 2020] предполагала активное участие арабских государств (в основном финансовое) в обеспечении позитивных социально-экономических изменений на палестинских территориях.

Соглашения Авраама формально стали производной от «сделки века», как бы не оставившей палестинцев в стороне, а на деле были результатом политической маргинализации палестинской проблемы, нарастающей усталости от нее сформировавших свои национальные интересы арабских элит. По выражению израильских политиков, палестинцы более не обладают правом вето над двусторонними отношениями арабских государств и Израиля. Так, по мнению президента INSS (Израильского института исследований безопасности) Амоса Ядлина, «традиционные рычаги и средства давления палестинцев на Израиль частично утратили свою силу: арабская поддержка палестинцев ослабла, и им было отказано в праве вето на нормализацию отношений между Израилем и арабскими странами. Израиль должен обеспечить, чтобы нормализация отношений с другими странами не вернула палестинцам право вето» [Yadlin, 2021, p. 75].

Однако снижение приоритетности проблемы не означало ее вытеснения за рамки двустороннего диалога. Лидеры ОАЭ всячески подчеркивали свою роль спасителей палестинцев от нависшей над ними угрозы аннексии Израилем части Иорданской долины. Такие планы анонсировались израильским руководством [Нетаниягу объявил о планах по аннексии Иорданской долины, 2019]. В этом просматривался некий политический расчет со стороны Б. Нетаньяху, активно эксплуатировавшего тему аннексии, резкое повышение ставок, не оставлявшее арабским элитам иных возможностей увязать нормализацию с палестинской проблемой, кроме как через предотвращение худшего сценария.

Как известно, в переговорах прорывом считается результат, когда одна сторона добивается от другой позитивного прямого действия. Отказ от аннексии на период до трех

лет можно считать результатом с негативным оттенком, когда одна из сторон обязуется в ответ на уступки на некоторое время воздержаться от намеченных действий. Например, по утверждению известного американского конфликтолога Кристофера Митчелла, «существуют многочисленные примеры того, как стороны конфликта пытаются направить сигнал оппоненту ... намеренно не делая то, что имеют возможность сделать, и ожидая затем, что такой “негативный” примирительный жест будет воспринят, оценен и повлечет за собой взаимность со стороны противника ... Самоограничение во всех случаях достаточно трудно поддается распознаванию, а в интенсивных конфликтах самоограничение со стороны противника является одним из самых сложных для правильного восприятия шагов» [Mitchell, 1990, p. 12].

В данном случае самоограничительный жест примирения со стороны Израиля можно рассматривать как попытку создать не слишком обязывающие для себя условия, позволяющие оппоненту не просто сохранить лицо, а выступить в качестве актора, предотвратившего катастрофическое развитие событий. И здесь следует признать справедливость выводов, сделанных израильскими авторами. «Учитывая растущую озабоченность стран своими внутренними проблемами и стратегические расчеты, которыми руководствуются лидеры, для некоторых из них тупик в израильско-палестинском политическом процессе больше не является препятствием для нормализации отношений с Израилем» [Feuer et al., 2021, p. 34]. Собственно, этот вывод и является объяснением того, почему некоторое самоограничение со стороны Израиля оказалось достаточным компромиссом для подписания соглашений Авраама.

Одна из особенностей нынешнего этапа нормализации состоит в том, что отношения Израиля с арабскими государствами начали выстраиваться в целом как ответ на наличие общей угрозы. Так, конфликт с Ираном и опасения относительно все более активистской политики Турции привели к некоторому потеплению отношений между Израилем и Саудовской Аравией и заключению мирных соглашений с ОАЭ и Бахрейном. Нормализация способствует официальному выстраиванию нового баланса сил на Ближнем Востоке.

Принципиально новым моментом является включение Израиля в схему обеспечения безопасности арабских монархий Залива. Как полагает выступающий за реализацию палестинских прав израильский активист Гершон Баскин, «амбициозный план МБЗ (наследного принца ОАЭ Мухаммада бен Заида. – *И.З.*) в случае успеха перевернет весь Ближний Восток с ног на голову. План включает в себя стратегический союз между умеренными суннитскими странами и Израилем, причем США связывают это с массированными продажами оружия. Главная цель альянса – свержение режима аятолл в Иране до того, как он станет ядерным. В то же время они планируют сдерживать экспансионистские устремления Турции и изолировать Катар – союзника ненавистных «Братьев-мусульман» [Baskin, 2020].

Такие планы, если они действительно существуют, представляются крайне амбициозными и нереалистичными, прежде всего, в том, что касается свержения режима в Иране. Вместе с тем участие Израиля наряду с арабскими государствами в военных альянсах – прямой результат нормализации. Сигналом об укреплении нового театра военных действий является анонсированный переход Израиля в СЕНТКОМ. Командующий СЕНТКОМ генерал Кеннет Маккензи отметил, что включение Израиля позволит США обеспечить «оперативную перспективу» соглашений Авраама, открыв «дальнейшие коридоры и возможности для отношений между Израилем и арабскими странами региона» на военном уровне [Larrin, 2021, p. 1]. Считается, что это будет иметь решающее значение для развития эффективной противоракетной обороны, а также повышения готовности и оперативной совместимости в киберпространстве, борьбе с терроризмом, специальных операциях и морской безопасности [Larrin, 2021, p. 2].

Нормализация может свидетельствовать о модернизационных тенденциях в политике арабских государств, о преодолении предубеждений и формировании новых военно-политических и технологических связей. Насколько такая тенденция является устойчивой, продиктованной долгосрочными национальными интересами или сложившейся конъюнктурой, сейчас сказать сложно. В пользу устойчивости говорит то, что нормализация как региональный тренд формируется на базе и под воздействием набора отдельных политических решений, постепенно складывающихся в новую систему регионального взаимодействия. В этом заключается принципиальное отличие нынешнего этапа заключения дипломатических отношений от предыдущего (Египет, Иордания). Там дипломатические отношения не имели опоры в практике устойчивых и долговременных связей. Прорыв был осуществлен Садатом при поддержке внешних сил в политически и экономически «безвоздушном» пространстве. В случае с Иорданией имели место осуществлявшиеся на протяжении нескольких лет тайные контакты израильских политиков и короля Хусейна, а также история взаимодействия израильских политиков с королем Абдаллой, закончившаяся для него трагически. В любом случае дипломатические отношения оставались предельно формальными – они не подкреплялись ни совместными бизнес-проектами, ни наличием транспортных коридоров, ни культурными связями.

В современной ситуации имеется достаточно прочный фундамент для политического взаимодействия. Так, израильское воздушное пространство будет использоваться множеством арабских стран, включая Ирак, Катар и Саудовскую Аравию, в рамках нового авиационного соглашения между Израилем и Иорданией. Иерусалим и Амман подписали соглашение об открытии новых маршрутов полетов над обеими странами и сокращении времени полетов между государствами Персидского залива, Дальним Востоком и Азией, Европой и Северной Америкой. Соглашение, подписанное Управлением гражданской авиации Израиля и его иорданским коллегой, было окончательно доработано после заключения Израилем соглашений Авраама с ОАЭ и Бахрейном. Среди новых маршрутов полетов, указанных в соглашении, есть те, которые вылетают из Ирака, Катара и Саудовской Аравии, а также ОАЭ и даже один путь над Ираном, который будет использоваться рейсами из Китая. Соглашение было достигнуто при сотрудничестве Европейской организации по безопасности аэронавигации EUROCONTROL. Министерство транспорта заявило, что рейсы из Бахрейна и ОАЭ, а также из многих других стран смогут летать над израильским воздушным пространством в Европу и Северную Америку и обратно [Blumenthal, 2020]. Соглашение свидетельствует о растущей интеграции Израиля в региональные отношения на Ближнем Востоке.

Наконец, соглашения Авраама дали сигнал и другим мусульманским странам и частично признанным государствам о возможности налаживания отношений с Израилем. Да и сам Израиль стал относиться к ним с меньшими опасениями. Можно вспомнить, что Тель-Авив поддерживал позицию Сербии во время военных действий на Балканах, поскольку считал опасным и нежелательным создание мусульманского анклава в Европе. В начале февраля 2021 г. Израиль и Косово установили дипломатические отношения, что было частью пакета мер, направленных на нормализацию экономических отношений между Белградом и Приштиной [*Израиль и Косово установили дипломатические отношения*, 2021]. В марте 2021 г. власти частично признанной Республики Косово в ответ на признание независимости государства Израилем заявили об открытии посольства в Иерусалиме. Косово стало первой страной с преимущественно мусульманским населением, открывшей посольство в Иерусалиме [*Косово объявило об открытии своего посольства в Иерусалиме*, 2021].

КУЛЬТУРНЫЕ ТРЕНДЫ

Нормализация может стать тенденцией, предполагающей расширение круга арабских и мусульманских государств, готовых установить отношения с Израилем и более не считающих эти отношения из ряда вон выходящим явлением, только при условии изменения внутривосточного климата, корректировки взаимоотталкивающих нарративов. Определенное культурное сближение с Израилем стало возможным в монархиях Залива в условиях смены поколений правителей, которые воспринимали религиозную архаику как преграду на пути развития государств и обществ. Как писал известный журналист и эксперт по Ближнему Востоку Джеймс Дорси, кронпринц Саудовской Аравии Мухаммад бен Сальман и наследный принц Абу-Даби Мухаммад бен Заид «в различной степени заменили религию национализмом как идеологией, легитимизирующей их правление, и попытались добиться, чтобы страны региона в целом разделили их мировоззрение» [Dorsey, 2020]. Это мировоззрение отвергает политическое влияние ислама, пропагандирует религиозный долг повиноваться правителю, подавляет свободу выражения мнений и инакомыслия, но при этом все же представляет собой попытку выйти за крайне жесткие и предписывающие рамки доминирования религиозного консерватизма.

В контексте поворота к национализму связи с Израилем в странах Залива выглядят менее токсичными и вызывающими меньшее отторжение. При этом культурное сближение идет, прежде всего, по религиозной линии сближения трех авраамических религий. Уникальный проект, получивший название «Дом семьи Авраама», с церковью, мечетью и синагогой станет новой достопримечательностью Абу-Даби. Его планируется завершить и торжественно открыть в 2022 г. [*Abu Dhabi: A synagogue, mosque and church, will be in one location*, 2019].

По мнению академика В.В. Наумкина, «для нормализации отношений между народами Ближнего Востока особое значение, возможно – большее, чем официальная “нормализация”, играет пересмотр учебных программ. Если в школе совсем молодым ребятам будут прививать знания о других религиях и народах, учить толерантности и межконфессиональному и межнациональному миру, это поможет вырастить новое поколение, “нормально” относящееся к тем, кого они привыкли ненавидеть. Вспомним, что после Второй мировой войны для начавшегося примирения между французами и немцами огромную роль играл пересмотр содержания учебников. Сейчас, на мой взгляд, существенно важно введение в программы египетских школ курса “общие ценности”. Говорят, что в некоторых других арабских странах собираются последовать примеру египтян. Интересно, как на это ответит школьное образование в Израиле?» [Наумкин, 2021].

Действительно, в феврале 2021 г. египетский парламент рекомендовал министерству образования ввести новый курс в школьную программу. В нем будут рассмотрены те ценности и предания, которые являются общими для трех авраамических религий – иудаизма, христианства и ислама, и он будет пропагандировать принципы толерантности, сосуществования и гражданства. Глава парламентского комитета по обороне и национальной безопасности Камаль Амер непосредственно связал это начинание с важнейшей для египетского руководства задачей борьбы с радикализмом. «Президент Абдель Фаттах ас-Сиси настроен на то, чтобы учить молодежь ценностям уважения к другим, толерантности и осуждению фанатизма и экстремизма» [Mikhael, 2021]. Наконец, новый уровень толерантности сопровождается в арабских странах постепенным изменением прежних оценок Холокоста и более широким осознанием сущности геноцида. Вашингтонский институт даже организовал в день памяти жертв Холокоста специальные слушания с участием арабских педагогов, активистов и гражданских лидеров для обсуждения этой темы.

Таким образом, внедрение идей терпимости решает для арабских государств, имеющих отношения с Израилем, важнейшую задачу: молодое поколение учится умению толерантно относиться к представителям других культур и религий, что подрывает позиции местных фанатиков и экстремистов.

* * *

Нормализация может стать важным шагом к стабилизации и развитию региона. Она дает шанс для расширения сотрудничества в области водоснабжения, энергетики, сельского хозяйства, туризма, научных исследований и здравоохранения, для снятия взаимного недоверия и отказа от предрассудков.

Вместе с тем она означает новые вызовы. Нормализация на начальном этапе была продиктована, прежде всего, задачами сдерживания Ирана, и это определяет слабость формирующейся в ее контексте эксклюзивной системы безопасности.

Кроме того, палестинская проблема будет продолжать воздействовать на всю повестку дня. Она будет влиять на арабское общественное мнение, для которого вопрос о Палестине остается приоритетом, а Израиль историческим противником. Любое военное обострение ситуации всегда будет ставить элиты в арабских государствах в крайне сложное положение и требовать от них жесткой реакции вне зависимости от достигнутого уровня отношений с Израилем. Что касается Израиля, то в сложившейся ситуации ему придется играть новую для него роль внешнего провайдера безопасности в условиях сохранения конфликта и имеющихся у новых арабских партнеров собственных военно-политических обязательств в арабском и мусульманском мире. Проблемы для Израиля также возникнут, если новые союзники будут стремиться к его вовлечению в свои двусторонние конфликты и в собственную систему и логику отношений.

В настоящее время очертания новых альянсов на Ближнем Востоке только намечаются. Будет ли новая нормальность чревата углублением разногласий в контексте изменения баланса сил, или она станет драйвером снижения напряженности, будет зависеть не от внешних игроков, а главным образом от готовности региональных сил взять на себя ответственность за судьбы своих народов и государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Израиль и Косово установили дипломатические отношения [*Israel and Kosovo Established Diplomatic Relations* (in Russian)] <https://ria.ru/20210201/otnosheniya-1595572553.html> (accessed: 03.02.2021).

Косово объявило об открытии своего посольства в Иерусалиме [*Kosovo Announced the Opening of Its Embassy in Jerusalem* (in Russian)] https://www.newsru.co.il/israel/14mar2021/kosovo_004.html (accessed: 15.03.2021).

Лебедева М.М. *Технология ведения переговоров*. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2010 [*Lebedeva M.M. Technology of Talks*. Moscow: Aspekt-Press, 2010 (in Russian)].

Марокко четвертым из арабских стран установило отношения с Израилем [*Morocco, the Forth Arab Country to Establish Relations with Israel* (in Russian)] <https://www.rbc.ru/politics/11/12/2020/5fd29a289a7947f3e4d5ee59> (accessed: 10.03.2021).

Наумкин В.В. *Интервью, данное автору* [*Naumkin V.V. Interview Given to the Author*. 18.03.2021 (in Russian)].

Наумкин В.В. *Перелистывая страницы: из работ 2017–2020 годов*. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020 [*Naumkin V.V. Turning the Pages: Selected Works of 2017–2020*. Moscow: Aspekt-Press, 2020 (in Russian)].

Нетаниягу объявил о планах по аннексии Иорданской долины [Netanyahu Announces Plans to Annex Jordan Valley (in Russian)] https://www.newsru.co.il/israel/10sep2019/annexion_008.html 10.09.21 (accessed: 11.09.2021).

Примаков Е.М. *Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами*. М.: Центрполиграф, 2016 [Primakov Ye.M. *The Middle East: On the Stage and Behind the Scenes*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2016 (in Russian)].

Abu Dhabi: A Synagogue, Mosque and Church, Will Be in One Location <https://gulfnews.com/uae/government/abu-dhabi-a-synagogue-mosque-and-church-will-be-in-one-location-1.1569067182292> (accessed: 04.01.2021).

Baskin G. The Conspiracy Theory of the UAE-Israel Agreement. *The Jerusalem Post*. September 16, 2020.

Blumenthal I. *From Friday: Iraq and Saudi-bound Planes in Israeli Airspace*. 10.08.2020 <https://www.ynetnews.com/article/S1kFmKhUD> (accessed: 25.02.2021).

Burton J. *Conflict: Resolution and Prevention*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London: The Macmillan Press Ltd, 1990.

The Camp David Accords. Framework for the Conclusion of a Peace Treaty between Egypt and Israel <http://www.mfa.gov.il/MFA/Peace+Process/Guide+to+the+Peace+Process/Camp+David+Accords.htm> (accessed: 09.02.2021).

The Camp David Accords. The Framework for Peace in the Middle East <http://www.mfa.gov.il/MFA/Peace+Process/Guide+to+the+Peace+Process/Camp+David+Accords.htm> (accessed: 09.02.2021).

Dorsey J. *Changing Attitudes towards Religiosity: A Double-Edged Sword for Arab Rulers*. <https://mideastsoccer.blogspot.com/2020/10/changing-attitudes-towards-religiosity.html>. (accessed: 10.11.2020).

Feuer Sarah, Brun Itai, Eran Oded, Schweitzer Yoram, Guzansky Yoel, Winter Ofir, Lindenstrauss Gallia, Daniel Remi, and Heistein Ari. *The Regional System: A Decade after the Upheaval and Expanding Normalization. Strategic Survey for Israel 2020–2021*. Ed. Itai Brun and Anat Kurz. Tel-Aviv: INSS, 2021.

Fisher R., Ury W. *Getting to YES. Negotiating Agreements without Giving In*. N.Y.; London: Penguin Books, 1991.

Galtung J., Jacobsen C., Brand-Jacobsen K.F. *Searching for Peace. The Road to Transcend*. London: Sterling, VA: Pluto Press, 2002.

An Historical Encyclopedia of the Arab-Israeli Conflict. Ed. Bernard Reich. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1996.

Horowitz D.L. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1985.

Kriesberg L. *International Conflict Resolution*. New Haven; London: Yale University Press, 1992.

Lappin Y. The US Brings Israel into CENTCOM. *BESA Center Perspectives Paper*. 2021. No. 1 <https://besacenter.org/wp-content/uploads/2021/02/1940-Israel-in-CENTCOM-Lappin-final.pdf> (accessed: 25.03.2021).

Mikhail G. *Egypt to Introduce Judaism in Schools. Egypt's Ministry of Education Has Approved a New School Topic about the Common Values between the Abrahamic Religions*. 08.03.2021 <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2021/03/egypt-education-religion-christianity-judaism-quran-verses.html> (accessed: 27.03.2021).

Miller A.D. *The Much Too Promised Land. America's Elusive Search for Arab-Israeli Peace*. N.Y.: Bantam Dell, 2008.

Mitchell Christopher R. *A Willingness to Talk*. Working Paper 4. Fairfax, Virginia: George Mason University; Center for Conflict Analysis and Resolution, 1990.

Peace to Prosperity. A Vision to Improve the Lives of the Palestinian and Israeli People <https://www.whitehouse.gov/peacetoprosperity> (accessed: 14.02.2020).

Quandt W.B. *Peace Process. American Diplomacy and the Arab-Israeli Conflict since 1967*. Washington D.C. – Berkeley, CA: The Brookings Institution – The University of California Press, 1993.

Rabinovich I. *Waging Peace. Israel and the Arabs 1948-2003*. Princeton: Princeton University Press, 2004.

Richman R. *Chaim of Arabia: The First Arab-Zionist Alliance* <https://jewishreviewofbooks.com/articles/4992/chaim-of-arabia-the-first-arab-zionist-alliance> (accessed: 20.01.2021).

Said E. *The End of the Peace Process*. N.Y.: Pantheon Books, 2000.

Saunders H. *A Public Peace Process. Sustained Dialogue to Transform Racial and Ethnic Conflicts*. N.Y.: Palgrave, 2001.

Schneer J. *The Balfour Declaration. The Origins of the Arab-Israeli Conflict*. N.Y.: Random House, 2010.

Weizmann-Feisal Agreement. <https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/mfadocuments/pages/the%20weizmann-feisal%20agreement%203-jan-1919.aspx> (accessed: 19.12.2020).

Yadlin A. Conclusions and Policy Recommendations for 2021. *Strategic Survey for Israel 2020-2021*. Eds. Itai Brun and Anat Kurz. Tel-Aviv: INSS, 2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна –
доктор исторических наук, профессор,
руководитель Центра ближневосточных
исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова
РАН, Москва, Россия.

Irina D. ZVYAGELSKAYA, DSc (History),
Professor, Head of the Center for the Middle East
Studies, IMEMO RAS, Moscow, Russia.

КУЛЬТУРА И СОЦИУМ

DOI: 10.31857/S086919080015093-9

УЧАСТИЕ АРАБСКИХ ПАРТИЙ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ИЗРАИЛЯ

© 2021

М.И. МАХМУТОВА ^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9681-7071; makhmutova.maria@yandex.ru

Резюме: Статья посвящена рассмотрению положения арабских партий в Израиле. В ходе изучения проблематики была проанализирована динамика их трансформации в идеологическом аспекте и в политической системе страны. Было выявлено, что организации меньшинств прошли долгий путь от спутников крупных израильских партий до образования самостоятельных платформ, которые впоследствии получили толчок к объединению. Первоначально положение сателлитов объясняется генеральной стратегией руководства страны, которое стремилось держать настроения арабского сектора под контролем. Все списки создавались с помощью МАПАЙ арабами, которые установили контакты с еврейскими движениями еще в период британского мандата, а также оказывали им поддержку в борьбе за независимость и в противостоянии с палестинцами. При этом, попытавшись отойти от сотрудничества с еврейским правительством, арабские партии с трудом могли собрать электорат, чтобы пройти в Кнессет. К 1970-м гг. меньшинства стремились заручиться поддержкой коммунистической РАКАХ, считая, что она представляет альтернативу Маарах. Тем не менее положение спутников стало раздражать избирателей, что привело к потере легитимности партий меньшинств. С 1980-х гг. арабы совместно с еврейскими политиками начали создавать движения, которые характеризовались радикальными идеями. Формировались и новые организации меньшинств, охватывающие разный электорат, поскольку их идеи были разнополярны: от светских и прогрессивных до исламистских. К 2000 г. в политическом процессе закрепились четыре основные партии: Объединенный арабский список, ХАДАШ, ТААЛ и БАЛАД. Тенденции с 2015 г. демонстрируют их способность к образованию единой платформы, нацеленной на получение большего количества голосов от избирателей. Однако внутренние трения сохраняются, при этом члены Объединенного списка имеют разные позиции по внешнеполитическим проблемам. Сложившаяся ситуация к началу 2020 г. демонстрирует, что израильскому правительству необходимо учитывать мнение арабских партий, получивших право влиять на политический процесс в стране.

Ключевые слова: арабские партии, выборы, Израиль, Кнессет, Объединенный список, Палестина.

Для цитирования: Махмутова М.И. Участие арабских партий в политическом процессе Израиля. Восток (Oriens). 2021. № 3. С. 121–133. DOI: 10.31857/S086919080015093-9

THE PARTICIPATION OF ARAB PARTIES
IN THE ISRAELI POLITICAL PROCESS

© 2021

Maria M. MAKHMUTOVA ^a^a – Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9681-7071; makhmutova.maria@yandex.ru

Abstract: *The article is devoted to the consideration of the situation of Arab parties in Israel. In the course of studying the problems, the dynamics of their transformation in the ideological aspect and in the political system of the country was analyzed. It was revealed that minority organizations have come a long way from satellites of major Israeli parties to the formation of independent platforms, which subsequently received the impetus for unification. Initially, the position of the satellites is explained by the general strategy of the country's leadership, which sought to keep the mood of the Arab sector under control. All the lists were created with the help of the Mapai by the Arabs, who established contacts with Jewish movements during the period of the British Mandate, and also provided them with support in the struggle for independence and in confrontation with the Palestinians. By the 1970s minorities sought to enlist the support of the communist RAKAKH, believing that it represented an alternative to the Ma'arakh. Since the 1980s. Arabs, together with Jewish politicians, began to create movements that were characterized by radical ideas. By 2000, four main parties were entrenched in the political process: the United Arab List, KHADASH, TAAL and BALAD. Trends since 2015 demonstrate their ability to form a single platform aimed at getting more votes from voters. The current situation by the beginning of 2020 demonstrates that the Israeli government must take into account the opinion of the Arab parties that have received the right to influence the political process in the country.*

Keywords: Arab parties, elections, Israel, Knesset, Joint List, Palestine.

For citation: Makhmutova M.I. The Participation of Arab Parties in the Israeli Political Process. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 121–133. DOI: 10.31857/S086919080015093-9

После образования Государства Израиль в 1948 г. на его территории остались палестинские арабы, некоторые из них установили контакты с еврейскими общинами еще в период британского мандата. До проведения первых выборов встал вопрос о вовлечении представителей данного этноса в политический процесс. Крупные израильские партии не могли их включить в свой состав, и в результате была реализована идея о создании партий-спутников. Длительное время арабские политики оставались зависимыми от МАПАИ, а затем Маарах и РАКАХ. К 1980-м гг. арабы приступили к формированию своей жизнеспособной платформы, которая позволила им набирать голоса для прохождения в Кнессет. К 2015 г. они получили опыт объединения партий, что дало им весомую роль в законодательном органе, однако это не исключило внутривнутриполитических трений и расхождения позиций по внешнеполитическим вопросам. Выборы 2020 г. продемонстрировали, что арабские партии стали силой, с которой израильские лидеры вынуждены считаться. Однако при принятии судьбоносных решений они не обладают влиянием для блокирования решений руководства страны.

СПУТНИКИ МАПАЙ

После образования независимого Израиля в 1948 г. арабы, проживающие в Галилее, Негеве и восточной части Саронской долины, столкнулись с введением режима военной администрации. Государство не обеспечивало их безопасность, и по любому подозрению жители этих районов могли быть арестованы или депортированы. Им также запрещались любые контакты с арабами за рубежом. В таких условиях преимущественно на диалог с израильскими властями шли зажиточные слои. Для сохранения своего имущества и достатка они старались не перечить правящим кругам и проявляли пассивность [Крылов и др., 2018, с. 116].

Начало политической деятельности израильских арабов было связано с формированием партии Демократический список Назарета в 1949 г., ее основателем стал Сейф ад-Дин аз-Зуаби, представитель арабо-мусульманской семьи Зуаби, которая возводила свое происхождение к пророку Мухаммаду. Согласно местной прессе, семья Зуаби поддерживала тесные контакты с еврейской общиной [Be-Kfar, 1947], с 1930-х гг. ее члены выступали посредниками в продаже деревенских земель новым переселенцам. Когда арабо-израильская война 1947–1949 гг. подошла к активной фазе, Сейф ад-Дин настоял на том, чтобы весь клан перешел на сторону военной еврейской организации Хагана и отказался от союза с Арабской освободительной армией. Практически вся семья Зуаби вскоре приняла власть Израиля, а во время военных действий участвовала в разведывательных операциях в Назарете [Morris, 1987, p. 99–100].

Премьер-министр Д. Бен-Гурион сомневался в возможности включения арабов в политический процесс Израиля, т.к. не верил в то, что хотя бы один из них может быть верен сионизму и еврейскому государству. Но вскоре идея о формировании отдельной партии способствовала тому, что Сейф ад-Дин создал Демократический список Назарета, который был спутником МАПАЙ. При этом, как отмечает российская исследовательница Т.А. Карасова, с самого начала арабские партии придерживались «антисионизма» и продолжали бороться с сионизмом с позиции национально-территориального конфликта [Карасова, 2001, с. 147]. В ходе предвыборной кампании Сейф ад-Дин смог заручиться поддержкой своего клана. Но, по оценке ученого О. Штенделя, аз-Зуаби так и не смог стать лидером в глазах арабской общины Галилеи [Stendel, 1995, p. 85].

По результатам первых выборов в Кнессет в 1949 г. партия получила 1,7% голосов, это позволило Сейф ад-Дину и его соратнику из богатой семьи из Назарета христианского вероисповедания Амину-Салиму Жаржоре стать депутатами [The Democratic List of Nazareth, 1949]. Само включение партии в законодательный орган стало демонстрацией желания Д. Бен-Гуриона вовлечь арабов в политическую жизнь государства и добиться от них лояльности. Во время пребывания в Кнессете представители Демократического списка Назарета не боялись противоречить МАПАЙ, а А.С. Жаржора делал резкие высказывания относительно положения палестинских беженцев, настаивая на необходимости их возвращения.

В выборах 1949 г. также участвовала партия Популярный арабский блок, однако она не набрала и 1%. Провал объясняется тем, что она была создана МАПАЙ всего лишь за три недели до парламентских выборов. Соответственно, у нее не было достаточно времени для проведения предвыборной агитации [Beinin, 1990, p. 69].

Первое правительство Израиля долго не просуществовало, последующие выборы были объявлены в 1951 г. Демократический список Назарета распался. Сейф ад-Дин создал Демократический список для израильских арабов и смог привлечь не только арабов-мусульман и христиан, но и друзов. Это позволило партии набрать 2,4% голосов, депутатские кресла

заняли Сейф ад-Дин, друз Джабар Муади и араб-католик Масаад Кассис. В Кнессет прошла вторая арабская партия – Сельское хозяйство и развитие (1%), созданная мусульманином Фарасом Хамданом. Он занимался выращиванием цитрусовых в Бака-эль-Гарбии и контрабандой скота. В центре своей программы он поставил проблему реализации молодых арабов-интеллектуалов в Израиле и проведение эффективной налоговой реформы, способную стимулировать экономику страны [Landau, 1973, p. 204]. Обе партии имели поддержку МАПАЙ, которая не могла игнорировать проблемы неевреев: экспроприацию частной собственности, проблемы трудоустройства, рост подоходных налогов. Однако обещать резких изменений израильское руководство во главе с Д. Бен-Гурионом не могло.

Незадолго до третьего созыва араб-христианин и адвокат Эльяс Куса, известный своими взглядами по поводу уравнивания прав национальных меньшинств и евреев, создал Израильскую арабскую партию и призвал арабский сектор бойкотировать выборы. Он распространял листовки, рассылал письма в израильскую и иностранную прессу, но его идеи не увенчались успехом. На выборах 1955 г. арабский сектор был представлен партиями Сельское хозяйство и развитие (1,1%), Прогресс и труд (1,5%), Демократический список для израильских арабов (1,8%). Их лидеры и активисты апеллировали к идеям важности развития арабских деревень, поощрения кооперативов, развития ирригации. Сельское хозяйство и развитие предлагало интеграцию арабского сектора в израильский профсоюз Гистадрут. Партии выдвигали идеи и по поводу решения проблемы беженцев. Прогресс и труд выступал за то, чтобы дать им право на возвращение и интегрировать в сельскохозяйственный сектор [Facts and Figures, 1955, p. 19].

До четвертого созыва Арабская рабочая партия Израиля, Народный арабский фронт и Демократический список для израильских арабов попытались отойти от союза с МАПАЙ и самостоятельно завоевать голоса избирателей, выступив как оппозиционные еврейскому правительству движения. Но при таком раскладе они не смогли пройти в Кнессет. Такая позиция арабских партий объясняется тем, что к этому времени среди их электората стал возрастать национализм, и арабы не хотели идти на компромисс с Израилем. Это привело к созданию ряда общественных движений. Однако многие из них, в том числе Народный фронт и Земля, были подавлены Израилем.

В 1959 г. благодаря усилиям МАПАЙ было образовано две арабские партии: Сотрудничество и братство (1,1%) и Прогресс и развитие (1,3%). Первая выступала за улучшение условий труда для неевреев, предлагала идеи по снижению уровня безработицы и принятия законов по повышению статуса женщин. Ее возглавил араб-мусульманин Диаб Убейд, установивший контакты с евреями во времена мандата и занимавшийся продажей сельскохозяйственной продукции. Вторая партия сконцентрировала свое внимание на программе по расширению гражданских прав израильских арабов, улучшении для них социального обеспечения и включения их в систему школьного образования. Прогресс и развитие требовал вовлечение арабов в высококвалифицированный рабочий сектор, стимулирование развития арабского ремесла, промышленности и сельского хозяйства, решение проблемы экспроприированных земель, снижение налогов, выделение субсидий и льготных кредитов [Landau, 1973, p. 204].

Увеличение партий в 1950-е гг. демонстрировало нежелание арабских политиков идти на компромисс друг с другом и объединяться в один альянс. Большинство депутатов имели свои политические амбиции и экономические интересы. Их предвыборные идеи были схожи, но после избрания политики стремились обезопасить свои коммерческие интересы и действовали рука об руку с МАПАЙ.

Но уже в 1960-е гг. в арабском секторе практически не появлялось новых партий, чему противодействовали уже имеющиеся организации, не желавшие терять голоса и сталки-

ваться с сильной конкуренцией. Препятствия создавало и руководство страны, стремящееся держать неевреев под контролем, опасаясь роста национализма в условиях противостояния с арабским миром. Любая неподконтрольная организация воспринималась как потенциальная угроза стабильности. МАПАЙ поддерживал на выборах, как правило, три партии меньшинств. При этом правительство старалось соблюдать баланс так, чтобы в Кнессете были представлены мусульмане, христиане и друзья. Важно было учитывать и конкурирующие интересы хамул¹, т.к. различные списки представляли интересы определенного округа: Назарета, Галилеи, Арабского треугольника и др. [Landau, 2015, p. 26–230]. В 1961, 1965 и 1969 гг. в Кнессет прошли только умеренные партии: Прогресс и развитие», а также Сотрудничество и братство. Все они оставались лояльны еврейскому правительству и даже при обсуждении вопроса о прекращении действия военного положения высказывались против.

Кроме того, в 1966 г. военное положение в арабских районах было отменено, хотя на практике ситуация не сильно изменилась. Но даже в период войн в 1967 и 1973 гг. настроения местных общин оставались умеренными и не радикализировались. Это было связано в том числе и с отсутствием какой-либо риторики ООП по отношению к израильским арабам, а также и значительно лучшим их положением по сравнению с притесняемыми палестинцами на Западном берегу р. Иордан.

В целом в политическом процессе Израиля изначально могли участвовать партии, лояльные его правительству и МАПАЙ. Их основатели являлись представителями кланов, которые сотрудничали с евреями до создания государства и имели свои коммерческие интересы. В Израиле сформировалась система, при которой меньшинства имели право голоса, но на практике они не могли влиять на процесс принятия судьбоносных решений. Арабские партии, входившие в состав Кнессета, не противоречили заложенной государственной идеологии и не выдвигали антиссионистские лозунги. Как показала практика, самостоятельно арабы не обладали возможностью добиться нужного количества голосов, чтобы пройти в законодательный орган. Будучи исключительно спутниками МАПАЙ, их списки получали финансирование и возможность проводить агитацию среди своего электората.

АЛЬЯНСЫ С РАКАХ И МААРАХ

Новые тенденции поведения арабских партий стали проявляться незадолго до выборов 1973 г. К этому моменту на смену МАПАЙ уже пришла Маарах. Внешнеполитический фон в виде арабо-израильских войн способствовал росту национализма нееврейского населения страны. Кроме того, коммунистическая идеология СССР находила последователей среди израильских арабов, которые видели в ней альтернативу и отошли от сотрудничества с доминирующими израильскими движениями. Также на арабских политиков в Израиле оказывали влияние настроения избирателей. В обществе их окончательно стали воспринимать как сателлитов еврейского правительства, и чтобы не потерять имеющиеся голоса, они были вынуждены изменить свою стратегию.

Арабские депутаты Т. Туби и Т. Зийяда примкнули к оппозиционному коммунистическому РАКАХ, отказавшемуся от националистической идеи. В Кнессет прошли Прогресс и развитие (1,4%) во главе с Сейф ад-Дином и Арабский список для бедуинов и жителей деревень (1%), основателем которой был шейх из бедуинского племени Абу Рабиа – Хамад, его электорат состоял из 8 тыс. бедуинов [Esman, Rabinovich, 2019, p. 137]. Тогда же Ликуд попытался привлечь партию Сотрудничество и братства и сформированного с его помощью Арабо-израильского списка, опиравшегося на две бедуинские хамулы. Но обе партии не прошли в Кнессет [Mendales, 2008, p. 451].

¹ Хамула – группа близкородственных семей у арабов.

Стоит отметить, что в 1976 г. правительство экспроприировало земли в Галилее, это повлекло рост недовольства среди меньшинств. 30 марта был объявлен «Днем земли», в арабских районах начались забастовки. Тогда же группа израильских солдат покидала место учений около деревень Сахнин, Арабе и Дир Хана и наткнулась на блокпост, установленный арабами. В военнотружущих полетели камни, и, не имея опыта реагирования на подобные протесты, они ответили огнем. На следующий день все местные жители вышли на масштабную демонстрацию. В такой ситуации представители умеренной партии Прогресс и развитие вяло отреагировали на произошедшее. Они осуждали действия правительства, направленные на экспроприацию земли, но выступили против всеобщей забастовки, что подорвало их влияние в арабском секторе и снизило явку избирателей. В 1977 г. Сейф ад-Дин аз-Зуаби и Джабар Муади заручились поддержкой Маарах и объединились с Арабским списком для бедуинов и жителей деревень. Так был сформирован первый Объединенный арабский список, получивший 1,4% [Peretz, 1977, p. 265].

В 1981 г. в Кнессете не было представлено арабских партий. Маарах и Объединенный арабский список отказались от сотрудничества друг с другом. Список получил 0,6% голосов и вскоре распался. Фактически это продемонстрировало неспособность арабских организаций заручиться поддержкой своего электората без помощи руководства страны. На тот момент арабы опасались выступать в альянс с еврейскими организациями, т.к. трения между неевреями и правительством возрастали. Для избирателей раздражительным фактором служило то, что Израиль продолжал наращивать поселенческую активность на Западном берегу и в секторе Газа [Tessler, Grant, 1998, p. 105].

В целом с 1973 по 1981 гг. арабские партии в Израиле лавировали между попыткой альянса с правительственной партией Маарах и коммунистической РАКАХ, в которой видели альтернативу. Самостоятельно они не могли наращивать свой электорат. Недовольство среди неевреев и ограниченные шаги руководства страны в решении их проблем продемонстрировали, что арабские депутаты теряют доверие избирателей из-за тесного союза с правительством Израиля. Раздражение вызывала и палестинская проблема, расширение поселений, экспроприация частной собственности, на что арабские партии повлиять не могли.

РАЗДРОБЛЕННОСТЬ И ПОПЫТКИ ФОРМИРОВАНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ

В 1983 г. была создана еврейско-арабская партия Прогрессивный список за мир, ее возглавляли активист бывшего Народного арабского фронта Мухаммад Миари и раввин Меир Кахане. Изначально Центральная избирательная комиссия (ЦИК) запретила им участвовать в выборах, посчитав, что созданная организация в своей основе имеет расистские и экстремистские идеи. Она выступала за самоопределение обеих наций, гражданское равенство евреев и арабов, вывод израильских войск из Ливана и признание ООП в качестве официального представителя палестинцев [Rouhana, Sabbagh-Khoury, 2011, p. 132]. После отказа Прогрессивный список за мир обратился в Верховный суд, который удовлетворил иск. Партия охватила электорат в Назарете, привлекла активистов организации Аль-Анцар из Умм-Эль-Фахма и Альтернативной еврейской группы, и в 1984 г. завоевала 1,8% голосов [Herzog, 1987, p. 332–323]. По оценке российского историка Л.А. Барковского, даже ограниченное участие арабов в политической жизни Израиля позволяло властям контролировать их политическую активность и направлять ее в безопасное для себя русло, а также препятствовать возникновению ярой оппозиции сионистской идеологии [Барковский, 1988, с. 19].

Выборы 1988 г. проходили в условиях начала Первой Интифады (1987-1991 гг.) и роста палестинского национализма. В Кнессет вошли Прогрессивный список за мир (1,5%) и Арабская демократическая партия (1,2%), созданная Абдель Ваххабом Даравшем. Ранее он входил в состав Аводы, но его позиция по поводу Первой Интифады противоречила генеральной линии партии [Frisch, 2005, p. 210]. На своей платформе А.В. Даравш отстаивал идеи палестинского самоопределения, прекращения оккупации и экспроприации арабской земли, гражданского равенства арабов и евреев в Израиле, улучшения трудоустройства для меньшинств, расширения программ индустриализации, свободы судопроизводства в арабском секторе, а также создания арабского университета.

Перед созывом в Кнессет 1992 г. постепенно начал набирать обороты мирный процесс, но большинство решений Израиля и ООП оставались за закрытыми дверями. В законодательный орган прошла только Арабская демократическая партия (1,6%), а Прогрессивный список за мир (0,9%) потерпел поражение. Падение популярности партий объясняется тем, что арабский сектор ждал формирования единой платформы, избирательная кампания была крайне сдержанной, а многие арабы чувствовали свою неспособность повлиять на политический процесс. Имеющиеся организации не могли оказать сильного влияния на израильское правительство и предложить программу, которая бы удовлетворяла их электорат, особенно, в условиях роста палестинского национализма [Ghanem, 1997, p. 72].

В 1996 г. неевреи были представлены большим количеством организаций, а выборы происходили на фоне неоднозначной внешнеполитической ситуации. Так, Израиль провел операцию «Гроздь гнева» против Хизбаллы, в ходе нее 102 человека были убиты около деревни Кафр Кана на севере страны. Для арабов это стало напоминанием трагедии 1948 г. Кроме того, как отмечает отечественный востоковед Т.В. Носенко, в свете резкого притока русскоязычных евреев в 1990-е гг. для них израильские арабы занимали самую низкую иерархическую ступень в обществе, что, соответственно, влияло на формирование их неприязненного отношения к другому этносу [Носенко, 2009, с. 68].

В тоже время на палестино-израильском треке были достигнуты весомые результаты, и многие израильские арабы поддерживали главу Палестинской национальной администрации (ПНА) Ясира Арафата. Среди них политик Абдель Малик Дахамша, проявивший себя активно в защите членов ООП и заключенных ХАМАС в израильских судах. Он способствовал формированию Объединенного арабского списка (2,9%), в который вошли Арабская демократическая партия и Исламское движение, возглавляемое Тауфиком аль-Хатибом. Демократический фронт за мир и равенство (ХАДАШ) (4,2%) был возглавлен Хашимом Мухамидом и представлен как еврейско-арабская партия, исключившая из своей платформы националистические и религиозные идеи. Она поддерживала мирные переговоры ПНА и Израиля, выступала за эвакуацию израильских поселений на Западном берегу и в Газе, мирное сосуществование двух государств для двух народов, равенство прав арабов и евреев в Израиле. ХАДАШ преуспел на выборах, так как включил в свой состав Национальное демократическое собрание (БАЛАД), опирающееся на панарабскую и про-палестинскую идеологию. На выборах 1996 г. также были представлены Арабское объединение ради прогресса и возрождения во главе с Ахмедом Тиби, имевшим контакты с Я. Арафатом и активистами ООП [Frisch, 2000, p. 159], и Прогрессивный альянс, представленный Мухаммедом Зиданом. Но обе партии не прошли в Кнессет.

На фоне ожидающегося разрешения палестино-израильского конфликта и создания независимой Палестины прошли выборы 1999 г. Объединенный арабский список (3,4%) воспринимался неевреями как растущая исламская фундаменталистская организация. ХАДАШ (2,6%), оставаясь светской партией, сконцентрировал свою агитацию вокруг улучшения социального обеспечения арабов. БАЛАД (1,9%) делал ставку на интеллектуальную

среду, отстаивал национальную идентичность палестинских арабов в Израиле, требовал их культурной автономии и равных прав обоих этносов [Peretz, Doron, 2000, p. 270–271]. Незадолго до выборов ХАДАШ и БАЛАД выразили поддержку Эхуду Бараку, так как большая часть арабского сектора проявляли к нему лояльность. Неевреи считали его «меньшим злом» по сравнению с представителем Ликуда Беньямином Нетаньяху.

Когда вспыхнула Интифада Аль-Акса (2000–2005 гг.) руководитель БАЛАД Азми Бишара начал выражать ярые антиизраильские настроения. Во время поездки в Сирию на церемонию похорон бывшего президента Хафеза Асада он начал призывать все арабские силы оказывать сопротивление Израилю. В июле 2001 г. на демонстрации в Умм-Эль-Фахме он открыто выразил поддержку ливанской Хизбалле. Также А. Бишара стал организовывать поездки израильских арабов в Сирию для воссоединения семей, что привело к возбуждению судебных дел против него и его сподвижников. Все это происходило на фоне увеличения количества жертв среди израильского населения в результате терактов палестинских радикалов. 7 ноября 2001 г. Кнессет впервые в истории проголосовал за отмену депутатского иммунитета А. Бишара. В 2002 г. ему был запрещен въезд на Западный берег и в Газу, поскольку ранее камеры зафиксировали случай его ссоры с израильскими солдатами, когда происходила оккупация палестинских городов [Frisch, 2004, p. 136].

На фоне кровавых событий в Дженине член ХАДАШ Иссама Махула в марте 2002 г. открыто заявил, что считает премьер-министра Ариэля Шарона нацистом, в последствие ему было запрещено присутствовать на заседаниях Кнессета в связи с нарушением этикета. В мае 2002 г. законодательный орган принял поправку к закону, регулирующему иммунитет депутатов. Она гласила, что иммунитет не распространяется на членов парламента, если они высказывают мнение или совершают деяние, которые включают в себя неприятие Израиля как государства для еврейского народа, поддержку вооруженной борьбы вражеского государства против него или террористический акт. Более того, была принята поправка в закон о выборах, ограничивающая участие партий, выражавших покровительство террористическим организациям или вражеским государствам. Правительство постановило, что даже имеющие дипломатические паспорта лица не имеют право посещать Сирию, которая считалась вражеским государством.

За два месяца до выборов 2003 г. правые партии Израиля подали прошение в ЦИК о запрете участия в них БАЛАД и Объединенного арабского списка, однако Верховный суд отменил это решение за три недели до выборов. Они проходили в условиях снижения явки избирателей из арабского сектора, которые многие были разочарованы неурегулированным палестинским вопросом [Peretz et al., 2003, p. 600]. ХАДАШ (2,9%) преуспел благодаря объединению с ТААЛ, выступавшего за мирное разрешение конфликта и создание независимой Палестины. На выборах БАЛАД (2,2%) использовал лозунг «Нет демократии без равенства» [Gilboa, 2004, p. 235]. Так он стремился обратить внимание на неравенство между неевреями и евреями, добивался признания арабов в Израиле как национального меньшинства, имеющего право на коллективные права и полное гражданское равенство. БАЛАД пользовался телевизионной поддержкой ливанского телеканала Аль-Мустакбаль, принадлежащего премьер-министру страны Рафику аль-Харири [Rubin, 2004, p. 210]. Данная партия также не раз собирала демонстрации в Акко и Умм-Эль-Фахме против военной кампании в Ливане. В свою очередь Объединенный арабский список (2%) выступал с резким осуждением правых израильских партий и становился все более религиозным и традиционалистским движением, его главным лозунгом стало «Аль-Акса наша! Аллах Велик!».

Перед выборами 2006 г. Объединенный арабский список претерпел изменения, к нему присоединился ТААЛ, и он стал именоваться РААМ-ТААЛ (3%). Привлечение электора-

та обеспечивалось благодаря выдвижению идей о прекращении израильской оккупации, эвакуации поселений на Западном берегу и создании независимой Палестины. Звучало требование о возвращении палестинских беженцев и освобождении политических заключенных. Объединенный арабский список высказывал агитации по поводу уравнивания в правах неевреев и евреев в Израиле, требовал передать ведение вакфов мусульманской общине и опирался на исламистскую идеологию [Ha-Politika ha-aravit, 2009]. ХАДАШ (2,7%) опирался на коммунистические идеалы и позиционировал себя как партия, нацеленная на улучшение социального положения арабов. А с 2006 г. он стал проявлять элементы палестинского национализма. Список не мог привлечь больше голосов без слияния с другими движениями, так как ее основным электоратом оставались арабы-христиане. БАЛАД (2,3%) рассматривался как более радикальное националистическое движение, нацеленное на борьбу с израилизацией арабов и оккупацией. От его членов звучали предложения по изменению государственных символов и автономии меньшинств с правом самостоятельного выбора местной исполнительной власти [Hillel, 2007, p. 370–376].

На фоне недавно завершившейся операции Израиля «Литой свинец» против ХАМАС прошли выборы 2009 г. Арабские партии воспринимались как крайне левое крыло, а в январе ЦИК получил три просьбы о дисквалификации партий БАЛАД и РААМ-ТААЛ, но Высший суд позволил им принять участие в выборах [Rouhana et al., 2007, p. 100]. Члены РААМ-ТААЛ (3,4%) пользовались популярностью на египетских телеканалах и призывали арабский сектор идти на выборы для того, чтобы противостоять Авигдору Либерману, которого они называли фашистом и русским мафиози. Руководители ХАДАШ (3,3%) делали ставку на личное общение со своими избирателями и провели конференции в Умм-эль-Фахме и Назарете. БАЛАД (2,4%) делал упор на проблему оккупации Газы, проводил множество конференций и собраний в арабской глубинке [Youmein lifnei, 2009].

Стоит отметить, что незадолго до выборов 2013 г. Кнессет принял закон о бедуинских поселениях, согласно которому около 10 тыс. поселений должны были быть эвакуированы, а вместо них предлагалось создать новые общины. Тогда все депутаты от арабского блока резко высказались против, они сочли это мерой по экспроприации земли [Betom diun soeg, 2013]. Кроме того, в 2011 г. Ближний Восток столкнулся с Арабской весной, воспринимавшейся как потенциальная угроза стабильности Израилю. Непредсказуемая ситуация сохранялась в Египте, а в Сирии начались ожесточенные боевые действия. Идеология арабских партий, уже прочно закрепившихся в политическом процессе Израиля, – РААМ-ТААЛ (3,7%), ХАДАШ (2,9%), БАЛАД (2,6%) – стала характеризоваться все более про-палестинской позицией [Rubin et al., 2014, p. 263]. Кроме того, в свете выступлений А. Бишары в Кнессете против оккупации палестинских территорий, он был лишен парламентского мандата. Это являлось свидетельством того, что власти страны продолжили пресекать любые настроения, препятствующие реализации их политики на палестинском направлении.

В целом с 1983 г. арабские движения стали отходить от формирования альянса с крупными политическими партиями Израиля и действовали самостоятельно. Хотя власти старались постоянно пресекать резкую антиссионистскую риторику. В своей основе они имели разную идеологию, но их объединяли такие проблемы, как создание независимой Палестины, мирное сосуществование двух государств, прекращение оккупации. Арабские политики наращивали контакты со внешним миром: Сирией, ПНА, Египтом, Ливаном. К началу XX в. в политическом процессе начали закрепляться четыре основные партии меньшинств: Объединенный арабский список, ХАДАШ, БАЛАД и ТААЛ, среди которых стала прослеживаться тенденция к формированию альянсов для привлечения электората.

ТЕНДЕНЦИИ К ОБЪЕДИНЕНИЮ

На выборах в Кнессет 2015 г. было принято решение о создании единого альянса из четырех партий – нового Объединенного списка во главе с Айманом Оде (ХАДАШ). Это позволило блоку получить 10,6% голосов и занять третье место после Ликуда и Сионистского лагеря [Al-Ahzaб al-arabiyya, 2015]. Подобный шаг был решающим, т.к. началось снижение доверия к лидерам арабских партий, которые с трудом вырабатывали единую позицию по многим вопросам и соперничали между собой. Явка их избирателей резко выросла до 72%, в то время как в 2013 г. она не превысила 60%. К объединению подтолкнуло и то, что в марте 2014 г. был одобрен законопроект о Государственном управлении. Ранее список, получивший менее 2% голосов избирателей, не получал парламентское представительство. Теперь порог был увеличен до 3,25%. Понимая ограниченность электората, арабские партии могли не преодолеть этот барьер по отдельности [Rudnitzky, 2016, p. 689].

Несмотря на формирование общей платформы, Объединенный список имел внутри разные позиции по внешнеполитическим вопросам. Так, в 2016 г. представители БАЛАД встретились с семьями палестинских шахидов в Восточном Иерусалиме, и в ответ столкнулись с резкой критикой в Израиле, но другие члены Списка дистанцировались от проблемы. В 2017 г. только БАЛАД принял предложение о личной встрече с главой ПНА. В апреле 2015 г. Лига арабских государств направила приглашение Объединенному списку для обсуждения вопроса о взаимодействии арабского мира с меньшинствами в Израиле. Оно было принято, но никто из представителей платформы не принял участие в заседании, поясняя, что они имеют разные взгляды на сирийскую проблему и гражданскую войну в Йемене. Тем не менее по вопросам о переносе посольства США в Иерусалим в мае 2018 г. и принятии Национального закона в июле 2018 г. арабские депутаты решительно высказывались против. Что касается внутренних проблем в Израиле, то на практике Объединенный список предлагал законопроекты, которые охватывали не только арабов, а все гражданское население страны. Депутаты поднимались такие вопросы как доступность жилья, образование, социальное обеспечение, транспорт, инфраструктура, гендерное равенство и занятость [Hitman, 2018, p. 151–155].

На апрельских выборах 2019 г. союз был расколот и представлен в виде двух альянсов ХАДАШ – ТААЛ (4,5%) и Объединенный арабский список – БАЛАД (3,3%). Лидеры партий не смогли согласовать свою позицию относительно того, кого именно они будут готовы поддержать по итогам выборов. Объединенный арабский список – БАЛАД планировали встать на сторону премьер-министра Б. Нетаньяху, а ХАДАШ – ТААЛ выступал за представителя Кахоль-Лаван Бенни Ганца. Арабский альянс раскалывался еще из-за идеологических противоречий относительно решения проблемы гендерного равенства и исламизации арабского сектора. Кроме того, лидеры ХАДАШ – ТААЛ неожиданно поменяли повестку дня и заявили о своих центристских и прогрессивных взглядах [Gottesman, 2019].

Однако на сентябрьских выборах 2019 г. меньшинства вновь объединились и получили 10,6% голосов. Своей главной целью они обозначили смещение правого правительства и поддержку Б. Ганца. Взамен Объединенный список требовал возобновить мирный процесс, просил при распределении министерских портфелей передать им министерство финансов и внутренних дел, а также провести реформы в арабском секторе для улучшения его положения [Meteva Tibi, 2019]. В марте 2020 г. Объединенный список усилил свои позиции (12,6%), в предвыборной платформе партия делала акцент на положении неевреев и палестинской проблеме, считая, что нельзя допустить реализацию «сделки века» и расширение поселений на Западном берегу [Muadalat, 2020].

Так, с 2015 по 2020 гг. арабские партии продолжили тенденцию к объединению, что повысило к ним доверие неевреев. Благодаря этому они увеличили свое представительство в Кнессете, но внутри общей платформы сохраняются политические и идеологические трения. Закрепление единого блока арабских партий показало сильное влияние меньшинств на политический процесс в Израиле. Однако без альянса и согласования своих позиций с еврейскими партиями они не имеют возможности оказывать реальное влияние на принятие судьбоносных решений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Арабские партии в Израиле являются неотъемлемой частью политического процесса страны. Их трансформацию можно разделить на несколько этапов. Первый – с 1940-х по 1960-е гг. характеризуется тем, что меньшинства могли войти в состав Кнессета, только если их движения являлись спутниками МАПАЙ и они отказывались от самостоятельной повестки дня. Деятельность арабских партий оставалась под строгим контролем правительства, не допускавшего антиссионистских и антиеврейских агитаций. Для руководства страны такие партии стали инструментом включения лояльных меньшинств в политический процесс и позволяли контролировать их настроения. В состав Кнессета входили только лица, которые сотрудничали с еврейскими организациями еще в период британского мандата. Самостоятельно арабские организации не могли добиться необходимого процента голосов для прохождения в законодательный орган.

Второй этап с 1970-х по 1980-е гг. характеризуется тем, что меньшинства по-прежнему нуждались в поддержке крупных еврейских партий, но они попытались быть спутниками не только правительственной Маарах, но и примкнуть к коммунистической РАКАХ. К тому времени их положение сателлитов стало раздражать избирателей, что привело к уменьшению явки арабского сектора на выборах.

Третий этап с 1980-х по 2015 гг. продемонстрировал, что арабы получили опыт создания платформы с еврейскими политиками. Они стали отказываться от положения спутников и приступили к формированию самостоятельных партий со своей идеологией. Кроме того, несмотря на противодействие официальных властей, их популярность постепенно возрастала в связи с обострением палестинского вопроса. Именно идеи о создании независимой Палестины, прекращения экспроприации земли и строительства поселений привлекали электорат. Многие лидеры партий стали активно сотрудничать с представителями ближневосточных стран и пользовались их поддержкой. К 2000 г. в политическом процессе прочно закрепились 4 основные организации: Объединенный арабский список, ХАДАШ, БАЛАД и ТААЛ.

Четвертый этап с 2015 по 2020 гг. характеризуется стремлением арабских партий к объединению. Это объясняется внедрением закона о Государственном управлении (2014 г.) и понимании того, что повышенная явка избирателей обеспечивается путем их консолидации. В результате меньшинства получили возможность оказывать влияние на политический процесс в Израиле.

В целом арабские партии прошли долгий путь трансформации от спутников и сателлитов до формирования самостоятельной и сильной платформы. С одной стороны, выборы 2020 г. показали, что ведущим израильским лидерам приходится учитывать их мнение и с арабами можно формировать коалиции. С другой, меньшинства не имеют особого влияния на принятие важных и судьбоносных для страны решений. Таким образом, арабские партии, не будучи представителями идеи сионизма, смогли прочно вписаться в политический процесс Израиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Барковский Л.А. *Арабское население Израиля*. М.: Наука, 1988 [Barkovskiy L.A. *Arab Population of Israel*. Moscow: Nauka, 1998 (in Russian)].
- Крылов А.В., Морозов В.М., Федорченко А.В. *Государство Палестина: право на будущее*. М.: МГИМО-Университет, 2018 [Krylov A.V., Morozov V.M., Fedorchenko A.V. *State of Palestine: the Right to the Future*. Moscow: MGIMO-Universitet, 2018 (in Russian)].
- Карасова Т.А. Типология основных израильских партий и блоков. *Ближний Восток и современность*. 2001. № 11. С. 144–161 [Karasova T.A. Typology of the Main Israeli Parties and Blocs. *Middle East and Modernity*. 2001. No. 11. Pp. 114–161 (in Russian)].
- Носенко Т.В. Израиль в пути: некоторые итоги парламентских выборов. *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 10. С. 63–73 [Nosenko T.V. Israel on the Way: Some Results of the Parliamentary Elections. *World Economy and International Relations*. 2009. No. 10. Pp. 63–73 (in Russian)].
- Beinin J. *Was the Red Flag Flying There? Marxist Politics and the Arab-Israeli Conflict in Egypt and Israel 1948–1965*. California: University of California Press, 1990.
- Esman M.J., Rabinovich I. *Ethnicity, Pluralism, and the State in the Middle East*. New York: Cornell University Press, 2019.
- Facts and Figures*. The Office of Information. Tel Aviv: State of Israel, 1955.
- Frisch H. The Arab Vote in the Israeli Elections: The Bid for Leadership. *Israel Affairs*. 2000. No. 7(2–3). Pp. 153–170.
- Frisch H. The Influence of the Al-Aqsa Intifada on the Arab Vote in the 2003 General Elections. *Israel Affairs*. 2004. No. 10(4). Pp. 130–145.
- Frisch H. Israel and its Arab Citizens. *Israel Affairs*. 2005. No. 11(1). Pp. 207–222.
- Ghanem A. The limits of parliamentary politics: The Arab minority in Israel and the 1992 and 1996 elections. *Israel Affairs*. 1997. No. 4(2). Pp. 72–93.
- Gilboa E. The Media Campaign in the 2003 Israeli Elections. *Israel Affairs*. 2004. No. 10(4). Pp. 217–241.
- Gottesman E. Israel's Arab Parties Aren't All the Same. 3 April, 2019 <https://foreignpolicy.com/2019/04/03/israels-arab-parties-arent-all-the-same-hadash-taal-balad-ayman-odeh-ahmad-tibi-netanyahu-gantz-lapid/> (accessed: 30.03.2020).
- Herzog H. Minor Parties: The Relevancy Perspective. *Comparative Politics*. 1987. No. 19(3). Pp. 317–329.
- Hillel F. Stability Amidst Flux: The Arab Parties Come of Age in the 2006 General Elections. *Israel Affairs*. 2007. No. 13(2). Pp. 368–383.
- Hitman G. The Joint Arab List for the Knesset: United, Shared or Split? *Middle East Policy*. 2018. No. 25(4). Pp. 146–158.
- Landau J. M. *Middle Eastern Themes: Papers in History and Politics*. London: Frank Cass, 1973.
- Landau J.M. *The Arabs in Israel: A Political Study*. London: Routledge, 2015.
- Mendes B. A House of Cards: the Arab Satellite Lists in Israel, 1949–77. *Israel Affairs*. 2008. No. 24(3). Pp. 442–459.
- Morris B. *The Birth of the Palestinian Refugee Problem 1947–1949*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Peretz D. The Earthquake: Israel's Ninth Knesset Elections. *Middle East Journal*. 1977. No. 31(3). Pp. 251–266.
- Peretz D., Doron G. Sectarian Politics and the Peace Process: The 1999 Israel Elections. *Middle East Journal*. 2000. No. 54(2). Pp. 258–273.
- Peretz D., Kook R., Doron G. Knesset Election 2003: Why Likud Regained Its Political Domination and Labor Continued to Fade Out. *Middle East Journal*. 2003. No. 57(4). Pp. 588–603.

- Rouhana N.N., Sabbagh-Khoury A. *The Palestinians in Israel: Readings in History, Politics and Society*. Vol. II. Haifa: Mada al-Carmel–Arab Center for Applied Social Research, 2011.
- Rouhana N.N., Shihadeh M., Sabbagh-Khoury A. Turning Points in Palestinian Politics in Israel. Ed. M. Shamir *The Elections in Israel 2009*. London: Routledge, 2017.
- Rubin B. External Influences on Israel's 2003 Election. *Israel Affairs*. 2004. No. 104. Pp. 205–216.
- Rubin A., Navot D., Ghanem A. The 2013 Israeli General Election: Travails of the Former King. *Middle East Journal*. 2014. No. 68(2). Pp. 248–267.
- Rudnitzky A. Back to the Knesset? Israeli Arab vote in the 20th Knesset elections. *Israel Affairs*. 2016. No. 22(3–4). Pp. 683–696.
- Stendel O. *Arabs in Israel*. Eastbourne: Sussex Academic Press, 1995.
- Tessler M., Grant A.K. Israel's Arab Citizens: The Continuing Struggle. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 1998. No. 555(1). Pp. 97–113.
- The Democratic List of Nazareth. 1949 <https://en.idi.org.il/israeli-elections-and-parties/parties/democratic-list-of-nazareth/> (accessed: 30.03.2020).
- Al-Ahزاب al-arabiyya fi Israil takhud intikhabat al-Knisit bi-qaima muwahhada. [The Arab Parties in Israel are Running for the Knesset with a Unified List (in Arabic)]. 15 March, 2015 <https://www.annahar.com/article/208230-الأحزاب العربية في إسرائيل تخوض انتخابات الكنيست بقائمة موحدة> (accessed: 30.03.2020).
- Muadalat bi-t-tashkil al-hukumiyya kalimat as-sirr fiha «al-musharaka». Hal tattajjih Israil li'intikhabat rabia? [Dilemmas in the Government Formation, the Word “Joint” is in it .. Is Israel Heading to the Fourth Elections? (in Arabic)]. 10 March, 2020 <https://www.aljazeera.net/news/politics/2020/3/10/إسرائيل تشكل حكومة كتلة اليمين-التحالف-الوسطي-القائمة العربية> (accessed: 30.03.2020).
- Be-Kfar [In Village (in Hebrew)]. 24 November, 1947 http://jpress.org.il/olive/apa/nli_heb/?href=-DAV%2F1947%2F11%2F24&page=4&entityId=Ar00404#panel=document (accessed: 30.03.2020).
- Betom diun soer: hok yishuv ha-beduin avar be-rov dahuk [At the End of a Heated Debate: the Bedouin Settlement Law Was Passed by a Narrow Majority (in Hebrew)]. 25 June, 2013 <https://news.walla.co.il/item/2654341> (accessed: 30.03.2020).
- Youmein lifnei: mehdadim mesarim, mamzirim peilim [Two Days before: Sharpen Messages, Activate Stimulants (in Hebrew)]. 08 February, 2009 <https://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-3668121,00.html> (accessed: 30.03.2020).
- Metava Tibi le-gush hosem [Tibi Outline for a Blocking Block (in Hebrew)]. 12 September, 2019 <https://www.yediot.co.il/articles/0,7340,L-5586980,00.html> (accessed: 30.03.2020).
- Ha-Politika ha-aravit be-Israel [Arab politics in Israel (in Hebrew)]. 2009 <http://din-online.info/pdf/av4-9.pdf> (accessed: 30.03.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАХМУТОВА Мария Игоревна –
соискатель в Институте востоковедения РАН,
Москва, Россия.

Maria I. MAKHMUTOVA,
Post-Graduate Student, Institute of Oriental
Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080015161-4

РЕЛИГИОЗНЫЙ СТАТУС РУХОЛЛЫ ХОМЕЙНИ
В СОВРЕМЕННОМ ИРАНЕ¹

© 2021

Н.А. ФИЛИН^{a, b}^a – Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия^b – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-4764-6939; n.filin@rggu.ru

Резюме: В статье исследуется политический портрет и религиозный статус основателя исламского режима аятоллы Хомейни в Иране в настоящее время. Высшие руководители Ирана в последние десятилетия в значительной части были учениками и соратниками Хомейни, и поэтому его наследие продолжает играть очень большую роль в иранской политике. Государственная пропаганда описывает Хомейни как совершенного лидера, который не совершал ошибок, и утверждает, что созданная им политическая система безупречна. Повсюду в иранских городах можно видеть портреты, цитаты основателя Исламской республики или высказывания о нем близко знавших его людей, относящиеся к самым разным сферам жизни, – от поведения Хомейни в семье и его религиозного благочестия до внешнеполитической позиции, которую должны занимать иранцы. Эти плакаты содержат три уровня легитимности Хомейни: сравнение его с пророком и имамами ислама, подчеркивание его безупречного поведения, а также его житейской мудрости. Культ Хомейни после его смерти приобрел чисто религиозную плоскость: верующие шииты стали его почитать как святого заступника, наравне с пророками, непогрешимыми имамами и их потомками (имам-заде), почитание которых в Иране имеет более чем тысячелетнюю историю. У Хомейни появился свой мавзолей, куда каждый год стекаются миллионы его почитателей и в котором также похоронены его сын Ахмад и выдающийся политический деятель Али Акбар Хахеми-Рафсанджани.

Ключевые слова: Рухолла Хомейни, Иран, легитимация, плакаты, мавзолей, шиитские имамы.

Для цитирования: Филин Н.А. Религиозный статус Рухоллы Хомейни в современном Иране. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 134–143. DOI: 10.31857/S086919080015161-4

RELIGIOUS STATUS OF RUHOLLAH KHOMEINI IN MODERN IRAN

© 2021

Nikita A. FILIN^{a, b}^a – Russian State University for the Humanities in Moscow, Moscow, Russia;^b – Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia;

ORCID: 0000-0002-4764-6939; n.filin@rggu.ru

Abstract: The article examines the current religious status of the founder of the Islamic regime Ayatollah Khomeini in modern Iran. Iran's top leaders in recent decades have been largely

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта РГГУ «Посредничество между реальным и потусторонним миром в религиозных практиках иранцев-шиитов».

disciples and associates of Khomeini, and therefore his legacy continues to play a huge role in Iranian politics. State propaganda describes Khomeini as a perfect leader who did not make mistakes, and claims that the political system he created is flawless. Everywhere in Iranian cities one can see Khomeini's portraits and quotes, or statements about him from people who knew him closely, relating to a wide variety of areas of life – from Khomeini's attitude in the family and his religious piety to the foreign policy position that Iranians should take. These posters contain three levels of Khomeini's legitimacy: comparing him with the prophet and imams of Islam, emphasizing his impeccable behavior, as well as his worldly wisdom. After his death, the cult of Khomeini gained a purely religious aspect: Shiite believers began to venerate him as a patron saint, along with the prophets, infallible imams and their descendants (imamzadeh), whose veneration in Iran has more than a thousand years. Khomeini got his own mausoleum, where his son Ahmad and prominent politician Ali Akbar Hashemi Rafsanjani are buried, and where millions of his admirers gather every year.

Keywords: Ruhollah Khomeini, Iran, legitimization, posters, mausoleum, Shiite imams.

For citation: Filin N.A. Religious Status of Ruhollah Khomeini in Modern Iran. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 134–143. DOI: 10.31857/S086919080015161-4

Acknowledgments: The reported study was carried out within the framework of the RSUH research project “Mediation between the real and the other world in the religious practices of the Shiite Iranians”.

В современном Иране, где религия неразрывно соединена с политикой, основатель Исламской республики аятолла Рухолла Хомейни (1902–1989 гг.) пользуется особым почитанием и обладает очень высоким статусом. Он является создателем уникального в истории Ирана государственного строя, при котором политическая власть оказалась сосредоточена в руках шиитского духовенства, а значит, верующие должны подчиняться высшим шиитским богословам не только как духовным руководителям, но и как представителям политической власти.

Наиболее распространенными титулами Хомейни являются: аятолла (официальный титул высшего богослова), имам (духовный руководитель исламской общины), основатель Исламской республики, Лидер революции.

Государственная пропаганда характеризует Хомейни как безупречного лидера, который обладал очень высокими моральными качествами и никогда не ошибался, и поэтому его жизнь, как и его политические взгляды, должны быть примером для всех иранцев. Тем самым иранские власти стремятся обеспечить как лояльность населения, так и свою легитимацию, поскольку сами постоянно подчеркивают свою полную преемственность по отношению к Хомейни и его внутренней и внешней политике. По словам нынешнего Верховного Лидера страны Али Хаменеи, у Хомейни было множество добродетелей, таких как смирение, мудрость, благочестие, справедливость, храбрость, умение грамотно управлять страной и организовывать ее дела, и эти добродетели он приобрел благодаря глубокой вере в Бога и неукоснительному исполнению предписаний ислама. Кроме того, по воспоминаниям Хаменеи, Хомейни был убежден, что все на свете происходит по воле Бога, будь то Исламская революция, освобождение г. Хорремшехр от иракских войск, или же единство иранцев вокруг его режима [Хаменеи, 2014]. Мохаммад Хатами, один из лидеров группировки реформаторов, занимавший должность президента Ирана в 1996–2005 гг., также с подчеркнутым уважением говорит об основателе Исламской республики: «Если

превосходство личности имама мы видим в мистицизме и всестороннем исламском учении, а также его бесподобном аскетизме и борьбе против несправедливости, то, несомненно, совершенство его личности должны искать в его широком кругозоре, открывающем путь, определивший облик нашего времени» [Хатами, 2010, с. 12]. Еще более почтительно отзывается о Хомейни его близкий сподвижник, пользовавшийся его полным доверием, – Али Акбар Хашеми-Рафсанджани, который занимал ключевые должности в Исламской республике, в том числе был президентом (1989–1997 гг.) и председателем Совета по целесообразности. Рафсанджани следующим образом описывает имама: «Имам Хомейни – облако божественной милости, которое щедрый Господь подарил народу Ирана, исламскому миру и угнетенным всего мира для выполнения обещания о победе обездоленных над угнетателями, чтобы в эпоху отделения религии от общества в сердцах отчаявшихся пошел дождь надежды». Рафсанджани также говорил, что во время своей учебы в кумском теологическом центре не встречал человека, который бы так глубоко знал ислам (включая исламское право и исламскую мораль), как Хомейни [*Rabete-ye motaqabel-e imam-e Xomeyni*, 2019].

По всей стране – на улицах, в метро и в общественных заведениях – можно видеть его портреты, плакаты с его изображением, а также цитаты из его речей и посвященных ему книг. В частности, может встретиться его изображение в круге света, а рядом с ним помещены религиозные символы шиизма, что символизирует роль Хомейни в качестве наместника имама Махди. В таком стиле был изображен Хомейни на одной из тегеранских улиц в 2005 г., а рядом с ним была надпись: «Дорогой Хомейни, мы никогда не уроним на землю флаг, который ты поднял». В 2016 г. поблизости от площади, названной в его честь, было еще одно его изображение, вокруг которого были нарисованы шиитские религиозные символы, связанные с пророком Мухаммадом, его дочерью Фатимой и непорочными имамами. Рядом был расположен портрет иранского спортсмена Хадж-Мохаммада Резы Тайиба, казненного шахским правительством, и его высказывание: «Я пока его (имама Хомейни) не встречал. Я готов принять смерть, но не буду клеветать на этого великого господина». Существует также много изображений, подчеркивающих ключевую роль Хомейни в Исламской революции, а также посвященных его жизненным ценностям [Филин, 2019].

Одна из наиболее популярных книг, посвященных Хомейни, называется «Жизнь в стиле Рухоллы» [*Zendegi be sabk-e Ruhola*, 2010]. В ней описывается поведение Хомейни со слов его родственников и подчеркиваются его положительные качества: житейская мудрость, скромность, бережливость, любовь к членам своей семьи и детям. В 2016 г. в метро Тегерана можно было видеть плакаты, созданные на основе материалов книги, вместе с изображениями Хомейни и иногда – изречениями пророка Мухаммада и имама Али. Это было сделано с целью призвать иранцев следовать поведению Хомейни, а значит, и его политическим взглядам, что должно было укрепить легитимацию политического режима в стране.

Можно упомянуть несколько наиболее важных плакатов. Один из них подчеркивал неприязнательность Хомейни и его способность довольствоваться малым: во время пребывания в Неджефе он жил в очень небольшой квартире в весьма скромной обстановке и обходился только ковром, посудой и несколькими кроватями. Другой плакат посвящен отношению Хомейни к детям: на нем Хомейни держит за руку 5-летнего ребенка, и приведены его слова о том, что родители со своими детьми должны быть откровенны, а учить их должны только тому, чего придерживаются сами. Еще один плакат повествует о важности ограничения общения мужчин и женщин, не состоящих в близком родстве. На нем изображен Хомейни рядом с 10-летней девочкой, одетой в соответствии с исламскими нормами, а также приведена цитата имама Али о том, что общение мужчин и женщин, не состоящих в родстве, приводит к несчастьям и мешает спасению. На следующем плакате, где продемонстрирован портрет Хомейни в домашней одежде, рассказывается, что он ста-

рался никого не осуждать. Это подкреплено словами его жены, которая свидетельствовала, что прожила со своим мужем 62 года и не слышала от него ни о ком худого слова. Чтобы показать, насколько ему было неприятно осуждение других, она описывает случай, когда они расстались с ленивым работником и пригласили другого. Жена Хомейни сказала мужу, что новый работник хорошо справляется со своими обязанностями. В ответ на это Хомейни заявил, что тем самым она осуждает предыдущего работника, и он не хочет это слышать. Однако, очевидно, что эта его черта касается только повседневных ситуаций и не распространялась на тех людей, которых он считал государственными преступниками, особенно шаха и его приближенных, чьи поступки он активно критиковал. Представляет интерес плакат, рассказывающий об особенностях распределения времени Хомейни. На нем были приведены слова имама Али о том, что верующий должен делить время на три части: поклонение Богу, работа и отдых. Далее рассказывалось о действиях Хомейни, который четко распределял свое время для каждой активности и строго следовал этому графику, работая и отдыхая только в запланированное для этого время. На ту же самую тему есть другой плакат, на котором Хомейни показан сидящим, склонившись над бумагами и книгами. На нем также есть указание имама Али, которое он дал своей семье, о необходимости чтить Бога и упорядочивать свои дела. Далее приведено воспоминание снохи Хомейни о том, что его дела были настолько четко распланированы, что она могла по его действиям определить, который час. Она расспрашивала свою свекровь о планах Хомейни, и та ей говорила, что ее муж планировал все дни в году, был очень дисциплинирован и совершал все свои дела в полном соответствии с планом, и советовал и ей поступать так же. Очередной плакат повествовал об обязанностях жены в кругу семьи согласно речам Хомейни. Там был представлен портрет Хомейни вместе с женой, дочерью и внуком. Хомейни считал, что женщины являются воспитательницами общества, и признавал за ними огромную роль в развитии семьи и в создании благоприятной семейной обстановки. Он признавал право женщин работать, но только если это не нанесет ущерб семье. Хомейни настолько ценил роль женщин, что считал, что хорошая жена способна наставить и плохого мужа на путь истинный. Если жена создаст хорошую семейную атмосферу, то тогда и дети станут хорошими людьми, достойными гражданами и принесут пользу обществу. Но при этом весьма значима и роль отца – ведь за грехи ребенка, по утверждению Хомейни, Бог взыщет именно с него. Далее можно указать на плакат, на котором видно, как Хомейни приветствует другого человека, и говорится, что он всегда здоровался со всеми первым. Внучка Хомейни сообщала, что всегда со всеми входящими в дом первым здоровался именно Хомейни. Она также говорит, что хотя имам был настолько велик, что одного его имени боялись ведущие мировые государства, тем не менее он здоровался первым даже и с детьми. Также можно было видеть цитату пророка Мухаммада, что наиболее близкий к Богу и Его пророку человек – тот, кто здоровается первым. Был также представлен плакат с портретом Хомейни за чаем, повествующий о том, как он учил жену избегать грехов и вести благочестивый образ жизни. Сама его жена рассказывает, что ее супруг пообещал не вмешиваться в ее жизнь и не ограничивать ее в общении с подругами, выборе одежды и проведении времени вне дома, однако просил ее неукоснительно соблюдать основные исламские принципы, признанные обязательными для всех верующих, и воздерживаться от запретного. Отдельный плакат был посвящен благочестию Хомейни, а именно – тому, что он никогда не пропускал ночную молитву (хотя в шиизме ее не обязательно совершать отдельно, а можно соединить с вечерней). При этом он ее совершал настолько аккуратно, что, по свидетельству его жены, он никогда не разбудил ни ее, ни ее детей, и если они в это время и не спали, то только потому, что еще не легли. Чтобы подчеркнуть особые добродетели имама, была вставлена цитата пророка Мухаммеда, в которой говорится, что худшие люди – те, из-за которых страдают

другие. Тем самым показывалось, что Хомейни, в отличие от них, стремился не тревожить людей даже при исполнении своих религиозных обязанностей [Филин, 2019].

Эти плакаты содержали в себе три уровня легитимации аятоллы Хомейни. Во-первых, плакаты демонстрировали, что его поведение совпадает с поведением великих исторических личностей в шиитском исламе – пророка Мухаммада и имама Али, что подчеркивало благочестие и безупречную жизнь аятоллы. Во-вторых, делался акцент на образцовом поведении основателя Исламской республики, которому необходимо было следовать всем остальным верующим, что означало и безоговорочное принятие его политических идей и созданного им политического строя. В-третьих, сами изображения Хомейни создавали образ очень опытного и хорошо знающего жизнь человека, неуклонно следующего своим принципам, но при этом тепло относящегося ко всем окружающим, в том числе к детям.

В книге «Изучение поведения имама Хомейни» представлены особенности его характера и поведения, которые должны служить примером читателям. В частности, в разделе «Личные особенности Хомейни» утверждается, что он обладал умением планировать свое время, соблюдал привычный распорядок дня даже вдали от дома в ссылке в Неджефе, и даже из небольшого количества свободного времени извлекал очень большую пользу. Помимо этого, Хомейни любил делать несколько дел одновременно. Также говорится о его мягком обращении с окружающими и одновременно стойкости в борьбе с врагами, о его скромном и аскетичном образе жизни и любви к искусству. Все это подкрепляется примерами из жизни пророка Мухаммеда и шиитских имамов. В разделе «Особенности религиозной жизни Хомейни» говорится, что тайна величия его личности заключается в его благочестии, постоянной молитве, чтении Корана и усердном исполнении исламских правил. Например, он, в соответствии с советами имамов, всегда, даже во время болезни, совершал намаз в положенное время, не откладывая его. В то же время он выступал против принуждения детей к молитве и считал, что им надо терпеливо объяснять ее необходимость. Он также большое внимание уделял посту, паломничеству и почитанию пророка ислама и имамов, особенно Али, который, по его мнению, обладал целой вселенной духовности. В книге подчеркивается, что результатом этого благочестия стало безукоризненное поведение Хомейни в качестве правителя, что выразилось в его любви к народу, так что он старался всеми силами удовлетворить его нужды [Motahhari, 2008].

Кроме того, Хомейни посвящены многочисленные стихи. Существуют стихи для детей, в которых в понятной для детского сознания форме излагаются основные черты характера Хомейни, а также культурный код иранцев-шиитов. В частности, Афшин Алла, описывая чувства народа при ожидании Хомейни, сравнивает его с лунным светом, а правление шаха – с надоевшей всем тьмой, и указывает на единогласное желание народа Исламской республики. При этом имя Хомейни – Рухолла – передано им в буквальном значении («дух Бога»). Это говорит о двойной легитимации Хомейни в стихотворении (со стороны Бога и народа). В нем можно также разглядеть мотив ожидания имама Махди [Alla, 2020]. Захра Шейхи касается возвращения Хомейни, прибегая при этом к образу шахидов (в иранской традиции этот термин обозначает мучеников, погибших в бою, или убитых людей, которые вели благочестивый образ жизни). Она описывает, как люди радовались и ставили вазы с цветами, прославляет мучеников, погибших за революцию, и добавляет, что, пока кровь течет в жилах иранцев, их лидером остается имам Хомейни. Заслуживает внимания то, что в произведении Хомейни описывается одновременно как имам и политический лидер, и это, как и в предыдущем случае, подразумевает его легитимацию и от Бога, и от народа [Šeyhi, 2020]. Бижан Шахрами описывает в своем произведении ностальгию по Хомейни, говоря о прекрасной памяти, которую он оставил в народе, и упоминая его резиденцию Джамаран, отличающуюся очень скромной обстановкой, где можно видеть его фотографию вместе

с ребенком (здесь появляется мотив любви к детям) [Šahrami, 2020]. Джамаран, где жил Хомейни с 1979 г., располагается в северной части Тегерана. Как правило, иностранные делегации вначале приглашают посетить Джамаран, а затем – роскошный дворец шаха Мохаммада-Резы, чтобы подчеркнуть огромное отличие в образе жизни этих двух правителей Ирана.

Более детально и серьезно разработан образ Хомейни в стихотворениях, предназначенных для взрослой аудитории. Верховный Лидер Ирана аятолла Хаменеи написал наполненное грустью стихотворение о Хомейни. В нем он описывает свою скорбь и страдание из-за разлуки со своим соратником и учителем, а также говорит о страдании природы, – даже соловьи без Хомейни больше не желают прихода весны. Он сравнил себя с окутанным в туман небом, а также с погасшей свечой, чье пламя речи без Хомейни больше не загорится. Очевидно, что Хаменеи говорит о своей полной преданности и привязанности к Хомейни [Хаменеуи, 2006, р. 1]. Об огромной привязанности к имаму также сообщает Муртаза Мутаххари, который обучался у него в городе Кум. Он сравнил Хомейни с чистым источником, который преподавал ему уроки самопознания и мистического пути, а Хомейни назвал божественным учителем [Гибадуллин, 2015, с. 34]. Кейсар Аминпур очень эмоционально пишет об отношении к Хомейни со стороны иранского народа, который украсил путь имама букетом ран и осветил его жаром сердец [Aminpur, 2010, р. 5]. Мохаммад Реза Торки, повествуя о скорбном моменте ухода Хомейни, сравнивает личность лидера революции с солнцем, а его смерть – с заходом солнца, когда исламская община осиротела [Torki, 2010, р. 26]. Ходадад Нурай в своем стихотворении описывает роль Хомейни в Исламской революции, а также говорит о его духовном наставничестве. Он пишет, что Хомейни научил народ азбуке революции, а народ, в свою очередь, на пути Хомейни во имя ее победы принес в жертву много мучеников [Nurayi, 2010, р. 107–108].

Помимо культа Хомейни как выдающегося государственного деятеля и образцового мусульманина, существует также его культ как святого заступника. Здесь нужно сказать, что в шиитском исламе веками существует культ святых, прежде всего – двенадцати непогрешимых имамов, а также и других выдающихся религиозных деятелей. При этом, в отличие от суннитского ислама, в шиизме культ святых признается и даже поддерживается официальным духовенством. Особое развитие культ святых получил в эпоху Сефевидов, когда верующие старались получить поддержку имамов путем посещения захоронений их предполагаемых потомков (*имам-заде*), которые, в основном, были на самом деле захоронениями суфийских святых [Arjomand, 1984, р. 167].

Таким образом, в Иране существует многовековая традиция паломничества к усыпальницам шиитских святых. Верующие шииты стремятся получить от святых благодать, помощь в своей жизни, выразить им свое почтение. К имамам и их потомкам следует обращаться с помощью особых молитв – *зийаратнаме*. На могилу святого кладут записки с просьбой о помощи, а также денежные пожертвования и *назр* – благодарность за получение просимого; *назр* может также раздаваться бедным и прохожим в форме денег или еды. Постепенно были выработаны правила благочестивого поведения, которых должны придерживаться верующие, находясь в усыпальницах. Основная часть *имам-заде* расположена в удаленных деревнях, до которых надо долго добираться из больших городов. В качестве примера можно назвать *имам-заде* Исмаила, Исхака и Биби Халиме Хатун, потомков имама Мусы Казима, расположенное в деревне Барз в районе г. Кашан. Оно состоит из входа и главного здания с конусообразным куполом, в котором находится зал с деревянными колоннами. В этом здании висят плакаты с описанием истории захоронения и обстоятельствами смерти похороненных там святых, которые были убиты на пути из Медины в Мешхед, направляясь к своему родственнику имаму Резе. Подчеркивается, что данная святыня всег-

да была очень почитаема, и множество паломников просили у святых помощи [Филин, 2019]. *Назр* и денежные средства, поступающие в *имам-заде*, считаются собственностью Организации по пожертвованиям и благотворительности при Министерстве культуры и исламской ориентации. 60% этих средств возвращаются усыпальницам и используются для их благоустройства, выплат духовным лицам, организации различных культурных и образовательных мероприятий, а 40% остаются в Организации [Farji, 2011].

По данным Организации по пожертвованиям и благотворительности, в 2011 г. в Иране было примерно 11 тыс. *имам-заде*, в том числе для 8 тыс. имелись исторические документы об их существовании в прошлом. По статистике, в 2010 г. *имам-заде* посетили 100 млн раз [Farji, 2011]. Учитывая, что все население Ирана составляло на тот момент около 75 млн, очевидно, что многие иранцы посетили святилища по нескольку раз, а некоторую часть посещений также осуществили шииты, проживающие за пределами страны. Известно, что посещение коллективных пятничных молитв, являющихся официальными мероприятиями, в стране не очень частое, что контрастирует с очень высоким процентом посещающих святилища. Это может означать своего рода протест против официальных форм религиозности и предпочтение им более личных и традиционно принятых народных форм.

В современном Иране Хомейни почитается наравне с шиитскими святыми, чему способствует тот факт, что он еще при жизни, будучи правителем государства, был признан наместником имама Махди. Его мавзолей, расположенный к югу от Тегерана, по своим признакам сходен с другими усыпальницами шиитских святых, и верующие шииты в нем также прикладываются к *зариху* (коробу над надгробьем Хомейни) и оставляют деньги и *назр*. В нем также похоронены его сын Ахмад и Али Акбар Хашеми-Рафсанджани. Мавзолей имеет очень большую территорию – 150 тыс. кв. м., и в нем находится мечеть, музей революции, жилой, туристический и культурный сектор, библиотека, религиозные центры, кафе, торговые ряды, больница, отель для паломников и др. На территории мавзолея можно видеть многочисленные высказывания Хомейни, по большей части посвященные значению ислама в воспитании человека, необходимости исполнять предписания ислама, поменять свою жизнь в лучшую сторону, а для властей – необходимости служения народу. Помимо культовой функции, мавзолей исполняет и функцию политическую: в нем выступают высшие власти, в том числе Верховный Лидер и президент Ирана, его посещают иностранные делегации, а около него иногда организуются политические мероприятия.

В иранской прессе и в книгах, посвященных жизни аятоллы Хомейни, сообщается о его чудесах – как при жизни, так и после смерти. В частности, утверждается, что он мог предвидеть будущее, контактировать с имамом Махди, исцелять людей своими молитвами, а встречавшиеся с ним люди из-за его благодати не могли сдерживать свои чувства и плакали [Rajayi, 2014]. Это укрепляет культ Хомейни среди народа Ирана, поскольку, как утверждают авторы книг, он обладал сверхъестественными способностями, которые в исламской традиции приписываются пророкам и святым. Также среди верующих повышается уважение к правящей власти, продолжающей дело Хомейни.

В заключение можно кратко рассмотреть некоторые проблемы, связанные с политическим наследием имама Хомейни (подробный их анализ не может быть осуществлен из-за установленного объема работы). Известно, что некоторые политические идеи и взгляды Хомейни подверглись определенным изменениям в современном Иране в ходе их практической реализации. Так, существенным образом изменилась роль военных в политической системе Ирана. В начале 1980-х гг. Хомейни, с одной стороны, стремился подчинить армию правящему духовенству и исламизировать ее в идеологическом плане, для чего были осуществлены репрессии против множества шахских высших офицеров и было создано особое подразделение, полностью лояльное духовенству, – Корпус стражей Исламской революции

(КСИР). Но, с другой стороны, Хомейни выступал против какого-либо участия военных в политике. Однако с 2005 г. роль КСИР в политической жизни Ирана резко возросла, что было связано с продвижением Махмудом Ахмадинежадом во власть бывших членов КСИР. В настоящее время КСИР играет очень большую роль во внутренней и особенно внешней политике, а также экономике страны, оказывая военную поддержку лояльным Ирану режимам в арабском мире и выступая резко против контактов с Западом [Сажин, 2017].

Одним из основных внешнеполитических направлений в Иране при Хомейни стал экспорт исламской революции. По его мнению, революцию надо было распространить на весь мир, в некоторых случаях (Ирак) – и военными методами, чтобы к власти пришли «обездоленные», в том числе представители местных угнетаемых шиитских общин. Однако после его смерти власти Ирана переосмыслили концепцию экспорта революции как мирное распространение влияния Ирана и создание в стране таких условий, что другие страны сами захотят выбрать иранский путь [Сажин, 2017, с. 92–93; Abrahamian, 1993, p. 141]. Из-за неприятия института монархии со стороны Хомейни и попыток Ирана использовать недовольство шиитского населения для свержения монархий Персидского залива, арабские режимы Залива и общественность этих стран были обеспокоены иранской угрозой и обратились за помощью к Западу, в то время как местные шиитские общины поддерживали Хомейни [Чернова, 2013]. Также отношение к Ирану и к самому Хомейни резко ухудшилось после того как он призвал к убийству Салмана Рушди, что осудили не только страны Запада, но и многие образованные граждане арабских стран, в том числе и некоторые исламские богословы, подчеркнув, что Хомейни тем самым подорвал престиж ислама в глазах жителей Запада [Ross, 1989]. Среди иранской оппозиции за рубежом, как монархических, так и левых сил, существует весьма негативное мнение о роли Хомейни в истории Ирана [The Christian Science Monitor, 1986]. Но и некоторые представители оппозиции внутри Ирана также критикуют роль Хомейни, о чем свидетельствуют оппозиционные газеты из времени Зеленого движения [Alef, 2009]. Но этих взглядов придерживается меньшинство граждан страны. Большинство населения Ирана оценивает политику и наследие Хомейни положительно, либо, как минимум, нейтрально.

В целом можно сказать, что культ Рухоллы Хомейни в Иране очень широко распространен и всячески поддерживается государством. Помимо обучения населения религиозным исламским правилам через демонстрацию примера поведения Хомейни, этот культ также служит легитимации правящего режима, который объявляет себя продолжателем дела Хомейни. Основатель Исламской республики почитается не только как государственный деятель, но и как святой заступник, на что указывает наличие у него мавзолея и постоянный поток паломников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гибадуллин И.Р. *Муртаза Мутаххари и Исламская революция в Иране*. М.: Садра, 2015 [Gibadullin I.R. *Murtaza Mutahhari and the Islamic Revolution in Iran*. Moscow: Sadra, 2015 (in Russian)].

Сажин В.И. Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 10. № 3. С. 83–109 [Sazhin V.I. Iran's Islamic Revolutionary Guard Corps – a State within a State. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2017. Vol. 10. No. 3. Pp. 83–109 (in Russian)].

Филин Н.А. *История и современные процессы легитимации власти в Исламской республике Иран (1979–2019 гг.): дис. ... док. ист. наук*. М., 2019. [Filin N.A. *History and Modern Processes of the Power Legitimacy in Islamic Republic of Iran (1979–2019): diss... doct. hist. sciences*. Moscow, 2019 (in Russian)].

Хатами М. *Страх перед бурей*. М.: Издательство МГУ, 2001 [Khatami M. *A Fear from the Storm*. Moscow: Publishing House of MSU, 2001 (in Russian)].

Чернова А. Ф. Влияние исламской революции на монархические режимы в Персидском заливе. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2013. № 161. С. 24–31 [Chernova A. F. An Impact of the Islamic Revolution on the Monarchist Regimes in the Persian Gulf. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2013. No. 161. Pp. 24–31 (in Russian)].

Abrahamian E. *Khomeinism: Essays on the Islamic Republic*. Berkeley: University of California, 1993.

Alef S. Mobarez baraye demokrasi. *Khiyaban*. 29.06.2009. No. 10. P. 3 [Alef S. Struggle for Democracy. *Khiyaban*. 29.06.2009. No. 10. P. 3 (in Persian)].

Alla A. *Nowruz dar bahman* [Alla A. *Nowruz in Bahman Month* (in Persian)]. <http://www.beytoote.com/baby/fiction-baby/poems3-children-fajr.html> (accessed: 03.10.2020).

Aminpur K. Fasl-e taqsim-e gol va gandom. *Gol-e aftabgardan-e Xoda: majmue-ye ašar-e šaeran-e ostan-e Xuzestan piramun-e hazrat-e emam-e Xomeyni*. Ed. by M. Shakravi. Tehran: Aruj, 2010 [Aminpur K. The Season for Separating the Wheat from the Chaff. *God's Sunflower: Collections of Poems from Poets of Khuzestan Province about Imam Khomeini*. Ed. by M. Shakravi. Tehran: Aruj, 2010 (in Persian)].

Arjomand A.S. *The Shadow of God and the Hidden Imam: Religion, Political Order, and Societal Change in Shi'ite Iran from the Beginning to 1890*. Chicago: University of Chicago Press, 1984.

Farji M. Eddea-ye vojude 100 hezar maqbare-ye emamzade-ra radd kardim. *Shargh*. 08.08.2011 [Farji M. We Rejected a Statement That There are 100 Thousands of Imamzadeh Tombs. *Shargh*. 08.08.2011 (in Persian)] <http://old.sharghdaily.ir/news/90/05/17/7695.html> (accessed: 03.10.2020).

Motahhari M. *Raftaršenasi-ye emam-e Xomeyni*. Tehran: Aruj, 2008 [Motahhari M. *Study of Imam Khomeini's Behaviour*. Tehran: Aruj, 2008 (in Persian)].

Nurayi H. Šer-i az jens-e ab. *Ašar-e šaeran-e ostan-e Markazi dar madh-o resa-ye emam-e Xomeyni*. Tehran: Aruj, 2010 [Nurayi H. Poem from the Surface of Water. *Poems of the Poets from Markazi Province, Praising and Mourning the Imam*. Tehran: Aruj, 2010 (in Persian)].

Rabete-ye motaqabel-e emam-e Xomeyni va ayatolla Hashemi-Rafsanjani. [Relations between Imam Khomeini and Ayatollah Hashemi-Rafsanjani (in Persian)] <https://www.irna.ir/news/83335877/> رابطه-متقابل-امام-خمینی-و-آیت-الله-هاشمی-رفسنجانی (accessed: 03.10.2020).

Rajayi G. *Bardaštha-yi az seyre-ye emam-e Xomeyni*. Vol. 3. Halat-e manavi. Tehran: Aruj, 2014 [Rajayi G. *Essays of Imam Khomeini's Life*. Vol. 3. Spiritual State. Tehran: Aruj, 2014 (in Persian)].

Ross M. Khomeini Renews Call for Death of Rushdie. <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1989-02-20-mn-29-story.html> (accessed: 03.10.2020).

Šahrāmī B. *Mehman* (Guest) [Šahrāmī B. Guest (in Persian)] <https://www.bargozideha.com/share/jrvoe4up-شعر> (accessed: 03.10.2020).

Šeyxi Z. *Ye ruz tu mah-e bahman* [Šeyxi Z. *One Day in Bahman Month* (in Persian)] <https://www.koodakcity.com/khordsal/persian-song/22-bahman-sheer-koodak/> (accessed: 03.10.2020).

The Christian Science Monitor: Rivalry Complicates Iranian Exile Struggle. „Monarchists“ and Leftists Disagree on Goals and are Internally Split. <https://www.csmonitor.com/1986/0703/oiran2.html> (accessed: 03.10.2020).

Torki M.R. Khazn 2. *Gol-e aftabgardan-e Xoda: majmue-ye ašar-e šaeran-e ostan-e Xuzestan piramun-e hazrat-e emam-e Xomeyni*. Ed. by M. Shakravi. Tehran: Aruj, 2010 [Torki M.R. Keeping a Secret 2. *God's Sunflower: Collections of Poems from Poets of Khuzestan Province about Imam Khomeini*. Ed. by M. Shakravi. Tehran: Aruj, 2010 (in Persian)].

Xameneyi A. Bahari be nam-e ešq. *Gozide-ye asar-e šaeran-e Xorasani dar resa-ye emam-e Xomeyni*. Ed. J. Eslami. Tehran: Aruj, 2006 [Xameneyi A. Spring Which is Named Love. *Collection of Works of Khorasan Poets about Imam Khomeini*. Ed. J. Eslami. Tehran: Aruj, 2006 (in Persian)].

Xameneyi A. *Xotbeha-ye namaz-e jome-ye Tehran* (Sermons on Friday Prayers in Tehran. 04.06.1999). Xameneyi A. *Hadis-e velayat* (*Hadith about Islamic Government*). Tehran: Centre of Computer Researches

of Islamic Studies, 2014 [Xameneyi A. Sermons on Friday Prayers in Tehran. 04.06.1999. Xameneyi A. *Hadith about Islamic Government*. Tehran: Centre of Computer Researches of Islamic Studies, 2014 (in Persian)].

Zendegi be sabk-e Ruhola. Ed. A.A. Sabziyan. Mashhad: Al-Shams, 2010 [*Life in Ruhollah's Style*. Ed. A.A. Sabziyan. Mashhad: Al-Shams, 2010 (in Persian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ФИЛИН Никита Александрович –
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой современного Востока
Российского государственного гуманитарного
университета, старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН, Москва,
Россия.

Nikita A. FILIN, DSc (History),
Assistant Professor, Head of the Department
of Modern East, Russian State University for
the Humanities, Senior Research Fellow, Institute
of Oriental Studies of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

DOI: 10.31857/S086919080014871-5

НОВАЯ СИСТЕМА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ
И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

© 2021

А.В. АКИМОВ^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5310-903X; akimovivran@mail.ru

Резюме: Новая система производительных сил – понятие, опирающееся на термин четвертая промышленная революция, но за вычетом информационных технологий и с добавлением трудо- и ресурсосберегающих технологий, разработанных ранее. Если цифровая экономика – это информационное общество, которое может иметь отсталые производственные технологии, но современные информационные, то новая система производительных сил описывает современный реальный сектор.

Для развивающихся стран новая система производительных сил создает новые возможности и риски для развития. Возможности – повышение производительности, решение продовольственной и энергетической проблем. Перенос в развивающиеся страны новых трудосберегающих технологий позволяет решить проблему низкого качества рабочей силы, поскольку для этой техники нужен немногочисленный персонал.

Основной риск состоит в том, что дешевая и неквалифицированная рабочая сила развивающихся стран становится не нужна мировому рынку. Новые технологии снижают также потребность в природных ресурсах, которыми богаты развивающиеся страны.

Формируется четыре основных сценария адаптации развивающихся стран к развитию новой системы производительных сил на основе сочетания двух ситуаций: опора на собственные силы или помощь извне, успех или неуспех развития в каждой из двух ситуаций. Сценарии: «Сильные одиночки», «Прозабывание», «Спасительная солидарность», «Новый колониализм». Анализ показывает, что наиболее эффективным вариантом развития для большинства стран будет внешняя помощь с привнесением необходимых современных технологий.

Помимо внешнего фактора проблемой является форма перераспределения внешней помощи и результатов развития страны при получении такой помощи. Поскольку рыночные механизмы распределения доходов сильно ограничиваются при вытеснении рабочей силы из производства, повышается роль планирования развития и управления социально-экономическими процессами.

Ключевые слова: новая система производительных сил, цифровая экономика, постиндустриальное общество, четвертая промышленная революция, развивающиеся страны, возможности, риски, сценарии развития.

Для цитирования: Акимов А.В. Новая система производительных сил и развивающиеся страны: возможности и риски. *Восток (Orient)*. 2021. № 3. С. 144–157. DOI: 10.31857/S086919080014871-5

NEW SYSTEM OF PRODUCTIVE FORCES AND DEVELOPING COUNTRIES: OPPORTUNITIES AND THREATS

© 2021

Alexander V. AKIMOV ^a

^a – Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5310-903X; akimovivran@mail.ru

Abstract: *The new system of productive forces is a concept based on the term fourth industrial revolution, but excluding information technologies and with the addition of labor – and resource-saving technologies developed earlier. If the digital economy is an information society that may have backward production technologies, but modern information technologies, then the new system of productive forces describes the modern real sector.*

For developing countries, the new system of productive forces creates new opportunities and risks for development. Opportunities include increasing productivity, solving food and energy problems. The transfer of new labor-saving technologies to developing countries solves the problem of poor quality of labor force, since this technology requires a small number of personnel.

The main risk is that cheap and unskilled labor in developing countries is no longer needed by the world market. New technologies also reduce the need for natural resources, which are abundant in developing countries.

There are four main scenarios for developing countries' adaptation to the development of a new system of productive forces based on a combination of two situations: self-reliance or external assistance, and the success or failure of development in each of the two situations. Scenarios: "Strong singles", "Vegetating", "Saving solidarity", "New colonialism". The analysis shows that the most effective development option for most countries will be external assistance with the introduction of the necessary modern technologies.

Since the market mechanisms of income distribution are severely limited when the labor force is displaced from production, the role of development planning increases.

Keywords: New system of productive forces, digital economy, post-industrial society, fourth industrial revolution, developing countries, opportunities, risks, development scenarios.

For citation: Akimov A.V. New System of Productive Forces and Developing Countries: Opportunities and Threats. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 144–157. DOI: 10.31857/S086919080014871-5

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Под новой системой производительных сил понимается совокупность производственных технологий четвертой промышленной революции и накопленных ранее производственных технологий в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, энергетике, сельском хозяйстве и на транспорте, особенностями которых являются ресурсо- и трудосбережение.

Понятие «новая система производительных сил» базируется на термине «четвертая технологическая революция». Содержание последнего наиболее четко описал Клаус Шваб, основатель и президент Всемирного экономического форума в Женеве. В качестве ее основных черт он выделяет Интернет, робототехнику, искусственный интеллект и обучающиеся устройства [Шваб, 2017]. В этом наборе есть технологии, ориентированные в первую очередь на работу с информацией (Интернет), и ориентированные

на материальное производство (роботы). В то же время в ходе предыдущих периодов научно-технического развития накоплено значительное количество технологий, которые коренным образом изменили материальное производство. Это станки с числовым программным управлением (ЧПУ), крупные роторные системы для горных работ и перевалки насыпных грузов, контейнерные перевозки, энергетика из возобновляемых источников, механизация сельского хозяйства. Постепенно накапливаясь, эти технологии при наступлении четвертой промышленной революции дают кумулятивный эффект для экономики и социальной сферы. В этой системе Интернет не является определяющим, как не было определяющим книгопечатание в период первой промышленной революции, телеграф – в период второй и телевидение – третьей.

Интернет занимает чрезвычайно важное место в системе, которая описывается как цифровая экономика. Ее основные части соответствуют информационно-коммуникационным технологиям (телекоммуникационные услуги, производство компьютеров и электронной техники, услуги информационных технологий, производство программного обеспечения). Сектор ИКТ остается основной движущей силой инноваций, на него приходится более одной трети всех патентных заявок в мире [*Перспективы цифровой экономики ОЭСР*, 2017]. Цифровая экономика весьма сильно влияет на повседневную жизнь людей и управление в обществе.

Еще одним важным явлением и отражающим его термином является постиндустриальное общество. Это переход от индустриального производства к производству услуг [Robinson, 2020].

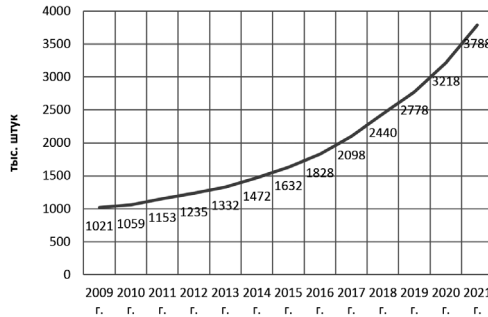
Таким образом, можно выделить основные черты всех четырех явлений: четвертой промышленной революции, цифровой экономики, постиндустриального общества и новой системы производительных сил, – чтобы разделить эти во многом схожие и параллельно развивающиеся феномены. При анализе четвертой промышленной революции акцент делается в первую очередь на новые для начала XXI в. технологии, ведение бизнеса при развитии этих технологий. Социальные моменты рассматриваются во вторую очередь как некоторые последствия развития технологий и бизнеса¹. В центре внимания цифровой экономики информационные процессы, бизнес и госуслуги с помощью информации и информационных технологий, а также самовоспроизводство цифровой экономики, создание новых средств для работы с информацией. Постиндустриальная экономика концентрирует внимание на сфере услуг, выходящей на первый план как по доле в ВВП, так и по занятости, не ставя по главу угла технологические аспекты. Концепция новой системы производительных сил концентрирует внимание на современных технологиях реального сектора, охватывающих как технологии четвертой промышленной революции, так и разработанные ранее, которые объединяет ресурсо- и трудосбережение. Новая система производительных сил – совокупность современных ресурсо- и трудосберегающих технологий.

Новая система производительных сил – комплексное и многоаспектное явление, но можно охарактеризовать ее развитие некоторыми показателями. Например, распространение промышленной робототехники идет ускоряющимися темпами, несмотря на продолжающуюся мировую рецессию (см. *рис. 1*).

В дальнейшем изложении под развивающимися странами подразумеваются в первую очередь страны Азии и Африки. Новая система производительных сил – глобальное явление, охватывающее все страны, но регионы имеют свою специфику. Далее акцент делается на специфику стран Азии и Африки.

¹ К. Шваб в своей книге «Четвертая промышленная революция» [Шваб, 2017] дает обширное приложение, в котором характеризует 23 технологии четвертой промышленной революции. Отдельная глава посвящена изменениям в бизнесе в связи с технологическими новациями.

Рисунок 1. Мировой парк промышленных роботов* (тыс. шт.)

Источник: составлено по [Executive Summary World Robotics 2018, p. 224; Executive Summary World Robotics 2019, Fig. 22].

* В докладе 2018 г. содержится прогноз, включая оценку на 2018 г. Доклад 2019 г. содержит отчетные данные на 2018 г. Они на 1.3% отличаются от прогнозных. Таким образом, прогноз до 2021 г. представляется реалистичным.

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Новые производительные силы существенно повышают производительность. Это относится и к обрабатывающей промышленности, и к добывающей, и к сфере услуг. Понижается зависимость от природных ресурсов.

В сфере сельского хозяйства новые технологии различаются по типам хозяйства: трудосберегающему и землесберегающему [Дерюгина, 2018, с. 36]. Землесберегающий тип наиболее распространен в рисосеющих районах Азии, где традиционно есть избыток рабочих рук и дефицит сельскохозяйственных земель. Для обоих типов сельского хозяйства новые производительные силы действуют по трем направлениям: цифровой блок (информационные технологии, Интернет вещей, анализ и хранение больших данных, Искусственный интеллект), научные достижения в агрокультуре (биотехнологии и геномика, новые методы обработки почвы и восстановления ее плодородия, инновации в водопользовании и орошении, новые источники энергии) и инновации в механизмах (автономные и полуавтономные транспортные средства, робототехника, аддитивное производство и многомерная печать, современные материалы и технологии) [Новая система производительных сил, 2018, с. 137].

Важными для роста продуктивности при экономии ресурсов являются технологии «точного земледелия», которые позволяют оптимизировать обработку почвы и режим выращивания растений, а также добиться оптимальных режимов водопользования в сельском хозяйстве. Поскольку именно орошение обеспечивает повышение урожайности в большинстве стран Азии и Африки, оптимизация водопользования чрезвычайно важна. Редактирование генома способно повысить урожайность, улучшить качество выращенной продукции и/или повысить устойчивость сельскохозяйственных растений к вредителям или другим неблагоприятным факторам. Авторы доклада World Economic Forum прогнозируют, что к 2030 г. 15–25% всех фирм в мире будут использовать точное земледелие, 10–15% – семена с редактированным геномом, 20–25% – микробиомные (связанные с воздействием на гены микробиоты, частный случай – микрофлоры) технологии, 5–10% – биологическую защиту растений и полезных веществ, 50–75% – нетрадиционную энергетику [Innovation

with a Purpose, 2018]. В странах трудосберегающего типа земледелия дальнейшая специализация сельскохозяйственной техники, внедрение сельскохозяйственной техники, работающей без оператора (водителя), использование информационных технологий создают еще более высокий уровень эффективности земледелия.

В том, что касается животноводства и производства белка из нетрадиционных источников (насекомые, аквакультура и выращивание клеток), открываются новые перспективы. Так, в странах Азии уже сейчас широко развита аквакультура. Е.В. Растяникова отмечает: «Поражают темпы роста производства аквакультуры в азиатских странах БРИКС. В Китае в последнем пятилетии 1990-х годов ежегодный темп прироста производства аквакультуры составлял 9%, таким же был показатель в Индии в первом пятилетии 2000-х годов. Несмотря на то, что впоследствии темпы прироста упали примерно до 5%, интенсивный экономический рост в рыбоводстве сохранялся. Причем в Китае, в котором стремительно развивается мясное животноводство, темпы прироста производства аквакультуры были на 3–4 процентных пункта выше, чем темпы прироста производства мясной продукции» [Растяникова, 2015, с. 43]. Продолжается развитие технологий выращивания птицы и свиней на фабриках, развивается роботизированная дойка коров. Вместе с тем если новые технологии в развитых странах могут использовать 50–75% фермерских хозяйств, то в наименее развитых – 5–10% [Innovation with a Purpose, 2018, p. 35].

Обеспечение мирового населения продовольствием в достаточном количестве и приемлемого качества в современных условиях технологически все в большей степени становится достижимым. Однако для этого необходимы международные усилия, обеспечение доступа производителей из развивающихся стран к новым технологиям, интенсивные инвестиции в продовольственный комплекс развивающихся стран. Возможна также прямая продовольственная помощь, но ее условия должны быть приемлемы как для развивающихся стран, так и для развитых.

Революционные изменения в энергетике способны радикально улучшить ситуацию с энергоснабжением сельского населения развивающихся стран. Эти изменения в энергетике получили название энергетического перехода, характеризующегося совокупностью процессов 3D: digitalization (внедрение цифровых технологий), decarbonization (понижение доли углеродного топлива), decentralization (децентрализация генерации электроэнергии). Эти направления, с одной стороны, существенно повышают эффективность существующих в топливно-энергетическом комплексе (ТЭК) технологий, а, с другой, создают новые возможности решения проблем энергоснабжения в странах, ныне отстающих в этой области.

Развивающиеся страны получают преимущества в решении своих энергетических проблем по трем направлениям: уменьшается конкуренция с развитыми странами за ископаемое топливо, совершенствуются традиционные энергетические технологии, появляются новые технологии. В новых условиях развитые страны в меньшей степени нуждаются в нефти. В 2018 г. по стоимости импорта нефти 53.2% приходилось на страны Азии, на Европу – 27.6%, на Северную Америку – 15%. С 2014 г. среди крупных импортеров только Китай увеличил импорт. Развитые страны существенно сокращали импорт: Япония – на 38.3%, США – на 35.6%, Германия – на 31.5% [Crude Oil Imports by Country, 2020].

М.Г. Борисов отмечает, что цифровизация традиционных добывающих отраслей ТЭК существенно повысила их эффективность. Например, в угольной промышленности есть примеры повышения эффективности старых месторождений на 20%, сокращения времени простоев при транспортировке угля на 30%, что в целом удешевляло уголь на 20% [Новая система производительных сил, 2019, с. 94–95].

Повышение эффективности традиционной энергетики значимо для развивающихся стран. Средний возраст электростанций, работающих на угле, в Азии не превышает 15

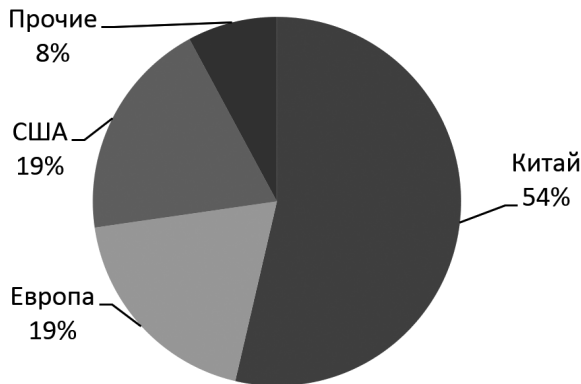
лет, при том что в развитых странах их возраст составляет около 40 лет. Это означает, что потребность в угле будет стабильно высокой в группе развивающихся стран. Падение спроса на нефть, со стороны легкового транспорта, переходящего на электроэнергию, будет компенсироваться ростом потребностей в нефти со стороны нефтехимии. Природный газ имеет перспективы шире применяться для генерации электроэнергии и на транспорте [World Energy Outlook, 2018].

Наиболее заметны успехи в развитии генерации из нетрадиционных источников. В 2017 г. в суммарном потреблении ТЭР современные возобновляемые источники имели долю в 7% [Renewables, 2019]. При этой относительно небольшой доле, начиная с 2012 г., прирост возобновляемых источников в общем увеличении новых генерирующих мощностей в электроэнергетике выше, чем невозобновляемых. Это происходит в основном за счет солнечной и ветровой энергетики.

Для развивающихся стран генерация на энергии солнца и ветра позволяет создавать небольшие установки, пригодные для использования в сельской местности индивидуальными хозяйствами. Ускорить электрификацию сельской местности в развивающихся странах необходимо. Только в 2017 г. впервые количество людей, не имеющих доступа к электроэнергии, в мире стало менее 1 млрд человек. К 2040 г. без электричества будут жить более 700 млн человек, в основном в сельских районах стран к югу от Сахары [World Energy Outlook 2018, 2018, p. 5].

Помимо стационарной энергетики новые технологии меняют транспортную энергетику. Электромобили и гибриды с сочетанием электродвигателей с двигателями внутреннего сгорания все более широко производятся и используются в мире. При этом лидирующие позиции в этой области автостроения имеет Китай (см. рис. 2). Его успех открывает возможности и для других развивающихся стран и переходных экономик получить доступ к этой технике, закупаая ее в КНР или привлекая китайские инвестиции.

Рисунок 2. Парк электромобилей по основным странам и регионам, 2018 г., %

Источник: [Global EV Outlook, 2019. Figures archive. T. 1.1].

В обрабатывающей промышленности в некоторых отраслях альтернативы использованию технологий новой системы производительных сил просто нет. Например, в современной автомобильной промышленности высокое качество продукции достигается за счет замены людей станками с ЧПУ и роботами. Изготовление деталей осуществляется с помощью станков с ЧПУ, сварка кузовов – роботами, сборка – с применением комбинации

поточных линий и роботов. Это конвейер, на котором нет человека. Только на некоторых операциях люди по-прежнему эффективнее роботов (сборка узлов), но их число невелико.

В современной электронике размеры компонентов столь малы, что человек физиологически не в силах эффективно работать с ними. Тут применение роботов и других технологий, исключающих участие человека, становится неременным условием производства.

Самой насыщенной роботами является автомобильная промышленность, и Китай, как лидер в мировом производстве автомобилей, является лидирующей в мире страной по использованию промышленных роботов. [*Новая система производительных сил*, 2019].

В Индии по данным за 2015–2016 финансовый год 93% угля добывалось открытым способом [*A Review of Open Cast Coal*, 2020]. Таким образом, в добывающей промышленности, в отрасли, которая несколько веков была для молодых людей из деревни дорогой в индустриальную среду, в стране с дешевой рабочей силой, современная техника оказалась настолько продуктивна, что выигрывает в конкуренции с трудом шахтеров.

Эти примеры показывают, что наиболее крупные по численности населения и размерам экономики страны из группы развивающихся стран и переходных экономик активно используют технологии новой системы производительных сил. Эта стратегия является единственно возможной в условиях мировой конкуренции в глобализованном мировом хозяйстве.

Важной особенностью новых технологий в промышленности является возможность их использования даже в странах с не очень квалифицированной рабочей силой. Они достаточно автономны, поскольку нацелены на трудосбережение. Иностранные специалисты могут установить и наладить оборудование, а местная рабочая сила будет обеспечивать только вспомогательные операции по загрузке сырья и приему готовой продукции. В случае поломки и для технического обслуживания будут приезжать специалисты фирм-производителей. В таком режиме работают многие предприятия в Китае, использующие японскую робототехнику.

Примером успешного развития такой схемы использования новых технологий являются капиталозыточные экспортеры нефти стран Персидского залива. В этих странах создана разнообразная обрабатывающая промышленность от нефтехимии и металлургии до станкостроения, которая в небольшой степени задействует местную рабочую силу [*Ближний Восток*, 2018, гл. 2].

Еще одна схема включения развивающихся стран в современные мировые хозяйственные связи в системе новых производительных сил демонстрирует Индия. Оффшорное программирование и удаленные услуги дают индийским фирмам и отдельным работникам возможность включиться в западную цифровую экономику в качестве производителей.

РИСКИ

Главным риском и даже угрозой для будущего развивающихся стран является трудосберегающий характер новой системы производительных сил, что подчеркивается разными исследователями. [Форд, 2016; Шваб, 2018; *Новая система производительных сил*, 2019]. Новые трудосберегающие технологии приводят к тому, что производственные мощности, вводимые в самых разных сферах экономики, создают гораздо меньше рабочих мест. По словам президента Всемирного экономического форума в Давосе К. Шваба: «На сегодняшний день складывается следующая ситуация: четвертая промышленная революция создает меньше рабочих мест в новых отраслях, чем предыдущие революции» [Шваб, 2017, с. 51]. Согласно исследованию McKinsey Global Institute, около половины профессий, существующих сейчас в мире, теоретически могут быть автоматизированы с применением

ныне существующих технологий. При этом около 5% могут быть автоматизированы полностью, однако в 60% профессий около 1/3 выполняемых работ могут подвергнуться автоматизации.

Согласно прогнозному сценарию максимально быстрых изменений к 2030 г. до 30% рабочих мест, или 800 млн, может исчезнуть, а для 375 млн рабочих мест (14%) произойдет существенное изменение обязанностей. Эти расчеты выполнены на основе гипотезы о сохранении современного тренда роста занятости. Средний сценарий предполагает, что сократится в два раза меньше рабочих мест – 400 млн, или 15%. Изменения коснутся 75 млн рабочих мест (3%) [*Jobs Lost, Jobs Gained*, 2017, p. 2].

Составители доклада предлагают ориентироваться на умеренный сценарий, то есть на уровень автоматизации порядка 15% рабочих мест к 2030 г. По конкретным странам изменения будут существенно различаться. Если в Японии будет затронуто 26% рабочих мест, то в Индии – 9% [*Jobs Lost, Jobs Gained*, 2017, p. 3]. В исследовании McKinsey подчеркивается, что будут появляться новые рабочие места за пределами промышленности.

Рассмотренные выше тенденции указывают на неблагоприятные для развития экономики и рынка труда развивающихся стран тенденции. Спрос на неквалифицированную рабочую силу в мире явно не только не будет расти, но будет уменьшаться. Промышленность будет все в меньшей степени зависеть от наличия и качества рабочей силы, поскольку при малом числе рабочих мест для обслуживания современного оборудования необходимые работники могут быть переброшены на постоянную или временную работу из стран производителей оборудования.

Сократится потребность в импорте рабочей силы из развивающихся стран. На рынках труда развитых стран сложится ситуация избытка предложения. Местная рабочая сила будет конкурировать за оставшиеся рабочие места. Новая система производительных сил автоматизирует не только промышленность, но и многие аспекты сферы услуг, так что в случае появления нехватки рабочей силы в этой сфере внедрение новых технологий ускорится.

Другой негативной для развивающихся стран стороной происходящих на мировом рынке труда изменений будет сохранение и даже рост спроса на образованных и талантливых людей из развивающихся стран. Утечка умов будет продолжаться.

Серьезной проблемой является возможный дисбаланс на потребительском рынке, когда рост производства при сокращении занятости может упереться в сокращение платежеспособного спроса. Товары будут производиться в избытке, но у безработных не будет денег, чтобы их купить. Тем не менее в развивающихся странах при росте среднего класса при меньшем уровне автоматизации производства положительная связь между автоматизацией, доходами и потребительским спросом, скорее всего, будет существовать, поскольку роль труда в производстве еще будет высока и потенциал роста потребностей будет велик.

В условиях глобальной экономики при эффективности современной системы производительных сил в производственном и логистическом аспектах складывается ситуация, при которой хорошо налаженное и технологически и экономически эффективное производство в одной части земного шара подавляет большинство глобальных конкурентов. Если равные по силе производители формируют олигополистические рынки, то производства на основе старых технологий, включающие большой трудовой вклад, не выдерживают конкуренции.

Ярким примером этой ситуации является рынок одежды second hand в Африке к югу от Сахары. Еще в 2016 г. Бурунди, Кения, Руанда, Танзания и Уганда, входящие в Восточноафриканское сообщество (East Africa Community), планировали запретить импорт одежды и обуви second hand для защиты внутреннего рынка. В Уганде на поддержанную одежду приходился 81% всех покупок одежды. С 2013 по 2015 г. Республика Корея и Канада

экспортировали в Танзанию подержанной одежды на 59 млн долл., а Великобритания – на 42 млн долл. [*Why East Africa wants to ban*, 2020]. К 2020 г. ситуация изменилась только в том, что появились новые поставщики. В первую очередь это Китай. На запрос «second hand clothes import to Africa» сайт китайской компании «Алибаба» выдает около 360 предложений по цене одежды около 1 долл. за килограмм при партиях не меньше тонны [*Alibaba*, 2020].

Помимо рынка одежды second hand африканские страны лидируют в качестве покупателей подержанных автомобилей, в первую очередь японских. Они ценятся в Африке за надежность и топливную экономичность. Во время глобального финансово-экономического кризиса, охватившего все развитые страны, Кения вышла на первое место в мире по импорту подержанных японских автомобилей, обогнав Чили и Россию [*Why is Africa the Largest Importer*, 2020].

Снижение потребности развитых экономик в природных ресурсах, о котором речь шла выше, также отрицательно влияет на экономические перспективы развивающихся стран, поскольку развитые экономики теряют интерес сразу к двум факторам производства, которые могут предложить развивающиеся страны: труду и природным ресурсам, – а третьего фактора, капитала и технологий, этим странам не хватает самим. Для его получения страны догоняющего типа развития (новые индустриальные страны) предоставляли рабочую силу и природные ресурсы развитым странам. Эта модель взаимодействия, успешно работавшая на протяжении второй половины XX в. и в первые десятилетия XXI в., в перспективе находится под угрозой.

ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН ПРИ РАЗВИТИИ НОВОЙ СИСТЕМЫ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

Для оценки перспектив влияния новых технологий на мировое хозяйство Фонд Рокфеллера в 2010 г. разработал четыре прогнозных сценария по двум критериям: глобальное политическое и экономическое сотрудничество и способность к адаптации [*Scenarios for the Future*, 2010]. По сочетанию этих двух переменных определены четыре сценария: «Шагаем в ногу» (Lock Step), «Умнеем вместе» (Clever Together), «Мир хакерских атак» (Hack Attack), «Умные стараются выкарабкаться» (Smart Scramble). «Шагаем в ногу» – мир жесткого государственного контроля и авторитарного лидерства с ограниченными инновациями. «Умнеем вместе» – успешные международные усилия по решению мировых проблем. «Мир хакерских атак» – мир слабых правительств и успешных преступников, в котором инновации служат злу. «Умные стараются выкарабкаться» – мир экономической депрессии, в котором отдельные люди и сообщества находят частные и локальные пути решения проблем [*Scenarios for the Future*, 2010, p. 16].

Первый сценарий демонстрирует сочетание высокой степени сотрудничества при низкой степени адаптации, второй – высокие показатели по обоим переменным, третий – оба показателя низкие, четвертый – низкая степень сотрудничества и высокая адаптивность.

Представляется, что признаки каждого сценария можно найти в современной действительности, которая отделена от времени прогноза почти десятилетием. Элементы сценария «Шагаем в ногу» видны в разворачиваемой в КНР системе мониторинга поведения граждан. Описанные выше новые возможности, создаваемые для развивающихся стран технологиями новой системы производительных сил, укладываются в сценарий «Умнеем вместе». Сообщения о хакерских атаках стали в настоящее время повседневностью, что и отражал сценарий «Мир хакерских атак». Наиболее ярким примером сценария «Умные стараются выкарабкаться» является индийская индустрия офшорных информационных услуг, включая программирование.

Сценарные подходы позволяют упорядочить анализ будущего, рассмотреть широкий набор тенденций. Для исследования перспектив развивающихся стран в свете развития новой системы производительных сил представляется рациональным предложить аналогичную систему сценариев (см. *табл. 1*). Для конструирования сценариев использованы две переменные. Это развитие в современных условиях с опорой на собственные силы или на внешнюю помощь и успех или неуспех этих стратегий. В таблице приведены названия сценариев.

Таблица 1.

Варианты сценариев адаптации развивающихся стран
к развитию новой системы производительных сил

	Успех	Неуспех
Опора на собственные силы	«Сильные одиночки»	«Прозябание»
Помощь извне	«Спасительная солидарность»	«Новый колониализм»

Источник: составлено автором.

Сценарий «Сильные одиночки» объединяет два разных варианта развития в зависимости от потенциала стран. Первый вариант – такие экономические гиганты, как Китай и Индия, которые развивают полный комплекс современного воспроизводства, от сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности до высоких технологий, прикладной и фундаментальной науки, вплоть до национального ядерного комплекса и космических полетов. Как подчеркивает А.В. Островский, Китай становится экономической сверхдержавой: «В результате используемой в КНР модели постепенного перехода к рыночной экономике за 30 лет реформ по объему ВВП Китай вышел на 2-е место в мире, по объему торговли и экспорта продукции – на 1-е место в мире, заметно вырос жизненный уровень населения» [Островский, 2020, с. 16–17].

Вместе с тем к той же группе относятся КНДР и Иран, которые при гораздо более слабом экономическом потенциале развивают, по крайней мере, некоторые направления современных технологий, связанных с военной техникой и вооружениями, тем самым поднимая технологический уровень страны. Конкретные примеры на отраслевом уровне описаны Н.Н. Цветковой [Цветкова, 2016, 2018] для стран ЮВА.

Сценарий «Прозябание» описывает ситуацию, когда низкий уровень экономического развития и отсутствие сильной политической власти приводит к тому, что страна оказывается перед лицом старых и новых экономических и технологических проблем без активной помощи других стран, но не имеет внутреннего потенциала для их решения. В этой ситуации находится множество стран Азии и Африки, включая Йемен, Афганистан, многие страны к югу от Сахары.

Сценарий «Спасительная солидарность» в современных условиях имеет два разных варианта. Первый – помощь стран Запада напрямую или через международные организации, второй – инвестиции и помощь со стороны Китая и Индии, которые нуждаются в природных ресурсах других стран. Как отмечает Л.Л. Фитуни, КНР в Африке финансирует строительство более 3 тыс. крупных инфраструктурных проектов и социально значимых объектов [Фитуни, 2019, с. 14].

Это направление помощи попадает в систему взаимодействия «Юг – Юг». Приходя в страны Африки, развивая горнодобывающую промышленность с тем, чтобы импортировать

ее продукцию, Китай создает необходимую принимающим странам инфраструктуру, используя собственные современные технологии, отработанные при создании транспортной инфраструктуры самого Китая. Проект «Один пояс, один путь» является наиболее ярким воплощением этой стратегии и сценария «Спасительная солидарность».

Вместе с тем на Западе помимо ТНК, ведущих международный бизнес, который нередко соответствует интересам принимающих стран, также существуют идеи и политические силы, поддерживающие идеологию мировой солидарности, на что указывает А.Г. Володин: «Альтернативный проект глобализации включал в себя следующие опорные принципы: возвращение этических начал в международные отношения, равенство возможностей при участии в глобализации (“глобализация для всех”); демократизация мировой политики на основе реального участия “периферийных” стран в выработке и осуществлении стратегических решений; признание многообразия современного мира как единства “классических” и “неклассических” гражданских обществ» [Володин, 2019, с. 19].

Четвертый сценарий отражает возможность перерождения «Спасительной солидарности» в экономическое господство спонсоров развития в принимающих помощь странах Азии и Африки. Как подчеркивает И.О. Абрамова, страны Африки в значительной степени оказываются объектами международных экономических отношений, а не их субъектами [Abramova, 2019]. Зависимое развитие Пакистана отмечает В.Я. Белокрыцкий [Экономический рост в странах Востока, 2020, с. 121].

Одним из инструментов формирования господства спонсоров развития могут стать компании цифровой экономики, которые сформировались как продукт новой системы производительных сил. Как показывает Н.Н. Цветкова [Афро-азиатские страны и новые технологии, 2020, гл. 1.3], эти фирмы стали крупными транснациональными компаниями, базирующимися преимущественно в США и странах Восточной Азии. Их экономический потенциал и технологические возможности столь велики, что они могут влиять на межгосударственные отношения.

Способом избежать этой ловушки может быть многообразие форм связей по линии Юг – Юг, о котором пишет А.В. Кузнецов: «Таким образом, перспективы углубления сотрудничества по линии Юг – Юг, на наш взгляд, будут наиболее продуктивными, если развивающиеся страны будут искать нестандартные формы взаимодействия, отличные от основных моделей взаимодействия со странами глобального Севера (но не исключаящими, а дополняющими такого рода контакты). В рамках такой политики возможно установление взаимовыгодных связей многих развивающихся стран с наиболее развитыми странами глобального Юга (причем не только с Китаем), равно как и “незападными” государствами, относимыми скорее к глобальному Северу» [Кузнецов, 2019, с. 42].

Таким образом, весьма важным становится вопрос о формах внешней помощи развитию стран Азии и Африки. Представляется, что наиболее эффективным вариантом развития будет внешняя помощь с привнесением необходимых технологий. Путь развития на собственной основе с созданием современных институтов, ростом образования, отечественными инвестициями может оказаться слишком долгим и неэффективным в социальном плане, поскольку отставание в экономическом развитии влечет замедление социального прогресса.

Встает вопрос, кто будет донором, какова цена такой помощи для обеих сторон и какие условия ее оказания. Китай и Индия имеют большие внутренние проблемы и общественные слои и регионы, которые нуждаются в догоняющем развитии. Кроме того, как отмечалось выше, современная система производительных сил сокращает потребность в природных ресурсах для экономического развития. Страны Запада также сталкиваются с проблемами по мере старения населения и роста необходимости оказывать помощь нуждающимся внутри своих стран.

Еще одной проблемой является форма перераспределения внешней помощи и результатов развития страны при получении такой помощи. Как многократно упоминалось выше, современные технологии крайне мало нуждаются в местной малоквалифицированной рабочей силе. Если ранее рынок вполне успешно решал эту проблему, распределяя вознаграждение пропорционально трудовым усилиям, сейчас рыночный механизм выключается из многих аспектов догоняющего развития. В этих условиях вырастает роль политических факторов и социального управления.

Имеющие доступ к распоряжению природными ресурсами элиты могут, получая доходы от их экспорта, обеспечить себе современный комфорт за счет импорта всех его составляющих без развития национального производства. В этом аспекте глобализация тормозит социально-экономическое развитие.

В развивающихся странах может вполне успешно развиваться информационное общество, которое будет инструментом проникновения импортных товаров на местные рынки через каналы интернет-торговли. Могут наблюдаться элементы постиндустриального общества, развитие современных видов услуг для обслуживания приезжающих из других стран. При этом в стране могут отсутствовать современные производительные силы в материальном производстве.

Здесь кроется важный вопрос, насколько такая ситуация опасна, или она допустима и даже неизбежна. В современных условиях воспроизводственные комплексы большинства стран мира зависимы от международных связей. Однако зависимость может быть взаимной, а может быть и односторонней. Во втором случае трудно говорить о политическом суверенитете экономически зависимых стран.

Новая система производительных сил порождает новые вызовы и возможности для развивающихся стран. Это возможности быстрого роста и развития после приобретения и освоения новых технологий. Это угрозы обесценивания их природных и людских ресурсов в новой технологической реальности мировой экономики. Реализация возможностей и купирование угроз возможно лишь на пути тщательного планирования развития и управления социально-экономическими процессами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Афро-азиатские страны и новые технологии, 2020. Колл. мон. Отв. ред. Н.Н. Цветкова. Научн. ред. А.В. Акимов, С.А. Панарин. Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020 [*Asian and African Countries and New Technologies, 2020. Collective Monograph. Eds. N.N. Tsvetkova, scientific ed. A.V. Akimov, S.A. Panarin. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow: IOS RAS, 2020 (in Russian)*].

Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. Колл. мон. Отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2018 [*The Middle East in a Changing Global Context. Collective Monograph. Eds. V.G. Baranovsky, V.V. Naumkin; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow: IOS RAS, 2018 (in Russian)*].

Володин А.Г. Становление полицентрического мироустройства как продолжение геополитических процессов XX века. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* Т. 12. № 4. С. 6–31 [Volodin A.G. The Formation of a Polycentric World Order as a Continuation of the Geopolitical Processes of the 20th Century. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law.* Vol. 12. No. 4. Pp. 6–31 (in Russian)].

Дерюгина И.В. *Сельское хозяйство стран Азии и Северной Африки: экономический рост и модернизация.* Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2018 [Deryugina I.V. *Agriculture in Asia and*

North Africa: Economic Growth and Modernization. Moscow: Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences, 2018 (in Russian)].

Кузнецов А.В. Концепции экономического взаимодействия по линии Юг – Юг. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 3. С. 30–46 [Kuznetsov A.V. Concepts of Economic Interaction along the South – South line. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 12. No. 3. Pp. 30–46 (in Russian)].

Новая система производительных сил и страны Востока. Коллективная монография. Отв. ред. А.В. Акимов, С.А. Панарин, науч. ред. И.В. Дерюгина, Н.Н. Цветкова. М.: ИВ РАН, 2019 [The New System of Productive Forces and the Countries of the East. (Collective monograph). Ed. A.V. Akimov, S.A. Panarin, scientific ed. I.V. Deryugina, N.N. Tsvetkova, Moscow: IV RAS, 2019 (in Russian)].

Островский А.В. *Китай становится экономической сверхдержавой*. М.: Институт Дальнего Востока РАН; ООО «Издательство МБА», 2020 [Ostrovskii A.V. China Is on It's Path to Economic Superpower. Moscow: MBA, 2020].

Перспективы цифровой экономики ОЭСР 2017 [The Prospects for the Digital Economy the OECD by 2017 (In Russian)] <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/4657a930-ru/index.html?itemId=/content/component/4657a930-ru>. (accessed: 10.03.2020).

Растяникова Е.В. Роль рыбного хозяйства в странах БРИКС и его место в мировой экономике. *Восточная аналитика*. Выпуск 1. 2015 [Rastiannikova E.V. The Role of Fisheries in the BRICS Countries and its Place in the World Economy. *Eastern Analytics*. Issue 1. 2015 (in Russian)].

Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 12. № 3. С. 6–29 [Fituni, L. L. On the Way to a New Bipolarity: Geo-Economics and Geopolitics of Confrontation in Africa. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 12. No. 3. Pp. 6–29 (in Russian)].

Форд М. *Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы*. М.: Альпина нон-фикшн, 2016 [Ford M. *Robots Are Coming: Technology Development and the Future Without Work*. Moscow: Alpina non-fiction, 2016 (in Russian)].

Цветкова Н.Н. Страны Востока в международной торговле электронными компонентами и глобальные цепочки стоимости. *Восток (Oriens)*. 2016. № 6. С. 73–89 [Tsvetkova N. N. Eastern Countries in International Trade in Electronic Components and Global Value Chains. *Vostok (Oriens)*. 2016. No. 6. Pp. 73–89 (in Russian)].

Цветкова Н.Н. Страны Юго-Восточной Азии в глобальных цепочках стоимости: производство электронного и компьютерного оборудования, 1995–2015 гг. *Восточная аналитика*. 2018. № 1–2. С. 22–38 [Tsvetkova N. N. Countries of South-East Asia in Global Value Chains: Production of Electronic and Computer Equipment, 1995–2015. *Eastern Analytics*, 2018. No. 1–2. Pp. 22–38 (in Russian)].

Шваб К. *Четвертая промышленная революция*. М.: Изд-во «Э», 2017 [Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow: E publishing house, 2017 (in Russian)].

Шваб К., Дэвис Н. *Технологии Четвертой промышленной революции*. М.: Эксмо. 2018 [Schwab K., Davis N. *Technologies of the Fourth industrial revolution*. Moscow: Eksmo. 2018 (in Russian)].

Экономический рост в странах Востока. Тенденции, неравномерность, неравенство социального развития. Коллективная монография. В 2-х кн. Книга 1. Отв. ред. И.В. Дерюгина; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020 [Economic Growth in the East: Trends, Unevenness, Inequality in Social Development. Collective Monograph. Book 1. Ed. I.V. Deryugina. Moscow, IOS RAS, 2020].

A Review of Open Cast Coal Mining in India – Mega Projects having more than 10MTPA. <https://ru.scribd.com/presentation/341360292/A-Review-of-Open-Cast-Coal-Mining-in-India-pptx> (accessed: 12.03.2020).

Abramova I.O. Africa in the Modern Model of the World Order: A Powerful Player or an Outsider? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Special Issue. 2019. Pp. 4–15 [Абрамова И.О. Африка в современной модели мирового порядка: мощный игрок или аутсайдер? *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Специальный выпуск, 2019. С. 4–15].

Alibaba. <https://www.alibaba.com/showroom/africa-import-second-hand-clothes.html> (accessed: 28.03.2020).

Crude Oil Imports by Country. <http://www.worldstopexports.com/crude-oil-imports-by-country/> (accessed: 07.04.2020).

Executive Summary World Robotics 2018 Industrial Robots. https://ifr.org/downloads/press2018/Executive_Summary_WR_2018_Industrial_Robots.pdf (accessed: 20.11.2019).

Executive Summary World Robotics 2019 Industrial Robots. <https://ifr.org/downloads/press2018/Executive%20Summary%20WR%202019%20Industrial%20Robots.pdf> (accessed: 07.04.2020).

Global EV Outlook 2019. Technology Report — May 2019. Figures archive. T. 1.1. <https://www.iea.org/reports/global-ev-outlook-2019> (accessed: 07.04.2020).

Innovation with a Purpose: The role of technology innovation in accelerating food systems transformation. World Economic Forum. Prepared with collaboration with McKinsey & Company. January 2018. http://www3.weforum.org/docs/WEF_Innovation_with_a_Purpose_VF-reduced.pdf (accessed: 20.07.2018).

Jobs Lost, Jobs Gained: Workforce Transitions in a Time of Automation. McKinsey Global Institute. December 2017.

Renewables Global Status Report 2019. REN21 Secretariat . Paris 2019. <https://www.ren21.net/reports/global-status-report/> (accessed: 17.03.2020).

Robinson, Robert C. Postindustrial society. *Encyclopedia Britannica*. <https://www.britannica.com/topic/classical-economics> (accessed: 04.03.2020).

Scenarios for the Future of Technology and International Development. The Rockefeller Foundation and Global Business Network. May 2010. <https://www.nommeraadio.ee/meedia/pdf/RRS/Rockefeller%20Foundation.pdf> (accessed: 04.03.2020).

Why East Africa wants to ban second-hand clothes. <https://www.bbc.com/news/world-africa-35706427> (accessed: 25.03.2020).

Why is Africa the Largest Importer of Japanese Used Cars? <https://blog.beforward.jp/regional-topics/africa/africa-largest-importer-japanese-cars.html> (accessed: 25.03.2020).

World Energy Outlook 2018. Executive Summary. International Energy Agency. November 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АКИМОВ Александр Владимирович –
д.э.н., заведующий Отделом экономических
исследований, Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия.

Alexander V. AKIMOV, DSc Economics,
Head of Economic Research department,
Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow,
Russia.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.31857/S086919080010573-7

ЛИГА НАЦИЙ И ЛИБЕРИЙСКИЙ КРИЗИС 1929–1934 гг.

© 2021

А.С. ХОДНЕВ^а

^а – Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия
ORCID: 0000-0001-9877-8862; khodnev@yandex.ru

Резюме: В первой универсальной международной организации, Лиге Наций (ЛН), было всего две страны из Тропической Африки: Либерия и Эфиопия. Мир Лиги Наций был европоцентристским. В конце 1920-х гг. Либерия привлекла внимание международного сообщества в связи с сообщениями о применении принудительного труда, запрещенного «Конвенцией по рабству» ЛН 1926 г. Перманентные финансовые и экономические трудности Либерии, неоднократные дефолты были усилены мировым кризисом, начавшимся в 1929 г. В Женеве решили использовать новые принципы многосторонней дипломатии в отношении Либерии, и доказать, что ЛН проводит эффективную политику в африканских странах, применяя положения, разработанные в отношении мандатной системы. В международных отношениях действовали в 1920–1930 гг. две тенденции решения колониального вопроса: грубая аннексия, взятая из арсенала империалистической политики территориального раздела конца XIX – начала XX в., которую проводили в 1930-е гг. Япония и Италия, и попытки расширить мандатную систему ЛН на новые страны. Правительства Англии, Франции и США призывали действовать в рамках последнего подхода во время кризиса в Либерии. Материалы, собранные комиссией ЛН, подтвердили использование в Либерии принудительного труда, а также случаи коррупции и участия в этой системе высоких чиновников правительства. Политический кризис привел к смене правительства. Однако Лига Наций не смогла добиться серьезных перемен в Либерии. Делегация Либерии в Лиге использовала тактику затягивания решения вопросов. Либерийский конфликт продемонстрировал, что не следует переоценивать степень суверенитета этого африканского государства, так как у власти находился олигархический режим, построенный на клиентелистских принципах, неспособный решить хронические проблемы экономики и урегулировать периодические междоусобные войны.

Ключевые слова: Либерия, Лига Наций, колонизация, империализм, суверенитет, принудительный труд, мандатная система.

Для цитирования: Ходнев А.С. Лига Наций и либерийский кризис 1929–1934 гг. Восток (Orient). 2021. № 3. С. 158–167. DOI: 10.31857/S086919080010573-7

THE LEAGUE OF NATIONS AND THE LIBERIAN CRISIS OF 1929–1934

© 2021

Alexander S. KHODNEV^а

^а – Yaroslavl K.D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia
ORCID: 0000-0001-9877-8862; khodnev@yandex.ru

Abstract. *In the first universal international organization, the League of Nations (LON), there were only two countries from Tropical Africa: Liberia and Ethiopia. The League of Nations' world was Eurocentric. Liberia attracted the attention of the international community in connection with reports of the use of forced labor, prohibited by the Slavery Convention of 1926. Enduring financial difficulties in Liberia, repeated defaults, were exacerbated by the global crisis of 1929. LN decided in Geneva to apply all new principles of multilateral diplomacy developed for the mandate system towards Liberia and to prove that LN was effective. Two tendencies worked in the international relations in 1920–1930 in the solution of the colonial question: the annexation, which was carried out by Japan, Italy, and an attempt to expand the LN mandate system to new countries. England, France, and the United States used the latter approach during the crisis in Liberia. The materials collected by the LN commission confirmed the use of forced labor in Liberia, as well as cases of corruption and the involvement of government officials. The political crisis led to a change in Liberian government. However, the LN had failed to bring about major changes in Liberia. The delegation of Liberia in the LN used a delaying tactic. The Liberian conflict demonstrated that the degree of sovereignty of this African state should not be overestimated since the power was in the hands of an oligarchic regime, built on clientelism principles, unable to solve chronic economic problems and resolve periodic civil wars.*

Keywords: Liberia, League of Nations, colonization, imperialism, sovereignty, forced labor, Mandate system.

For citation: Khodnev A.S. The League of Nations and the Liberian Crisis of 1929–1934. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 158–167. DOI: 10.31857/S086919080010573-7

Несмотря на то, что Лигу Наций (1920–1946) считали универсальной международной организацией, ее универсализм был ограниченным и противоречивым. В Лиге Наций (ЛН) в межвоенные годы участвовало около 60 государств, и это составляло большинство суверенных стран мира. Однако делегаций из афро-азиатского региона было крайне мало. Тропическую Африку представляли только две страны: Либерия и Эфиопия. Мир Лиги Наций (ЛН) отражал доминировавшие в 1920–1930-х гг. в международном сообществе европоцентристские взгляды на колониализм, независимость и способность к самоуправлению. И тем не менее новые институты, созданные ЛН, предпринимали робкие попытки изменить эти убеждения и внести что-то новое в решение колониальных проблем. Мандатная система ЛН стала одной из главных новаций в многосторонней международной дипломатии межвоенной эпохи. Она была построена для международного наблюдения и опеки над управлением в бывших колониях и зависимых территориях Германии и Османской империи. Постоянная мандатная комиссия ЛН должна была исследовать ежегодные отчеты Великобритании, Франции, Японии, Бельгии, Южно-Африканского Союза, Австралии и Новой Зеландии о «прогрессе» в управляемых ими подмандатных странах. В дискуссиях в Женеве обращали внимание на ограничения, прописанные в статье 22 Устава ЛН: по условиям мандата запрещались использование принудительного труда, торговля оружием, наркотическими средствами и спиртными напитками. На державу, управлявшую мандатной территорией, возлагалась ответственность за поддержание мира порядка и стабильного управления «для обеспечения всевозможного материального и морального благополучия и социального прогресса ее жителей» [Callahan, 2004, p. 202]. В конце 1920-х гг. Либерия привлекла внимание ЛН в связи с сообщениями о применении принудительного труда, запрещенного «Конвенцией по рабству» ЛН 1926 г. В Женеве решили применить новые принципы многосторонней дипломатии в отношении Либерии и доказать, что ЛН проводит

эффективную политику в отношении африканских стран. Разумеется, в ЛН существовали разные взгляды на колониализм и интернационализацию управления подмандатными территориями, как и во многих странах. Однако в 1920-х гг. преобладала позиция необходимости выполнения положений, записанных в уставе ЛН. В рамках этой тенденции в ЛН была принята «Конвенция по рабству» в 1926 г., запрещающая все виды рабства и принудительного труда [*The Slavery Conventions*, 2008, p. 164–165].

Обвинения Либерии в прессе в конце 1920-х гг. в использовании рабства и принудительного труда вызвали особый резонанс в мировом общественном мнении, поскольку возникновение Либерии было связано с переселением в Африку бывших рабов из США. Республику Либерию основали 26 июля 1847 г. афроамериканцы. Переселенцы из Северной Америки принесли с собой своеобразные товарно-денежные отношения. Они начали широкую меновую торговлю с местными племенами. Эта торговля часто носила несправедливый характер, как и приобретение земель и использование дешевой рабочей силы. М.Ю. Френкель заметил, что в этих вопросах действия либерийской элиты «мало чем отличались от колонизаторов на соседних территориях» [Френкель, 1999, с. 101]. В середине XIX в. сельское хозяйство в Либерии получило заметное развитие. Возникли крупные плантации риса, кофе, сахарного тростника, хлопка, индиго. Однако в последней трети XIX – начале XX в. в экономике Либерии начались серьезные трудности, связанные с сужением рынков сбыта и усилением конкуренции со стороны иностранных торговых компаний, среди которых активную роль играли немецкие и английские фирмы. Накануне Первой мировой войны торговля с Германией составляла чуть ли не половину всего товарооборота страны. Захват иностранным капиталом ключевых позиций в хозяйстве Либерии резко ухудшил финансовое положение страны. Руководители Либерии попытались исправить экономические трудности путем получения внешних займов в Лондоне. Однако условия займов были настолько невыгодными для африканской страны, что добиться оздоровления экономики не удалось, и в 1905 г. Либерия вынуждена была объявить себя неплатежеспособной. Англия и Франция открыто попытались установить протекторат над страной, и только разногласия между великими державами спасли на этот раз Либерию [*История Африки*, 1984, с. 331–333].

После Первой мировой войны Либерия не смогла преодолеть последствия рецессии. Сами либерийцы считали первое столетие своей истории «веком выживания». М.Ю. Френкель называл 1919–1934 гг. «самыми мрачными годами “века выживания”» [Френкель, 1990, с. 40]. Объяснялось это тем, что финансовые трудности Либерии к 1919 г. не были преодолены, и на Парижской мирной конференции встал вопрос о независимости страны. Англия и Франция выступили за трехстороннее соглашение с США по Либерии, которое, с одной стороны, лишило бы Германию концессий, а, с другой, обеспечило бы равные возможности для всех трех держав в стране. При этом Англия и Франция попытались возложить особую ответственность на США за управление Либерией и ее внешним финансовым долгом. Предлагалось включить в Версальский договор статьи об отмене германских концессий и установить протекторат США над Либерией, поскольку, по мнению представителей Англии и Франции, уже существовал «*виртуальный протекторат*» США. Однако президент США В. Вильсон отказался поддержать этот план и резко раскритиковал термин «*виртуальный протекторат*». Переговоры по этому вопросу закончились заключением соглашения между державами, признававшими, с одной стороны, ликвидацию германских интересов в Либерии, а с другой – ведущую роль США в стране и право назначать официального представителя, ответственного за сбор налогов, но без наделения США правом протектората [Rosenberg, 1985, p. 198]. Либерия присоединилась в 1920 г. к Лиге Наций, подписав Версальский договор со статьями об отмене немецких концессий и

сохранив свою независимость. Тем не менее в течение 1920–1922 гг. финансовые трудности не исчезли, и правительство страны продолжало искать новых кредиторов в США.

В поисках выхода из финансового тупика правительство Либерии вступило в 1920-х гг. в переговоры о помощи с возглавляемой Маркусом Гарви панафриканской «Всемирной ассоциацией по улучшению положения негров и Лиги африканских (имперских) сообществ» (ВАУПН). М. Гарви предложил правительству Либерии помощь в виде переселения в страну афроамериканских строителей.

Однако либерийской элите не было выгодно привлекать дополнительные группы новых переселенцев. Правительство Либерии старалось обойти международные организации, не вовлекая их в решение внутренних проблем, так как это, по их мнению, могло привести к потере суверенитета, и, следовательно, поколебать господство элиты, преобладавшей в стране. Такой же линии улаживания финансового кризиса в Либерии без интернационализации, но с сохранением контроля, придерживался в 1920-х гг. и госдепартамент США [Rosenberg, 1985, p. 207].

Несмотря на эксцентричность М. Гарви, который присвоил себе пышный титул «временного президента Африки», его организации удалось собрать некоторые суммы для переселения в Либерию афроамериканцев. Первые инвестиции и делегации гарвистов-строителей новых поселений прибыли в 1924 г. в Либерию. В небольшом государстве началось что-то похожее на строительный бум. Кроме того, правительству Либерии удалось выручить кое-какие деньги от продажи германской собственности, конфискованной во время Первой мировой войны, и рассчитаться с Банком Британской Западной Африки, главным кредитором Либерии. Известный лидер афроамериканцев в США У. Дюбуа отмечал, что либерийская экономика переживала период подъема с 1922 по 1925 г. [Du Bois, 1933, p. 683–684]. Однако переселение большого количества афроамериканцев не входило в планы лидеров Либерии, которые рассчитывали сначала получить деньги для покрытия своих долгов, а потом найти повод, чтобы не допустить переселения колонистов из США. Отношения между правительством Либерии и ассоциацией М. Гарви закончились 31 июля 1924 г., когда группа афроамериканских строителей была арестована и депортирована из страны. Итак, Либерии не удалось добиться ни займа от правительства США, ни финансовой поддержки от ВАУПН.

В этой ситуации начались переговоры правительства Либерии с предпринимателем из США Х. Файерстоуном, владельцем крупнейшей компании «Файерстоун», производившей резину, включая шины, для быстро развивавшейся автомобильной промышленности. К переговорам привлекли посла США в Либерии С.Р. Гуда и У. Дюбуа, которого президент США направил в январе 1925 г. в Монровию для участия в церемонии инаугурации президента Либерии Ч. Кинга. Отметим, что У. Дюбуа назвал свое назначение «чисто декоративным» [Du Bois, 1933, p. 684]. Возвратившись в США, Дюбуа вступил в переговоры с американским «резиновым королем» Х. Файерстоуном, так как он «верил, что большая корпорация, возглавляемая человеком с принципами, может работать в стране ради чего-то большего, чем просто получение прибыли» [Du Bois, 1933, p. 684]. Вскоре выяснилось, что компания «Файерстоун» имела намерение получать прибыль в Либерии, а не решать социальные проблемы. Ее целью было основание в стране большой плантации для выращивания каучуконосов. Усилия «Файерстоун» опирались на поддержку правительства США, поскольку автомобильная промышленность Соединенных Штатов потребляла большую часть вырабатывавшегося в мире каучука, а его производство контролировалось Великобританией и Нидерландами, которые повышали цены на важное сырье.

В результате переговоров с правительством Либерии, проводившихся при поддержке госдепартамента США, в 1926 г. были заключены три соглашения. Первое – об аренде земли

«Маунт Бэркли раббер плантейшн» для выращивания каучуконосов. «Файерстоун» обязалась выплачивать Либерии по этому соглашению по 1 долл. с каждого акра использованной земли. Второе соглашение передавало в аренду компании на 99 лет 1 млн акров для выращивания гевеи и других сельскохозяйственных культур. «Файерстоун» выплачивала Либерии 6 центов с каждого обработанного акра земли и 1% от стоимости экспортируемого каучука. Правительство Либерии обязалось поставлять «Файерстоун» 10 тыс. рабочих в год. «Файерстоун» платила за каждого рабочего 1 цент в день вождю, и 1 цент комиссару округа, назначенному правительством. Третье соглашение предусматривало постройку современного порта в Монровии. Наибольшие трудности в ходе переговоров вызвало соглашение о предоставлении Либерии займа в 5 млн долл., гарантированного налоговыми поступлениями страны [Френкель, 1990, с. 47]. В конце концов, Либерии была сделана уступка, и заем предоставила другая американская компания, контролируемая «Файерстоун» [Du Bois, 1933, p. 686]. Под нажимом госдепартамента США соглашение было подписано, и когда началось его выполнение, выяснилось, что условия для Либерии были по-настоящему тяжелыми, и на выплаты по займу и оплату экономических советников из США уходила большая часть бюджета страны.

Начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис затормозил возможности экономического роста в Либерии. Хотя страна и превратилась в одного из крупных экспортеров ценного сырья, цены на каучук во время кризиса упали. Компания «Файерстоун» не хотела выплачивать правительству Либерии компенсацию за плантации, и пояснила, что не использовала всю землю плантаций, и к тому же, понизила заработную плату работникам [Du Bois, 1933, p. 686]. Перманентные финансовые затруднения правительства Либерии, неоднократные дефолты были усилены мировым кризисом 1929–1933 гг.

Положение с заработной платой и системой найма рабочей силы, а также использованием принудительного труда в Либерии стало постепенно превращаться в серьезную конфликтную ситуацию. Американская и европейская пресса подхватила эту тему. Между тем в других странах Африки ситуация с использованием принудительного труда не сильно отличалась в лучшую сторону. В госдепартаменте США убедили правительство Либерии пригласить международную комиссию ЛН для проверки обвинений. Это был важный поворот в американской политике в Либерии, поскольку ранее вмешательство внешних акторов в решение финансовых проблем Либерии не одобрялось в госдепартаменте. Обстоятельства с вовлеченностью США в события в Либерии, приглашением международных организаций и интернационализацией конфликта резко поменялись в конце 1929 г. в связи с началом экономической депрессии. Госдепартамент выступил за минимизацию ответственности США в Либерии. Например, госдепартамент отказал компании «Файерстоун» в нажиме на Либерию с целью заставить платить по условиям займа [Rosenberg, 1985, p. 206]. Дипломаты США начали поиски путей снижения ответственности США в Либерии, но в то же время и участия во всех международных акциях вокруг этой страны.

К этим причинам назревания кризиса вокруг Либерии добавились еще последствия выборов президента Либерии в 1927 г. На выборах Ч. Кинг одержал победу над Дж. Фолкнером. Однако было известно, что каждые выборы в Либерии сопровождались нарушениями и двойной бухгалтерией в подсчетах голосов. Недовольный исходом выборов Дж. Фолкнер начал кампанию критики правительства Ч. Кинга и использовал газетные публикации о заинтересованности чиновников Либерии в поставках дешевой рабочей силы на плантации. В 1929 г. Фолкнер обратился по этому вопросу в ЛН. Атака Фолкнера и публикации в американской и европейской прессе спровоцировали кризис в Либерии, который превратился в международный, и к нему подключились институты ЛН.

Скандал, связанный с использованием принудительного труда либерийцев, назревал в особом политическом контексте в Женеве. В 1926 г., когда правительство Либерии подписывало

соглашение с «Файерстоун», в ЛН была принята «Конвенция по рабству», запрещавшая все виды принудительного труда [*The Slavery Conventions*, 2008, p. 39]. В ЛН и раньше поступали сведения о том, что в Либерии существовали случаи использования принудительного труда. Конфликт в Либерии стал проверкой работы всего механизма ЛН, а также международно-правовым прецедентом в повышении авторитета международной организации.

Новости, поступающие из Монровии и содержавшие факты о рабских или полурабских условиях труда, привели к тому, что госсекретарь США Г. Стимсон направил 22 июня 1929 г. правительству Либерии ноту, призывавшую принять меры против использования принудительного труда и согласиться на передачу расследования этих случаев международной комиссии, состоявшей из представителей правительства Либерии, США и какой-либо европейской страны [FRUS, 1929, p. 283–284].

Комиссия была образована Советом ЛН в 1929 г. при энергичной поддержке британского представителя, известного лейбориста, А. Гендерсона [Waters, 1969, p. 569]. В нее вошли врач К. Кристи (Великобритания), А. Баркли (Либерия), Ч.С. Джонсон (США). Кристи стал председателем комиссии, поскольку хорошо знал Африку. Комиссия начала обследования и опросы свидетелей в апреле 1930 г., а 8 сентября 1930 г. представила свой отчет президенту Либерии. В отчете комиссии Кристи были подтверждены факты применения в Либерии принудительного труда. Комиссия сработала удивительно эффективно и быстро по сравнению с другими подобными проверками ЛН. За короткий срок были собраны поразительные свидетельства о коррупции вокруг проблемы рекрутирования рабочей силы для использования в качестве работников, не получавших нормальную компенсацию за труд. В коррупции оказался замешанным вице-президент Либерии Я. Янси. В отчете комиссии были приведены факты, подтверждавшие существование домашнего рабства, ростовщичества (в залог отдавались дети) и принудительного труда, противоречивших конвенции против рабства 1926 г. Коренные жители Либерии подвергались принудительному захвату и переправке на работу во Французский Габон и испанскую колонию Фернандо-По [League of Nations. C658.M.272. 1930. IV, p. 19–20].

Итак, в 1930 г. было достигнуто решение о подключении механизма ЛН к рассмотрению либерийского кризиса. По поводу участия ЛН в судьбе Либерии М.Ю. Френкель сделал вывод о том, что ЛН допустила односторонний и необъективный подход, осудив поставщика, а не пользователя принудительного труда. М.Ю. Френкель подчеркивал также, что комиссия «открыто вмешалась в суверенные права Либерии, потребовав назначить иностранных советников (белых) для контроля над деятельностью административного аппарата страны» [Френкель, 1999, с. 167]. И всё-таки в оценке этого конфликта не стоит занимать одну сторону и оправдывать действия властей Либерии, которые попытались опровергать выводы комиссии ЛН. Результаты слушаний в ЛН необходимо трактовать в несколько иной плоскости. Нельзя защищать правительство президента Кинга, поскольку некоторые его члены были виновны в поощрении использования принудительного труда. Отдельные страны-члены ЛН, например, среди них была и Испания, колония которой в Фернандо-По фигурировала в докладе Кристи об использовании принудительного труда, испытывали явный дискомфорт в связи с обсуждением этой проблемы в ЛН.

Документальные источники свидетельствуют, что и другие дипломаты в Женеве считали конфликт в Либерии второстепенным по важности вопросом. Например, консул США в Женеве П. Гилберт, принимавший активное участие в переговорах и консультациях по Либерии, сообщил в госдепартамент, что в секретариат ЛН поступила 18 декабря 1930 г. официальная записка правительства Великобритании с просьбой поставить вопрос о либерийском расследовании в повестку дня следующего заседания Совета ЛН. Американский консул не сомневался в том, что Совет будет рассматривать отчет о Либерии, но назвал эту акцию, предпринятую Великобританией, «проформой» [FRUS, 1930, p. 391]. Великобритания

действительно выступила с несколькими инициативами в ЛН по либерийской проблеме, и, казалось, что она сумеет настоять на решении вопроса в выгодном для нее ракурсе.

В другой телеграмме от 22 января 1931 г. П. Гилберта из Женевы говорилось, что из конфиденциального источника им была получена информация о том, что представитель Венесуэлы Зумета на закрытом заседании Совета ЛН заявил: «В либерийском вопросе есть сложности, которые, возможно, недооценили члены Совета, и его рассмотрение нужно перенести на следующее заседание, чтобы всесторонне исследовать проблему». Заявление венесуэльского делегата, по словам П. Гилберта, прозвучало неожиданно для всех членов Совета ЛН. Американский дипломат предлагал два варианта объяснения поведения Зуметы. Демарш дипломата из Венесуэлы был предпринят под влиянием правительства Испании, которое опасалось осуждения Советом практики использования принудительного труда в Фернандо-По и колебаний, появившихся у ряда правительств латиноамериканских стран, которые сами проводили дискриминационную политику по отношению к «отсталым и небелым расам» и не хотели, чтобы ЛН создавала другие комиссии для расследования этой практики [FRUS, 1931, p. 668–669].

В Либерии отчет комиссии Кристи стал причиной обострения политической борьбы. Оппозиционные силы решили его использовать для критики правительства и организовали 17 июня и 2 октября 1930 г. митинги, участники которых добивались наказания должностных лиц, виновных в использовании принудительного труда. 2 декабря 1930 г. президент Ч. Кинг вместе с вице-президентом А. Янси подали в отставку, которая была принята парламентом. Новым президентом стал Э. Баркли, бывший министр иностранных дел в правительстве Кинга [Du Bois, 1933, p. 689]. Эти события вызвали серьезные противоречия в либерийской элите. Например, член верхней палаты либерийского парламента и будущий президент, Уильям Табмен подал в 1931 г. в отставку в знак протеста против отстранения от власти Ч. Кинга [Мазов, 2012, с. 680].

По оценке У. Дюбуа, новый президент Э. Баркли мог справиться с возникшими перед страной проблемами, поскольку он не был связан со скандальными фактами использования принудительного труда. Однако против укреплению у власти в Либерии Баркли выступили США [Du Bois, 1933, p. 689]. В совместной ноте от 16 января 1931 г. США, Великобритании, Франции, Германии, Италии и Японии правительству Либерии было передано, по существу, ультимативное требование обратиться к ЛН, чтобы международная организация назначила комиссию по управлению Либерией на время выполнения всех требований по ликвидации практик принудительного труда [FRUS, 1931, p. 657–660]. Президент Э. Баркли отказался выполнить это требование, ссылаясь на нарушение присяги, данной народу Либерии. Тем не менее он был готов обратиться к ЛН с просьбой «назначить способных людей для помощи в реорганизации страны» [Du Bois, 1933, p. 689].

Совет ЛН 24 января 1931 г. образовал Международный комитет по Либерии. Председателем комитета стал Р. Сесил (Великобритания). Для правительства Либерии это была плохая новость. Р. Сесил был активным участником подготовки конвенции ЛН против рабства [The Slavery Conventions, 2008, p. 37–38] и решительно поддерживал борьбу против принудительного труда в Либерии. В комитет вошли представители Франции, Германии, Англии, Италии, Испании, Польши, Венесуэлы и Либерии [FRUS, 1931, p. 670]. Первое заседание комитета состоялось 26 февраля 1931 г. в Лондоне. Работе этого органа, судя по всему, придавалось большое значение, поскольку первое заседание открывал министр иностранных дел Великобритании А. Гендерсон и на него были приглашены послы заинтересованных держав, официальные лица из секретариата ЛН, а также эксперты. Посол США в Лондоне рассказал в своем донесении в Вашингтон о позиции чиновников ЛН, которые считали, что нельзя принимать решение по либерийской проблеме без консульта-

ций с США. Поэтому у комитета появился план отправки в Либерию группы из четырех экспертов для проверки управления в области финансов, сельского хозяйства и здравоохранения. Предполагалось, что одним из экспертов будет американец, а остальных назначат либо из служащих секретариата ЛН, либо со стороны. Международный комитет столкнулся с деликатным вопросом, как сохранить суверенитет Либерии. С этой целью решили организовать работу комитета на основе новой просьбы правительства Либерии о помощи в управлении, финансах, и здравоохранении, а не на основе обсуждения доклада комиссии ЛН 1930 г. об использовании принудительного труда [FRUS, 1931, p. 676–677]. Несмотря на все заявления о стремлении сохранить суверенитет Либерии, эти дискуссии напоминали содержание 22 статьи Устава ЛН о мандатах и опеке над бывшими колониями Германии в Африке в контексте интернационализации управления. Следовательно, речь шла о распространении некоторых идей мандатной системы на Лиерию, и введении ограниченного суверенитета для страны.

ЛН все больше вовлекалась в либерийский кризис, а правительство Либерии демонстрировало новые случаи насилия над некоторыми племенами. В 1932 г. стало известно о том, что некоторые группы народности кру на юге Либерии подверглись нападению и были изгнаны из своих домов либерийскими пограничными войсками. Возникли подозрения, что это была месть за участие племени кру в опросах комиссии ЛН Кристи. Представители правительства Либерии попытались опровергнуть эти новости, однако официальные опровержения никого в Женеве не убедили, и Совет ЛН решил послать своего представителя в район проживания племени кру. По свидетельству заместителя генерального секретаря ЛН Ф. Уолтерса, «для этой задачи нашли смелого добровольца в лице доктора Маккензи, молодого шотландского сотрудника Секретариата, который был одним из трех ранее отправленных экспертов» [Walters, 1969, p. 570]. Отчет Маккензи, представленный в сентябре 1932 г., полностью подтвердил рассказы о насилии в отношении народа кру в Либерии, хотя было констатировано, что их «страдания были вызваны в равной степени как борьбой между их племенами, так и поведением пограничных войск» [Walters, 1969, p. 570–771]. Таким образом, к 1932 г. в Женеве имелись два доклада с выводами обследования на месте не в пользу действий правительства Либерии, которое явно не справлялось с восстановлением экономики, поддержанием безопасности и жизни граждан.

В октябре 1933 г. Совет ЛН решил принять окончательный план реформ, который неоднократно исправлялся по просьбе правительства Либерии, применявшего, тактику затягивания обсуждения этого вопроса, чтобы сохранить свою власть. На этот раз Совет ЛН был настроен решительно. Правительству Либерии было заявлено, что если оно не примет план ЛН, то Лига откажется от попыток оказать Либерии помощь в будущем. Американскому представителю в Монровии были даны инструкции оказать давление на правительство для того, чтобы план ЛН был принят. «Однако все было бесполезно. Правящая олигархия не была готова к тому, чтобы позволить иностранным экспертам лишить себя прибыльных привилегий», – сделал вывод Ф. Уолтерс, занимавший пост заместителя генерального секретаря ЛН [Walters, 1969, p. 571]. Правительство Либерии по-прежнему придерживалось тактики затягивания обсуждения этого вопроса в Совете ЛН, предложенной А. Соттиле [FRUS, 1934, p. 795–796]. Правительство Либерии поручило представлять страну в ЛН итальянскому специалисту по международному праву А. Соттиле, большому почитателю Б. Муссолини [Akingbade, 1997, p. 267]. А. Соттиле, защищая в 1936 г. агрессию Италии против Эфиопии, заявил: «некоторые африканские страны, лишённые какой-либо организации, какой-нибудь цивилизации, и чье состояние было настолько примитивным, столь рудиментарным, чьи институты и нравы настолько далеки от цивилизации, что их присутствие в Лиге Наций покрывает позором Лигу, мораль

и цивилизацию» (Цит. по: [Berman, 2012, p. 351]). Следовательно, А. Соттиле, не скрывавший своих расистских взглядов в духе империализма, должен был защищать правительство Либерии в международной организации, выражая сомнения в «цивилизованности» этой страны. Цинизм и ирония смешались в этой истории.

Великобритания оказывала серьезное давление на Либерию. 14 мая 1934 г. британский посол в Вашингтоне Р. Линдсэй предупреждал заместителя госсекретаря США У. Филлипса, что на ближайшем заседании Совета ЛН Великобритании предложит исключить Либерию из членов Лиги за невыполнение решений ЛН [FRUS, 1934, p. 795–796]. На заседании Совета ЛН 18 мая 1934 г. представитель Великобритании Э. Иден обвинил Либерию в нарушении важных положений 23-й статьи Устава ЛН о «справедливых и гуманных условиях труда» и предложил исключить страну из Лиги Наций. Однако этот вопрос не был единогласно поддержан всеми членами Совета ЛН, как этого требовала 16-я статья устава ЛН [*League of Nations Official Journal*, 1934, p. 509–510]. По мнению Ф. Волтерса, угроза Великобритании, хотя и не поддержанная другими членами Совета, возымела свое действие, и Либерия заявила Совету о своем желании выполнить часть предложенного плана реформ. В течение последующих лет Либерия приняла на работу нескольких иностранных экспертов, а также заключила временное соглашение с международной финансовой корпорацией на условиях, предложенных Советом ЛН [Walters, 1969, p. 571]. Председатель комитета ЛН по Либерии Р. Сесил писал: «долговременная попытка помощи Либерии стала, я не могу сказать, полностью бесполезной, но близкой к этому» [Cecil, 1941, p. 206].

Таким образом, расследование и попытка решения либерийского кризиса в ЛН показали, что жестокое обращение с аборигенами и подневольный труд могли существовать не только в колониях Африки, но в государствах, пользовавшихся суверенитетом. Вместе с тем либерийский конфликт продемонстрировал, что не следует переоценивать степень суверенитета этого африканского государства, если у власти находится олигархический режим, построенный на клиентелистских принципах, неспособный решить хронические проблемы экономики и урегулировать периодические междоусобные войны. Возможно, в этом случае международное вмешательство под контролем мирового сообщества в лице ЛН и ее институтов было оправданной акцией.

Дискуссии в ЛН о либерийском конфликте принесли новые идеи решения колониальных проблем. Например, усилили значение таких понятий как «международная комиссия по расследованию», «интернационализация управления» в отдельной стране. В межвоенный период категории «международный» и «международное урегулирование» в отношении Либерии сигнализировали об особом направлении в деятельности ЛН и ее ответственности, а прежние представления о защите принципов «империализма» и «колонизации» начали терять своих сторонников. Однако, политическая деятельность ЛН в 1930-е гг. вступила в полосу серьезных неудач во многих вопросах. ЛН не смогла по-настоящему помочь и в решении либерийского кризиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

История Африки в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1984 [*History of Africa in the 19th – early 20th century*. Moscow: Nauka, 1984 (in Russian)].

Мазов С.В. Уильям Ваканарат Шадрак Табмен. *История Африки в биографиях*. Под общ. ред. А.Б. Давидсона. М.: РГГУ, 2012. С. 680–684 [Mazov S.V. William Vacanarat Shadrach Tubman. *History of Africa in Biographies*, ed. A.B. Davidson. Moscow: RSUH, 2012. Pp. 680–684 (in Russian)].

Френкель М.Ю. Борьба Либерии за сохранение независимости в 1919–1934 гг. *Африка: колониализм и антиколониализм (XIX–XX вв.) Сборник статей*. С. Ю. Абрамова (отв. ред.). М.: Наука, 1990.

C. 40–64 [Frenkel M.Yu. *Liberia's Struggle to Maintain Independence in 1919–1934. Africa: Colonialism and Anti-Colonialism (19–20 cc.)*. Ed. S.Yu. Abramova. Moscow: Nauka, 1990. Pp. 40–64 (in Russian)].

Френкель М.Ю. *История Либерии в новое и новейшее время*. М.: Восточная Литература РАН, 1999 [Frenkel M.Yu. *History of Liberia in Modern and Recent Times*. Moscow: Vostochnaia Literatura, RAS, 1999 (in Russian)].

Akingbade H. The Liberian Problem of Forced Labor, 1926–1940. *Africa: Rivista Trimestrale Di Studi E Documentazione Dell'Istituto Italiano per L'Africa E L'Oriente*, 1997. No. 52(2). Pp. 261–273. <https://www.jstor.org/stable/40761169> (accessed: 29.07.2020).

Berman N. *Passion and Ambivalence: Colonialism, Nationalism, and International Law*. Leiden: Brill, Nijhoff, 2012.

Callahan M.D. *A Sacred Trust: The League of Nations and Africa, 1929–1946*. Brighton: Sussex Academic Press, 2004.

Cecil R. *A Great Experiment*. London: Jonatan Cape, 1941.

Du Bois W. Liberia the League and the United States. *Foreign Affairs*. 1933. Vol. 11. No. 4. Pp. 682–693.

Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1934, Europe, Near East and Africa. Volume 2. Gen. Ed. E. R. Perkins. Washington: United States Government Printing Office. 1951 (FRUS, 1934).

League of Nations. C658.M.272. 1930. IV. *The League of Nations Commission's Report on Liberia*. Geneva: League of Nations, 1930.

League of Nations Official Journal. 1934, June.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1929, Volume 3. Ed. Joseph V. Fuller. Washington: United States Government Printing Office. 1944 (FRUS, 1929).

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1930, Volume 3. Ed. Joseph V. Fuller. Washington: United States Government Printing Office. 1945 (FRUS, 1930).

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1931, Volume 2. Ed. Joseph V. Fuller. Washington: United States Government Printing Office. 1946 (FRUS, 1931).

Rosenberg S. E. The Invisible Protectorate: The United States, Liberia, and the Evolution of Neocolonialism, 1909–1940. *Diplomatic History*. 1985. Vol. 9. No. 3. Pp. 191–214.

The Slavery Conventions. The Travaux Préparatoires of the 1926 League of Nations Convention and the 1956 United Nations Convention. By Jean Allain. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2008.

Walters F.P. *A History of the League of Nations*. Oxford: Oxford University Press, 1969.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ХОДНЕВ Александр Сергеевич –
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей истории,
Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль,
Россия.

Alexander S. KHODNEV, DSc (History),
Professor, Head of the World History Department,
Yaroslavl K.D. Ushinsky State Pedagogical
University, Yaroslavl, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080015077-1

ИСТОРИЯ ИНДИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1950–1991 гг.

© 2021

Э.П. ШАВЛАЙ^a^a – МГИМО (У) МИД России, Москва

ORCID: 0000–0001–5380–7009; shavlaj.e.p@my.mgimo.ru

Резюме: Индийско-китайские отношения носили ограниченный характер вплоть до середины XX столетия. Установив дипломатические связи в 1950 г., два государства прошли через несколько этапов взаимодействия друг с другом – от дружеского с лозунгами «Индийцы и китайцы – братья навек» к враждебному, кульминацией которого стала индийско-китайская война 1962 г., и от конфликта, в результате которого неотъемлемым фактором отношений двух государств стало недоверие друг к другу, – к налаживанию партнёрства. Автор называет их «временами года», потому что фазы диалога Дели и Пекина сменяли друг друга подобно четырём сезонам: лето перешло в осень, осень обернулась затянувшейся зимой, которая лишь к концу прошлого века стала постепенно трансформироваться в весну. Четыре десятилетия, хотя это и недолгий срок для стран с многовековой историей, оставили глубокий след в восприятии ими друг друга и до сих пор оказывают влияние на все сферы сотрудничества между ними, что обуславливает их значимость и актуальность для исследования. Однако двустороннее взаимодействие Индии и Китая как на современном этапе, так и в прошлом по-прежнему слабо освещено в отечественной науке, а потому статья призвана заполнить лакуну отечественной историографии, относящуюся к периоду 1950–1990 гг., и представить целостную картину эволюции китайского направления индийской внешней политики от Джавахарлала Неру до Раджи́ва Ганди. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что рассматриваемый период обнажил противоречия двух стран, заложенные ещё в период колониализма и усилившиеся на фоне геополитического соперничества, став фундаментом для современных отношений Дели и Пекина.

Ключевые слова: Индия, Китай, фактор недоверия, история XX века, геополитическое соперничество, Азия, пакистанский фактор.

Для цитирования: Шавлай Э.П. История индийско-китайских отношений 1950–1991 гг. Восток (Orient). 2021. № 3. С. 168–180. DOI: 10.31857/S086919080015077-1

HISTORY OF INDIA-CHINA TIES BETWEEN 1950 and 1991

© 2021

Ellina P. SHAVLAY^a^a – MGIMO University, Moscow, Russia

ORCID: 0000–0001–5380–7009; shavlaj.e.p@my.mgimo.ru

Abstract: Up until the mid-20th century India-China contacts were mostly limited to pilgrimage and local trade. Nevertheless, having established diplomatic ties in 1950, the two states went through several stages of interaction with each other: from friendly dialogue to hostility

culminating in the Sino-Indian war of 1962; from waging the conflict to building partnership in the 1980–1990s. The author calls them “seasons” since all the phases of dialogue between Delhi and Beijing succeeded each other in an akin way: summer turned autumn, the latter ended up in a protracted winter, which began to gradually transform into spring towards the end of the last century. Four decades, albeit a short period for countries with a long history, have left a deep imprint on their perception of each other and still have a profound impact on all areas of cooperation between them, which determines the relevance of the study. Yet India-China bilateral interaction both at the present stage and in the past is still poorly covered in domestic science. Hence, the article is intended to fill the gap in Russian historiography covering the period 1950–1991 and to present a holistic perspective on the evolution of India’s China policy from Jawaharlal Nehru to Rajiv Gandhi. The author concludes that India-China ties during bipolar period revealed the fundamental controversies between the two states, which trace their roots back to the colonialist times and remain one of the most negative factors affecting mutual relations until present.

Keywords: India-China relations, Pakistani factor, geopolitical rivalry, the 20th century, Asia, historical background.

For citation: Shavlay E.P. History of India-China Ties Between 1950 and 1991. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 168–180. DOI: 10.31857/S086919080015077-1

Взаимодействие Индии и Китая в биполярный период слабо освещено в отечественной науке. Между тем он наилучшим образом иллюстрирует все четыре «сезона» индийско-китайских отношений: лето – «хинди – чини бхай – бхай» с 1950 по 1959 г.; осень – от Тибетского кризиса 1959 г. до войны 1962 г.; зима – война и постконфликтное состояние «заморожки» двустороннего взаимодействия; и весна – разрядка, вызванная визитом индийского премьер-министра Раджива Ганди в Китай, с последующим налаживанием диалога между двумя странами.

«ЛЕТО», ИЛИ «ИНДИЙЦЫ И КИТАЙЦЫ БРАТЬЯ НАВЕК» (1949–1959)

Главным архитектором китайского направления индийской внешней политики закономерно считается первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Индийский лидер был убеждённым сторонником паназиатизма, который он понимал как единую судьбу азиатских народов, призванных отстаивать свою независимость и своё понимание глобального мироустройства, отличного от империалистических держав [Deshingkar, 1999, p. 85–100]. При этом Индия и Китай как «столпы» азиатского мира должны были вести деколонизованные государства за собой. В этой связи вполне закономерно, что Индия стала одним из первых некоммунистических государств, которые признали Китайскую Народную Республику (30 декабря 1949 г.), и установила с ней дипломатические отношения (1 апреля 1950 г.).

В начале 1950-х гг. стали развиваться торгово-экономические связи между Индией и Китаем. Развивались также научные, культурные, спортивные и образовательные связи двух государств. Вместе с тем 1950–1951 годы внесли некоторые сложности в связи с тибетским вопросом: Китайская Народная Республика стала продвигаться вглубь Тибета с целью его «освобождения» [Терехов, 2011, с. 61]. На деле же Китай планировал подчинить себе территории, которые он рассматривал как «утраченные» в XIX в., или, по крайней мере, установить особые отношения с государствами, частью которых эти территории

стали. Развитие событий в Тибете вызывало беспокойство в индийских политических кругах, однако урегулирование тибето-китайских отношений посредством «Соглашения из 17 пунктов» 1951 г., в котором Китай обещал не только предоставить Тибету статус автономии, но и всячески способствовать развитию нового района, было оптимистично воспринято в Индии, которая надеялась на выполнение КНР своих обязательств перед тибетским народом [Капица, 1979, с. 44].

Кульминацией индийско-китайского диалога стало заключение 29 апреля 1954 г. Соглашения о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией, в преамбуле которого были закреплены пять принципов мирного сосуществования, именуемые «панча шила» – и именно с его подписанием стали звучать лозунги о китайско-индийском «братстве» [*Agreement on Trade*, 1954]. Это соглашение обозначило желание играть по «азиатским правилам», а принципы были позже закреплены и дополнены на Бандунгской конференции 1955 г. Однако немаловажно отметить, что Индия отказалась от особых привилегий на Тибет и де-факто признала его включение в состав КНР, но не выдвинула на повестку дня вопрос о признании китайской стороной линии Мак-Магона [Gupta, 1978, p. 701].

В июне 1954 г. китайский премьер-министр Чжоу Эньлай совершает официальный визит в Нью-Дели, в ходе которого стороны приходят к единому заключению о том, что необходимо превратить Юго-Восточную Азию в «зону мира», в которой определяющую роль будут играть Индия и Китай, собственным примером показывающие преимущества принципов, прописанных в преамбуле торгового соглашения по Тибету [*Conversation*, 1954, p. 12]. В октябре того же года Джавахарлал Неру нанёс ответный визит в Китай, где он поднял вопрос об изменении китайских карт, отмечавших регион Ладакх на севере Кашмира как часть КНР. Однако Чжоу Эньлай заявил, что это временное недоразумение будет исправлено в новых изданиях карт [Nehru, 1954].

Стремление Неру к проявлению азиатской солидарности побуждало его к всяческой поддержке Пекина не только на двустороннем треке, но и в общемировом масштабе. Наиболее ярким примером является участие индийской стороны в качестве медиатора в переговорном процессе между Вашингтоном и Пекином: Г. Трумэн считал Корейскую войну продолжением политики Китая в отношении Формозы (Тайваня), в то время как Индия выступала за разделение двух конфликтов и приветствовала включение Тайваня в состав КНР [Whiting, 1990, p. 60]. Более того, по мнению Дж. Неру, именно политика США, а не Китая грозила усугублением ситуации вокруг Корейского полуострова и превращением ее в войну за интересы Запада [Кух, 1993, p. 73]. Индия отказалась обвинять Китай в агрессивном поведении, в том числе и при голосовании по соответствующей резолюции в ООН, несмотря на давление со стороны Вашингтона [Whiting, 1990, p. 75]. Следующим шагом навстречу Китаю на глобальном уровне стало бойкотирование Индией Сан-Францисской мирной конференции в 1951 г. Среди причин следует выделить отсутствие КНР в списке «приглашённых», а также тот факт, что текст мирного договора не предполагал возвращение Тайваня (Формозы) в состав Китая и недостаточно явно указывал на передачу Курильских островов и южного Сахалина – СССР, что Индия считала недопустимым [Relations, 1951, p. 1306]. Ещё одной иллюстрацией индийского стремления оказать поддержку дружественному китайскому народу можно считать Бандунгскую конференцию 1955 г. Неру старался вывести КНР из международной изоляции и обеспечил присутствие китайских представителей на конференции. Премьер-министр Чжоу Эньлай выступил с речью о том, что следование разным политическим курсам «не должно влиять на достижение общих желаний» – «защищать мир во всем мире, завоевывать и сохранять национальную независимость и, соответственно, содействовать дружественному сотрудничеству между народами» [Xiaowen, 2020, p. 93]. Риторический отход от деления мира

на коммунистов и остальных был продуманной тактикой и дал свои плоды – Пакистан, изначально выразивший сомнение относительно целесообразности присутствия китайской делегации на конференции, сделал шаг навстречу северному соседу, что позже превратится во «всепогодную дружбу» между ними [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 119–121]. Но главная задача, стоявшая перед КНР в то время, состояла в том, чтобы заявить о своей роли в Азии и в мире, сплотив вокруг себя государства Третьего мира. На этом фоне китайское руководство меняет свою внешнеполитическую стратегию и перестаёт сближаться с Индией, считая себя достаточно сильным актором, который не нуждается в чьей-либо посреднической деятельности.

Бандунгская конференция считается пиком индийско-китайской дружбы, основанной на борьбе с империализмом и закреплённой в принципах мирного сосуществования. После 1955 г. сотрудничество продолжалось скорее инерционно, при этом всё больше росло напряжение в связи с начавшимся расколом коммунистического мира по линии СССР – КНР, усилением экспансионистских устремлений Китая и большей степенью его конфликтности с соседними государствами по территориальным вопросам.

«ОСЕНЬ»: «ТИБЕТСКАЯ ТРАГЕДИЯ» И ПОГРАНИЧНЫЕ СПОРЫ (1959–1962)

Со второй половины 1950-х гг. происходит изменение внешнеполитической концепции КНР, расширился и инструментарий. Советский китаист Е.Д. Степанов очень метко охарактеризовал китайскую стратегию как «ползучую агрессию», осуществляемую посредством заселения китайцами малонаселённых окраин соседних государств с последующим включением этих территорий в состав Китая и обозначением таковых на издаваемых картах. Этот традиционный метод «вгрызания», получивший название «цаньши», или «постепенное поедание земель соседей подобно тому, как шелковичный червь поедает листья», был последовательно применен в отношении всех приграничных государств, а также в акваториях Южно-Китайского моря. Поскольку для подтверждения своих территориальных претензий китайцы выпускали соответствующие карты, эти акты также именуются «картографической агрессией», широко практиковавшейся ещё гоминдановским режимом с середины 1920-х гг. [Степанов, 1986, с. 109, 113–114].

С присоединением Тибета в 1951 г. КНР начинает наращивать своё присутствие в регионе и строить инфраструктуру, связывающую его с остальным Китаем. В 1951–1957 гг. они проложили стратегически значимую дорогу между Синьцзяном и Тибетом, которая прошла через спорный район Аксай Чина [Синьцзан гунлу]. Индийцы не сразу обнаружили оккупацию этой высокогорной области по объективным причинам – ввиду её труднодоступности и соответственно непригодности для проживания там лишь изредка появлялись военные патрули; а кроме того, как пишет Дж. Неру в своём письме премьер-министру КНР от 16 ноября 1959 г., индийцы «не ожидали какой-либо агрессии в приграничных районах» и «не считали необходимым устанавливать контрольно-пропускные пункты прямо на международной границе» [*Letter*, 16 November 1959].

Переломным моментом стало восстание в Тибете в марте 1959 г., когда местное население, устав от противоречивших соглашению 1951 г. реформ и репрессий со стороны КПК, выступило против коммунистического режима, который жестоко подавил мятеж. Именно тибетские события стали той «точкой невозврата», после которой индийско-китайские отношения так и не смогли оправиться. Бегство тибетского религиозного лидера Далай-ламы с последователями в соседнее государство было воспринято в КНР как предательство принципов мирного сосуществования, и Мао Цзэдун выразил уверенность в необходимости «резко критиковать Неру», «не боясь привести его в раздражение или спровоцировать

разрыв с ним» [Jian, 2006, p. 54, 87]. Индийский премьер-министр, со своей стороны, хотя и испытывал глубочайшую симпатию к стремлению тибетцев отстаивать своё право на сохранение устоев традиционного тибетского общества и считал настоящей трагедией то, что происходило в Тибете, всё же считал нужным воздерживаться от критики северного соседа и сохранять с ним дружеские отношения [27 April, 1959, p. 435–437].

Расхождения двух стран по территориальному вопросу неминуемо толкали их к конфликту. Индийская позиция была выражена Дж. Неру в его письме Чжоу Энляю от 14 декабря 1958 г.: «пограничные вопросы не поднимались, и у нас сложилось впечатление, что между нашими странами не было пограничных споров...», и что «китайско-индийское соглашение, которое было успешно заключено в 1954 г., решило все нерешенные проблемы между нашими двумя странами» [To Chou En-lai, 1958, p. 8]. Ответом на это письмо 23 января 1959 г. китайский премьер впервые открыто выразил мнение КНР по территориальной проблеме, заявив, что китайское правительство никогда не признавало линию Мак-Магона как наследие «агрессивной политики Британии по отношению к Тибету» [Letter, 23 January 1959]¹. Тибетские события способствовали активизации переписки между Неру и Чжоу Энляем, которая стала придавать всё более отчётливые очертания подходам двух стран к территориальной проблеме. 22 марта 1959 г. премьер-министр Индии обозначил географические (рельеф, водоразделы), картографические (множественные издания индийских карт и некоторые китайские карты с соответствующим обозначением границ) и юридические аргументы (в том числе правовые обычаи), на которых базируется индийское видение границы. Он напомнил, что отдельные участки границы зафиксированы в соответствующих соглашениях: Англо-китайской конвенции 1890 г.; договоре 1842 г. между Кашмиром, китайским императором и Далай-ламой; Симлском соглашении 1914 г. [Letter, 22 March 1959]. В ответном письме от 8 сентября 1959 г. Чжоу Энлай назвал ключевую причину, по которой названные документы нельзя считать веским основанием для демаркации границы – они не были признаны центральным китайским правительством [Premier Chou, 1959].

Ситуация на границе стала всё более усложняться. 28 июля 1959 г., несколько китайских формирований вторглись на северо-восточную территорию Индии Ладакх, арестовали индийских полицейских и оттеснили индийскую патрульную группу. В ответ на это 11 августа со стороны индийского правительства последовала нота протеста, но вместо принятия соответствующих действий, 26 августа китайские военнослужащие перешли в открытый конфликт с индийскими военными, что привело к противостоянию на границе, которое продолжалось до осени [Kavic, 1967, p. 66–67]. Ещё одним серьёзным инцидентом стало нападение китайских военных на индийскую полицию 20 октября 1959 г. недалеко от перевала Конгка Ла (плато Ладакх), в результате которого несколько индийцев погибли, несколько были взяты в плен, где, по сообщениям индийской стороны, они содержались в жутких условиях, и были возвращены на Родину только 14 ноября [Eekelen, 2015, p. 108–109].

Эти события вызвали общественный резонанс не только в Индии, но и в мире, при этом страной-агрессором Запад считал «красный Китай». В связи с этим китайское руководство приняло решение об убеждении индийцев в необходимости переговоров, дабы снизить репутационные издержки, вызванные конфликтом, и постараться прийти к компромиссу [Lüthi, 2012, p. 113]. Так, в ходе визита в Дели в 1960 г. Чжоу Энлай предложил Индии сохранить за собой Аруначал-Прадеш в обмен на передачу Аксай Чина Китаю [Horimoto,

¹ Линия Мак-Магона была проведена на карте секретарем по иностранным делам Британской Индии Генри Мак-Магоном и была зафиксирована в Симлской конвенции 1914 г., подписанной представителями британского правительства Индии и Тибетом. Китайцы же с самого начала отказывались признать эту границу, аргументируя это вассальным статусом Тибета по отношению к Китаю и соответственно отсутствием у тибетцев права подписывать подобные документы без санкции центрального китайского правительства (подробнее см. [Шаумян, 2018, с. 292–295]).

2015, р. 98]. Между тем индийское руководство считало территориальные уступки недопустимыми – в результате переговоры не дали никаких результатов: каждая из сторон стояла на своем и стремилась укрепиться на спорных территориях, что впоследствии вылилось в вооруженное столкновение КНР и Республики Индии.

Таким образом, разновекторность политик двух государств, а также ряд сопутствующих факторов, таких как ухудшение условий приграничной торговли в ущерб индийской стороне, выдвижение требований на спорные территории со стороны Китая, само возникновение территориальной проблемы, которая раньше замалчивалась обеими сторонами как якобы «несуществующая», привели к охлаждению между сторонами, а впоследствии и к войне.

«ЗИМА» – ХОЛОДНАЯ ВОЙНА ПО-АЗИАТСКИ (1962–1988)

Нет сомнений, что самым главным событием, повлиявшим на сотрудничество Индии и Китая, стала война 1962 г. Расстановка сил накануне конфликта не оставляла сомнений в исходе противостояния: китайские силы в регионе в разы превышали индийские, были хорошо экипированы и адаптированы к низкому атмосферному давлению в горной местности, при этом в случае необходимости они могли воспользоваться построенной недалеко от Тибета дорогой. Индийцы же были малочисленны, недостаточно обеспечены провизией и вооружением, испытывали проблемы с акклиматизацией к высоте, а в их распоряжении была лишь узкая, крутая горная дорога, что осложняло доставку вооружений и продовольствия [Кух, 1993, р. 203]. 20 октября китайские военные атаковали индийские позиции, в начале ноября взяли под контроль всю ту территорию, которую считали «китайской», а уже 22 ноября в одностороннем порядке отвели войска, оставив за собой Аксай Чин и ожидая от индийцев конструктивных переговоров и признания своих прав на территории [Юрлов, 2010, с. 684]. Некоторые историки даже считают, что китайцы выбрали именно данное время, поскольку основное внимание мировой общественности было приковано к Карибскому кризису [Jaishankar, 2012]. Впрочем, КНР обвинила индийцев в развязывании войны [Chinese Answer Soviet, 2018, р. 91].

Перед лицом реальной военной угрозы на фоне катастрофической слабости индийской армии Неру обратился к США за военной помощью. Американцы открыто выразили свою поддержку индийской стороне как в связи с общим желанием сблизиться с Индией, так и в связи с тем, что рассматривали конфликт не просто как территориальный, а как глобальный в рамках противостояния коммунизму [Кух, 1993, р. 204–205]. Однако и лидер коммунистического мира Советский Союз занял нейтралитет [Лунев, 1993, с. 96]. Именно отсутствие поддержки со стороны Москвы и жёстко антикитайская позиция Вашингтона (а значит, и всего капиталистического мира в целом) заставили Пекин отказаться от продолжения конфликта, поскольку он, по сути, оказался один против всего мира.

Главным образом исход войны сказался на имидже Индии не только как лидера движения неприсоединения, но и как суверенного субъекта международных отношений – страна показала свою крайнюю слабость и не могла претендовать на лидерство в Азии; национальная гордость оказалась ущемлена. Пострадал и индийский премьер-министр Неру, «легендарный отец самой большой демократии в мире», «выразитель идей деколонизации и прав человека» и «главный отец-основатель движения неприсоединения» – как характеризует его Деннис Кукс – так никогда и не пришел в себя после роковых просчетов индийского руководства, повлекших катастрофические последствия для страны [Кух, 1993, р. 208–213]. Война 1962 г. стала водоразделом индийско-китайских отношений на «до» и «после» – весь период до 1988 г. был олицетворением Холодной войны между азиатскими гигантами.

Сообщество афро-азиатских государств попыталось внести свой вклад в урегулирование конфликта между Индией и Китаем, в декабре 1962 г. организовав конференцию в

Коломбо, посвящённую обсуждению спорных вопросов. В ходе дискуссий были предложены 6 пунктов, суть которых сводится к прекращению огня, отведению войск на линию фактического контроля и предложению определить границы по секторам в рамках двусторонних мирных переговоров [*Colombo Conference*, 1963]. Особых результатов эти усилия не дали: если Индия согласилась с положениями, то Китай сначала принял их, а через пару дней отказался от предложенного плана.

2 марта 1963 г. КНР и Пакистан подписали соглашение о границе, по которому государства обменялись территориями: пакистанцы получили небольшие отрезки китайских пастбищ, а китайцы – небольшие области на севере Кашмира [*The Boundary Agreement*, 1963]. Последние представляют собой спорные участки между Пакистаном и Индией, именно поэтому Равалпинди передал Пекину свои права на часть кашмирских территорий. Он надеялся использовать ослабление Индии после конфликта с КНР и заручиться поддержкой северного соседа в кашмирском вопросе. Оставшись после войны с 1962 г. без поддержки, Китай тоже был заинтересован в союзнике, а потому началось их сближение. Вскоре сотрудничество распространилось на целый ряд секторов, а пакистанский фактор стал одним из главных «раздражителей» в диалоге между Дели и Пекином.

1964 год ещё кардинальнее изменил баланс сил в регионе – КНР провела испытания ядерного оружия, став пятым и последним государством в клубе легитимных ядерных держав. Этот факт был крайне болезненно воспринят в Индии, которая сочла это фундаментальным нарушением принципов мирного сосуществования и попыткой «использовать силы науки не для мирных целей повышения уровня жизни шестисот пятидесяти миллионов человек в Китае, а для служения шовинистическим, экспансионистским мечтам о китайской великодержавности» [*Note*, 7 October 1964]. Позже именно угроза со стороны ядерного соседа станет одним из аргументов индийской стороны в оправдание создания собственного ядерного оружия [Talbot, 2006, p. 51].

Очередной кризис индийско-китайских отношений связан с индийско-пакистанской войной 1965 г. По сути, она стала первым испытанием китайско-пакистанской дружбы. Ещё до начала конфликта Китай выражал открытую поддержку пакистанцам, а во время войны напрямую обвинил индийцев в агрессии, стал укреплять пограничные районы и даже предъявил Дели ультиматум о выводе индийских войск, демонтаже индийских военных сооружений с приграничных районов и возврате похищенных тибетцев Китаю – «в противном случае правительство Индии должно понести полную ответственность за все вытекающие из этого серьезные последствия» [*Note*, 8 September 1965]. Дели счёл, что позиции Китая по Кашмиру и конфликту между Индией и Пакистаном – «это не что иное, как вмешательство со стороны Китая, рассчитанное на продление и усиление конфликта» [*Note*, 17 September 1965]. Вопрос снялся сам собой лишь после урегулирования военного конфликта, однако подобные шаги со стороны северного соседа усугубили и без того натянутые индийско-китайские отношения.

Между тем важно рассмотреть и реакцию международного сообщества в целом. Так, в сентябре Вашингтон приостановил поставки вооружений обеим сторонам конфликта [259. Special National, 1965], а СССР придерживался нейтралитета, при этом вместе с США он сдерживал Китай от вмешательства в индо-пакистанский конфликт. На дипломатическом уровне, сложилась удивительная ситуация – капиталистический блок совместно с социалистическим возложили надежды по урегулированию конфликта на ООН [Chakravorty, Kanwal, 2015, p. 35]. Тем не менее медлительность ооновской «машин» и недовольство Дели и Равалпинди предлагаемыми условиями, нежелание США вмешиваться в проблемы Южной Азии на фоне вьетнамских событий, в конечном счёте, привели к тому, что посредником стал Советский Союз. Индия сразу приняла кандидатуру СССР в качестве медиатора. Пакистан же решил подождать результатов китайского ультиматума, а не получив желаемого, обратился к

Вашингтону, но и там не добился поддержки [Ganapathy, 2014, p. 166]. Более того, американцы порекомендовали пакистанцам согласиться с посредничеством СССР, поскольку считали, что «им нечего терять»: удастся Советскому Союзу добиться мира на субконтиненте – Соединенные Штаты также окажутся в выгодном положении, не удастся – советское руководство на себе прочувствует негативный опыт, испытываемый американцами на протяжении 20 лет [McGarr, 2013, p. 342]. В итоге к ноябрю 1965 г. обе стороны приняли предложение СССР встретиться в Ташкенте. Подписанная 10 января 1966 г. Ташкентская декларация предписывала отвод войск и занятие довоенных позиций обеими сторонами конфликта, обмен пленными и укрепление доверия между Дели и Равалпинди [Lowe, Roberts, Welsh, 2008, p. 337].

1965–1967 годы внесли и другие противоречия между Индией и Китаем. На этот раз в центре спора оказался Сикким. Ещё со второй половины 1965 г. Пекин стал предъявлять обвинения Дели в нарушениях границы и похищении людей и животных, индийцы же выражали готовность предоставить опровержения и заявляли о нарушениях с китайской стороны. В 1966 г. переписка между двумя странами стала приобретать всё более обвинительный характер [Notes, Memoranda, White Paper 13, 2016]. В июле 1967 г. произошел дипломатический скандал: Китай выслал двух индийских дипломатов и заблокировал индийское посольство, на что Индия ответила зеркально – впрочем, вскоре произошло взаимное снятие ограничений [Sali, 1998, p. 101]. В сентябре – октябре споры вылились в вооружённые столкновения у горных перевалов Нату Ла и Чо Ла – последние кровопролитные сражения на индийско-китайской границе вплоть до настоящего времени² [Notes, Memoranda, 2016. White Paper 14, 2016]. Однако на этот раз индийцы смогли отразить атаки со стороны Китая и отстоять свои позиции, и на границе сохранился статус-кво.

Укрепление Индии в военно-политическом отношении и соответствующее позиционирование страны в мире обусловили готовность Дели к пересмотру внешнеполитической линии в отношении Китая. 1 января 1969 г. Индира Ганди заявила о готовности Индии начать переговоры с КНР без каких-либо предварительных условий [Ramachandran, 1996, p. 91]. Китайское руководство сначала критически отнеслось к подобным инициативам, но вскоре последовало некоторое потепление отношений: в конце 1970 г. были восстановлены неформальные контакты между индийскими и китайскими дипломатами, в октябре 1971 г. Индия поздравила Китай с принятием в ООН, а в ноябре китайцы пригласили индийскую делегацию на афро-азиатский турнир по настольному теннису. Некоторая нормализация отношений позволила индийцам донести свою позицию по Восточному Пакистану и немного смягчить критику в адрес Дели в индо-пакистанской войне 1971 г. [Sali, 1998, p. 102]. Желание диалога с китайской стороны было связано с негативным имиджем КНР на международной арене после Культурной революции и со снижением влияния в регионе после подписания индийско-советского Договора о мире, дружбе и сотрудничестве, а также ослабления его союзника Пакистана после поражения в войне 1971 г. [Кузык, Шаумян, 2009, с. 877].

И всё же 1970-е годы не принесли кардинальных изменений. Пекин продолжал активно поддерживать Исламабад, особенно с учётом того, что тот стал каналом налаживания взаимодействия с Вашингтоном. Кроме того, в 1974 г. Индия стала шестой ядерной державой, проведя испытания, известные как «Улыбающийся Будда», на полигоне Похран. Пакистан тут же открыто заявил о намерениях развивать собственную ядерную программу в целях защиты от индийской ядерной угрозы, даже если для этого придётся «есть траву» (правда, Исламабад принял это решение ещё на секретном заседании в Мултани в 1972 г. после поражения в войне), а помогать ему в этом стал именно Китай [Talbot, 2006, p. 14–18]. С одной стороны, Дели в некотором роде уравнивал свой статус с Пекином, а с другой –

² Речь идет именно о военных действиях, а не потасовках, в которых также бывают раненые и убитые (как, например, летом 2020 г.).

обострил ядерный вопрос в регионе. В 1973–1975 гг. Сикким превратился из королевства в северо-восточный штат Индии, что вызвало неодобрение со стороны Китая, считавшего гималайское княжество одним из «пяти пальцев» Тибета наряду с Ладакхом, Непалом, Бутаном и Аруначал-Прадешем и вынашивавшего планы объединения Трансгималайского района под своим контролем [Chaudhuri, 1980, p. 41].

Между тем во второй половине 1970-х гг. вновь появились признаки нормализации отношений. Так, в 1976 г. страны восстановили дипломатические связи и стали возрождать культурные, спортивные и торгово-экономические контакты [Кузык, Шаумян, 2009, с. 877–878]. Смена внутривластных курсов в обеих странах также способствовала «потеплению»: в Индии к власти ненадолго (1977–1979 гг.) приходит оппозиционная коалиция партий (включавшая Бхаратию Джан Сангх, после распада коалиции преобразовавшуюся в Бхаратию Джаната парти, или БДП), которая была заинтересована в поддержании добрососедских отношений с Китаем, а в КНР происходят радикальные перемены, связанные с реформами Дэн Сяопина, подразумевавшие смещение акцента на решение внутренних проблем и максимальное нивелирование внешних конфликтов. Отметим, что именно в правление Дэн Сяопина КПК перестаёт поддерживать маоистские движения в Индии, что связано с отходом от следования идеям Мао в самом Китае – это оказало позитивное влияние на индийско-китайский диалог. Визит в Китай министра иностранных дел Индии А.Б. Ваджпаи в 1979 г. стал логичным продолжением положительной динамики взаимодействия, но он был вынужден прервать свой визит в связи с китайским вторжением во Вьетнам – «разрядка» в очередной раз не состоялась.

1980-е годы запомнились серией переговоров по пограничной проблеме, которые, однако, не привели ни к каким продвижениям в её решении. В 1981 г. Индию посетил министр иностранных дел Хуан Хуа. КНР выдвигала идею «пакетного соглашения»: индийской стороне предлагалось отказаться от Аксай Чина в обмен на признание китайцами линии Мак-Магона. Индийское правительство не соглашалось с предложениями Пекина, считая недопустимым уступать свои территории на каких бы то ни было условиях. При этом обнаружились расхождения и по международной повестке дня. Последний конфликт биполярного периода разразился в 1986–1987 гг. в связи с тем, что Индия законодательно закрепила Аруначал-Прадеш в качестве двадцать четвертого индийского штата. Китайские войска на семь километров вторглись в восточный сектор – в долину Самдуронг Чу, так как права на эту территорию оспариваются КНР. Подобные действия привели к напряжению на границе, которое не переросло в военные столкновения [Sali, 1998, p. 104–105, 109–110]. Оба государства понимали, что их противоречия невозможно решить военным путём, однако можно установить определенные правила игры, которые бы позволили избегать или, по крайней мере, нивелировать конфликтные ситуации – эта установка способствовала выходу Дели и Пекина из критического положения, а впоследствии дала возможность осуществить «разрядку».

«ВЕСНА», ИЛИ НОРМАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ДЕЛИ И ПЕКИНА (1988–1991)

1988 год стал действительно эпохальным для индийско-китайских отношений, т. к. именно в этом году произошло окончательное восстановление диалога между двумя государствами на всех уровнях. Символом нового этапа двустороннего взаимодействия стал официальный визит премьер-министра Индии Раджива Ганди в Китай 19–23 декабря 1988 г. Впервые за 34 года индийский премьер-министр посетил Китай – последним до этого был Джавахарлал Неру в октябре 1954 г.

Этот визит также стал знаковым, потому что изменил основополагающий принцип китайского направления индийской политики после войны 1962 г., заключавшийся в том, что нормализация отношений возможна лишь после решения территориальной проблемы: Дели и

Пекин условились развивать сотрудничество во всех направлениях независимо от разрешения пограничных споров, которые с 1988 г. было решено вынести в отдельный формат обсуждений. В связи с этим была образована Совместная рабочая группа (СРГ) по пограничному вопросу, в ведение которой была передана выработка двусторонних соглашений о границе [Sali, 1998, p. 8].

В ходе визита стороны договорились о ежегодных встречах министров иностранных дел, решили создать совместные комитеты на уровне министерств для развития различных направлений индийско-китайского диалога и подписали соглашения о сотрудничестве в сфере науки и технологии, в области культуры и по вопросам гражданской авиации [Prime Minister Rajiv, 1988].

1991 год стал последним рассматриваемым годом по трем взаимосвязанным причинам. Во-первых, на глобальном уровне произошла кардинальная смена мирового порядка, которая отразилась на всех акторах международных отношений. В новой системе Дели и Пекин выявили общность взглядов по мирополитическим вопросам, что стало дополнительным импульсом для укрепления их взаимодействия. Во-вторых, Индия встала на путь либерализации, что, как некогда реформы Дэн Сяопина, также оказало положительный эффект на сотрудничество двух азиатских держав, поскольку способствовало большей открытости государства к диалогу. И, наконец, именно 1991 год стал годом визита китайского премьер-министра Ли Пэна в Индию – первым после 31-летнего перерыва – что закрепило тенденцию на нормализацию отношений на двустороннем уровне.

Таким образом, современный этап взаимодействия Индии и Китая был положен визитом Раджива Ганди в Пекин в 1988 г. С этого момента стороны обмениваются регулярными визитами, налаживают экономическое, культурное, научное и другие направления сотрудничества, а также стремятся к минимизации негативного воздействия исторически сложившихся противоречий. Если раньше территориальный вопрос был камнем преткновения, препятствовавшим прогрессу в других областях двустороннего взаимодействия, то теперь политическая воля руководства обоих государств способствовала выделению имеющихся споров в отдельную плоскость и расширению спектра сфер для укрепления партнёрских отношений. Трансформация международной системы и внутривнутриполитические перемены в 1990-х гг. закрепили успех второй половины 1980-х гг. и устойчивость позитивной динамики взаимодействия Индии и Китая, несмотря на сохранение разногласий по территориальным вопросам, усиление регионального соперничества и неизменность фактора недоверия между ними.

* * *

Итак, период 1950–1991 гг. показал, насколько разными могут быть отношения между Дели и Пекином. Некогда стремившиеся к достижению общих целей освобождения афро-азиатского мира от колониализма и империализма, они совместно выработали принципы «панча шила» и стремились к консолидации развивающихся стран в духе Бандунгской конференции. Индийский премьер-министр Джавахарлал Неру, считавший не только возможным, но и естественным лидерство двух древнейших азиатских цивилизаций в новом, деколонизованном мире, протянул руку помощи КНР, де факто находившейся в то время в изоляции в силу своих идеологических установок. Однако дружба индийского и китайского народов продлилась недолго: после Бандунгской конференции положительная динамика их взаимодействия пошла на спад. Тибетские события, усиление разногласий и нежелание ни одной из сторон идти на уступки привели к индийско-китайской войне 1962 г., после которой отношения так и не стали прежними.

«Холодная война» между Индией и Китаем стала следствием «горячей» войны 1962 г., в которой формально оказалась проигравшей стороной первая, но, как показала история, в действительности проиграли обе. В то время Дели не мог претендовать на статус лидера афро-азиатского мира, Пекин остался без союзников, а контакты были практически

заморожены. При этом непосредственно территориальный спор не только не был решён – его усугубил фактор тотального недоверия сторон друг другу. В дальнейшем индийско-китайские отношения хоть и претерпевали некоторые положительные изменения, однако либо напрямую, либо опосредованно страны неизменно возвращались к конфронтации. Во второй половине 1970-х гг. стороны начали искать *modus vivendi*, однако лишь конец 1980-х гг. показал, что Индия и КНР готовы к нормализации взаимодействия, особенно в условиях новых внутривнутриполитических и международных изменений, пик которых пришёлся на 1991 г., когда закончился практически полувековой период bipolarности и двум азиатским гигантам предстояло найти своё место в новой системе международных отношений.

В целом можно говорить о том, что, хотя территориальные проблемы были заложены в колониальный период, большинство фундаментальных противоречий в отношениях Индии и КНР появились или обострились именно во второй половине XX века. Учитывая тот факт, что они продолжают оказывать влияние и на современном этапе, анализ истории взаимодействия Нью-Дели и Пекина необходим для понимания текущего состояния индийско-китайского диалога. Его автор охарактеризовала бы как «калейдоскоп времен года» ввиду различной природы двусторонних отношений (то осень, что наглядно видно из периодической эскалации напряженности в приграничных районах; то весна – попытки дипломатического урегулирования, в том числе посредством «неформальных» саммитов и наращивания товарооборота³), что связано с кардинальным изменением роли и намерений Китая и усилением Индии на мировой и региональной арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. *История Пакистана. XX век*. М: Институт Востоковедения РАН, 2008 [Belokrenitskiy V.Ya., Moskalenko V.N. *History of Pakistan. 20th Century*. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, 2008 (in Russian)].

Капица М.С. *КНР: три десятилетия – три политики*. М.: Политиздат, 1979 [Kapitsa M.S. *PRC: Three Decades – Three Policies*. Moscow: Politizdat, 1979 (in Russian)].

Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. *Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI веке*. М.: Институт экономических стратегий, 2009 [Zuyk B.N., Shaumian T.L. *India – Russia: Partnership Strategy in 21st Century*. Moscow: Institute of Economic Strategies, 2009 (in Russian)].

Лунев С.И. *Дипломатия в Южной Азии*. М.: Наука, 1993 [Lunev S.I. *Diplomacy in South Asia*. Moscow: Nauka Publ., 1993 (in Russian)].

Степанов Е.Д. *Пограничная политика КНР: стратегические цели и тактические приемы (1949–1984 гг.)*. М.: Институт Дальнего Востока АН СССР, 1986 [Stepanov E.D. *China's Border Policy: Strategic Goals and Tactics (1949–1984)*. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Academy of Sciences of the Soviet Union, 1986 (in Russian)].

Терехов В.Ф. Территориальная проблема в китайско-индийских отношениях: истоки, эволюция и современное состояние. *Проблемы национальной стратегии*. 2011. № 4. С. 57–76 [Terehov V.F. The Territorial Issue in Sino-Indian Relations: Origins, Evolution and Current State. *National Strategy Issues*, 2011. No. 4. Pp. 57–76 (in Russian)].

Шаумян Т.Л. Противостояние в Гималаях: территориальные проблемы в исторической перспективе. *Труды Института востоковедения РАН*. № 12. 2018. С. 287–306 [Shaumian T. Confrontation in

³ Наиболее ярким примером таких изменений на современном этапе можно считать ситуацию в районе Ладакха, которая в 2020 г. обострилась настолько, что привела к жертвам с обеих сторон. На этом фоне многие стали опасаться «сползания» к войне, однако после нескольких раундов переговоров сторонам вновь удалось встать на путь мирного урегулирования: в феврале 2021 г. они начали поэтапное отведение войск от Линии фактического контроля и продолжают вести переговоры с целью дальнейшей нормализации ситуации.

the Himalayas: Territorial Problems in the Historical Perspective. *Papers of the Institute of Oriental Studies of the RAS*. 2018. No. 12. Pp. 287–306 (in Russian)].

Юрлов Ф.Н. *История Индии. XX век*. М.: Институт востоковедения РАН, 2010 [Yurlov F.N. *History of India. 20th Century*. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 2010 (in Russian)].

259. Special National Intelligence Estimate. *Central Intelligence Agency*, Job 79-R01012A, ODDI Registry of NIE and SNIE Files. Secret; Controlled Dissem; Limited Distribution. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v25/d259> (accessed: 15.05.2021).

27 April 1959. *Lok Sabha Debates*. Second Series, Vol. XXX. Cols. 13493–13503. *Selected Works of Jawaharlal Nehru*, Series II, Vol. 48. New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 2013.

Agreement on Trade and Intercourse with Tibet Region of April 29, 1954. Ministry of External Affairs, Government of India. 09.2019. <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/7807/Agreement+on+Trade+and+Intercourse+with+Tibet+Region> (accessed: 10.09.2020)

Chakravorty P.K., Kanwal G. Operation Gibraltar: An Uprising that Never Was. *Journal of Defence Studies*, 2015. Vol. 9. No. 3. Pp. 33–52.

Chaudhuri S. *Maoist Betrayal India: A Case Study*. New Delhi: Sterling Publishers Pvt. Ltd., 1980.

Chinese Answer Soviet Criticism of Chinese Position in Sino-Indian Border Dispute. *Translations on International Communist Developments No. 541*. U.S. Joint Publications Research Service. 2018.

Colombo Conference Proposals on Indian-Chinese Border Dispute. 1963. HeinOnline. <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/intlm2&div=27&id=&page=> (accessed: 01.02.2021).

Conversation with Chou En-lai (II). Second session, New Delhi, 10 pm to midnight, 25 June 1954. *V.K. Krishna Menon Papers*, NMML. Extract, 1954.

Deshingkar G. India – China Relations: The Nehru Years. *China Report*, 27(2).1999. Pp. 85–100.

Eekelen W. *Indian Foreign Policy and the Border Dispute with China: A New Look at Asian Relationships*. Leiden: Brill, 2015.

Ganapathy V. Military Lessons of the 1965 Indo-Pakistan War. *Scholar Warrior*, Autumn 2014. <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.737.6110&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 15.05.2021).

Gupta K. Sino-Indian Agreement on Tibetan Trade and Intercourse: Its Origin and Significance. *Economic and Political Weekly*. Apr. 22, 1978. Vol. 13. No. 16. Pp. 696–702.

Horimoto T. India's Wars: The Indo-Pakistani Wars and the India-China Border Conflict. *2015 International Forum on War History: Proceedings*. 07.2015. <http://www.nids.mod.go.jp/english/event/forum/pdf/2015/07.pdf> (accessed: 15.05.2021).

Jaishankar D. 1962's Other Crisis: India and China Go to War. *The Diplomat*. 20.10.2012. <https://thediplomat.com/2012/10/seeing-china-through-indian-eyes-the-legacy-of-1962/> (accessed: 15.05.2021).

Jian C. The Tibetan Rebellion of 1959 and China's Changing Relations with India and the Soviet Union. *Journal of Cold War Studies* – Vol. 8, Issue 3, Summer 2006. Pp. 54–101.

Kavic L.J. *India's Quest for Security: Defense Policies, 1947–1965*. University of California Press, 1967.

Kux D. *India and the United States: Estranged Democracies 1941–1991*. Washington, DC: National Defense University Press, 1993.

Letter from the Prime Minister of China to the Prime Minister of India, 23 January 1959. Wilson Center: Digital Archive, International History Declassified.

Letter from the Prime Minister of India to the Prime Minister of China, 16 November 1959. *Selected Works of Jawaharlal Nehru*, Series II, Vol. 54. New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 2013.

Letter from the Prime Minister of India to the Prime Minister of China, 22 March 1959. *Selected Works of Jawaharlal Nehru*, Series II, Vol. 47. New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 2013.

Lowe V., Roberts A., Welsh J. *The United Nations Security Council and War: The Evolution of Thought and Practice since 1945*. OUP Oxford. 2008.

Lüthi L. Sino-Indian Relations, 1954–1962. *Eurasia Border Review*. Vol. 3, Special Issue. 2012. Pp. 93–119.

McGarr P.M. *The Cold War in South Asia: Britain, the United States and the Indian Subcontinent, 1945–1965*. Cambridge University Press, 2013.

Nehru J. *Note on Visit to China and Indo-China*. November 14, 1954. *Selected Works of Jawaharlal Nehru*, Series II, Vol. 27. New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 2000.

Note given by the Ministry of External Affairs, New Delhi, to the Embassy of China in India, 7 October, 1964. *Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 11 (January 1964 – January 1965)*. 12.2016. <http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper11NEW.pdf> (accessed: 17.11.2020).

Note given by the Ministry of External Affairs, New Delhi, to the Embassy of China in India, 17 September, 1965.

Note given by the Ministry of Foreign Affairs, Peking, to the Embassy of India in China, 8 September, 1965. *Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 12 (January 1965 – February 1966)*. 12.2016. <http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper12NEW.pdf> (accessed: 17.11.2020).

Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 13 (February 1966 – February 1967). 12.2016. <http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper13NEW.pdf> (accessed: 12.12.2020).

Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 14 (February 1967 – April 1968). 12.2016. <http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper14NEW.pdf> (accessed: 24.01.2020).

Pillai K.R. *The Political Triangle: Pakistan, India and Britain*. New Delhi: Abhinav Publications, 1970.

Premier Chou En-lai's Letter to Prime Minister Nehru. (September 8, 1959). Wilson Center: Digital Archive, International History Declassified.

Prime Minister Rajiv Gandhi's Visit to China. *China Report*. 25(2). 1989. Pp. 187–200.

Ramachandran S. *Decision-making in Foreign Policy*. New Delhi: Northern Book Centre, 1996.

Relations of the United States: Diplomatic Papers. U.S. Government Printing Office, Vol. VI 'Asia and the Pacific' (in two parts), 1951.

Sali M.L. *India – China Border Dispute: A Case Study of the Eastern Sector*. New Delhi: APH Publishing, 1998.

Talbott S. *Engaging India: Diplomacy, Democracy, and the Bomb*. Brookings Institution Press, 2006.

The Boundary Agreement Between China and Pakistan, 1963. Anna Maria Baldussi, Università degli Studi di Cagliari. 04.2015. <https://people.unica.it/annamariabaldussi/files/2015/04/China-Pakistan-1963.pdf> (accessed: 24.01.2020).

To Chou En-lai. December 14, 1958. *Selected Works of Jawaharlal Nehru*. Series II. Vol. 45. New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 2012.

Whiting A.S. *China Crosses the Yalu: The Decision to Enter the Korean War*. Stanford: Stanford University Press, 1990.

Xiaowen H. The 1950s in China–India relations. *Routledge Handbook of China–India Relations*, Ed. Bajpai K., Ho S., Miller M.C. 1st Edition, London: Routledge, 2020.

新藏公路. Синьцзан гунлу [Синьцзян–Тибетское шоссе – Xinjiang-Tibet Highway (in Chinese)] <https://baike.baidu.com/item/新藏公路> (accessed: 15.05.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ШАВЛАЙ Эллина Петровна –
преподаватель кафедры английского языка
№ 1, аспирантка кафедры востоковедения,
МГИМО МИД России, Москва,
Российская Федерация.

Ellina Petrovna SHAVLAY,
Lecturer at the English Language Department
No. 1, PhD Student at the Department of Oriental
Studies, MGIMO University, Moscow,
Russian Federation.

DOI: 10.31857/S086919080015020-9

ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В ОТНОШЕНИИ НАМИБИИ: ПОПЫТКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОЛОНИАЛИЗМА

© 2021

Н.В. ИВКИНА ^а

^а – Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8654-7629; Ivkina-nv@rudn.ru

Резюме: Статья посвящена изучению колониального прошлого Германии и его влияния на современную ситуацию в германо-африканских отношениях. На примере колонии Юго-Западной Африки (современная территория Намибии) в статье изучены методы, с помощью которых кайзеровская Германия добивалась и удерживала контроль за территорией, а также причины постоянных восстаний отдельных племен против колонизаторов. Рассмотрены подходы европейских исследователей, а также международных организаций к проблеме признания действий немецких колонистов геноцидом против народов Африки. Актуальность исследования заключается в необходимости проведения анализа действий Германии по преодолению последствий колониальной политики, в оценке экономического вклада в становление и развитие Намибии. Цель исследования – выявление характера и объемов немецкой помощи Намибии и изучение ее эффекта на экономику и гуманитарную сферу. Для написания статьи были использованы как исторические, так и современные источники и литература.

Новизна исследования определяется тем, что в российской историографии отсутствует работа, в которой дается оценка влиянию колониального прошлого Германии на ее современную внешнюю политику на африканском континенте. В отличие от других работ, в которых представлены либо современное состояние германо-намибийских отношений, либо исторический контекст колониального прошлого, в статье предпринята попытка проанализировать совокупность исторических факторов, влияющих на актуальную повестку дня. Методологическая база основывается на исторической периодизации, в рамках которой исследуются этапы развития германского колониализма, а также на функциональном подходе, помогающем раскрыть особенности немецкой помощи Намибии. Результаты исследования представлены в виде выводов относительно того, насколько успешны попытки Германии преодолеть последствия колониализма и как на немецкой политике по этому вопросу отражается поведение самой Намибии.

Ключевые слова: теория постколониализма, Юго-Западная Африка, геноцид гереро и нама, германо-намибийские отношения, помощь в целях развития.

Для цитирования: Ивкина Н.В. Политика Германии в отношении Намибии: попытки преодоления колониализма. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 181–192. DOI: 10.31857/S086919080015020-9

GERMANY'S POLICY REGARDING NAMIBIA:
ATTEMPTS TO OVERCOME COLONIALISM

© 2021

Nataliia V. IVKINA ^a^a – RUDN University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-8654-7629; Ivkina-nv@rudn.ru

Abstract: *The article is devoted to the study of the colonial past of Germany and its influence on the current situation of German-African relations. The article examines the methods, by which Imperial Germany sought and held control over the territory on the example of colony South West Africa (at present Namibia), as well as the causes of the continuous revolts of the tribes against the colonizers. The author considered approaches of European researchers and international organizations to the problem of recognizing the actions of German colonists as genocide against the peoples of Africa. The purpose of the research is to identify the nature and volume of German aid to Namibia and to study its effect on the economy and the humanitarian sphere. Both historical and current sources and literature were used to write the article.*

The novelty of the research is determined by the fact that there is no work in Russian historiography that assesses the influence of Germany's colonial past on its modern foreign policy on the African continent. The methodological framework is based on historical periodization, which examines the stages of development of German colonialism, as well as a functional approach that helps to reveal the features of German aid to Namibia. It was found that in terms of the economic characteristic Germany verifies the assumption of the postcolonial theory that the ex-metropolis has a significant impact on the former colonies. In terms of the political characteristic in the case of the German-Namibian relations the theory turns out to be untenable.

Keywords: postcolonial theory, South West Africa, Herero and Nama genocide, German-Namibian relations, development assistance.

For citation: Ivkina N.V. Germany's Policy Regarding Namibia: Attempts to Overcome Colonialism. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 181–192. DOI: 10.31857/S086919080015020-9

Исследования колониального периода африканской истории занимают важное место в современном научном дискурсе. Это обусловлено тем, что бывшие метрополии стремятся сохранить свое влияние на территории, некогда имевшие зависимость от них. Чаще всего в качестве предмета исследования выступают наиболее крупные колониальные державы – Франция и Великобритания. В наименьшей степени представлены исследования колониальной политики Германии в Африке. Это отчасти обусловлено тем, что более поздние страницы немецкой истории, связанные с нацизмом и Второй мировой войной, вытесняют анализ событий эпохи кайзеровской Германии. Отсутствие оценки последствий колониальной политики Германии конца XIX – начала XX вв. ведет к непониманию отношений современного немецкого государства со странами Африки.

Ключевым исследовательским вопросом является следующий: признает ли Германия «моральную ответственность» за колониальные преступления в Юго-Западной Африке и предпринимает ли она какие-либо реальные шаги для преодоления последствий жестокой политики в Африке. Задачами исследования являются анализ процесса приобретения Германией колонии – Юго-Западной Африки, методов, с помощью которых было

установлено германское господство, а также оценка современного состояния отношений с Намибией, которая занимает сегодня эту территорию.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическая база исследования опирается на теорию постколониализма, основанную на попытках «изучить сложную и дискуссионную проблему западного колониализма и антиколониального сопротивления» [Prasad, 2003, p. 9]. Сама теория имеет в своей основе идеи постструктурализма, а также отдельные элементы критической теории (в частности Франкфуртской школы), но в отличие от них делает особый акцент на связях между прошлым и настоящим, проводя параллели между отдельными историческими событиями. Важной чертой, отличающей теорию постколониализма от вышеперечисленных, является нежелание игнорировать особенности процессов развития языка и культуры, а также идентичность отдельных народов Африки. В данном исследовании предполагается доказать, что политика Германии в отношении Намибии во многом определяется наличием общего колониального прошлого.

Наиболее видными представителями теории постколониализма являются Эдвард Саид [Said, 1978], Гаятри Спивак [Spivak, 1999], Хоми Бхабха [Rutherford, 1990]. Так, идея Эдварда Саида основана на том, что европейские страны с помощью инструментов манипулирования (литература, СМИ и др.) намеренно формируют ложный образ бывших колоний, противопоставляя цивилизованный Запад плохо развитому Востоку [Hamadi, 2014, p. 40]. Таким образом оправдываются насильственные действия метрополий против колоний. Для проверки данного утверждения предполагается проведение анализа проблемы признания Германией геноцида народов гереро и нама и отказа от извинений за причинённый культурный и социальный ущерб.

Если классические евроцентристские теории основаны в большинстве своем на дилемме распределения власти между акторами (государственными и негосударственными), то теория постколониализма поднимает проблему концентрации власти. Сторонники данной теории считают, что окончание колониального доминирования европейских стран не уменьшило их влияния на экономическую и культурную составляющие жизни африканских обществ [Young, 1995]. Немецкий исследователь теории постколониализма Б. Шиллинг отмечает, что германский колониализм необходимо рассматривать в рамках «культурной памяти» самого колониального периода, а последствия колониализма оценивать по реакции на потерю заморских территорий и усилий по сохранению неформального влияния на них [Schilling, 2015, p. 428–429].

Исходя из этого, в статье будет рассматриваться не классический подход к оценке отношений между Германией и Намибией, а те стороны немецкой помощи африканскому государству, которые отражают попытки немецкой стороны преодолеть последствия колониального прошлого. Идея изучения колониального наследия и его влияния на современные мировые процессы помогает по-новому взглянуть на отношения развитых и развивающихся стран за счет широкого спектра методологических возможностей.

Базовые методы, используемые для доказательства элементов постколониальной теории, определяются необходимостью формирования взаимосвязи между колониальным прошлым африканских и европейских стран и современными политическими и экономическими процессами [Young, 1995]. На начальном этапе для понимания контекста отношений Германии и Намибии с помощью метода исторической периодизации необходимо выделить основные вехи колониальной истории. В основе исследования лежит функциональный подход, характеризующийся поэтапным изучением взаимосвязи между колониальным

прошлым Германии и Юго-Западной Африки и современным состоянием германо-намибийских отношений.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГЕРМАНСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА

История развития германского колониализма в Юго-Западной Африке началась в 1814 г., когда британское правительство послало германского миссионера Генриха фон Шмелена для работы среди кочевых племен нама в Южной Африке. Предполагалось, что он будет обеспечивать необходимыми сведениями Капскую колонию, однако, обосновавшись в районе современного расположения города Окахандья, фон Шмелен наладил прямую связь с Берлином и стал передавать сведения о разведанных землях и их жителях для привлечения новых торговых миссионеров из Германии [*Report of the Natives*, 1918, p. 4–6].

В результате в период с 1840 г. по 1867 г. на территории Намаленда и Дамараленда, где проживали племена нама и дамара, появились германские миссионерские общества (самое крупное из них Рейнское миссионерское общество). Торговцам удалось наладить обмен товарами с местным населением для взаимной выгоды, а также открыть постоянно действующие магазины. Так, местные племена получали одежду, готовые продукты, а также оружие и боеприпасы, взамен отдавая крупный рогатый скот, овец и продукты охоты [*Report of the Natives*, 1918, p. 8–16]. Препятствием для налаживания отношений с племенами были британские торговцы, которые кочевали по южным землям, скупая скот и продавая его в Капских колониях по более высоким ценам.

Обострение отношений английских и германских колонистов произошло в 1864–1870 гг. Это связано с войной между племенами гереро и нама. Поддерживаемые британскими миссионерами гереро по большей части одерживали победу над нама, которым сочувствовали немцы. Рейнское миссионерское общество регулярно подвергалось разграблению, что привлекло внимание прусского короля Вильгельма I, который обещал помочь оружием и боеприпасами. Однако франко-прусская война не позволила направить средства в колонии и до 1870 г., до окончания войны между племенами, германские миссионеры не получали большой прибыли.

Лишь в 1873 г. работа с местным населением была восстановлена. Новая стратегия немецких колонистов заключалась в том, чтобы обучать местных жителей ремеслам, что сделало немецкие подходы более привлекательными. В 1878 г. была создана Ассоциация по торговой географии и продвижению германских интересов за рубежом, а в 1881 г. Западногерманская Ассоциация по колонизации и экспорту [Sarkin, 2008, p. 30]. Это фактически стало точкой отсчета германского колониализма в Африке. В 1884 г. Отто фон Бисмарк на Берлинской конференции по разделу Африки объявил, что Германия будет препятствовать аннексии территории у мыса Доброй Надежды, а с ней и всей экваториальной Африки, которая находится теперь под ее защитой [Ritter-Petersen, 1991, p. 21]. Выделенная Германии территория была определена в конкретных границах лишь в 1886 г. по соглашению с Португалией и в 1890 г. по соглашению с Великобританией [Du Pisani, 1985, p. 23; Williams, 1926, p. 56]. Так появилась Германская Юго-Западная Африка, оставшаяся колонией до 1919 г.

Однако наличие соглашения по закреплению колониальной территории не смягчило отношения между Германской империей и Великобританией. Кроме того, английская пресса умело раздувала вопрос о невыгодности этого соглашения для своего правительства [Галкина, 2014, с. 59]. Германия продолжала оспаривать английские притязания на остров Занзибар (расположенный на восточном берегу Африки). В обмен на отказ от притязаний, по Гельголандско-занзибарскому соглашению [*Helgoland – Sansibar-Vertrag*,

1890], Германии был предложен остров Гельголанд в Северном море, а также полоса земли – Каприви, которая дала выход к реке Замбези. Предположительно, это стало одной из весомых побед германской дипломатии над английской в тот период. В результате в 1885 г. было образовано Германское колониальное общество для Юго-Западной Африки (нем. *Deutsche Kolonialgesellschaft für Südwestafrika*), которое приобрело права на добычу полезных ископаемых и ведение сельского хозяйства на занимаемых территориях.

Большинство ученых, исследовавших политику Германии в Африке в колониальный период, называют ее аннексией, проводившейся жесткими методами. Бенджамин Мэдди обозначил германскую политику в Юго-Западной Африке как *tabula rasa* – «чистая доска» [Madley, 2007, p. 168]. Она предполагала геноцид, этнические чистки, лишение коренных жителей собственности, изгнание их с занимаемых земель. Сами немцы утверждали, что к их официальному приходу на эти территории, они были незанятыми. Но по данным, собранным Л. Томпсоном, это не соответствует действительности: «первые племена появились на территории современной Намибии 27–30 тыс. лет назад, народы банту мигрировали с севера, а нама с юга, гереро пришли с территории Великих Озер» [Thompson, 1969]. Таким образом, немцы не могли найти там пустых земель, и обвинения в жестоком изгнании народов справедливы. По некоторым данным, германские колонисты относились к гереро иначе, чем к другим племенам, применяя более жестокие методы этнических чисток, из-за того что данное племя оспаривало процесс колонизации и сопротивлялось отнятию земли и скота [Sarkin, 2011, p. 104].

Немецкие исследователи также нашли доказательства жестокого обращения колонизаторов с местными племенами. П. Рорбах отмечает, что «само решение колонизировать Юго-Западную Африку не могло означать ничего иного, кроме проведения политики изгнания племен со своих земель ради того, чтобы белый человек мог пасти там свой скот. Были созданы все условия для превращения южноафриканских аборигенов в рабочий класс, находящийся на службе у немцев» [Rohrbach, 1907, p. 286].

Методы эксплуатации, такие как незаконная конфискация скота, голод и угнетение населения, стали причинами восстания гереро в 1904 г. Кроме того, к факторам, спровоцировавшим восстание, можно отнести физические наказания за неповиновение колонистам. По данным архивных документов, изученных португальским исследователем Дж. Саркиным, телесные наказания, которым колонисты подвергали туземцев, к началу XX в. стали обычным явлением. Гереро и нама не приходилось рассчитывать и на правосудие. Так, в 1903–1904 гг. было вынесено 340 приговоров по применению жестоких телесных наказаний, и эта цифра постоянно увеличивалась [Sarkin, 2011, p. 105–106]. Согласно письму вождя гереро Самуэля Магареро к вождю нама, «немцы регулярно и произвольно убивали людей гереро и нама, насиловали женщин, а суды не давали никакой защиты» [Katjavivi, 1989, p. 9–10]. В доказательство данного тезиса следует привести статистические данные истребления народов гереро, овамбо и нама (табл. 1).

Таблица 1.

Статистические данные по истреблению Германией народностей Намибии (в чел.)

Этнос / Год	1876	1903	1911
Гереро	85 000	80 000	15 130
Нама	18 350	20 000	9 781
Овамбо	98 000	100 000	5 122

Источник: составлено автором на основе материалов *Report of the Natives of South-West Africa and their treatment by Germany* и *Die deutschen Schutzgebiete in Afrika und der Südsee* [Die deutschen Schutzgebiete in Afrika und der Südsee, 1918, p. 8–16]

Как видно из приведенных данных, погибло около 50% нама и около 83% гереро. Наибольшее сопротивление оказывало племя гереро, регулярно пытавшееся отбить посягательства немцев на свою территорию [Sarkin, 2008, p. 35]. Более того, нередко были случаи и обратной жестокости, но за убийство колониста туземцы получали смертную казнь [Sarkin, 2011, p. 106]. Также стоит отметить, что помимо жестоких методов принуждения к повиновению особую роль сыграло желание колониальной администрации Германии навязать местным племенам свою систему управления, насильственным способом перекраивая их законы наследования верховной власти. Насаждая «верховных вождей», немцы использовали их в своих интересах, создавая синдикаты земельных поселений [Mayer, 1905, p. 24]. Все это говорит о том, что восстание не было беспричинным, оно было спровоцировано действиями самих колонистов, без необходимости уничтожавших коренное население.

За несколько недель до активной фазы мятежа фермеры и миссионеры стали замечать, что местные жители скупали лошадей, оружие и боеприпасы, но ничего не предпринимали. 12 января 1904 г. германские поселенцы подверглись нападению, местный губернатор пытался ненасильственным способом решить проблему, но в Берлине с этим не согласились. Для подавления мятежа были привлечены так называемые немецкие «силы защиты» (нем. *Schutztruppe*) во главе с новым губернатором Лотаром фон Трота, который имел опыт силового подавления восстаний в Восточной Африке и Китае [Gründer, 2014]. В своих письмах он писал: «моя политика – это насилие, терроризм и жестокость, я уничтожу повстанческие племена, только так можно создать что-то новое» [Gründer, 2014]. Несмотря на то, что земли и скот гереро были захвачены, им удалось избежать окружения и остатки племени бежали в пустыню Омахеке. Между 1904 г. и 1908 г. регулярно происходили столкновения между германскими «силами защиты» и племенами гереро и нама (присоединились в октябре 1904 г.), приводившими к массовым истреблениям последних.

Таким образом, можно говорить о том, что колониальный период истории Германии характеризовался крайне агрессивной политикой по отношению к коренным народам, населявшим аннексированную территорию. Возможность активного сопротивления племен германским миссионерам происходила из того, что даже в условиях существования губернатора в Юго-Западной Африке, назначавшегося из Берлина, у колонистов не было единой политики. Многие миссионеры не разделяли жестокую линию германского правительства в отношении местного населения и продавали им оружие и боеприпасы. Существовал также вопрос административного дуализма – размытость военного и гражданского управления [Пуховская, 2014, с. 130]. Кроме того, проблемой Германии вплоть до 1919 г., когда страна потеряла колонию, оставалось соперничество с Великобританией.

ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ ГЕНОЦИДА

Вопрос о признании подавления восстания 1904 г. первым актом геноцида в XX в. остается на сегодняшний день открытым. Большинство исследователей рассматривают геноцид (преднамеренное уничтожение группы людей) как серьезное посягательство на основополагающее право человека – право на жизнь, и подтверждают, что это право нарушали немецкие колонисты, истребляя гереро и нама [Shanghuylia, Falola, 2018, p. 1097]. В 1985 г. ООН представила «Пересмотренный и обновленный доклад по вопросу о предупреждении преступления геноцида и наказания за него», подготовленный Б. Уитакером. В докладе признается, что «немецкие силы во главе с генералом фон Трота убили три четверти африканцев-гереро» [Whitaker, 1985]. Со своей стороны, Германия на официальном уровне, т. е. через решение Бундестага, не признает действия 1904–1908 гг. геноцидом, ограничиваясь устными заявлениями отдельных представителей немецкой политической

элиты. Так, в 2004 г. член Федерального правительства Германии, министр экономического сотрудничества и развития, Хайдемари Вечорек-Цойль, посетила Намибию и заявила, что «зверства в Намибии можно назвать геноцидом» [Rede von Bundesministerin, 2004]. Однако в принятой после этого заявления Декларации Бундестага от 16 июня 2004 г. признания геноцида гереро и нама не прозвучало. Нашло место лишь очередное подтверждение «признания жестокости колониального прошлого и ответственности за будущее Намибии» [Rede von Bundesministerin, 2004], которое уже признавалось с помощью подобного документа в 1989 г.

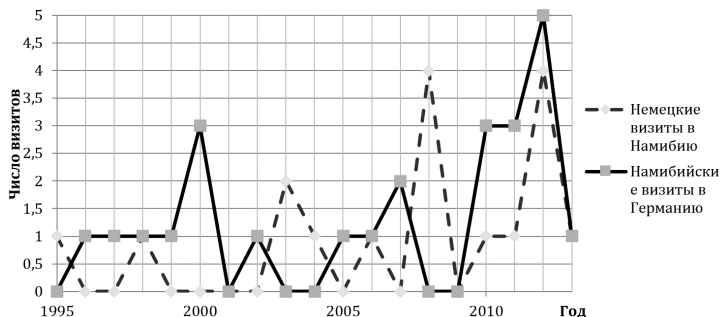
Причиной отказа от официального признания геноцида является необходимость возмещения ущерба в виде репараций. Представители гереро и нама в начале 2000-х гг. подали в Федеральный окружной суд Нью-Йорка иск о «финансовой компенсации за массовые убийства в размере 4 млрд долл.» [Marouf, 2019, p. 172]. Иск не был удовлетворен. Последующие обращения в различные инстанции Германии также не принесли результатов.

Официальным доводом, который использует немецкое правительство для отказа, является тот факт, что конвенция ООН, в которой впервые упоминается и осуждается геноцид, вступила в силу лишь в 1951 г., а значит события 1904–1908 гг. не подпадают под юрисдикцию. Единственное, что признало немецкое правительство, так это «историческую и моральную ответственность перед Намибией и потомками жертв конфликта, необходимость построения особых отношений с Намибией, готовность к интенсивному сотрудничеству. При этом компенсационные обязательства Германии перед Намибией, по мнению Бундестага, отсутствуют» [Bundesregierung, 2012]. Такое соотношение говорит о косвенной готовности Германии взять на себя обязательства за развитие экономики и социальной жизни в Намибии. Анализ экономической и инвестиционной составляющих германо-намибийских отношений необходим для определения реальных шагов, совершаемых сторонами для преодоления последствий колониализма.

ПОМОЩЬ В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ

Как и большинство африканских стран, Намибия заинтересована в том, чтобы получать экономическую и инвестиционную помощь от развитых стран. Еще в 1990-х гг. Германия (после объединения в 1990 г.) начала постепенно расширять свои экономические и политические связи с Намибией. Об этом говорит количественная оценка взаимных визитов официальных представителей обеих стран (см. рис. 1):

Рис. 1. Сравнение частоты взаимных визитов

Источник: составлено автором по данным о двусторонних визитах на официальном сайте Посольства Намибии в Германии [Botschaft der Republik Namibia in der Bundesrepublik Deutschland, 2021].

Как видно из приведенного графика, с середины 1990-х гг. Германия регулярно приглашает представителей Намибии посетить страну для обсуждения двусторонних, преимущественно торгово-экономических и инвестиционных, вопросов. Особого внимания заслуживает визит премьер-министра земли Шлезвиг-Гольштейна и Президента Бундесрата Даниэля Гюнтера в Намибию с 13 по 18 июля 2019 г. В рамках визита состоялись встречи немецкой делегации с председателем и членами Национального Совета Намибии, прошли переговоры с заместителем премьер-министра, министром внешней политики, министром промышленности и торговли [*Bundesratspräsident besucht Namibia*, 2019].

Речь Даниэля Гюнтера оказалась крайне неоднозначной. Вначале была сделана попытка извиниться за жестокость немцев в отношении гереро и нама, потом было проведено сравнение борьбы за освобождение племен с борьбой Германии за объединение ФРГ и ГДР [*Unsere beiden Länder*, 2019]. Данное сравнение некорректно в силу недостаточности показателей критериев сравнения. При этом в выступлении очевидно подчеркивалось превосходство федерализма и готовность Германии стать моделью для развития Намибии.

Особенностью речи официального представителя Германии является также отсутствие каких-либо экономических обещаний. Несмотря на то, что небольшие размеры экономики Намибии не позволяют рассматривать ее в качестве основного рынка сбыта на Африканском континенте, объемы экспорта и импорта поступательно возрастали (табл. 2).

Таблица 2.

Экспорт и импорт из Германии в Намибию в 1991–1995 гг.

Год	Экспорт, млн долл. США	Импорт, млн долл. США
1991	3 767	3 908
1992	4 223	4 386
1993	4 803	4 995
1994	5 469	5 286
1995	6 135	5 781

Источник: составлено автором по материалам Economist Intelligence Unit.

Согласно табл. 2, постепенно шло увеличение показателей экспорта и импорта. Исследователи торгово-экономического потенциала Германии и Намибии 1990-х гг., применив количественные методы исследования, доказали, что чистая торговля двух стран и немецкая помощь Намибии были значительны, но общая эффективность невелика (не оказала существенного влияния на экономический рост Намибии) в силу отсутствия прямых иностранных инвестиций и недостатка межсекторального разделения помощи [Amavilah, 1998, p. 689–690].

Основными видами товаров, импортируемых Германией из Намибии являются: полезные ископаемые, продукты горнодобывающей промышленности: алмазы, золото, медь, уран. Также стоит отметить, что Германия занимает второе место по импорту сельскохозяйственной продукции [*Trade Policy Framework*, 2016]. Для минимизации рисков и поддержки сельского хозяйства немецкий банк *KfW*, отвечающий за помощь развивающимся странам, финансирует специальную многоотраслевую программу (*NGSIP*) для развития тех районов Намибии, которые в наибольшей степени пострадали от немецкого колониального влияния [*Namibian-German*, 2006]. Только за подготовительный этап Германия выделила 12.6 млн долл. США, а каждая новая фаза реализации проекта увеличивала вклад.

Флагманским сельскохозяйственным проектом является «Энергия для будущего» 2011 г. [von Detlof, 2012, p. 111], в рамках которого финансовая помощь оказывается сельскохозяйственным угодьям, которые ранее были непригодны для использования. Кроме того, проект помогает Намибии развивать возобновляемые источники энергии, в том числе солнечную и ветровую.

Помимо затрат на торгово-экономические отношения Германия взяла на себя инициативы по прямым инвестициям в различные секторы намибийской экономики. Немногие западные страны готовы пойти на стабильное увеличение инвестиций в страну, в которой общий инвестиционный климат постоянно ухудшается. По данным агентства Doing Business в 2008 г. Намибия занимала 54-е место в инвестиционном рейтинге. Постоянно опускаясь в нем, к 2019 г. она оказалась уже на 107 позиции [Ease of Doing Business, 2019]. Эта тенденция породила снижение общего уровня инвестиций. Однако немецкие государственные структуры и частные компании продолжают вкладывать деньги в развитие отдельных отраслей.

На государственном уровне приоритетными направлениями инвестиционной политики стали борьба с бедностью и неравенством, управление природными ресурсами, устойчивым экономическим развитием, логистикой. Германия добилась лидирующего места среди доноров. В 2007–2015 гг. по инициативе Правительства Германии действовала Намибийско-германская инициатива по примирению, по которой на поддержку развития этнических групп, наиболее пострадавших от колониального правления, было выделено 34 млн евро [Partner Country, 2019]. При этом официальный источник – Федеральное министерство экономического сотрудничества и развития подчеркивает, что инициатива не является репарацией, а направлена на сокращение масштабов нищеты.

Что касается частных компаний, то они занимаются по большей части инфраструктурными и горнодобывающими проектами. Пик активности пришелся на 2016 г., когда представители ряда немецких компаний K-UTEC AG Salt Technologies, Actemium Fördertechnik Rheinland GmbH, Höft GmbH, Intectus GmbH, Haver & Boecker OHG, Liebherr-Werk Biberach GmbH, NAUE GmbH & Co. KG, Böhler Welding Germany GmbH, GP Papenburg Maschinenbau GmbH посетили Намибию с целью исследования бизнес-рынка страны [Five Business Delegations, 2016]. Большой проект в области обеспечения водными ресурсами в Намибии реализовывает компания Ingenieurbüro Gauff, которая строит станции очистки воды, насосные станции, ремонтирует магистральные трубы [Gauff Projects for Africa, 2019].

Также официальные делегации немецкого Правительства регулярно посещают Намибию и определяют рекомендуемые сферы для государственных инвестиций. В 2019 г. особый упор был сделан на сохранение флоры и фауны Намибии и устойчивом лесопользовании. Объединение NCA поддерживает инициативы и деятельность по производству древесного угля, направленную на увеличение доходов сельского населения, устойчивого производства и высококачественного экспорта [German Delegation Visits Namibia, 2019].

ВЫВОДЫ

Исторический контекст отношений Германии с ее бывшей колонией Юго-Западной Африкой действительно оказывает существенное влияние на современные германо-намибийские отношения. Очевидно, что Германия признает «моральную ответственность» за совершенные преступления против народов Африки, но официальное признание геноцида сделать пока не готова. Причина этого кроется не в репарациях, которые Германия может выплатить, учитывая, что торгово-экономические преференции, а также инвестиционные потоки в Намибию уже превышают запрашиваемую гереро и нама компенсацию. Германия

не желает создавать прецедент с выплатой репарационной суммы, чтобы не спровоцировать активность таких стран, как, например, Греция и Польша, которые также требуют от немецкого правительства выплат за нанесенный ущерб во Второй мировой войне.

Намибийские власти понимают, что вопрос лежит не в экономической плоскости и оказывают как внутреннее, так и внешнее давление на немецкое правительство. Давление извне производится путем подачи исков в американские и европейские суды, после которых традиционно увеличивается поток инвестиций из Германии, дабы загладить возникший резонанс. Внутреннее давление происходит посредством намибийской диаспоры в Германии, которая распространяет свое влияние, прежде всего на оппозиционные партии (например, в партии Зеленых есть представители гереро, которые активно лоббируют идею признания геноцида на разных уровнях).

Описанные виды давления, в совокупности с успешными шагами по формированию образа наиболее пострадавшей стороны, приносят Намибии ощутимые результаты не только в виде больших инвестиций, но и в виде гуманитарных преференций. Скорее всего в ближайшее время Германия не пойдет на уступки по официальной выплате репараций. Другие страны, бывшие колонии кайзеровской Германии, могут воспользоваться ситуацией и также потребуют компенсаций.

Причина такого дисбаланса, по-видимому, кроется в том, что проблема гереро и нама больше освещается, о ней говорят в средствах массовой информации и правительственных кругах. Существуют мнения о том, что Германия допустила «монополизацию статуса жертвы» указанных народов, позволив гереро и нама злоупотребить «биологической аутентичностью» в качестве преемников жертв колонистов [Abbink et al., 2003, p. 279–304]. Это не означает, что не стоит рассматривать акты агрессии германских колонистов против местного населения как преступления против человечности.

Таким образом, ситуация с преодолением колониального прошлого Германии является примером инверсии постколониальной теории. Германия прикладывает усилия к тому, чтобы преодолеть последствия колониального прошлого и извиниться перед некогда угнетаемыми народами за геноцид. Выделяемые на развитие намибийской экономики средства являются подтверждением этого. Спорным представляется тезис постколониальной теории о том, что Германия как бывшая метрополия сохранила полное влияние на Намибию. Оправданной же является теоретическая установка на концентрацию власти. Действительно, по большинству параметров экономической помощи Германия занимает лидирующие позиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Галкина И.О. Британская пресса о германских колониальных захватах в Африке в 1880-х годах. *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. 2014. № 3 (44). С. 51–60 [Galkina I. O. British Press on German Colonial Conquests in Africa in the 1880s. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Yesenina* (=Bulletin of Ryazan State University named after S.A. Yesenin). 2014. No. 3 (44). Pp. 51–60 (in Russian)].

Пуховская Е.Ю. Военная бюрократия в колониях кайзеровской Германии (1884–1914). *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2014. № 7. С. 129–139 [Pukhovskaya E. Yu. Military Bureaucracy in the Colonies of Kaiser Germany (1884–1914s). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»* (= Bulletin of Irkutsk State University. Series “History”) 2014. No. 7. Pp. 129–139 (in Russian)].

Abbink G.J., Bruijn M.E., de, Walraven M.E. *Rethinking Resistance: Revolt and Violence in African History*. Leiden–Boston: Brill, 2003.

Amavilah V.H. German Aid and Trade Versus Namibian GDP and Labour Productivity. *Applied Economics*. 1998. Vol. 30. Pp. 689–695.

Botschaft der Republik Namibia in der Bundesrepublik Deutschland. 2021. http://www.namibia-botschaft.de/index.php?option=com_content&view=article&id=44&Itemid=20 (accessed: 01.02.2021).

Bundesratspräsident besucht Namibia. 2019. <https://windhuk.diplo.de/na-de/aktuelles/-/2232732> (accessed: 01.02.2021).

Bundesregierung. Deutschland hat keinen Völkermord an Herero und Nama begangen. *Deutscher Bundestag*. 2012. http://webarchiv.bundestag.de/archive/2013/1212/presse/hib/2012_08/2012_367/05.html. (accessed: 07.07.2020).

Detlof von O. *Namibia's Energy Future – A Case for Renewables in the Electricity Sector*. Windhouk: Konrad Adenauer Stiftung. Namibia-Angola Country Office, 2012. https://www.academia.edu/10839521/Namibias_Energy_Future_The_Case_for_Renewables (accessed: 24.04.2021).

Die deutschen Schutzgebiete in Afrika und der Südsee: amtliche Jahresberichte. Hrsg. vom Reichs-Kolonialamt. Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn Königl. Hofbuchhandlung, 1912. <https://brema.suub.uni-bremen.de/dsdk/periodical/titleinfo/1957488> (accessed: 24.04.2021).

Du Pisani A. *South West Africa/Namibia: The Politics of Continuity and Change*. Johannesburg: J. Ball Publishers, 1985.

Ease of Doing Business Rankings. *The World Bank*. 2019. <https://www.doingbusiness.org/en/rankings> (accessed: 09.08.2020).

Five Business Delegations from Germany in Namibia. *Modern Ghana*. 2016. <https://www.modernghana.com/news/738227/five-business-delegations-from-germany-in-namibia.html> (accessed: 07.07.2020).

Gauß Projects for Africa. *Gauß*. 2019. https://www.gauß.com/en/projects/?_sfm_region=afrika (accessed: 13.08.2020).

German Delegation Visits Namibia, Focus on Major Sectors. *African Review of Business and Technology*. 28 February 2019. <http://www.africanreview.com/finance/economy/german-delegation-visits-namibia-focus-on-major-sectors> (accessed: 13.08.2020).

Gründer M. 1904: Der Herero-Aufstand – der deutsche Sündenfall. *Historeo*. 2014. <https://www.historeo.de/datum/1904-herero-aufstand> (accessed: 10.07.2020).

Hamadi L. Edward Said: The Postcolonial Theory and the Literature of Decolonization. *European Scientific Journal*. 2014. Vol. 2. Pp. 39–46.

Helgoland – Sansibar-Vertrag. 1890. <https://deutsche-schutzgebiete.de/wordpress/helgoland-sansibar-vertrag/> (accessed: 13.07.2020).

Katjavivi P.H. *A History of Resistance of Namibia*. Trenton, NJ: Africa World Press, 1989.

Madley B. Patterns of Frontier Genocide 1803–1910: The Aboriginal Tasmanians, the Yuki of California and the Herero of Namibia. *Journal of Genocide Research*. 2007. No. 6. Pp. 167–192.

Marouf A.H.Jr. Lawfare and the Ovaherero and Nama Pursuit of Restorative Justice. 1918–2018. *University Press Copublishing Division*. Maryland: Fairleigh Dickinson University Press, 2019.

Mayer F. *Wirtschaft und Recht der Herero*. Berlin: Springer, 1905.

Namibian-German Special Initiative for Community-driven Development in Specific Regions. 2006. <http://www.namibia-botschaft.de/aktuelles/717-namibian-german-special-initiative-programme-ngsip.html> (accessed: 18.08.2020).

Partner Country with Historical Relationship. Namibia. Federal Ministry for Economic Cooperation and Development. 2019. http://www.bmz.de/en/countries_regions/subsahara/namibia/index.jsp#section-29689217 (accessed: 18.08.2020).

Prasad A. *The Gaze of the Other: Postcolonial Theory and Organizational Analysis. Postcolonial Theory and Organizational Analysis. A Critical Engagement*. New York: Palgrave Macmillan, 2003.

Rede von Bundesministerin Heidemarie Wiecezorek-Zeul anlässlich des 100. Jahrestages der Herero-Aufstände in Namibia, 2004. <http://www.baerfilm.de/PDF/RedeWiecezorek-ZeulNamibia.pdf> (accessed: 13.07.2020).

- Report of the Natives of South-West Africa and Their Treatment by Germany*. Prepared in the Administrator's Office. Windhuk. South-West Africa, 1918. Pp. 4–16.
- Ritter-Petersen H.G. *The Herrenvolk Mentality in German South West Africa 1884–1914*. DLitt. (History). Pretoria: University of South Africa, 1991.
- Rohrbach P. *Deutsche Kolonialwirtschaft. Südwestafrika*. Berlin-Schöneberg: Forgotten Books, 1907.
- Rutherford J. The Third Space. Interview with Homi Bhabha. *Identity: Community, Culture, Difference*. London: Lawrence and Wishart, 1990.
- Said E. *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978.
- Sarkin J. *Colonial Genocide and Reparations Claims in the 21st Century. The Socio-Legal Context of Claims under International Law by the Herero against Germany for Genocide in Namibia 1904–1908*. Westport, CT: Praeger, 2008.
- Sarkin J. *Germany's Genocide of the Herero. Kaiser Wilhelm II, His General, His Settlers, His Soldiers*. Cape Town: UCT Press, 2011.
- Schilling B. German Postcolonialism in Four Dimensions: A Historical Perspective. *Postcolonial Studies*. 2015. Vol. 18. Issue 4. Pp. 427–439.
- Shanguhya M.S., Falola T. *The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History*. New York: Palgrave Macmillan, 2018.
- Spivak G. *A Critique of Postcolonial Reason: Toward a History of the Vanishing Present*. Cambridge: Harvard University Press, 1999.
- Thompson L. *African Societies in Southern Africa*. Portsmouth, NH: Heinemann, 1969.
- Trade Policy Framework. Namibia*. UNCTAD. 2016. https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditctncd2016d2_en.pdf (accessed: 13.08.2020).
- Unsere beiden Länder trennt und eint die Geschichte zugleich*. Bundesrat. 2019. <https://www.bundesrat.de/SharedDocs/reden/DE/guenther-2018-19/20190716-rede-guenther-national-council-namibia.html> (accessed: 01.02.2021).
- Whitaker B. *Revised and Updated Report on the Question of the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*. E/CN.4/Sub.2/1985/6. United Nations. 1985. <https://digitallibrary.un.org/record/108352> (accessed: 07.08.2020).
- Williams H.S. *Historians History of the World. Germany*. Vol. XV. London: Encyclopedia Britannica Inc., 1926.
- Young R. *Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race*. London–New York: Routledge, 1995.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИВКИНА Наталья Викторовна –
кандидат исторических наук, доцент кафедры
теории и истории международных отношений
Российского университета дружбы народов,
Москва, Россия.

Nataliia V. IVKINA, PhD (History),
Associate Professor, Department of Theory
and History of International Relations,
RUDN University, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014989-4

АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ В РОЛИ МИРОТВОРЦА: МИССИЯ ВЫПОЛНИМА?

© 2021

И.Р. ЮТЯЕВА^а^а – МГИМО, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-0058-7107; iutiaevarina@gmail.com

Резюме: Усложнение характера внутригосударственных конфликтов в Африке и растущая угроза их распространения за пределы государственных границ создают запрос на усиление регионального компонента миротворческой помощи африканским странам. Среди всех организаций континента наиболее активно на этом направлении проявляет себя Африканский Союз (АС), принципиально заинтересованный в расширении своего участия в решении африканских проблем.

Незавершенность архитектуры мира и безопасности этой организации, а также ее переменные успехи в проведении операций по поддержанию мира (ОПМ) в Африке провоцируют в экспертном сообществе споры о реальной готовности АС к повышению ответственности за урегулирование конфликтов на континенте. В настоящей статье предпринята попытка подключиться к этой дискуссии, всесторонне оценив миротворческий потенциал организации и её реальный вклад в поддержание мира в Африке.

В первой части исследования рассматривается текущее состояние архитектуры мира и безопасности АС и особенности его миротворческой доктрины. Особое внимание уделяется проблеме создания общеафриканского миротворческого контингента и обеспечения стабильного финансирования африканских ОПМ. Вторая часть работы представляет собой анализ по методу кейс-стади трёх миссий АС, которые представляются автору наиболее показательными с точки зрения целей настоящего исследования. В каждом случае предпринята попытка оценить эффективность миротворческих усилий АС, исходя из степени реализации мандата миссии.

Проведенный анализ позволяет судить о том, что движущей силой миротворческих операций АС является не только стремление соседних стран обеспечить безопасность своих режимов, но и искреннее чувство общеафриканской солидарности, помноженное на лидерские амбиции Нигерии и ЮАР. Обладая достаточной политической волей для того, чтобы нести ответственность за судьбу континента, АС ещё пока не обладает необходимым для этого кадровым и техническим потенциалом и сохраняет финансовую зависимость от стран-доноров. Несоответствие между амбициями и реальными возможностями организации приводит к неточностям в формулировке мандата, что, в свою очередь, негативно отражается на эффективности миротворческих миссий.

Ключевые слова: Африканский Союз, миротворчество, региональные организации, африканская архитектура мира и безопасности.

Для цитирования: Ютяева И.Р. Африканский Союз в роли миротворца: миссия выполнима? Восток (Oriens). 2021. № 3. С. 193–203. DOI: 10.31857/S086919080014989-4

AFRICAN UNION AS A PEACEKEEPER: IS THE MISSION POSSIBLE?

©2021

Irina R. IUTIAEVA^a^a – MGIMO, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-0058-7107; iutiaevarina@gmail.com

Abstract: *As conflicts in Africa become more complex and more often tend to extend beyond national borders, the growing participation of regional organizations in conflict management seems to be increasingly in demand. The African Union (AU) has recently been the most visible actor in this sphere.*

The incompleteness of the AU peace and security architecture provokes disputes on whether the organization is indeed ready to take on more responsibility for resolving conflicts on the continent. The present article is an attempt to join this discussion. The research purpose is to assess the AU's peacekeeping potential as well as the ability of its leadership to realistically formulate and successfully implement the mandate.

The first part of the study examines the current state of the AU peace and security architecture and its peacekeeping doctrine. The second part is a case study analysis of the three AU missions that seem to be the most exemplary in terms of the objectives of this study.

The analysis reveals that the AU peacekeeping is driven not only by the desire of neighboring countries to ensure the security of their regimes, but also by the sense of pan-African solidarity and the leadership ambitions of Nigeria and South Africa. The results of the case-study show that the AU possesses enough political will but insufficient human capital, logistics and financial resources to manage African conflicts. The discrepancy between ambitions and real capabilities contribute to an unclear mandate, which, in turn, impairs the effectiveness of peacekeeping missions.

Keywords: African Union, peacekeeping, regional organizations, African Peace and Security Architecture.

For citation: Iutiaeua I.R. African Union as a Peacekeeper: Is the Mission Possible? *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 193–203. DOI: 10.31857/S086919080014989-4

На сегодняшний день Африка находится в фокусе миротворческих усилий ООН: на континент приходится 7 из 14 проводимых ныне миротворческих операций ООН и порядка 80% общего численного состава «голубых касок» [United Nations Peacekeeping, 2018]. При этом задачи миротворцев с каждым годом усложняются: «голубым каскам» всё чаще приходится осуществлять свою деятельность в условиях отсутствия мирных соглашений [United Nations, 2019]. В этой связи в экспертной литературе набирает популярность мнение, что ООН «слишком много на себя берёт» [Franklin, 2020], и всё чаще ставится вопрос о поиске альтернативных провайдеров миротворческой помощи Африке.

Перспективной кандидатурой представляется Африканский Союз (АС) – наиболее активная на этом направлении региональная организация. Вместе с тем, ответственные за миротворчество элементы её оргструктуры всё ещё находятся в процессе формирования, проблема финансирования миссий сохраняет свою остроту, а выбор идеальной модели сотрудничества с ООН по-прежнему остаётся предметом экспертных споров [Spandler, 2020]. Такое положение дел определяет запрос на всесторонний анализ существующего

миротворческого потенциала АС и реального вклада этой организации в поддержание мира в Африке.

В последнее время вопрос о роли АС в урегулировании региональных конфликтов всё больше волнует не только африканских учёных [Neethling, 2004; Badmus, 2015; Kuwali, 2011; Kuwali, 2018], но и западных специалистов [Williams, 2006; Williams, 2009; Williams, 2018; Coleman, 2011; Whitaker Clark, 2018]. При подготовке статьи автор опирался в основном на работы зарубежных авторов, анализирующих эффективность ОПМ АС в конкретных странах (Ф. Абоажи [Aboagye, 2004], И. Свенсона [Svensson, 2008], Дж. ван дер Лейна [Van der Lijn, 2008], Т. Мурити [Murithi, 2008] и др.). Отечественных авторов, затрагивавших миротворческое измерение АС в своих работах, к сожалению, не так много (В.М. Татаринцев [Татаринцев, 2003], А.Ю. Урнов [Урнов, 2011], Х.Э. Ломбех [Ломбех, 2009], Л.И. Ромадан [Ромадан, 2019]).

Цель настоящей статьи – дать взвешенную характеристику АС как провайдера миротворческой помощи, оценив его организационно-финансовую самостоятельность, а также способность его руководства реалистично формулировать и успешно реализовывать мандат. В ходе анализа планируется рассмотреть успешную, во многом «образцовую» миссию в Бурунди, широко критикуемую миссию в Сомали и миссию в Судане, за которой последовала совместная операция с ООН.

Методологическую основу настоящего исследования составляет междисциплинарный подход, позволяющий рассмотреть опыт миротворческой деятельности АС с политологической, конфликтологической и международно-правовой точек зрения. Общий миротворческий потенциал организации будет проанализирован с позиций системного и структурно-функционального подходов, а конкретные миротворческие миссии – с применением метода кейс-стади.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ АФРИКИ

Большинство крупных исследователей [Абрамова, Фитуни, 2018; Adebajo, 2000; Clark, 2001; Habib, Selinyane, 2006] подходят к анализу проблем региональной безопасности Африки с позиций реализма, указывая на обнаружившееся после окончания «холодной войны» снижение интереса великих держав к континенту в целом и отсутствие в африканских субрегионах сильных государств-лидеров. Сторонники либеральной парадигмы (напр., [Porto, Engel, 2010]) акцентируют внимание на отсутствии в Африке сильных региональных институтов, в то время как конструктивисты [Grant, Hamilton, 2016] связывают трудности в деле обеспечения безопасности континента со спецификой принятых норм внешнеполитического поведения африканских государств.

С первых же лет деколонизации в африканском политическом дискурсе широко распространилась идея о том, что ответственность за обеспечение безопасности на континенте должны нести сами африканцы. Теоретическое обоснование этого тезиса было обеспечено многочисленными произведениями panafricanistской литературы, в числе которых – фундаментальный труд кенийского профессора А. Мазруи «К африканскому миру» [Mazrui, 1967]. В XXI в. идеи «Пакс Африкана» нашли отражение во внешнеполитической идеологии ЮАР, «убунту», (чувство общей судьбы, сопричастности) и известном принципе «Африканским проблемам – африканское решение», активно продвигаемом АС.

Западные эксперты, впрочем, готовы предложить прагматичное объяснение заинтересованности африканских стран в участии в миротворческой деятельности. В частности, набирает популярность теория безопасности режимов (*regime security theory*), впервые сформулированная в 1988 г. американским политологом Дж.С. Мигдалом [Migdal, 1988].

Согласно этой теории, сверхзадачей большинства лидеров африканских государств, в соответствии с которой выстраивается в том числе и внешнеполитический курс, является обеспечение безопасности их собственных режимов [Whitaker, Clark, 2018, p. 15].

Наконец, особый интерес с точки зрения настоящего исследования представляет концепция шведских политологов К. Богланда, Р. Эгнелла и М. Лагерстрёма. Они утверждают, что будущее АС лежит в «треугольной зоне напряжённости» (*triangular area of tension*) между амбициями организации, её потенциалом и политической волей государств-членов [Bogland, Egnell, Lagerström, 2008, p. 44]. Такой подход представляется автору статьи достаточно взвешенным и будет учтён в предстоящем анализе.

НЕДОСТРОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

АС располагает развитой, хотя и не вполне ещё совершенной, архитектурой мира и безопасности. Её основу составляют Ассамблея глав государств и правительств (АГП), Совет мира и безопасности (СМБ), Фонд мира, находящиеся на стадии формирования Африканские силы постоянной готовности (АСПГ), наделённая надзорными и координирующими полномочиями Комиссия АС, Континентальная система раннего предупреждения, а также «Группа мудрецов», осуществляющая консультативные функции при СМБ.

Учредительный акт АС наделяет СМБ правом на вмешательство во внутрисостоятельные конфликты не только по запросу соответствующего государства – члена АС, но и без его согласия – в случае, если речь идёт о предотвращении или пресечении военных преступлений, геноцида и преступлений против человечности [Constitutive Act, 2000]. В 2005 г. в «Общей африканской позиции по вопросу о предлагаемой реформе ООН» АС признал, что для вмешательства во внутренние дела государств необходима санкция СБ ООН, однако оставил за собой право запрашивать одобрение этого органа «постфактум» в случаях, когда «обстоятельства требуют срочных действий» [The Common African Position, 2005]. Важное отличие миротворческой доктрины АС от ооновской заключается в том, что она допускает развёртывание ОПМ даже в отсутствие мирного соглашения между сторонами конфликта.

В соответствии с Учредительным протоколом СМБ, АСПГ должны состоять из пяти бригад – по одной от каждого африканского субрегиона. Несмотря на то что эти силы были объявлены готовыми к развёртыванию ещё в 2016 г., произведённая на следующий год проверка показала, что бригады центрально- и североафриканского регионов значительно отстают в плане оперативной готовности [Ani, 2018]. На данный момент АС по-прежнему не располагает собственным постоянным миротворческим контингентом, а субрегиональные организации вынуждены осуществлять ОПМ самостоятельно.

Одной из ключевых проблем деятельности АС в сфере обеспечения мира и безопасности остается её финансирование. По последним данным, на долю африканских государств приходится лишь 2% расходов на инициативы АС в упомянутой сфере, в то время как остальные средства предоставляются международными организациями и зарубежными партнёрами (в первую очередь ЕС). При этом представители стран-доноров регулярно указывают на то, что АС неэффективно использует выделяемые средства и не демонстрирует в процессе их распределения достаточной прозрачности [Мезенцев, 2017, p. 31].

Финансовым обеспечением архитектуры мира и безопасности АС, а также осуществляемых организацией ОПМ занимается Фонд мира. Изначально основным источником его пополнения служили погашенные задолженности государств-членов АС, их добровольные пожертвования, а также спонсорская помощь со стороны африканского бизнеса и

гражданского общества (всего 7% общего бюджета организации). Ввиду недостаточности этих источников в 2016 г. в г. Кигали было принято решение о переходе на новую систему пополнения Фонда за счёт 0.2%-ного налога на импорт из стран, не входящих в состав АС. По состоянию на июнь 2020 г. лишь 17 государств-членов приступили к внедрению «решения Кигали» в систему национального законодательства, из-за чего общий объём накопленных средств составил всего 176 млн долл., или 68% от заявленной суммы [African Union Commission, 2020].

УРОКИ БУРУНДИ, СОМАЛИ И СУДАНА

Первой и довольно удачной ОПМ АС стала *Африканская миссия в Бурунди (АМИБ)*, в 2003 г. пришедшая на смену проводившейся здесь с 2001 г. Миссии подразделения службы защиты ЮАР. Мандат миссии включал в себя контроль над соблюдением соглашения о прекращении огня, разоружение бывших комбатантов, а также содействие политической и экономической стабильности Бурунди. Контингент АМИБ (всего 3 128 чел.) в основном был предоставлен ЮАР, Эфиопией и Мозамбиком.

В экспертной литературе существует консенсус, что АМИБ в целом успешно справилась с выполнением своего мандата. О миссии высоко отзывались Генеральный секретарь ООН К. Аннан, руководство самого СМБ [African Union Commission, 2004], а также целый ряд крупных исследователей [Boshoff, Very, 2006; Svensson, 2008; Okumu, 2009]. Несмотря на эпизодические нарушения сторонами конфликта режима прекращения огня, к моменту завершения миссии обстановка на 95% территории страны оценивалась как стабильно спокойная [Agoagye, 2004, p. 15]. В феврале 2004 г. группа экспертов ООН определила ситуацию в Бурунди как достаточно благоприятную для проведения ОПМ под эгидой этой организации, после чего в мае 2004 г. СБ ООН санкционировал преобразование АМИБ в Операцию ООН в Бурунди [S/RES/1545, 2004].

Полной реализации мандата АМИБ помешала в первую очередь проблема финансирования. К концу 2003 г. в распоряжении руководства миссии имелась лишь одна шестая годового бюджета – 20 млн долл. [Williams, 2011, p. 33]. В качестве основного донора выступил ЕС, выделивший на нужды миссии 25 млн евро. Эти средства, однако, поступали с задержкой, обусловленной сложностью процедуры принятия решений в интеграционном объединении. Ещё одним препятствием для реализации мандата стала объективная нехватка численного состава: в частности, трёхтысячному контингенту миссии предстояло расквартировать 25 тыс. бывших комбатантов [Powell, 2005, p. 37].

Ключевым фактором успеха АМИБ стало активное участие в её реализации ЮАР. Страна обеспечила, в частности, стратегическое руководство миссии, её логистическое сопровождение, больше половины миротворческого контингента (1 600 чел.), а также наибольшую среди всех стран Африки финансовую поддержку.

Самой продолжительной, масштабной, дорогостоящей и кровопролитной миссией АС за всю историю организации считается [Williams, 2019] *Миссия Африканского Союза в Сомали (АМИСОМ)*. Её развёртывание было инициировано в СМБ в январе 2007 г. Эфиопией вскоре после вооружённого вмешательства последней в конфликт с целью остановить продвижение к власти исламистов, известных своей враждебностью по отношению к эфиопам. Это породило предположения, что АМИСОМ используется в качестве инструмента легитимации вооружённого вмешательства Эфиопии 2006 г. [Williams, 2019].

Изложенный в резолюции 1744 мандат включал, в числе прочих задач, поддержку диалога и примирения в Сомали; обеспечение защиты переходных федеральных органов и ключевых объектов инфраструктуры, а также содействие созданию условий безопасности, необходи-

мых для доставки гуманитарной помощи [S/RES/1744, 2007]. Как отмечают эксперты, задачи, возложенные на AMISOM, изначально были непосильными с учётом скромных ресурсов миссии [Badmus, 2015, p. 155].

Численность миссии изначально должна была составить 8 100 чел., но в дальнейшем была расширена до 19 586 чел. Свои контингенты обязались предоставить Уганда, Нигерия, Малави, Бурунди и Гана. В действительности, однако, вплоть до декабря 2011 г. в миссии принимали участие только Уганда и Бурунди, в то время как остальные страны либо направили свои контингенты со значительным опозданием (Нигерия, Гана), либо отказались от своих обязательств вообще (Малави). Значительно позже своих миротворцев предоставили также Эфиопия, Кения, Джибути и Сьерра-Леоне.

Как отмечают эксперты, миротворцы АС сумели «установить в Сомали хрупкий мир» [Badmus, 2015, p. 158], однако обстановка в стране остаётся нестабильной. Совместно с Вооружёнными силами Сомали миротворцам удаётся удерживать под контролем Могадишо (с 2011 г.) и крупные портовые города, однако группировка по-прежнему контролирует значительные территории в сельской части страны.

Неблагоприятно на судьбе AMISOM сказалось и то, что поддерживаемое им сомалийское правительство на момент развёртывания удерживало лишь незначительную часть столицы и выглядело «слабым, разделённым и нелегитимным» даже в глазах собственных граждан [Williams, 2008]. Из-за отсутствия в стране стабильного мира потери среди миротворцев оказались неприемлемо высокими: по разным оценкам, от 2 тыс. до 3 тыс. человек [Hirsch, 2018, p. 145].

Из 622 млн долл., необходимых для обеспечения первого года деятельности миссии, к февралю 2008 г. удалось собрать лишь 32 млн долл. [S/PV.5837, 2008]. В 2009 г. в целях содействия процессу планирования и развёртывания AMISOM ООН учредила трастовый фонд, за первые четыре года существования которого на нужды миссии было собрано ок. 77 млн долл. [Badmus, 2015, p. 162]. Основным спонсором миссии на сегодняшний день является ЕС, в 2007–2018 гг. вложивший в AMISOM 1.73 млрд евро [European Commission, 2018].

Проблемы финансирования негативно сказываются на дисциплине и боевом духе миротворцев. В частности, в их рядах широко и за редкими исключениями безнаказанно практикуется сбыт на чёрном рынке топлива и вооружения AMISOM, причём покупателями нередко становятся боевики террористической организации «Аш-Шабаб».

В числе других препятствий для реализации мандата – противоречие между общей концепцией AMISOM и национальными интересами Эфиопии и Кении. В то время как официальной стратегией миссии является борьба с терроризмом, предусматривающая установление контроля над густонаселёнными районами, Эфиопия и Кения больше нацелены на защиту территорий, прилегающих к их границам [Albrect, 2015, p. 4].

Критически важным остаётся вопрос о выборе АС стратегии завершения своей операции. Ещё в 2007 г. СМБ призывал рассмотреть возможность преобразования AMISOM в миссию ООН [PSC/PR/Comm, 2007], однако СБ ООН до сих пор не считает условия в Сомали пригодными для развёртывания такой миссии [S/RES/2431, 2018]. Намеченный срок вывода миротворцев АС из страны уже неоднократно сдвигался. По последним данным, AMISOM не будет завершена раньше проведения выборов, запланированных на 2021 г. [Omar, Ani, 2017].

Если в случае с Бурунди и Сомали миротворцы АС лишь готовили почву для развёртывания «голубых касок», чтобы затем влиться в их ряды под руководством командующего миссией ООН, то несколько иной сценарий реализовался в Судане, где на смену *Миссии Африканского союза в Судане (AMIS)* пришла совместная операция двух организаций.

AMIS была развёрнута для наблюдения за выполнением Нджаменского соглашения о прекращении огня, подписанного 8 апреля 2004 г. правительством Судана и двумя главными повстанческими группировками. В июне 2004 г. АС направил в зону конфликта 60 военных наблюдателей, спустя месяц – отряд для их защиты в составе 300 миротворцев из Нигерии и Руанды (AMIS I). В октябре 2004 г. численность миротворцев была увеличена до 3 320 чел. (AMIS II), к концу года – до 7 730 чел. (AMIS II Enhanced) за счет контингентов ЮАР, Сенегала и Ганы.

Каждая трансформация миссии сопровождалась корректировкой её мандата, при этом АГПП и СМБ по-разному видели общий смысл операции и из-за этого действовали несогласованно [Hussien, 2012, 8]. В своём финальном виде мандат AMIS включал не только контроль над соблюдением Нджаменского соглашения, но и защиту гражданского населения «в случае столкновения с ним в условиях непосредственной угрозы и в непосредственной близости, в пределах своих ресурсов и возможностей, с пониманием того, что защита гражданского населения является обязанностью суданского правительства» [Communique, 2004]. Эту сложную и размытую формулировку каждый полевой командир понимал по-своему, а кроме того, среди стран – участниц операции не было консенсуса относительно допустимости применения силы для реализации этой части мандата [Bellamy, 2010, p. 208].

Неаккуратное соблюдение государствами – членами АС своих финансовых обязательств и зависимость AMIS от внешних доноров делали, по сути, невозможным долгосрочное стратегическое планирование миссии [Badmus, 2015, p. 192]. Кроме того, AMIS объективно не хватало контингента и транспортных средств для того, чтобы успешно патрулировать всю территорию Дарфура.

В августе 2004 г. ООН направила в поддержку AMIS собственную миссию (UNMIS), однако попытки расширить её мандат и развернуть отряды «голубых касок» в Дарфуре встретили сопротивление суданского правительства. В соответствии с планом К. Аннана, ООН дважды предоставляла AMIS комплексную помощь на общую сумму 308.9 млн долл.

Несмотря на все трудности, миссия всё же способствовала стабилизации во многих районах суданской столицы [Костелянец, 2014, с. 272]. Ещё в 2005 г. в докладе совместной экспертной группы суданского правительства и ООН (*Joint Implementation Mechanism*) отмечалось, что присутствие АС «очень позитивно влияет» на обстановку в Судане [Monthly Report, 2005]. Как отмечал впоследствии Специальный представитель ООН и АС по Дарфуру И. Гамбари, страны АС сумели извлечь урок из событий в Руанде и относительно малой кровью предотвратили в Судане гуманитарную катастрофу [Gambari, 2018, p. 201].

В 2006 г. суданскому правительству удалось подписать с одной из повстанческих группировок мирное соглашение. Последовавшее за этим давление АС на неподписантов скомпрометировало организацию в глазах дарфурцев, создав запрос на иную, более нейтральную, силу. Такой силой могла бы стать ООН, однако суданское правительство не испытывало доверия к мировому сообществу в условиях, когда Международный уголовный суд откровенно игнорировал военные преступления повстанцев, выдвигая при этом обвинения в нарушении прав человека против Хартума [Костелянец, 2014, с. 281–283]. В июле 2007 г. СБ ООН санкционировал развёртывание Смешанной операции АС/ООН в Дарфуре (UNAMID), ставшей компромиссом между продлением AMIS и её заменой на классическую миссию «голубых касок».

ВЫВОДЫ

Таким образом, АС имеет богатый опыт миротворческой деятельности в условиях не только мирного процесса, но и продолжающихся боевых действий. Во всех рассмотренных

случаях присутствие миротворцев в целом благотворно влияло на ситуацию с безопасностью в стране, однако едва ли приносило результат, соответствующий ожиданиям.

Из трёх рассмотренных миссий АС лишь одну, AMISOM, можно охарактеризовать как операцию в поддержку правящего режима. В духе теории безопасности режимов справедливо признать, что для Эфиопии миротворческая миссия под эгидой АС представляла собой менее затратную и более легитимную альтернативу продолжению самостоятельных боевых действий в стране, охваченной гражданской войной. Что же касается двух других операций, то их движущей силой являлись скорее лидерские амбиции ЮАР и Нигерии в Африке, в данном случае вполне отвечающие духу «убунту».

Возвращаясь к «треугольной зоне напряжённости» между амбициями АС, его потенциалом и политической волей государств-членов, попробуем развить геометрическую метафору, исследовав «биссектрисы» нашего условного треугольника.

Если оценивать амбициозность АС, исходя из формулировки мандата, то придётся признать, что ни в одном из рассмотренных кейсов задачи миссии не были оценены реалистично. Даже относительно успешная AMIB, в основном заточенная на миростроительство, наглядно продемонстрировала несоответствие между изложенными в мандате задачами и имеющимися ресурсами. Ещё сложнее обстояло дело с миссиями, развёрнутыми в условиях отсутствия полноценного мирного процесса. В случае с AMISOM не удалось адекватно определить даже общий характер задач миротворцев АС: в обстановке сомалийского конфликта им пришлось фактически заниматься принуждением к миру, хотя этот аспект не был оговорен в мандате. Негативно сказываются на результатах миротворчества и попытки «расширить» мандат по ходу действия миссии, что наглядно продемонстрировал опыт AMIS.

Для того чтобы адекватно справляться с намеченными или возникающими по мере развития ситуации задачами, АС необходимо кардинально расширить свой финансовый, технический и кадровый потенциал. Во всех рассмотренных кейсах АС был вынужден опираться на ресурсы внешних партнеров, что, в свою очередь, ставило успех миротворчества в зависимость, к примеру, от бюрократических процедур ЕС или от готовности того или иного государства-донора выполнить взятые на себя обязательства. Не говоря уже о том, что внешняя помощь почти всегда является политически обусловленной и может существенно ограничивать самостоятельность решений АС.

В то же время политическая воля стран-членов организации заслуживает, в целом, достаточно высокой оценки. Во всех трёх кейсах государства – члены АС – смогли согласовать и развернуть операции в условиях отсутствия соответствующей политической воли со стороны ООН. Причём во всех случаях вмешательство АС так или иначе способствовало стабилизации обстановки в зоне конфликта, а в Судане, как отмечалось выше, даже предотвратило гуманитарную катастрофу. Особо стоит отметить усилия государств – вдохновителей миссии, чья заинтересованность в успехе операции и готовность в него инвестировать может играть решающую роль, как это случилось в Бурунди. Важно при этом, чтобы инициатива исходила от незаинтересованного в исходе конфликта государства, так как в противном случае (см. AMISOM) миротворческая миссия воспринимается сторонами конфликта враждебно. В то же время стоит признать, что наряду с лидерами-энтузиастами в рядах АС есть и необязательные участники миссий, что говорит о невысоком уровне «командной дисциплины» в организации.

Итак, все три рассмотренных параметра уводят «биссектрисы» слишком далеко от центра нашего треугольника, расширяя таким образом площадь «зоны напряженности». До тех пор, пока АС не будет в состоянии трезво оценивать масштабы и характер своих миссий, заблаговременно выделяя на их реализацию адекватные ресурсы, миротворцы

организации будут обречены либо оставаться в зоне конфликта неприемлемо долго, как это происходит в Сомали, либо переходить под эгиду ООН, как это случилось в Судане. Ни то, ни другое не отвечает желанию АС гарантировать «африканское решение африканским проблемам». Изученный опыт подсказывает, что до превращения в самодостаточного актора в сфере миротворчества организации предстоит пройти ещё долгий путь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африканский сегмент многополярного мира: динамика геостратегической значимости. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 12. С. 5–14 [Abramova I.O., Fituni L.L. The African Segment of the Multipolar World: Dynamics of Geostrategic Significance. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* (= *World Economy and International Relations*). Vol. 62. 2018. No. 12. Pp. 5–14 (in Russian)].

Костелянец С.В. *Дарфур: история конфликта*. М.: ИАФР РАН, 2014 [Kostelyanets S.V. *Darfur: the History of the Conflict*. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2014 (in Russian)].

Ломбех Х.Э. *Проблемы миротворчества и урегулирования конфликтов на Африканском континенте в конце XX – начале XXI вв.* М.: РУДН, 2009 [Lombekh H.E. *Problems of Peacekeeping and Conflict Resolution on the African Continent in the Late 20th – Early 21st Centuries*. Moscow: RUDN, 2009 (in Russian)].

Мезенцев С.В. Африканское миротворчество и Россия. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. Т. 40. № 3. С. 141–154 [Mezentsev S.V. African Peacekeeping and Russia. *Journal of the Institute for African Studies*. Vol. 40. 2017. No. 3. Pp. 141–154 (in Russian)].

Ромадан Л.И. *Эволюция миротворческой деятельности ООН в конце XX – начале XXI века (на примере Африканского континента)*. М.: ИАФР РАН, 2019 [Romadan L.I. *Evolution of UN Peacekeeping in the late 20th – early 21st Century (Exemplified by the African Continent)*. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2019 (in Russian)].

Татаринцев В.М. *Африка в современном мире*. М.: ДА МИД России, 2003 [Tatarincev V.M. *Africa in the Modern World*. Moscow: DA MID Rossii, 2003 (in Russian)].

Урнов А.Ю. *Африка и ООН на исходе первого десятилетия XXI века. Вопросы развития, миротворчества и реформирования ООН*. М.: ИАФР РАН, 2011 [Urnov A.Yu. *Africa and the UN at the End of the First Decade of the 21st Century. Issues Related to the UN Development, Peacekeeping and Reform*. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2011 (in Russian)].

African Union Commission 2004. *Report of the Chairperson of the Commission on the Situation in Burundi. 12th Meeting of the Peace and Security Council*. PSC/MIN/4 (XII). 4th July 2004, Addis Ababa. https://archives.au.int/bitstream/handle/123456789/8563/PSC%20MIN%204%20XII_F.pdf?sequence=2&isAllowed=y (accessed 31.10.2020)

African Union Commission 2020. *African Union Handbook 2020*. https://au.int/sites/default/files/documents/31829-doc-au_handbook_2020_english_web.pdf (accessed 31.10.2020).

Agoagye F. The African Mission in Burundi: Lessons Learned from the First African Union Peacekeeping Operation. *Conflict Trends*. 2004. No. 2. Pp. 9–15.

Ani N.C. *Is the African Standby Force any closer to being deployed?* Institute for Security Studies. 2.11.2018. <https://issafrica.org/iss-today/is-the-african-standby-force-any-closer-to-being-deployed> (accessed: 27.10.2020).

Badmus I.A. *The African Union's Role in Peacekeeping: Building on Lessons Learned from Security Operation*. London: Palgrave Macmillan, 2015.

Bellamy A.J., Williams P.D., Griffin S. *Understanding Peacekeeping*. Cambridge, U.K.; Malden, MA, U.S.A.: Polity Press, 2010. 2nd ed.

Bogland K., Egnell R. and Lagerström M. *The African Union: A study focusing on conflict management*. Stockholm: Swedish Defence Research Agency, 2008.

Boshoff H., Very W. *A Technical Analysis of Disarmament, Demobilization and Reintegration: A Case Study from Burundi*. Pretoria: Institute for Security Studies, 2006.

Clark J.F. Realism, Neo-Realism and Africa's International Relations in the Post-Cold War Era. *Africa's Challenge to International Relations Theory*. Eds. K.C. Dunn, T.M. Shaw. London: Palgrave Macmillan, 2001. Pp. 85–102.

Coleman K. Innovations in 'African solutions to African problems': The Evolving Practice of Regional Peacekeeping in sub-Saharan Africa. *The Journal of Modern African Studies*. 2011. Vol. 49. No. 4. Pp. 517–545.

Communique of the seventeenth meeting of the Peace and Security council, PSC/PR/Comm. (XVII). 2004. <https://www.peaceau.org/uploads/communiqueeng-17th.pdf> (accessed: 14.02.2021)

Constitutive Act of the African Union. 2000. https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutiveact_en.pdf (accessed: 27.10.2020).

Franklin D. Global Firefighting: Missions Impossible. Special report "The new world disorder". *The Economist*. 2020, June 18th.

Gambari I. The Politics of Peacekeeping. *The Palgrave Handbook of Peacebuilding in Africa*. Eds. Karbo T., Virk K. London: Palgrave Macmillan, Cham, 2018. Pp. 195–208.

Grant J.A., Hamilton S. Norm dynamics and international organizations: South Africa in the African Union and International Criminal Court. *Commonwealth & Comparative Politics*. 2016. Vol. 54. No. 2. Pp. 161–185.

Habib A., Selinyane N. Constraining the Unconstrained: Civil Society and South Africa's Hegemonic Obligations in Africa. In *Full Flight – South African Foreign Policy After Apartheid*. Eds. Carlsnaes W., Nel P. Midrand: Institute for Global Dialogue, 2006. Pp. 175–226.

Hassan M.O. *AU Soldier in Somalia Sentenced for Selling Military Supplies*. <https://www.voanews.com/africa/au-soldier-somalia-sentenced-selling-military-supplies> (accessed: 14.02.2021).

Hirsch J.L. Peacemaking in Somalia: AU and UN Peace Operations. *The Palgrave Handbook of Peacebuilding in Africa*. Eds. Karbo T., Virk K. London: Palgrave Macmillan, Cham, 2018. Pp. 137–151.

Hussien M.A. From AMIB to AMISOM. The need for institutional and mandate clarity in APSA. *Institute for Security Studies*. 2012. No. 239. <https://www.files.ethz.ch/isn/154698/Paper239.pdf> (accessed: 14.02.2021).

Kuwali D. *The Responsibility to Protect: Implementation of Article 4(h) Intervention*. Leiden –Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2011.

Kuwali D. Squaring the circle: The role of the African peace and security architecture. *The Palgrave Handbook of Peacebuilding in Africa*. Eds. Karbo T., Virk K.). London: Palgrave Macmillan, Cham, 2018. Pp. 45–63.

Mazrui A. *Towards a Pax Africana: A Study of Ideology and Ambition*. Chicago: University of Chicago Press, 1967.

Migdal J.S. *Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World*. New Jersey: Princeton University Press, 1988.

Monthly Report of the UN Secretary-General on Darfur, UN Doc. S/2005/467. 2005. https://www.ecoi.net/en/file/local/1298580/ds930_03140sud.pdf (accessed: 01.11.2020).

Neethling T. International Peacekeeping Trends: the Significance of African Contributions to African Peacekeeping Requirements. *Politikon*. 2004. Vol. 31. No. 1. Pp. 49–66.

Okumu W. The African Union: Pitfalls and Prospects for Uniting Africa. *Journal of International Affairs*. 2009. Vol. 62. No. 2. Pp. 93–111. Retrieved October 31, 2020. <http://www.jstor.org/stable/24358197>.

Omar S.M., Ani N.C. *Impact of EU funding dynamics on AMISOM*. *Institute for Security Studies*, 2017. <https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/ear16.pdf> (accessed: 31.10.2020).

- Porto J., Engel U. *Africa's New Peace and Security Architecture*. London: Routledge, 2010.
- Powell K. *The African Union's Emerging Peace and Security Regime Opportunities and Challenges for Delivering on the Responsibility to Protect*. Ottawa: The North-South Institute, 2005. Pp. 33–53.
- PSC/PR/Comm (LXIX). *69th meeting*. 2007. <https://www.peaceau.org/uploads/communiqueeng-69th.pdf> (accessed: 31.10.2020).
- S/PV.5837.2008*. <https://www.securitycoun-cilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-CD3-CF6E4FF96FF9%7D/RO%20SPV%205837.pdf> (accessed: 31.10.2020).
- S/RES/1545.2004*. <http://unscr.com/files/2004/01545.pdf> (accessed: 31.10.2020).
- S/RES/1744.2007*. <http://unscr.com/en/resolutions/doc/1744> (accessed: 31.10.2020).
- S/RES/2431.2018*. [https://undocs.org/en/S/RES/2431%20\(2018\)](https://undocs.org/en/S/RES/2431%20(2018)) (accessed: 31.10.2020).
- Spandler K. UNAMID and the Legitimation of Global-Regional Peacekeeping Cooperation: Partnership and Friction in UN-AU Relations. *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2020. Vol. 14. No. 2. Pp. 187–203.
- Svensson E. *The African Mission in Burundi: Lessons Learned from the African Union's First Peace Operation. Defense Analysis Research Report*. Stockholm: Swedish Defense Research Agency, 2008.
- The Common African Position on the Proposed Reform of the United Nations. Ext/EX.CL/2 (VII)*. 2005. https://www.un.org/en/africa/osaa/pdf/au/cap_screform_2005.pdf (accessed: 27.10.2020).
- Van der Lijn J. *To Paint the Nile Blue: Factors for Success and Failure of UNMIS and UNAMID*. Den Haag: Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael', 2008.
- Whitaker B.E., Clark J.F. *Africa's International Relations: Balancing Domestic and Global Interests*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2018. vbk://9781626377899.
- Williams P.D. *AMISOM's Five Challenges*. Center for Strategic and International Studies. 2008. <https://www.csis.org/analysis/amisom%E2%80%99s-five-challenges> (accessed: 31.10.2020).
- Williams P.D. Military Responses to Mass Killing: The African Union Mission in Sudan. *International Peacekeeping*. 2006. Vol. 13. No. 2. Pp. 168–183.
- Williams P.D. Lessons for “Partnership Peacekeeping” from the African Union Mission in Somalia. *International Peace Institute*. 2019. https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2019/10/1910_Lessons-from-AMISOM.pdf (accessed: 31.10.2020).
- Williams P.D. The African Union's Peace Operations: A Comparative Analysis. *Regional Organisations in African Security*. Eds. Soderbaum F., Tavares R. Oxford: Routledge, 2011. Pp. 29–50.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮТЯЕВА Ирина Романовна –
соискатель МГИМО МИД России, Москва,
Россия.

Irina R. IUTIAEVA,
PhD Student at MGIMO University, Moscow,
Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014841-2

УЧАСТИЕ БРИКС В ПРЕОДОЛЕНИИ
КОРОНАВИРУСНОГО КРИЗИСА В АФРИКЕ¹

© 2021

С.Н. ВОЛКОВ ^a, Т.Л. ДЕЙЧ ^b^a – ИАФР РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-6152-1091; sergey.n.volkov@outlook.com

^b – ИАФР РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-6745-9586; tdeich@yandex.ru

Резюме: В статье рассматривается воздействие пандемии коронавируса на Африку и участие мирового сообщества в целом и стран БРИКС, в частности, в борьбе с COVID-19 и его негативными последствиями. Пандемия COVID-19 не оставила без внимания Африканский континент. Она нанесла ущерб не только здоровью населения, но и африканской экономике, где впервые за 25 лет была зафиксирована рецессия. Основными причинами спада стали сокращение спроса на традиционные экспортные товары, обусловившее и заметное понижение цен на них, бегство капитала из Африки, коллапс пассажирского авиасообщения и туризма в результате закрытия границ, а также сокращение объемов переводов африканцев, работающих за границей. Ухудшение экономического положения африканских стран обернулось для населения резким ростом нищеты и голода. За 2020 г. Африка растеряла и без того небольшие достижения в области снижения уровня крайней бедности, которых она смогла добиться с 2015 г. Попытки решить насущные экономические проблемы за счет заимствования за рубежом привели к наращиванию внешнего долга, что в условиях сокращения валютных поступлений затруднило его обслуживание. В этой кризисной ситуации растущую актуальность для Африки приобретает помощь международного сообщества, в том числе, расширение «восточного вектора» африканской внешней политики, важнейшим элементом которого является сотрудничество со странами БРИКС. В статье анализируется участие стран БРИКС в борьбе с пандемией COVID-19 в Африке и ее негативными последствиями. При этом особое внимание уделяется вопросам помощи Черному континенту таких стран БРИКС, как Китай, Индия и Россия.

Ключевые слова: Африка, COVID-19, здоровье, кризис, помощь, БРИКС, Бразилия, Индия, Китай, Россия, Южная Африка.

Для цитирования: Волков С.Н., Дейч Т.Л. Участие БРИКС в преодолении коронавирусного кризиса в Африке. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 204–215. DOI: 10.31857/S086919080014841-2

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

THE BRICS PARTICIPATION IN OVERCOMING
THE COVID-19 CRISIS IN AFRICA

© 2021

Sergey N. VOLKOV ^a, Tatyana L. DEYCH ^b^a – Institute for African Studies RAS

ORCID: 0000-0002-6152-1091; sergey.n.volkov@outlook.com

^b – Institute for African Studies RAS

ORCID:0000-0001-6745-9586; tdeich@yandex.ru

Abstract: *The article examines the impact of COVID-19 on Africa and the participation of the world community and BRICS in particular in the fight against the pandemic and its negative consequences for the continent. Special attention in the article is paid to assistance of such BRICS countries as China, India and Russia to Africa in this fight. The aim of the paper is to estimate the measures provided by the BRICS countries in overcoming the COVID-19 crisis in Africa. The pandemic has damaged not only the health of the population, but also the African economy, where the recession was recorded for the first time in 25 years. The main reasons for decline were the reduced demand for traditional export goods, exodus of capital from Africa, the collapse of air traffic and tourism as a result of closing the frontiers and reduction in the volume of transfers of the Africans working abroad. The deterioration of economic situation in African countries led to growth of poverty and hunger. In 2020, Africa has lost the achievements in reducing extreme poverty that it has been able to reach since 2015. Attempts to solve pressing economic problems by borrowing abroad have led to the growth of external debt. In the crisis situation, the assistance of the international community, including the expansion of the “Eastern vector” of African foreign policy, the important element of which is cooperation with the BRICS countries, becomes relevant for Africa.*

Keywords: Africa, COVID-19, health, crisis, aid, BRICS, Brazil, India, China, Russia, South Africa.

For citation: Volkov S.N., Deych T.L. The BRICS Role in Overcoming the COVID-19 Crisis in Africa. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 204–215. DOI: 10.31857/S086919080014841-2

Acknowledgments: The article was prepared within the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

ПАНДЕМИЯ COVID-19 ПРИШЛА НА АФРИКАНСКИЙ КОНТИНЕНТ

О первых случаях заболевания новым вирусом в Африке сообщалось 14 февраля 2020 г. Отмечалось, что случаи заражения – единичны. Однако 23 марта зараженные были уже в 27 странах. 30 марта было зарегистрировано 4847 заразившихся и 155 умерших. Более половины носителей приходилось на четыре страны: ЮАР, Египет, Алжир и Марокко. [Дейч, 2020, с. 60]. А в мае заболевшие были уже в 54 странах Африки.

Пандемия коронавируса отчетливо выявила плачевное состояние африканского здравоохранения. Африка импортирует 94% лекарств, а 71 государство запретило или ограничило экспорт препаратов для борьбы с COVID-19. В Африке оказалось в наличии 1.8 больничных

коек на 1000 человек. Серьезная проблема – нехватка медицинского персонала: на 1000 человек приходилось, в среднем, 0.2 врачей. [*Policy*, 2020, р. 12]. Ситуацию дополняли скученность населения городов, антисанитария, нехватка питьевой воды, плохое питание, распространение таких болезней, ослабляющих иммунитет, как ВИЧ и малярия, от которых на континенте ежегодно умирает соответственно около 700 тыс. и около 400 тыс. человек.

По состоянию на 25 декабря 2020 г. численность заболевших в мире составила 79.9 млн человек, т.е. 1% из 7.8 млрд населения Земли, из которых 52.4 млн человек, или 66% выздоровели, а 1.8 млн, или 2% умерли [*COVID-19*, 2020]. На этом фоне степень распространения новой инфекции в Африке оказалась значительно ниже, чем на других континентах. На ту же дату из 1282 млн африканцев заболели 2.6 млн, или 0.2% всего населения, из которых 2.2 млн, или 83%, выздоровели, а 61.9 тыс., или 2%, умерли. Летальность в Африке от COVID-19 оказалась ниже, чем в других странах: в августе 36 умерших на 1000 зараженных [*Coronavirus in Africa*, 2020].

Одна из причин, объясняющих ограниченное распространение COVID-19 в Африке, – возрастная структура населения, характеризующаяся существенно большей, чем на других континентах, долей молодежи, имеющей повышенный иммунитет. Медианный возраст населения – 18 лет, и лишь 2% африканцев – старше 65 лет.

В числе других причин:

- жаркий климат континента, препятствующий, по мнению специалистов, распространению SARS-CoV-2;
- большая в сравнении с другими регионами мира доля сельского населения, характеризующегося низкой плотностью;
- невысокая мобильность населения (африканцы составляют лишь 2% международного пассажиропотока; значительная их часть редко выезжает за пределы города или сельского района);
- вакцинация населения от туберкулеза вакциной БЦЖ, снижающей, по мнению врачей, заболеваемость COVID-19.

Некоторую роль, как ни парадоксально, играет и низкий уровень развития медицины на континенте. До пандемии в Африке было всего две лаборатории для проведения тестов: в Сенегале и ЮАР. Диагностикой была охвачена незначительная доля населения, причем существенная часть молодежи, зачастую переносящей вирус бессимптомно, не попала в число зараженных.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ ДЛЯ АФРИКИ

Ограничения, введенные в связи с пандемией на транспортное сообщение, работу предприятий сферы услуг, промышленных, строительных и других компаний, нанесли ощутимый экономический урон африканским странам. Впервые за 25 лет на континенте была зарегистрирована рецессия. По октябрьским оценкам МВФ, в 2020 г. реальный ВВП стран Африки южнее Сахары сократился на 3% [*World Economic*, 2020].

В пятерку африканских стран с наибольшим падением ВВП в 2020 г. вошли: Ботсвана – -9.6%, Зимбабве – -10.4%, Маврикий – -14.2%, Сейшельские острова – -13.8% и ЮАР – -8.0%. Заметим, однако, что на динамику ВВП в Африке зачастую существенное влияние оказывают стихийные бедствия, а в случае Зимбабве на падении ВВП сказался пересмотр правительством статистики национальных счетов.

Однако было бы ошибкой связывать все негативные последствия влияния COVID-19 на экономику Африки с карантинными мерами, которые лишь несколько ограничили межафриканские связи. Определяющими факторами резкого замедления темпов эконо-

мического развития в Африке стал характер включения ее в международное разделение труда. Основными причинами спада африканской экономики стали падение спроса на традиционные экспортные товары, обусловившее понижение цен, бегство капитала, коллапс пассажирского авиасообщения и туризма в результате закрытия границ. Последняя причина особенно негативно отразилась на экономике малых островных государств, вклад туризма в экономику которых наиболее велик.

Ухудшению экономического положения африканских стран способствовало и сокращение на 23.1% объемов переводов граждан, работающих за границей. Особенно ощутимо это сказалось на таких государствах, как Гамбия, Коморские острова, Лесото, Либерия и Сомали, в которых они превышали 10% ВВП. Еще более серьезные потери в размере примерно 65 млрд долл. понесли африканские экспортеры нефти, поскольку цены на энергоносители в 2020 г. упали примерно на 25–30%. Потери от экспорта африканских товаров и услуг вызвали существенное падение курса большинства африканских валют.

Ухудшение экономического положения африканских стран обернулось для населения ростом обнищания. Главная задача ЦУР – ликвидация нищеты, крайний уровень которой Всемирный банк определяет сейчас в размере менее 1.9 долл. на человека в день. В 2019 г. около 470 млн африканцев, или 37% населения континента, жили в условиях крайней нищеты. По прогнозам Имперского колледжа в Лондоне, их число в 2020 г. в результате вызванного COVID-19 кризиса должно было вырасти еще на 12 млн человек, т. е. более чем на 2% [The poor, 2020]. Таким образом, в 2020 г. Африка практически растеряла скромные достижения в области снижения уровня крайней бедности, которых она смогла добиться с 2015 г.

Хотя сельскохозяйственная продукция входит в число основных статей экспорта африканских стран, континент является нетто-импортером продовольствия. В условиях пандемии и введения странами-экспортерами продовольствия запретов на его вывоз или квот на поставки мировые цены на продовольствие в 2020 г. заметно выросли. Это обострило проблему голода и недоедания в Африке, и ранее стоявшую весьма остро. Именно на африканские страны должен был прийти основной прирост голодающих в мире в 2020 г., который ФАО прогнозировала на уровне 83–132 млн человек. Согласно прогнозам, крайне бедные африканцы могут составить к 2030 г. 35% населения континента [FAO, 2020]. Особенно сложное положение с продовольствием сложилось в странах Восточной Африки, где пандемия COVID-19 совпала с самым разрушительным за последние 25 лет нашествием пустынной саранчи и наводнениями. Продовольственную проблему региона усугубляло наличие только в четырех странах: Сомали, Эфиопии, Южном Судане и Уганде – более 7 млн перемещенных лиц, обитавших в лагерях.

25 марта 2020 г. Генеральный секретарь ООН объявил глобальный гуманитарный план финансирования борьбы против COVID-19 в сумме 2 млрд долл. для особо нуждающихся стран, большинство из которых – в Африке. Этот план был изменен и дополнен в мае 2020 г. Теперь речь шла уже о 6.7 млрд долл., предоставляемых более широкому кругу африканских стран. План предусматривал также обеспечение доступа в страны Африки во время пандемии сотрудникам гуманитарных миссий [Policy, 2020, p. 24].

Значительную часть внешнего финансирования предоставили международные финансовые организации и отдельные страны. По оценке экспертов МВФ, в общей сложности, официальные кредиторы для оказания помощи уязвимым слоям населения и поддержания экономики в условиях «самого глубокого со времени 30-х годов XX в. экономического кризиса», выделили Африке в 2020 г. около 57 млрд долл., в том числе Группа ВБ и МВФ – 18 млрд долл. [World Bank, 2020]. Поддержка частных кредиторов составила примерно 13 млрд долл. Несмотря на существенные объемы финансовой помощи, она, по признанию

экспертов МВФ, не покрыла всех потребностей континента по борьбе с последствиями пандемии, которые оценивались ими в 114 млрд долл.².

Поскольку значительная часть средств была предоставлена в виде кредитов, это привело к наращиванию внешней задолженности Африки, отношение которой к ВВП уже в 2019 г. составляло 61,3%, и обострению проблем с ее обслуживанием³. Свидетельством резкого ухудшения финансового положения большинства африканских стран стало понижение в 2020 г. их кредитных рейтингов. В особо сложной ситуации оказалась Замбия, чью ситуацию рейтинговые агентства S&P и Fitch оценили как дефолт. В этих условиях все громче зазвучали призывы африканских стран к очередной реструктуризации и списанию задолженности.

Чтобы не допустить объявления дефолта рядом африканских стран, группа G-20 на уровне министров финансов и управляющих центральными банками приняла решение приостановить выплату долгов странами с низким уровнем дохода с 1 мая 2020 г. до конца года [Communiq  , 2020]. Позднее на встрече лидеров G-20 меры по приостановлению обслуживания долга были продлены до июня 2021 г. Кроме того МВФ обещал списать долги с 19 африканских стран [Policy, 2020, p. 17].

Несмотря на существенное снижение уровня жизни населения и введенные карантинные меры, особенно ударившие по наименее обеспеченным слоям населения, это не привело в 2020 г. к обострению политической ситуации в большинстве африканских стран. Ни в одной из них не наблюдалось таких массовых антиправительственных демонстраций с протестами против карантинных ограничений, которые прокатились по ряду развитых стран. Более того, в некоторых странах Африки пандемия способствовала активизации диалога между политическими силами и мобилизации общества на борьбу с распространением болезни.

ПОМОЩЬ БРИКС АФРИКЕ В БОРЬБЕ С COVID-19

Глобальную тенденцию к смещению мировой оси развития на Восток явственно обозначил феномен БРИКС. Сегодня по объему ВВП (по ППС) страны БРИКС (Китай, Индия, Бразилия, Россия и ЮАР) превосходят G-7 (США, Германия, Франция, Италия, Великобритания, Канада, Япония): 40,4 трлн долл. и 38,4 трлн долл. соответственно [Корендясов, 2020, с. 5].

БРИКС создает новые возможности для африканских экономик. Своим ростом в последние годы Африка во многом обязана партнерству с БРИКС, на который в 2020 г., по оценкам, пришлось почти 20% мирового товарооборота (6,7 трлн долл.) и примерно 25% общемирового ВВП (21 трлн долл.) [Решетников, 2020]. О значимости БРИКС для Африки говорит тот факт, что в 2019 г. на пять его стран-членов пришлось 25,5% ее экспорта и 30,9% – импорта.

По инициативе России в текст Декларации первого саммита Россия – Африка в Сочи в октябре 2019 г. было включено положение «содействовать углублению партнерства БРИКС – Африка, взаимодействию между государствами БРИКС и африканскими государствами, направленному на укрепление коллективных механизмов глобального управления в рамках многополярной системы международных отношений при весомой роли развивающихся стран и государств с формирующимися рынками и способствующему их устойчивому

² Генеральный секретарь ООН Антонио Гутерриш и ряд африканских лидеров призывали выделить ей 200 млрд долл.

³ В сравнении с большинством развитых государств уровень внешней задолженности африканских стран невелик, однако они имеют значительно меньше ресурсов для его обслуживания.

социально-экономическому развитию в условиях четвертой промышленной революции» [Декларация, 2019].

Борьба с последствиями пандемии оказалась в центре внимания 12-го саммита БРИКС в Москве под председательством Владимира Путина 17 ноября 2020 г. Принятая саммитом Московская декларация призывает «поддержать региональные и субрегиональные инициативы, направленные на укрепление мира и безопасности на Африканском континенте», на основе принципа «африканским проблемам – африканские решения» [Московская Декларация, 2020]. В Декларации также говорится о поддержке Повестки дня Африканского союза на период до 2063 г. и усилий по активизации интеграции и развития на континенте, в том числе посредством Африканской континентальной зоны свободной торговли. Отмечается важность стимулирования инвестиций для содействия промышленному развитию, создания рабочих мест, борьбы с нищетой, обеспечения продовольственной безопасности и устойчивого развития Африки; подтверждается готовность сотрудничать с Африкой в укреплении ее потенциала для борьбы с медицинскими, экономическими и социальными последствиями пандемии COVID-19.

Страны БРИКС обязались действовать совместно в борьбе с COVID-19: «Мы не только открываем свои научные учреждения, свои границы для специалистов, но и открыты для продвижения вакцин для работы в сфере производства и обмена лекарственными препаратами в борьбе с пандемией» [Саммит, 2020].

Важная роль в борьбе с последствиями COVID-19 в Африке отводится Новому банку развития БРИКС, который выделил 4 млрд долл., чтобы поддержать африканскую систему здравоохранения [Московская Декларация, 2020]. Банк зарезервировал 10 млрд долл. на борьбу с коронавирусом [Саммит, 2020]. За последние пять лет НБР одобрил 65 проектов, связанных со сферой инфраструктуры и целями устойчивого развития, в том числе 9 проектов стоимостью 3.4 млрд долл. были одобрены для ЮАР [BRICS, 2020].

Активную позицию в вопросе поддержки Африки в борьбе с COVID-19 заняли и страны-члены БРИКС, население и экономика которых также пострадали от пандемии. На одном из первых мест в мире по числу зараженных оказалась Бразилия, которая, однако, поддержала призыв помочь Африке. Наиболее значимым ее вкладом в борьбу с последствиями COVID-19 в Африке стал Форум Бразилия – Африка, ежегодно проводимый Бразильско-африканским институтом с участием политиков, дипломатов, бизнесменов и ученых. В 2020 г. его темой было «Преодоление вызовов пандемии: что дальше?». 3 и 4 ноября состоялись 24 сессии, на которых выступили 70 спикеров, привлечших по Youtube более 1200 участников.

Южная Африка оказалась в числе африканских стран, наиболее серьезно затронутых пандемией. Она первой из стран Африки ввела локдаун. Был запрещен въезд в страну иностранцам, на три недели закрыты шахты и рудники ЮАР.

Выступая на саммите БРИКС в 2020 г., президент С. Рамафоза призвал партнеров по БРИКС поддержать комплексный пакет стимулирования для африканских стран, что позволит сдержать распространение заболевания и восстановить африканские экономики. Во время председательства ЮАР в БРИКС в 2018 г. ей было поручено работать над созданием Центра исследования и разработки вакцин. С началом пандемии министры науки и инноваций стран БРИКС, включая ЮАР, взялись за разработку программы науки, технологий и инноваций в ответ на COVID-19 [BRICS, 2020].

ПОМОЩЬ КИТАЯ АФРИКЕ

Китай, сам раньше других стран ставший мишенью инфекции, первым из стран БРИКС откликнулся на призыв Африки о международной помощи в борьбе с пандемией. Как за-

явил 7 апреля 2020 г. Председатель Си Цзиньпин, «Китай уделяет пристальное внимание эпидемиологической ситуации в Африке и уже предоставил помощь в виде средств борьбы с эпидемией Африканскому союзу и всем странам Африки, имеющим с КНР дипломатические отношения» [Китай, 2020].

На онлайн-конференции Института Африки РАН с посольством КНР 2 июля 2020 г. полномочный министр Су Фанцу назвал в числе стран, которым Китай оказал наибольшую поддержку в борьбе с коронавирусной инфекцией, Зимбабве, Того, Алжир, Камерун, Намибию, Уганду и Экваториальную Гвинею. Китай направил мобильные бригады медиков в 45 африканских государств, а в 11 странах работают на постоянной основе группы китайских экспертов (148 человек). Китай поставляет на возмездной и безвозмездной основе практически во все страны Африки средства профилактики коронавирусной инфекции, тесты и лекарства. С начала пандемии и до июля 2020 г. были организованы 5 видеоконференций с участием китайских медиков и врачей из 42 африканских стран по методам профилактики и лечения COVID-19 [Абрамова, 2020, с. 7].

В Алжире Пекин вызвался увеличить количество больничных коек на 10 тысяч. В Зимбабве китайские компании переоборудовали больницу Wilkins Hospital в центр лечения больных коронавирусом [Olander, 2020]. Был также завершен китайский проект гинекологической и детской больницы, оснащенной необходимым оборудованием, которую правительство Сенегала использовало как второй в стране центр лечения пациентов с коронавирусом [Дейч, 2020, с. 64].

Оперативно ответил на пандемию в Африке Фонд Джека Ма, китайского миллиардера и основателя компании Alibaba Group, отправивший в дар Руанде, Камеруну, Эфиопии, Гане и другим странам Африки наборы для тестирования, маски и комплекты защитной одежды. 20 апреля 2020 г. Фондом был направлен уже третий дар в виде 4.6 млн масок, 500 тестеров, 300 вентиляторов, 200 упаковок защитной одежды и другого медицинского оборудования [*Coronavirus pandemic*, 2020].

«Ковид-дипломатия» в Африке предоставила КНР возможность заполнить нишу «глобального лидера», которую ранее занимали США. Комментируя заявление тогдашнего Госсекретаря США Майка Помпео о том, что «ни одна страна не может соперничать с США в вопросе помощи Африке в борьбе против пандемии COVID-19», корреспондент ВВС Эндрю Хардинг заметил, что 170 млн долл. помощи Африке от Соединенных Штатов, которыми хвастался Помпео, уступают по масштабам дару одного китайского миллиардера Джека Ма [Harding, 2020].

На Специальном саммите «Китай – Африка» по солидарности в борьбе с эпидемией COVID-19 в Пекине 17 июня 2020 г. Си Цзиньпин заявил, что африканцы смогут в числе первых получить прививку китайской вакциной. Си Цзиньпин заявил также, что Китай досрочно приступит к строительству в Аддис-Абебе (Эфиопия) штаб-квартиры центров Африканского союза по контролю и профилактике заболеваний, а также реализует проект китайско-африканского госпиталя дружбы и продолжит практику сотрудничества китайских и африканских больниц (20+20) [Xi Jinping, 2020].

Помощь Китая направлена и на возмещение ущерба от пандемии для африканских экономик. ООН назвала в числе сфер африканской экономики, особенно нуждающихся в помощи, здравоохранение, продовольствие и инфраструктуру (порты, железные и шоссейные дороги, аэропорты, электросети).

Китайские компании завершили или заняты в строительных проектах, призванных модернизировать около 30 тыс. км шоссейных дорог, 2 тыс. км железных дорог, создать 20 тыс. мегаватт генерирующих мощностей и более 30 тыс. км линий электропередач. 43% китайских инвестиций в африканскую инфраструктуру приходится на электроэнер-

гетику. Около 30% роста производства электроэнергии в Африке к югу от Сахары произошло благодаря Китаю, который ежегодно предоставляет на эти цели Африке 5.1 млрд долл. [Powanga, Giner-Reiche, 2019]. Согласно Global Data, на 2019 г. Китай был занят в 242 энергетических проектах в Африке. В 63 проектах стоимостью 78.1 млрд долл. основные подрядчики – китайские компании. Финансирование инфраструктурных проектов, в том числе в электроэнергетике, осуществляют в основном China Eximbank (67%) и China Development Bank (13%) [Marais, Labuschag, 2019].

В 2020 г. Китай, вопреки трудностям в экономике, не прекратил реализацию проектов инициативы «Один пояс – один путь», где задействованы и страны Африки. Китайские предприятия в первые четыре месяца 2020 г. инвестировали 4.2 млрд долл. в 52 страны – участницы, а общий объем ПИИ в экономики стран-участниц проекта в 2020 г. должен был превысить 25 млрд долл., вдвое больше, чем в 2014 г. [Гао Цяо, 2020].

Оборотная сторона китайской экономической помощи Африке – рост задолженности стран Африки перед Пекином, достигший, в общей сложности, 29.5 млрд долл. Самые крупные должники – Эфиопия (13.7 млрд долл.), Кения (9.8 млрд долл.), Уганда (2.9 млрд долл.) и Танзания (2.3 млрд долл.) [Olingo, 2018]. На Чрезвычайном саммите «Китай – Африка» по борьбе с пандемией 17 июня 2020 г. Си Цзиньпин объявил, что Китай поддерживает решение G-20 о приостановке выплаты долгов странами с низким уровнем дохода с 1 мая 2020 г. до конца года и что странам, особенно пострадавшим от пандемии, этот период будет продлен. Китайский лидер призвал финансовые институты проводить «дружеские консультации» с африканскими странами по условиям выплаты коммерческих займов [Xi Jinping, 2020].

ИНДИЯ СТРЕМИТСЯ НЕ ОТСТАТЬ ОТ КИТАЯ

Как и Китай, Индия оказала существенную помощь африканским странам в борьбе с пандемией COVID-19. Признанная «мировым фармакологом» и поставщиком недорогих дженериков, Индия направила лекарства для борьбы с коронавирусом в 25 стран Африки. Фармакологическая продукция, как правило, занимает 2-е после нефтепродуктов место в товарной структуре индийского экспорта в Африку; ее поставки в последние годы превышали 3 млрд долл.

Хотя Индия сама серьезно пострадала от COVID-19, она направила в страны континента своих врачей как на коммерческой, так и на безвозмездной основе, а также провела серию виртуальных саммитов с лидерами африканских стран, где обсуждался совместный ответ на вызовы пандемии. В результате была разработана и начата реализация программы борьбы с COVID-19 в сельских районах Африки.

Индия оказывает содействие странам Африки в восстановлении их экономик, понесших ущерб вследствие пандемии, предоставляя гранты для решения текущих проблем, в частности, для поддержки новых инвестиционных проектов индийских предпринимателей в фармацевтическом секторе и здравоохранении. В условиях продовольственного кризиса на Африканском Роге в период пандемии Индия создала новый фонд для Африки и предоставила гуманитарную помощь пострадавшим странам.

Африка – второй после Южной Азии получатель индийских кредитов. В 2019 г. Индия предоставила странам Африки 279 кредитных линий на 28 млрд долл. в дополнение к кредитам в 10 млрд долл., предоставленным в 2017 г. К 2020 г. кредитные линии были открыты для 41 африканской страны, что сделало Индию крупным донором Африки [Kurzydłowski, 2020].

В 2020 г. продолжилось действие объявленных премьер-министром Нарендрой Моди 10 инициатив сотрудничества с Африкой, включающих финансы, промышленность, сель-

ское хозяйство, новые технологии, образование, здравоохранение, безопасность. На континенте действуют частные индийские компании в сферах сельского хозяйства, финансов, строительства, телекоммуникаций, здравоохранения и фармацевтики [Khan, 2019].

Осуществляется сотрудничество в области био- и информационных технологий, а также гелиоэнергетики. Индийская помощь Африке в области цифровых технологий фокусируется на образовании и медицине. Ежегодно Дели предоставляет африканским студентам 50 тыс. стипендий. В условиях пандемии, когда индийские границы были закрыты для африканских студентов, быстрое развитие получил проект создания Индийско-африканского виртуального университета. Инициативы e-Vidya Bharati и e-Aarogya Bharati распространяются на 15 тысяч африканских студентов, которым предоставляются стипендии с момента поступления в вузы.

Развивается индийско-африканское сотрудничество в вопросах безопасности: кибербезопасности, безопасности на море, борьбе с терроризмом и ликвидации последствий стихийных бедствий. В феврале 2020 г. на полях выставки вооружений Def Expo 2020 в столице штата Уттар-Прадеш г. Лакхнау состоялся первый Конклав министров обороны Индии и 50 стран Африки. Конклав принял Декларацию Лакхнау о вкладе индийских вооружённых сил в преодоление гуманитарных катастроф в Африке [Lucknow, 2020]. Индия – наиболее активный из стран БРИКС участник миротворческих операций на континенте. В миротворческих миссиях в конфликтных зонах в странах Африки участвуют, в среднем, 6 тыс. индийских миротворцев.

РОССИЙСКО-АФРИКАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПОСЛЕ СОЧИНСКОГО САММИТА

Важный импульс российско-африканским отношениям придал состоявшийся в октябре 2019 г. в Сочи первый саммит и экономический форум Россия – Африка.

В 2020 г. состоялись телефонные переговоры российского президента Владимира Путина с президентом Алжира Абдельмадждидом Теббуном, президентом Египта Абдель Фаттахом ас-Сиси, премьер-министром Эфиопии Абийем Ахмедом и президентом ЮАР Сирилом Рамафозой, причем одной из основных тем были вопросы взаимодействия в борьбе с пандемией COVID-19 и её последствиями.

В помощь странам Африки, пострадавшим от пандемии, Россия поставляла средства для борьбы с коронавирусной инфекцией. В ЦАР, Республику Конго и Зимбабве были отгружены 25 т медицинских изделий, включая маски, перчатки, костюмы и дезинфекторы. В ДРК были отправлены лабораторные расходные материалы, мобильные лаборатории и средства индивидуальной защиты. По линии МЧС было принято решение о выделении примерно 1 млн долл. на закупку средств индивидуальной защиты, медицинских изделий и дезинфекторов для оказания срочной гуманитарной помощи населению Кабо-Верде и Анголы.

Российский фонд прямых инвестиций прорабатывает с рядом африканских стран вопросы поставки и производства на местах российской вакцины от коронавируса «Спутник V». В частности, РФПИ договорился с крупнейшей египетской фармацевтической компанией Pharco о поставках 25 млн доз этой вакцины. О намерении использовать для вакцинации населения «Спутник V» по состоянию на конец января 2021 г. заявили представители Алжира, Гвинеи и Туниса.

В 2020 г. заметно активизировалась гуманитарная помощь России странам Африки. Так, жителям Намибии, пострадавшим от засухи, которая сменилась проливными дождями, вызвавшими наводнение, было направлено 450 т продовольственной помощи. Важной гуманитарной акцией стала поставка в ЦАР подарков для детей.

Дважды в 2020 г. Россия предоставляла ФАО ООН дополнительные целевые взносы для борьбы с голодом в Африке. В качестве продовольственной помощи государствам Восточной Африки, особенно пострадавшим от нашествия саранчи, было предоставлено 10 млн долл., в т. ч. 1 млн долл. – Южному Судану и по 3 млн долл. – Эфиопии, Уганде и Кении [Россия, 2020]. Кроме того, в сентябре 2020 г. правительство РФ приняло решение о выделении ФАО средств для оказания гуманитарной помощи Бурунди, Джибути, Сомали, Сьерра-Леоне и ЦАР. Была увеличена квота для обучения африканских студентов в российских вузах. Если в 2019 г. африканцам было предоставлено 765 мест, то в 2020 г. количество выделенных мест увеличилось в 2,4 раза и достигло 1843.

Одним из приоритетных направлений российско-африканского сотрудничества в кризисном 2020 г. оставалась сфера безопасности. Особенно наглядно это проявилось в ЦАР, куда, наряду с вооруженными силами страны и миротворцами ООН, для обеспечения безопасности накануне президентских выборов 27 декабря 2020 г. было направлено дополнительно около 300 российских военных инструкторов, что позволило нормализовать ситуацию. Вместе с тем российские представители прилагали усилия для продвижения переговорного процесса в ЦАР с представителями всех действующих в стране группировок для достижения мира и согласия в строгом соответствии с рекомендациями Африканского союза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пандемия COVID-19 оказала существенное негативное влияние на здоровье, экономическое и социальное положение африканцев. Вызванный ею глубокий кризис лишний раз засвидетельствовал необходимость ускоренного развития системы здравоохранения на континенте. Одним из приоритетов этой сферы является доступность фармацевтической продукции. Чтобы сократить зависимость от импортных препаратов, Африке предстоит ускорить решение проблемы производства качественных и недорогих лекарств. Пагубное воздействие пандемии на снабжение Африки предметами первой необходимости продемонстрировало также, что продовольственная безопасность остается одной из главных задач континента. Ее решение требует увеличения инвестиций в системы ирригации, хранения, транспортировки и переработки сельскохозяйственной продукции, сокращения потерь продовольствия и усиления контроля за его ценообразованием. Африке потребуются не только политическая воля и настойчивость в достижении ЦУР, но и содействие со стороны внешних акторов. В этих условиях страны Африки и БРИКС, заинтересованные в преодолении негативных последствий вызванного коронавирусом кризиса, а также в строительстве нового динамичного многополярного мира, могут и должны активировать равноправное партнерское сотрудничество по многим направлениям, и прежде всего в области сельского хозяйства и здравоохранения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

Абрамова И.О. Россия и Китай в Африке: конкуренты или партнеры? *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 9. С. 4–9 [Abramova I.O. Russia and China in Africa: Competitors or Partners? *Asia and Africa Today*. 2020. No. 9. Pp. 4–9 (in Russian)].

Гао Цяо. Страны-партнеры вместе строят «Шелковый путь здоровья»: «Один пояс – один путь» стимулирует развитие мировой экономики. *Российская газета. Федеральный выпуск* [Gao Tsjaio. Countries –Partners Build Together “Silk Road of Health”: “One Belt-One Road Stimulates the Development of World Economy”. *Rossiyskaya Gazeta. Federal Issue*. No. 110 (8164). 25.05.2020 (in Russian)].

Дейч Т.Л. Китай и Африка в борьбе с COVID-19. *Контуры глобальных трансформаций. Политика. Экономика. Право*. 2020. № 5. С. 52–72 [Deych T.L. China and Africa in the Fight against COVID-19. *Outlines of Global Transformations. Politics. Economics. Law*. 2020. No. 5. Pp. 52–72 (in Russian)].

Декларация первого саммита Россия – Африка, 2019, 24 октября [Declaration of the First Summit Russia-Africa, 2019, October 24. <https://summitafrica.ru/about-summit/declaration/> (accessed 19.02.2020).

Китай готов продолжить помогать странам Африки в борьбе с COVID-19. *РИА Новости*. 8.04.2020 [China is Ready to Continue to Help Africa in Fight against COVID-19. *RIA Novosti*. 8.04.2020 (in Russian)]. <https://ria.ru/20200408/1569766996.html> (accessed 20.04.2020).

Корендясов Е.Н. Сочинский консенсус. *Азия и Африка сегодня*, 2020. № 2. С. 4–11 [Korendyasov E.N. Sochi Consensus. *Asia and Africa Today*. 2020. No. 2 (743). Pp. 4–11 (in Russian)].

Московская Декларация XII саммита. Президент, 17 ноября 2020 г. БРИКС [Moscow Declaration of the XII Summit. President, November 17, 2020. BRICS (in Russian)]. <http://www.kremlin.ru/supplement/5581> (accessed: 25.11.2020).

Решетников: страны БРИКС укрепляют свои позиции в мировой экономике. 2020, 23 июля [Reshetnikov: BRICS Countries Consolidate their Positions in World Economy. July 23, 2020 (in Russian)] https://www.economy.gov.ru/material/news/reshetnikov_strany_briks_ukrepili_svoi_pozicii_v_mirovoy_ekonomike.html (accessed: 29.07.2020).

Россия снова решила помочь Африке миллионами из своего бюджета [Russia Decided Again to Help Africa by Millions from its Budget (in Russian)] <https://www.rosbalt.ru/business/2020/05/02/1841473.html> (accessed: 29.07.2020).

BRICS to deliver for SA, Cape Argus, by Minister Naledi Pandor. 2020, Nov. 20. <https://www.pressreader.com/south-africa/capeLargus/202001125/281681142429914> (accessed: 09.12.2020).

Communiqué G20 Finance Ministers and Central Bank Governors Meeting. 2020, April 15. [https://g20.org/en/media/Documents/G20_FMCBG.Communique_EN%20\(2\).pdf](https://g20.org/en/media/Documents/G20_FMCBG.Communique_EN%20(2).pdf) (accessed: 10.12.2020).

Coronavirus in Africa. <https://covid.observer/africa/> (accessed: 26.12.2020).

Coronavirus Pandemic Helps China Expand its Influence in Africa, 2020, 20 April. <https://www.dw.com/en/coronavirus-pandemic-helps-china-expand-its-influence-in-africa/a-53241294> (accessed: 28.04.2020).

COVID-19 World Statistics. <https://covid.observer/> (accessed: 26.12.2020).

Harding A. China–US Rivalry in Africa Fuelled by Coronavirus. *BBC News*. June 9, 2020. <https://www.bbc.com/news/world-africa-52966148> (accessed: 12.06.2020).

Khan St. A Look at How India's Africa Strategy is Working. *The Conversation*. 2019, March 20. <https://theconversation.com/a-look-at-how-indias-africa-strategy-is-working-113658> (accessed: 17.11.2020).

Kurzydowski Ch. What can India offer Africa. *The Diplomat*, 2020, June 27. <https://thediplomat.com/2020/06/what-can-india-offer-africa/> (accessed: 01.07.2020).

Lucknow Declaration Adopted by India, 50 African nations. <https://www.jagranjosh.com/current-affairs/lucknow-declaration-adopted-by-india-50-african-nations-1581050070-1> (accessed: 06.07.2020).

Marais Y., Labuschag J.-P. If You Want to Prosper, Consider Building Roads. Chinese Role in African Infrastructure and Capital Projects. *Deloitte Insights* 22 March. <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/industry/publication> (accessed: 18.11.2020).

Olander E. *China Sends Medical Teams to Africa as Part of New Stepped-up Aid Push*. <https://china-africa.project.com/analysis/china-sends-medical-teams-to-africa-as-part-of-new-stepped-up-aid-push/> (accessed: 05.12.2020).

Olingo A. *Africa: China Plans to Sell off its African Infrastructure Debt to Investors*. 5 November 2018 <https://allafrica.com/stories/201811050324.html> (accessed: 07.04.2020).

Policy Brief: Impact of COVID-19 in Africa. UN Executive Summary, 2020, 20 May. https://www.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/sg_policy_brief_on_covid-19_impact_on_africa_may_2020.pdf (accessed: 14.07.2020).

The Poor Lose Again: Impact of COVID-19 on Africa. ISS Today. 30 Jun 2020. <https://issafrica.org/amp/iss-today/the-poor-lose-again-impact-of-covid-19-on-africa> (accessed: 14.07.2020).

Powanga L., Giner-Reiche I. China's Contribution to the African Power Sector: Policy Implications for African Countries. *Journal of Energy*. Vol. 2019. <https://www.hindawi.com/journals/jen/2019/7013594> (accessed: 22.04.2020).

World Bank Group and IMF Mobilize Partners in the Fight Against COVID-19 in Africa, 2020. <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/04/17/pr20168-world-bank-group-and-imf-mobilize-partners-in-the-fight-against-covid-19-in-africa> (accessed: 14.07.2020).

World Economic Outlook, October 2020: A Long and Difficult Ascent <https://www.imf.org/en/Publications/WEOIssues/2020/09/30/world-economic-outlook-october-2020> (accessed: 27.10.2020).

Xi Jinping Speech at Extraordinary China-Africa Summit on Solidarity Against COVID-19. *Global Times*. 2020/6/17 <https://www.globaltimes.cn/content/1191977.shtml> (accessed: 06.07.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

ВОЛКОВ Сергей Николаевич –
кандидат экономических наук, зав. Центром
изучения российско-африканских отношений
и внешней политики стран Африки Института
Африки РАН, Москва, Россия.

Sergey N. VOLKOV, PhD (Economics),
Head of Department of Russian-African Relations
and Foreign Policy of African Countries,
Institute for African Studies RAS, Moscow,
Russia.

ДЕЙЧ Татьяна Лазаревна –
доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник Центра изучения российско-
африканских отношений и внешней политики
стран Африки Института Африки РАН,
Москва, Россия.

Tatiana L. DEYCH, DSc (History),
Leading Research Fellow, Department
of Russian-African Relations and Foreign Policy
of African Countries, Institute for African Studies
RAS, Moscow, Russia.

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ

DOI: 10.31857/S086919080015159-1

РЕЧЬ ВО СНЕ И ГРЕЗЫ НАЯВУ
В КЛАССИЧЕСКОЙ САНСКРИТСКОЙ ДРАМЕ

© 2021

Е. А. ЮДИЦКАЯ ^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6165-1005; katiadjdt@yandex.ru

Резюме: В данной статье мы продолжаем исследование феномена речевого сбоя в классической санскритской драме. Разные типы речевых ошибок, такие как оговорка, ослышка, речь не впопад и прочее, играют важную роль в структуре индийской драмы, выступая как в качестве выразительного средства, так и в качестве ключевого элемента сюжетосложения. Установление последнего факта позволяет лучше понять специфику санскритской драмы, которая среди прочего состоит в том, что статусом события в ней наделяются довольно нетипичные явления, такие как рассматриваемые нами ошибки в речи. При этом основную цель данной работы мы видим в том, чтобы показать, что мотив сновидения, а также тесно связанный с ним мотив грез наяву можно поставить в один ряд с вышеперечисленными типами речевых ошибок. Важно, что в знаменитой драме Калидасы роковое проклятие, обрушившееся на Шакунталу, когда та впала в состояние грез наяву, получает объяснение благодаря выявленному нами мотиву. Кроме того, мы привлекаем материал пракритской и санскритской лирики, а также древнеиндийской повествовательной прозы для того, чтобы наметить пути поиска истоков интересующего нас литературного явления.

Ключевые слова: классическая санскритская драма, Калидаса, речевой сбой, структура художественного текста, поэтика древнеиндийской драмы.

Для цитирования: Юдицкая Е.А. Речь во сне и грез наяву в классической санскритской драме. *Восток (Orient)*. 2021. № 3. С. 216–230. DOI: 10.31857/S086919080015159-1

SOMNILOQUY AND DAYDREAMING IN CLASSICAL SANSKRIT DRAMA

© 2021

Ekaterina A. YUDITSKAYA ^a^a – Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6165-1005; katiadjdt@yandex.ru

Abstract: In this article, we continue our research into the phenomenon of speech errors in classical Sanskrit drama. Communication mishaps such as a slip-of-the-tongue, mishearing, and utterances that are out of place, etc., play an important role in the structure of Indian drama, serving both as an expressive means and as a dominant narrative device. Establishing the latter fact allows us to understand better the specifics of Sanskrit drama, which among other things, consists of the following: that rather atypical phenomena, such as the errors that we analyze, are

endowed with the status of an “event” in Sanskrit drama. That being the case, we see the main purpose of this paper in proving that the somniloquy motif as well as the daydreaming motif (which is closely related to it) can be put on a par with the above-mentioned types of speech errors. Both motifs have a well-established form and are reproduced in many plays. What is said (or even done) in a dream might affect dramatically the further development of the plot. Simultaneously, somniloquy may be aimed at creating a comic effect. The same is true regarding the daydreaming motif. It is important to note that the latter lies behind the fatal curse in the famous drama of Kalidasa, which fell upon Shakuntala, when she lapsed into a state of daydreaming. In addition, we draw on material from Prakrit and Sanskrit lyrics, as well as ancient Indian narrative prose, in order to outline ways of finding the origins of this poetic phenomenon.

Keywords: classical Sanskrit drama, Kalidasa, speech faults, structure of literary text, poetics of ancient Indian drama.

For citation: Yuditskaya E.A. Somniloquy and Daydreaming in Classical Sanskrit Drama. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 216–230. DOI: 10.31857/S086919080015159-1

Классическая санскритская драма располагает довольно своеобразным комплексом выразительных средств, среди которых особый интерес представляют произвольные ошибки в речи персонажа. Практически ни одна пьеса не обходится без случаев речевого сбоя разных типов. При этом речевая ошибка нередко играет ключевую роль в развитии сюжета и всегда воспринимается как событие. Характерная особенность функционирования бессознательной речевой ошибки в структуре индийской драмы состоит в том, что она никогда не остается незамеченной. Обычно в последующей реплике одного из персонажей обнаруживается причина, по которой была допущена ошибка. Часто она объясняется с помощью отсылок к психическим явлениям, вследствие которых возник сбой. При этом персонаж, допустивший ошибку, либо сам ее осознает и исправляет, либо ее не замечает, и его поправляют другие. В случаях, когда ошибка должна быть скрыта или статус персонажа не позволяет прямо указать на нее, реакция проявляется репликой в сторону.

В пьесах встречаются самые разнообразные формы произвольных речевых ошибок: оговорка фонетического типа, ошибка в имени (*gotraskhalita*), ослышка, речь невпопад, «проговор», недосказанная речь (*ardhokti*). В один ряд с подобными явлениями мы ставим широко распространенный в санскритской драме мотив сноговорения, а также тесно связанный с ним мотив грез наяву. Данный перечень не является исчерпывающим, так как материала слишком много, и он практически не исследован¹.

Индийская драма в целом отличается большим своеобразием². Особым образом в ней обыгрываются эмоционально-психические состояния персонажей, причем обращает на себя внимание скудность действия, тогда как описанию душевного состояния героя отводится значительная часть текста. Например, сюжет одноактной пьесы «Речь посланника» («Дутавакья») строится на мелких подробностях, связанных с этикетом приема посла.

¹ В санскритских комментариях к драме ошибки персонажей соотносятся с такими терминами, как *bhrama*, *śleṣa*, *gotraskhalita*. Также в тексте драмы фигурирует ремарка *ityardhokte* (досл.: «когда так сказал наполовину»), указывающая на термин *ardhokti* (полуречь, недосказанная речь, ломаная или прерванная речь). Необходимы дальнейшие исследования для того, чтобы прояснить, каким образом данный прием осмыслился в древнеиндийской поэтике.

² Попытку выделить основные подходы к изучению санскритской драмы, а также некоторые отличительные черты ее структуры мы предприняли в нашей первой работе на эту тему [Юдицкая, 2021].

³ Пьеса дошла до нас в рамках Тривандрумского цикла, который исследователи соотносят с южной традицией и датируют эпохой Средневековья. Точное авторство пьесы не установлено [Esposito 2010].

В определенный момент оба главных персонажа оказываются во власти гнева. В пьесе показано, как по-разному они справляются с данной отрицательной эмоцией.

Другая знаменитая пьеса Тривандрумского цикла «Натака о сне и Васавадатте» («Свапнаवासавадатта») также сосредоточивается на внутренних переживаниях персонажей. Центральное событие натаки – встреча царя и его якобы погибшей супруги, происходящая в состоянии полусна. Усилиям видушаки (комическое лицо индийской драмы), направленным на то, чтобы заставить царя поверить, что встреча ему лишь приснилась, придается существенное значение. Лейтмотив пьесы – душевные страдания царицы, вынужденной жить инкогнито под покровительством новой невесты, а впоследствии и жены царя. В обеих пьесах заметно мало действия, и при этом принципиальное значение приобретают стилистические и композиционные приемы. Аналогичную ситуацию мы обнаруживаем в любой санскритской драме, что превращает ее в довольно специфическую художественную конструкцию, в которой формальная сторона выражена значительно ярче, чем сюжетная.

Речевой сбой в композиции драмы несет как минимум две фундаментальные функции: это и средство движения действия, и одновременно прием, который служит для передачи определенного психического момента. Речевая ошибка оказывается симптомом интенсивного эмоционального состояния. Наиболее распространенный тип ошибки связан с любовными переживаниями. В качестве примера приведем отрывок из «Свапнаवासавадатты».

Вынужденная скрывать свою личность, царица Васавадатта живет под защитой принцессы Падмавати, новой невесты царя. Накануне свадьбы, обсуждая достоинства жениха, Васавадатта едва не выдает себя, оговорившись:

«Падмавати: Но есть у меня одно сомнение⁴.

Васавадатта: Какое же?

Падмавати: Любила ли Васавадатта царя, так как люблю его я?

Васавадатта: Даже больше!

Падмавати: Откуда ты знаешь?

Васавадатта (в сторону): Ах! Преданность мужу заставила меня преступить границу дозволенного поведения. Тогда скажу так. (Вслух.) Если бы любовь не была столь сильной, она бы не оставила своих близких»⁵.

Психоэмоциональные состояния, под воздействием которых персонажи допускают ошибки в речи, могут также быть вызваны страхом, отчаянием, гневом и тому подобными чувствами. В центре пьесы «Заплетение косы» Бхаттанараяны – образ царя Кауравов Дурьодханы перед лицом надвигающейся катастрофы. Слепленный гордыней и гневом, царь отказывается заключить мир с двоюродными братьями (Пандавами) и вовлекает их в кровопролитную войну, в которой сам обречен погибнуть. В пьесе фактически отсутствует действие, здесь в буквальном смысле главенствуют настроения. Внимание сосредоточено на передаче внутреннего состояния царя в гнетущей атмосфере происходящего, которая в

⁴ Перевод цитат из источников, если это не оговорено особо, везде наш.

⁵ **padmāvatī:** ekko khu me sandeho || [ekah khalu me sandehah |]

vāsavadattā: kiṃ kiṃ || [kim kim |]

padmāvatī: jaha mama ayyautto, taha evva ayyāe vāsavadattāetti ||

[yathā māmāryaputrastathaivāryāyā vāsavadattāyā iti |]

vāsavadattā: ado vi ahiṃ || [ato 'pyadhikam |]

padmāvatī: kahaṃ tuvaṃ jānāsi || [katham tvam jānāsi |]

vāsavadattā: (ātmagatam) haṃ, ayyauttapakkhavādeṇa adikkando samudāro | evvaṃ dāva bhaṇissam | (prakāśam) jai appo siṇeho, sā sajaṇaṃ na parittajadi || [ham, āryaputrapakṣapātenātikrāntah samudācārah | evaṃ tāvad bhaṇiṣyāmi | yadyalpaḥ snehaḥ, sā svajānaṃ na parityajati |] [Bhāsa, 1937, p. 24].

том числе создается указанием в тексте на ряд дурных предзнаменований⁶. Значительная часть текста посвящена мрачным картинам поля битвы после кровопролитного сражения (эта часть построена по образцу *бханы*⁷). Случаи речевого сбоя отражают внутреннее смятение персонажей и усиливают напряжение. В следующем отрывке царь ошибается дважды: сначала он неправильно понимает слугу, потом допускает оговорку.

«Царь: Хорошо сказано:

Тайно или открыто, большой или малый, самим или другим содеянный, ущерб, нанесенный врагу, приносит большую радость.

Сегодня мы пребываем в приподнятом состоянии духа, узнав о том, что Абхиманью⁸ был убит Дроной, Карной, Джаядратхой и другими.

Канчуки⁹: Господин, это было не столь сложно, учитывая силу оружия Учителя. К чему славить Карну и Джаядратху?

Царь: Винаямдхара, о чем ты? Мальчик был один, его лук был сломан. И к чему тогда, спрашивается, славить героев рода Куру?! Слушай же, глупец!

Когда убили старого Бхишму, сына Ганги, выставив вперед Шикхандина¹⁰, сыновья Панду обрели славу, ровно такую же славу сегодня получаем мы!

Канчуки (сконфуженно): Господин, я вовсе не это имел в виду! Да ведь и никогда ранее не видали мы, чтобы вам недоставало доблести! Вот отчего я так выразился.

Царь: Да-да, так.

Вместе с оравой слуг, с родней, с союзниками, с сыновьями и младшими братьями, вместе с его войском Суйодхану¹¹ вскоре в битве сразит сын Панду.

Канчуки (закрыв уши, в страхе): Да будет отведено всякое зло! Да будет отведено все дурное!

Царь: Винаямдхара, что я сказал?

Канчуки: «Вместе с оравой слуг, с родней, с союзниками, с сыновьями и младшими братьями, вместе с его войском сына Панду вскоре в битве сразит Суйодхана».

Господин сказал все наоборот.

Царь: Винаямдхара, сегодня ранним утром Бханумати¹², не поприветствовав меня, как всегда то было раньше, покинула царские покои. Вот от чего мой ум стал рассеянным. Покажи мне, в какой стороне искать Бханумати¹³.

⁶ Медленное развитие действия наделяет многие детали санскритских пьес статусом события. Предзнаменование фокусирует на себе внимание аналогично тому, как это происходит с речевой ошибкой, хотя и в существенно меньших масштабах.

⁷ *Бхана* – малый жанр классического санскритского театра, одноактная пьеса-монолог.

⁸ Абхиманью – герой «Махабхараты», сын Арджуны, среднего из пяти братьев Пандавов.

⁹ Канчуки – один из основных персонажей индийской драмы, дворецкий.

¹⁰ Речь идет о царевиче панчалов Шикхандине, родившемся девочкой, но впоследствии ставшем мужчиной. Выставив вперед Шикхандина, Пандавам удалось сразить Бхишму, отказавшегося поднимать оружие против женщины.

¹¹ Суйодхана – еще одно имя Дурьодханы.

¹² Дурьодхана объясняет ошибку тем, что он обеспокоен поведением супруги, показавшей, как ему кажется, обиду. Здесь и далее в пьесе взаимоотношения царя и его супруги Бханумати выстраиваются по схемам, известным по индийской любовной лирике.

¹³ **duryodhanah:** sūktamidam kasyacit |

guptyā sāksānmahānalpaḥ svayamanyena vā kṛtaḥ |

karoti mahatīm prītimapakāro'pakāriṇām ||

yenādya droṇakarnaḥjayadrathādibhirhatamabhimanyumupaśrutya samucchvasitamiva naścetasā |

kañcuki: deva, nedamatiduṣkaramācāryaśastraprabhāvānām | karnaḥjayadrathayorvā kā nāmātra ślāghā |

rāja: vinayamdharma, kimāha bhavān | eko bahubhirbālo lūnaśarāsanaśca nihata ityatra kā ślāghā

kurupuṅgavānāmiti | mūḍha, paśya |

В ряде произведений спутанная, сбивчивая речь служит средством изображения состояния болезни и предсмертной агонии (Харша «Приядаршика», «Нагананда»), безумия¹⁴ (цари Душьянта и Пуруравас у Калидасы). Интересно, что детская речь в натаках Калидасы также характеризуется речевыми ошибками.

Мотив сногворения нам представляется явлением схожего порядка. В индийской драме речь во сне служит широко распространенным композиционным приемом устоявшейся формы и воспроизводится во многих пьесах. Практически всегда сказанное (или даже содеянное) во сне влияет на дальнейшее развитие сюжета. Также во многих пьесах речь во сне направлена на создание комического эффекта.

В натаке Калидасы «Малавика и Агнимитра» фаворитка царя Иравати и ее служанка Нипуника натываются на спящего Гаутаму (видушака, шут-брахман), в тот момент, когда он начинает говорить во сне. Гаутама выражает симпатию по отношению к Малавике, новой возлюбленной царя, и при этом оскорбляет Иравати. Разгневанная таким отношением к своей госпоже, Нипуника решает проучить шута. Она бросает в него палку, которую тот спросонья принимает за змею. Услышав крики, царь устремляется на помощь другу, за ним следует Малавика, и таким образом становится очевидным их тайное свидание, которое по сюжету пьесы следует скрывать.

«Видушака (во сне): О, госпожа Малавика ...

Нипуника: Вы слышите, повелительница? И на чью же милость надеюсь, существует этот плут? У нас он постоянно набивает брюхо ритуальными угощениями, а теперь, значит, грезит о Малавике?!

Видушака: ... да превзойдешь ты Иравати!

Нипуника: Вот это настоящая беда!! Этого брахмана лишь по названию, боящегося змей, я напугаю вот этой деревянной палкой, изогнутой в виде змеи¹⁵.

Иравати: Этот неблагодарный заслуживает наказания!

(Нипуника встает за видушакой и кидает в него палку)»¹⁶

hate jarati gāṅgeye puraskṛtya śikhāṇḍinam |
yā ślāghā pāṇḍuputrāṇāṃ saivāsmākam bhaviṣyati ||

kañcukī: (savailakṣyam) deva na mamāyaṃ saṃkalpaḥ | kiṃ tu vaḥ pauraṣapratigḥāto 'smābhiranālocitapūrva
ityata evaṃ vijñāpayāmi |

rājā: evamidam

sahabhrtyagaṇaṃ sabāndhavaṃ sahamitraṃ sasutaṃ sahānujaṃ |
svabalena nihanti saṃyuge nacirāt pāṇḍusutaḥ suyodhanaṃ ||

kañcukī: (karṇau pidhāya | sabhayam) śāntaṃ pāpam | pratihatamamaṅgalam

rājā: vinayaṃdhara, kiṃ mayoktam |

kañcukī: sahabhrtyagaṇaṃ sabāndhavaṃ sahamitraṃ sasutaṃ sahānujaṃ |

svabalena nihanti saṃyuge nacirāt pāṇḍusutaṃ suyodhanaḥ ||

etadviparītamabhihiṭtam devena |

rājā: vinayaṃdhara, adya khalu bhānumatī yathāpūrvam māmanāmantrya vāsabhavanāt prātareva niṣkrānteti
vyākṣiptaṃ me manaḥ | tadādeśaya tamuddeśaṃ yatrasthā bhānumatī | [Bhaṭṭa Nārāyaṇa, 1933, p. 28–30].

¹⁴ Помимо речевых ошибок, безумие в индийской драме принято передавать посредством ошибок восприятия и, в частности, зрительных иллюзий.

¹⁵ То, что палка принимается за змею, отсылает к известному примеру, на котором строится индийская теория познавательных ошибок (кхьятивада). Перцептивные ошибки обыгрываются во многих драмах. В «Свапнанвасавадатте» видушака видит змею в упавшей гирлянде.

¹⁶ **vidūṣaka:** (utsvapnāyate) bhodi mālavi | [bhavati mālavike |]

nipuṇikā: sudam bhaṭṭiṇte kassa eso attaññoasampādāṇe vissasaññijjo hadāso | savvākalam idō evva sothvivāṇamodaehiṃ kucchiṃ pūria sampadam mālaviyaṃ siviṇāvedī | [cṛutāṃ bhaṭṭiṇyā | kasyaiṣa ātmaniyoḡasampādāṇe viḡvasaṇiyo hatācaḥ | sarvakālāmita eva svastivācanamodakaiḥ kuḡṣiṃ pūrayitvā sāmpratam mālavikāṃ svaptāyate |]

vidūṣaka: irāvaḍiṃ adikkamanānti hohi | [irāvatīmatikrāmanānti bhava |]

Аналогичная сцена с проговорившимся во сне видушакой встроена в композицию натики Харши «Приядаршика». Как отмечают исследователи, натики Харши «почти полностью повторяют “Малавику”» [Алиханова, 2008, с. 164], но таковы механизмы построения санскритских драм. Поэты опираются на произведения предшественников, неустанно воспроизводя каноническую структуру, сюжетные схемы, художественные приемы, при этом все заимствования «сопровождаются некоторым смещением – композиционного, функционального и иного порядка ... Все эти сдвиги, на первый взгляд как будто незначительные, в контексте целого приобретают огромное значение, и в результате перед нами оказываются совершенно другие драмы, причем внешние совпадения только подчеркивают контрастность общего смыслового решения [Алиханова, 2008, с. 164–165]».

Сцена снововорения из «Приядаршики» отличается от аналогичной сцены из «Малавики» как по содержанию, так и по структуре. Первое отличие касается стадии сна, в которой пребывает спящий¹⁷. Если в «Малавике» видушака видит сновидение, то в «Приядаршике», судя по тексту, он погружен в глубокий сон. Когда его будят, сознание в полной мере к нему возвращается не сразу (как это часто случается в реальной жизни). Второе отличие связано с ролью эпизода в композиции пьесы – в «Приядаршике» реплики видушаки совпадают с кульминацией, раскрывая обман непосредственно перед главной женой царя, Васавадаттой, что влечет за собой драматические последствия. При этом царицу обманывают весьма изощренным способом. Свидание царю и его новой возлюбленной Приядаршике устраивается на сцене, непосредственно перед глазами Васавадатты, во время исполнения придворного спектакля под названием «Деяния Удаяны» (*udayanacarita*). Спектакль воспроизводит историю любви Васавадатты и Удаяны и призван воспламенить былые чувства. Васавадатта заказала пьесу, но все пошло не так, как она планировала. Ситуация на сцене вышла из-под контроля, в результате чего она вынуждена была наблюдать полный крах своей идеи. Она словно оказалась в кошмарном сновидении, полностью идущем вразрез с идеалистическим сюжетом из ее прошлого [Doniger, 2005, p. 33]. Дело в том, что Манорама, предполагаемая исполнительница роли царя, подменила себя настоящей Удаяной для того, чтобы устроить ему новую встречу с Приядаршикой. Как только царь появляется на сцене, Васавадатта узнает его и приветствует по этикету. Однако сопровождающая ее Санкритьяни (ученая дама, автор представляемой пьесы) прерывает речь царицы, уверяя, что та ошибается (*kṛtā bhrāntih*)¹⁸, приняв актрису за царя. При этом Санкритьяни находит ошибку вполне естественной (*sthāne*) и объясняет ее высоким уровнем исполнительского мастерства Манорамы.

Примечательно, что перед нами очередной пример использования феномена речевого сбоя в структуре индийской драмы. Присутствуют обе типичные составляющие данного художественного приема: ошибка и ее объяснение. При этом тот факт, что произошла путаница и в реальности ошибка не была допущена, нельзя считать новаторским ходом самого Харши. Уже у Калидасы в «Натаке о мужестве и Урваши» один из персонажей, ясно представляя себе механизмы оговорок и других подобных ошибок, ссылается на одну из

nipuṇikā: eḍam accāhidam | imaṃ bhuṅgaḥbhiruam bahmabandhuṃ imiṇā bhuṅgaḥakuḍiḇeṇa daṇḍakaṭṭheṇa svambhantaridā bhāiṣṣam | [*etadatāyāhitam* | *imaṃ bhujaṅgaḥbhiruṃ brahmabandhumanena bhujaṅgaḥakuḍiḇeṇa daṇḍakāṣṭheṇa stambhāntaridā bhīṣayīṣyāmi* |]

irāvati: aruhadi evva kidaggho uvaddavassa [*arhatyeva kṛtaggha upadravasya* |]

(*nipuṇikā vidūṣakasyopari daṇḍakāṣṭham pātayati* |) [Kālidāsa, 1924, p. 81].

¹⁷ В Древней Индии довольно рано происходит выделение двух стадий сна: глубокого сна и сна со сновидениями.

¹⁸ В индийской поэтике *бхранти* – обобщающее название группы мотивов, связанных с ситуацией ошибочного, иллюзорного восприятия.

них (ошибку в имени (*gotraskhalita*)), в действительности не случившуюся, для того чтобы вывести секрет [Юдицкая, 2021].

Спектакль в «Приядаршике» с позволения смущенной царицы продолжается. Но по мере развития действия ее возмущение только нарастает. Васавадатта находит чрезмерно вольной (выходящей за рамки приличия) трактовку реальных событий, вследствие чего между ней и Санкритьяни завязывается крайне интересная дискуссия о законах театра, высвечивающая для нас некоторые представления древних индийцев о принципах отражения действительности в художественном произведении.

Между тем происходящее на сцене окончательно выходит за пределы дозволенного, и Васавадатта покидает зал. Видушака спит в соседнем помещении, ожидая царя. Царица будит его, и тот спросонок выдает ей правду.

«**Васавадатта** (вглядываясь): Ведь это Васантака. (Подумав.) Царь должен быть где-то рядом. Я разбужу его и спрошу.

Видушака (выходя из состояния глубокого сна и оцепенения, машинально осматриваясь: Мой друг окончил играть и вернулся, или он еще на сцене?

Васавадатта (в смятении): Как?! Царь играет?! А где же сейчас Манорама??

Видушака: Она в картинной галерее.

Манорама: Как?! Царица, обратившись к нему, имела в виду одно, а у этого глупца [было на уме] другое. Просыпаясь, он все перепутал.

Васавадатта (в гневе, глумливо): Хорошо, Манорама, хорошо! Отлично сыграно!»¹⁹

Прототипом пьес, сюжет которых отражает комплекс проблем, связанных с новым супружеством царя, принято считать «Натаку о сне и Васавадатте» Бхасы. Но до нас текст «Свапнаваасавадатты» дошел в рамках довольно позднего Тривандрумского цикла. Насколько он соответствует оригиналу, сказать точно не представляется возможным. Как понятно из названия натаки, сцена сна в структуре пьесы играет ключевую роль. Акцент на сновидении может быть прочитан здесь в контексте религиозно-философских концепций Древней Индии, связанных с такими понятиями, как *майя*, *бхрама* (ошибка, заблуждение)²⁰, *свапна* (сновидение) и прочими. Вероятно, с этим же связано появление в пьесе знаменитой *rajju-sarpa* нуба (перцептивная ошибка, восприятие змеи в веревке). Теории познавательных ошибок разрабатывались многими школами индийской философии в связи с дискуссиями о проблемах познавательного процесса и о критериях истинного знания. Сложно сказать, заимствуются ли такого рода примеры непосредственно из трактатов в целях, например, пародийного использования, или это прямая отсылка к философским концепциям, или просто паремия.

¹⁹ **vāsavadattā**: (nirūpya) vasantao evva eso | (vicintya) raṇṇā vi ettha hodavvaṃ | tā bodhia pucchissaṃ dāva ṇaṃ | (prabodhayati) [*vasantaka evaiṣaḥ* | *rājñāpyatra bhavitavyam* | *tad bodhayitvā prakṣyāmi tāvadenam* |]

vidūṣakaḥ: (nidrājaḍamutthāya sahasā vilokya) kiṃ naḍcia ādo piavaasso ādu naḍcadi evva | [*kiṃ nartitvā āga-taḥ priyavasyaḥ athavā nṛtyatyeva* |]

vāsavadattā: (saviśādam) kaḥaṃ aṇṇāṇavutto naḍcadi | maṇoramā dāṇiṃ kaḥaṃ | [*kathamāryaputro nṛtyati* | *manoramedānīm katham* |]

vidūṣakaḥ: eṣā cittasālāe citṭhai | [*eṣā citrasālāyāṃ tiṣṭhati* |]

manoramā: (sabhayam |) kaḥaṃ aṇṇāḥ evva hie karia devīe maṇṭidaṃ | edeṇa mukkhabaḍeṇa aṇṇāḥ evva buddhia savvaṃ ālūṭkidaṃ | [*kathamanyathaiva hrdaye kṛtvā devyā mantritam* | *etena mūrkhabaḍeṇanyathai-va buddhvā sarvamākulīkṛtam* |]

vāsavadattā: (saroṣaṃ hasantī |) sāhu maṇorame sāhu | sohaṇaṃ tue naḍcidaṃ | [*sādhū manorame sādhū* | *śobhanaṃ tvayā nartitam* |] [Harṣa, 1908, p. 67].

²⁰ В том числе понятие бхранти, о котором речь шла выше.

Процесс состояния сна со сновидениями и выхода из него в этой сцене отражен весьма искусно. Согласно нашей интерпретации, царь спит и видит сновидение, во время которого зовет свою супругу. Васавадатта, якобы покойная, волей случая оказывается рядом с ним. Поняв, что царь спит, она решает задержаться на некоторое время рядом с горячо любимым супругом, от которого вынуждена скрываться. Она отвечает на реплики, произносимые царем во сне, и между ними как бы завязывается диалог, при этом царь продолжает грезить. Инкогнито Васавадатты предполагает отсутствие на ней царских украшений. Но во сне царь также видит Васавадатту без украшений, и ему кажется, что она сняла их от обиды. В разговоре всплывает имя прежней возлюбленной царя, за историю с которой он просит прощения. Досадное воспоминание отрезвляет царицу, и она понимает, что необходимо немедленно уйти. Поправив свесившуюся во сне руку царя, она спешит покинуть комнату. В этот момент царь пробуждается и бросается ей вслед. Но ударившись головой о створку двери, останавливается в недоумении.

«Васавадатта. ... (входит, осматривается): Какая беспечность слуг! Они оставили Падмавати, которой нездоровится, в компании одной лишь лампы! А вот и спящая Падмавати. Присяду. Но садиться поодаль – все равно что показать, что моя любовь мала. Поэтому сяду на кровать. (Садится.) Но как такое возможно, сердце как будто ликует, когда теперь я сижу рядом с ней?!²¹ К счастью, она дышит легко и ровно. Должно быть, болезнь ушла. Оставив пустой половину кровати, она как будто говорит мне: “Обними меня”. Пожалуй, прилягу.

Царь (во сне): О, Васавадатта!

Васавадатта (поспешно поднимается): О, нет! Это мой супруг, а не Падмавати! Неужели я обнаружена? Если меня увидят, тяжкий обет Яугандхараяны не принесет плодов.

Царь: О, дочь царя Аванти!

Васавадатта: К счастью, супруг грезит. Здесь никого нет. Я останусь ненадолго и доставлю радость глазам и сердцу.

Царь: Милая! Любимая ученица! Ответь мне!

Васавадатта: Я говорю с тобой, мой повелитель, говорю.

Царь: Ты сердисься?

Васавадатта: Нет же, нет. Я несчастна.

Царь: Если ты не сердисься, то почему на тебе нет украшений?

Васавадатта: К чему мне украшать себя?

Царь: Ты вспомнила о Вирачики?

Васавадатта (гневно): Довольно! И здесь Вирачики?!

Царь: Я прошу прощения за Вирачику. (Протягивает руки.)

Васавадатта: Я слишком долго здесь нахожусь. Что если меня кто-то увидит? Я должна идти. Но рука моего господина свесилась с кровати. Положу ее обратно на кровать и пойду. (Сделав так, уходит.)

Царь (поспешно вставая): Васавадатта! Стой! Стой! О горе!

Кинувшись за ней в смятении²², я стукнулся о створку двери

И оттого не могу понять, исполнилось ли на самом деле мое желание»²³.

²¹ Речь персонажей нередко содержит логические рассуждения, что, вероятно, можно расценивать как особый мотив. Для индийской поэтики в целом характерно обыгрывание шастрического («научного») стиля.

²² *Самбхрама* (*sambhrama* (смятение, заблуждение, волнение)) – однокоренное слово с терминами древнеиндийской поэтики *bhrama* и *bhranti*.

²³ *vāsavadattā*: ... (praviśyāvalokya) aho pariṇaṣṣa pamādo | assattham padumāvadiṃ kevaḷam divasahāam karia parittajadi | iṃ padumāvadi osuttā | jāva uvaviśāmi | ahava aññāsaṇapariggahena appo via sineho paḍibhādi | tā imassim sayyāe uvaviśāmi |(upaviśya) kiṃ nu khu edāe saha uvavisantīe ajja pahlādidam via me hiaam |

Далее на сцене появляется видушака. На протяжении всей пьесы его основная задача – развеять тоску, а вместе с ней и какие бы то ни было сомнения царя по поводу смерти Васавадатты. Новость о том, что царица жива, видушака встречает скептически и намекает царю, что тот все еще не в себе²⁴. Видушака спешит уверить Удаюну в том, что царица ему привиделась во сне. При этом он приводит весомый довод, вполне отвечающий современным представлениям о природе сновидения. Видушака считает, что царь увидел в сновидении Васавадатту, поскольку перед тем, как он заснул, речь шла об Удджайини, родном городе Васавадатты и месте их первой встречи.

«Видушака (входит): Итак, господин пробудился!

Царь: Друг, поведаю тебе о прекрасном! Васавадатта жива!

Видушака: Ах, Васавадатта! Откуда Васавадатта?! Васавадатта давно уже умерла.

Царь: Нет, это не так, друг.

Меня, спящего, разбудив, она ушла.

Руманван обманул меня, когда сказал: “Она сгорела”.

Видушака: Увы, это невозможно! Я напомнил тебе о купелях [в Удджайини], ты стал думать о госпоже, и она, должно быть, тебе привиделась во сне.

Царь: Если это был сон, блаженно быть спящим,

Если это иллюзия²⁵, да пребуду я с этой иллюзией навечно.

Видушака: Постой, друг! В этом городе живет якшини по имени Авантисундари. Вероятно, ее ты и видел.

Царь: Нет, нет!

Когда окончился сон, просыпаясь, я увидел глаза, лишённые краски,

И длинные неприбранные волосы вокруг лица той, кто блюдет чистоту.

diṭṭhiā avicchinṇasuhanissāsā | nīvuttaroāe hodavvaṃ | ahava eadesasamvibhādāe saanīassa sūedi maṃ ālīnge-
hi tti | jāva saissam (śayanam nātayati) | aho pariṇasasya pramādaḥ | asvasthām padmāvatīm kevalam dīpasahāyām
kṛtvā parityajati | iyaṃ padmāvatyavasuptā | yāvadupaviśāmi | athavānyāsanaparigraheṇāpa iva snehaḥ
pratibhāti | tadasyām śayyāyāmapaviśāmi | kiṃ nu khalvetayā sahopaviśāntya adya prahlāditamiva me hrdayam |
diṣṭyāvicchinṇasukhaniḥśvāsā | nīvrttarogayā bhavitavyam | athavaikadeśasamvibhāgatayā śayanīyasya sūcayati
māmāliṅgeti | yāvaccchayīse |]

rājā: (svapnāyate |) hā vāsavadatte |

vāsavadattā: (sahasothāya |) haṃ ayyauto, ṇa hu padumāvadī | kiṃ nu khu diṭṭhamhi | mahanto khu
ayyaajoandharāṇassa paḍiṇṇāhāro mama dāsaṇeṇa nīpphaḷo samvutto [haṃ āryaputraḥ, na khalu padmāvatī | kin
nu khalu dṛṣṭāsmi | mahān khalvāryayaugandharāyaṇasya pratijñābhāro mama darśaneṇa niṣphalaḥ samvṛttaḥ |]

rājā: hā avantirājaputri !

vāsavadattā: diṭṭhiā siviṇṇādi khu ayyauto | ṇa ettha kocci jaṇo | jāva muhuttaṃ ciṭṭhiā diṭṭhiṃ hīaṃ ca tosemi ||
[diṣṭyā svapnāyate khalvāryaputraḥ | nātra kaścijjanah | yāvanmuhūrtakam sthitvā dṛṣṭiṃ hrdayam ca toṣayāmi |]

rājā: hā priye ! hā priyaśīse ! dehi me prativacanam |

vāsavadattā: ālavāmi bhattā ! ālavāmi || [ālapāmi bhartaḥ ālapāmi |]

rājā: kiṃ kupitāsi

vāsavadattā: ṇa hi ṇa hi, dukkhiḍamhi [na hi na hi, duḥkhitāsmi |]

rājā: yadyakupitā, kimarthaṃ nālamkṛtāsi |

vāsavadattā: ido varaṃ kiṃ [itaḥ paraṃ kim |]

rājā: kiṃ viracikāṃ smarasi |

vāsavadattā: (saroṣam) ā avehi, ihāvi viraciā [ā apehi, ihāpi viracikā |]

rājā: tena hi viracikārthaṃ bhavatīṃ prasādayāmi (hastau prasārayati)

vāsavadattā: ciraṃ ṭhiḍamhi | ko vi maṃ pekkhe | tā gamissaṃ | ahava, sayyāpāḷambiam ayyauttassa hatthaṃ
saṇṇe ārovia gamissaṃ (tathā kṛtvā niṣkrāntā) [ciraṃ sthitāsmi | ko’pi [māṃ] paśyet | tad gamiṣyāmi | athavā,
śayyāpralambitamāryaputrasya hastam śayanīya āropya gamiṣyāmi |]

rājā: (sahasothāya) vāsavadatte ! tiṣṭha tiṣṭha | hā dhik

niṣkrāman saṃbhrameṇāhaṃ dvārapakṣeṇa tāḍitaḥ |

tato vyaktaṃ na jānāmi bhūtārtho’yaṃ manorathaḥ || [Bhāsa, 1946, p. 63–64].

²⁴ Временное умопомешательство царя из-за потери супруги предполагает сюжет пьесы. Этот мотив играет важную роль также и в драмах Калидасы.

²⁵ Вибхрама – еще одно понятие, обозначающее ошибку восприятия.

И еще, друг! Смотри же, смотри!

Та госпожа, дрожащая от страха, сжала мою руку,

И волосы на ней не опустились до сих пор, хотя прикосновение во сне случилось!

Видушака: Господин, довольно размышлять о чепухе! Иди, повелитель, иди! Пойдем в зал собраний!»²⁶.

В «Глиняной повозке» Шудраки, где сильно выражено пародийное начало, имеется остроумный вариант мотива сногворения. Как и в пьесах Калидасы и Харши, данная несуразная ситуация случается именно с видушакой. Формально видушака в пьесе не фигурирует, так как эта пьеса принадлежит к жанру *пракарана*, где не может быть придворного шута. Тем не менее очевидно, что образ близкого друга героя, Майтреи, создан на основе именно этого типа. Сцена должна создать комический эффект, при этом она имеет принципиальное значение для дальнейшего развития сюжета. Майтрее, терпящему крайнюю нужду, поручено охранять шкатулку с драгоценностями, что приводит его в состояние сильного беспокойства. С одной стороны, он опасается вора, с другой, его мучает голод, и ему самому хотелось бы завладеть драгоценностями. Он вынужден спать со шкатулкой в руках, так как в их бедном доме нет более надежного места. Среди ночи он видит сон, или ему кажется, что он видит сон, в котором сквозь проем в стене появляется вор. Так полностью и не проснувшись, Майтрея просит Чарудатту забрать у него шкатулку. Эти слова он произносит вслух, опуская имя друга, при этом ссылается на свой статус брахмана, просьбам которого не подобает отказывать. Вору, волей случая оказавшемуся рядом, ничего не остается, как выполнить просьбу брахмана.

Далее мы обратимся к еще одному типу речевого сбоя, который обнаруживается в сюжете, когда персонаж впадает в состояние грез наяву. Чаще всего это «грезы любви», и ошибка выдает чувства героя или героини:

«**Васантасена:** И что тогда, чети²⁷?

Маданика: Почтенная, ты ничего не говорила. Что значит: “И что тогда?”

²⁶ **vidūṣakaḥ:** (praviśya) ai paḍibuddho attabhavaṃ [ayi pratibuddho`trabhavān |]

rājā: vayasya! priyamāvedaye, dharate khalu vāsavadattā |

vidūṣakaḥ: aviḥā vāsavadattā | kaḥiṃ vāsavadattā | cirā khu uvaradā vāsavadattā || [avidhā vāsavadattā | kutra vasavadattā | cirāt khalūparatā vāsavadattā |]

rājā: vayasya mā maivaṃ

śayyāyāmasuptaṃ mām bodhayitvā sakhe gatā |

dagdheti bruvatā pūrvam vañcito`smi rumaṇvatā ||

vidūṣakaḥ: aviḥā asambhāvaṇīyaṃ edaṃ | ā ! udaanḥāṇasaṅkittanena tattahodim cintoanena sā siviṇe diṭṭhā bhavē || [avidhā asambhāvaṇīyametaḍ | ā ! udakasnānasamkīrtanena tatrabhavaṭim cintayatā sā svapne dṛṣṭā bhavet |]

rājā: yadi tāvadayam svapno dhanyamapratibodhanam |

athāyam vibhramo vā syād vibhramo hyastu me ciram ||

vidūṣakaḥ: bho! vaassa! edasim naare avantisundarī nāma jakkhiṇī paḍivasadi | sā tue diṭṭhā bhavē || [bho! vayasya! etasmin nagare`vantisundarī nāma yakṣiṇī prativasati | sā tvayā dṛṣṭā bhavet |]

rājā: na na

svapnasyānte vibuddhena netraviproṣitāñjanam |

cāritramapi rakṣantyā dṛṣṭam dīrghālakam mukham ||

api ca vayasya! paśya paśya

yo`yam samtrastayā devyā tayā bāhurnipīḍitaḥ |

svapne`pyutpannasamsparśo romaharṣam na muñcati ||

vidūṣakaḥ: mā dāṇim bhavaṃ anattam cintia | edu edu bhavaṃ | caussāḷam pavisāmo || [medāṇim bhavānanarthaṃ cintayitvā | etvetu bhavān | catuḥśāḷam praviśāvaḥ |] [Bhāsa, 1946, p. 65–66].

²⁷ Чети – служанка, часто подруга героини.

Васантасена: А что я сказала?

Маданика: “И что тогда?”.

Васантасена (хмуря брови): Ах, так!

...

Маданика: Почтенная, любовь, а не любопытство заставляет меня спросить. Что происходит?

Васантасена: Маданика, какой я тебе кажусь?

Маданика: По рассеянности госпожи я понимаю, что почтенная страдает по тому, кто овладел ее сердцем»²⁸.

Идентичная ситуация обыгрывается в пьесе «Авимарака» из Тривандрумского цикла, где речь героя походит на бред, что способствует созданию комического эффекта. Вместе с тем слова Авимараки влияют на дальнейший ход событий, значительно облегчая миссию попечительниц героини, задача которых – устроить сердечные дела последней.

«**Налиника:** Так и сделаем. (Заходят.) Благо тебе, почтенный!

Авимарака: О, ее красота совершенна!

Кормилица (в замешательстве): Да что же это?? Благо тебе, почтенный!

Авимарака: О этот тонкий стан, истомленный высокими грудями и изнуренный под тяжестью бедер.

Кормилица: Ах! Он бредит...»²⁹.

В натаках Калидасы «Вспоминание и Шакунтала» и «Мужество и Урваши» состояние любовного наваждения героинь роковым образом отражается на судьбе обеих и, соответственно, играет ключевую роль в развитии сюжета. В «Урваши» героиня путает имена (*gotraskhalita*), вследствие чего на нее обрушивается проклятье [Юдицкая, 2021], тогда как Шакунтала навлекает на себя проклятье тем, что не замечает прибытия почтенного гостя (*atithi*), причем гость обращается непосредственно к ней:

«(Голос за сценой.) Я здесь, почтенная!

Анасуя (прислушиваясь): Подруга, как будто гость возвестил о своем прибытии.

Прямвада. Но ведь Шакунтала рядом с хижинкой. (Про себя.) Однако сердце ее далеко.

Анасуя. Довольно! У нас достаточно цветов! (Обе уходят.)

(Голос за сценой.) О пренебрегающая почтенным гостем!

²⁸ *vasantasenā*: hañje, tado tado | [*ceṭi, tatastataḥ*] |

ceṭi: aijae, ṇa kiṃpi mantesi | kiṃ tado tado | [*ārye na kimapi mantrayasi | kiṃ tatastataḥ*] |

vasantasenā: kiṃ mae bhaṇidam | [*kiṃ mayā bhaṇitam*] |

ceṭi: tado tado tti | [*tatastataḥ iti*] |

vasantasenā: (sabhrūkṣepam) | āṃ, evvam | [*ām evam*] |

...

madanikā: aijae, siṇeho pucchadi, ṇa purobhāidā, tā kiṃ nedam | [*ārye, snehaḥ prcchati, na purobhāgītā, tatkiṃ nvidam*] |

vasantasenā: madanie, kerisiṃ maṃ pekkhasi | [*madanike, kīdrçīm māṃ prekṣase*] |

madanikā: aijaṇe sunṇāhiaattaneṇa jāṇāmi, hiaagadaṃ kampi aijaā ahilasadi tti | [*āryāyāḥ cūnyahrdayatvena jāṇāmi, hrdayagataṃ kamapyāryābhilaṣatīti*] | [Çudraka, 1937, p. 27–28].

²⁹ *nalīnikā*: evaṃ karehma | (pravīcyā) suhaṃ ayyassa | [*evaṃ kurvaḥ | sukhamāryasya*] |

avimārakaḥ: aho tasyā rūpasampat |

dhātṛi: (sākulam) kiṃṇuhu bhava | suhaṃ ayyassa | [*kinnukhalu bhavet | sukhamāryasya*] |

avimārakaḥ: uraḥ stanataṭālasaṃ jaghanabhārakhinnā tanuḥ

dhātṛi: ammo vipṇalavadi | [*ammo vipralapati*] [Bhāsa, 1912, p. 23].

[Как] ты, не заметила меня, твердого в тапасе, – так не вспомнит о тебе тот, [о ком] ты погружена в мысли и не разумеешь ничего иного, – даже если ему напомнят, как одурманенный не помнит сказанного ранее»³⁰.

Любовь в разъединении – одна из основных тем пракритской лирики. Практические гатхи оказали значительное влияние как на классическую санскритскую драму, так и на санскритскую лирику³¹. Большой популярностью в древней и средневековой Индии пользовалась антология *Сатмасави* («Семь шатак»), авторство которой приписывают Хале. «Многие поэты – пишет автор VIII в. Удйотанасури, – черпают из собрания Халы, но вычерпать его невозможно, как не могут пчелы вычерпать содержимое лотосов» [Вертоградова, 1978, с. 7]. По наблюдениям В.В. Вертоградовой, «пракритская поэзия в истоках своих восходит к женскому песенному фольклору» [Вертоградова, 1978, с. 12]. «В процессе исполнения этих женских песен-стихов постепенно складывался особый поэтический язык, позднее названный пракритом, среднеиндийский в своей основе, вобравший в себя значительный неарийский лексический пласт. При дворе Сатаваханов появляются первые сборники лирической поэзии, которые представляли собой по существу фиксацию и обработку этих песен» [Вертоградова, 1978, с. 13]³².

В *Сатмасави* образ томящейся от любви героини рисуется в том числе посредством невнятной, бессвязной речи:

«Смотрит она, ничего не видя,
Громко вздыхает, смеется без причины,
Произносит слова бессвязные...
Что-то есть у нее на сердце»³³

(пер. В.В. Вертоградовой [Вертоградова, 1978, с. 84]).

Кроме того, в *Сатмасави* мы обнаружили гатху, в которой фигурирует фраза *kahiaṃ suṇāṃti* («сказанное слышат»), что с точностью до наоборот соответствует состоянию Шакунталы, навлекшей на себя проклятье тем, что она была не в состоянии слышать обращенную к ней речь:

«Спят, слышат сказанное, говорят без запинок в словах, о счастливец,
те счастливые, что тебя не видели»³⁴

(пер. М.А. Русанова).

³⁰ (nepathye || ayamaham bhoḥ |

anastūya: (kaṇṇaṃ dattvā) sahi, adidhīṇaṃ via nivedidaṃ | [*sakhi, atithīnāmiva niveditaṃ* |]

priyaṃvadā: naṃ uḍajasamñhiḍā saundalā | (ātmagatam ||) ajja uṇa hiaṇa asaṃñhiḍā | [*namūtajasamñhiṭā śakuntalā | adya punarhīdayeṇāsamñhiṭā* |]

anastūya: hodu | alaṃ etthiṇiṃ kusumehiṃ [*bhavatu | alameṭāvadbhiḥ kusumaiḥ* |] (iti prasthite) (nepathye ||) āḥ atithiparibhāvini,

vicintayanā yamananyamānasā tapodhanam vetsy na māmupasthitam |

smariṣyati tvāṃ na sa bodhito 'pi sankathāṃ pramattaḥ prathamam kṛtāmiva || [Kālidāsa, 1922, p. 117]

³¹ Более того, по мнению В.В. Вертоградовой, пракритская лирика, а точнее реконструируемый на ее материале охотничий комплекс «находится у самых истоков индийской литературы» [Вертоградова, 1985, с. 113, 115].

³² Схожим образом фольклорный материал был обработан в поэзии трубадуров [Вертоградова, 1978, с. 32].

³³ pecchai aladdhalakkaṃ dīhaṃ nīsaṣai suṇṇaṃ hasai |

jaha jampai aphudatthaṃ taha se hiaatthiaṃ kiṃ pi || [Русанов, 2006, с. 135].

³⁴ niddaṃ lahaṃti kahiaṃ suṇāṃti khaliakkharaṃ ṇa jampāṃti |

jāhiṃ ṇa dīṭṭho si tumāṃ tāo ccia suhaa suhiāo || [Русанов, 2006, с. 168].

Ситуация внезапного пробуждения, обыгрываемая в разбираемой нами выше сцене из «Приядаршики», также используется и в гатхах Саттасаи:

«Обнимай свою жену, внезапно разбуженный криком петуха, о
испугавшийся пребывания в чужом жилище, не бойся, [ты] у себя дома»³⁵.
(пер. М.А. Русанова).

Мотив сноговорения в антологии Халы не встречается, но следующие строфы из лирики на санскрите вполне можно считать его примером:

«Хотя зовут его товарищи, и он,
Сказав им: “да, иду!”, – от сна освободился
И мысленно уже пустился в путь,
А все лежит, не расправляя членов, путник»³⁶
(пер. Ю.М. Алихановой [Алиханова, 1974, с. 74]).

Прочитанные строфы показывают, что исследуемые нами мотивы – сноговорение, спутанная речь в ситуации внезапного пробуждения и грезы наяву, – являются устойчивыми для индийской словесности. В пракритской лирике встречаются еще два мотива, имеющих непосредственное отношение к нашей проблематике: ошибка в имени (*gotraskhalana*) и прерывистая речь (застревающие в горле слова).

Пракритская поэзия полна и многих других мотивов, попавших также и в драму. Перечислим некоторые из них: дрожь левого\правого глаза в качестве благой\дурной приметы, весенний обряд *дохад* (который предполагает удар ногой молодой девушки по ашоке), мотив поднятых волосков на теле из-за любовного переживания (*romāñca*), мотив ножного браслета, образ лианы, обвивающей дерево (символ героя и героини) и прочее. Представляется, что истоки данных мотивов уходят в глубокую древность. Они во многих формах могут проявляться в литературе самых разных жанров, а также и в раннем изобразительном искусстве (III–II вв. до н.э.), отражая некоторые древние ритуалы, приметы и в целом поведенческие модели. Комплекс мотивов, связанных с речью и ее сбоями, со сновидением и проблемой иллюзорного явно выделяется в отдельный блок. Необходимы дальнейшие исследования для выяснения его генезиса.

Другую интересную параллель с темой нашего исследования дает санскритская повествовательная проза. Пятая книга «Панчатантры» под названием «Опрометчивые действия (*aparikṣitakāritvam*)» содержит рассказ о молодом бедном брахмане, замечавшемся во время дневного сна (*divāsupta*). Этот брахман в течение длительного времени копил крупу и хранит ее в горшке, подвешенном над кроватью. Накопив достаточно крупы для продажи, он рассчитывает разбогатеть. Однажды, предавшись мечтаниям о будущем благополучии, брахман вообразил себя богатым домохозяином, уже имеющим жену и сына. Воображаемая жена вызвала гнев брахмана, и тот посчитал нужным побить ее. Но, размахивая (*bhrāmayitvā*) воображаемой палкой, он случайно ударяет по горшку. В результате крупа безвозвратно утрачена, брахман же, будто пробудившись ото сна (*svapnapratibuddham iva*), чувствует себя растерянным и пристыженным.

³⁵ niadhañiṃ uvaūhasu kukkuḍasaddheṇa jhatti paḍibuddha |
paravasaivāsasampkīraṇīe vi gharammi mā bhāsu || [Русанов, 2006, с. 210].

³⁶ āhūto’pi sahāyāṇi omityuktā vimuktanidro’pi |
gantumanā api pathikāḥ saṅkocaṃ naiva śīthilayati || [Ānandavardhana, 1940, p. 117].

«Панчатантра» – сборник басен, притч и стихотворных изречений дидактического содержания. Рассказ о бедном брахмане высмеивает людей, которые, предаваясь пустым мечтаниям, теряют связь с реальностью. Не будет преувеличением утверждать, что идея иллюзорного восприятия, подобно сну обволакивающего сознание человека, является одной из фундаментальных и наиболее распространенных философско-религиозных концепций Древней Индии. Приведённый нами рассказ из «Панчатантры» в литературной форме отражает эту концепцию. В древнеиндийской поэтике сюжеты, связанные с проблемой ошибочного восприятия, соотносятся с терминами *бхрама* или *бхранти*. Многие дериваты корня *bhram-* в изобилии встречаются в санскритских (и не только) текстах самых разных жанров, в том числе в драме. Например, в речи царя Удаяны из «Свапнавасадатты», когда тот силится понять, во сне или наяву к нему явилась супруга, которая, как ему внушают, погибла, фигурируют слова *vibhrama* и *sambhrama*. В данном случае оба понятия призваны передать спутанность сознания героя. Текст из «Панчатантры» интересен тем, что в нем производный от корня *bhram-* герундий (*bhrāmayitvā*) употреблен в своем первичном значении: движение туда-сюда, движение по кругу. Вероятно, этот факт говорит в пользу ранней датировки данной версии рассказа, вместе с тем становится понятным, на какой основе сформирован наш мотив бессознательной речевой ошибки – это частный случай более широкого и сложного мотива ошибочного, иллюзорного восприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алиханова Ю.М. *Анандавардхана. Дхваньялока*. Пер. с санскрита, введ. и коммент. Ю.М. Алихановой. М.: Наука, 1974 [Alihanova Yu.M. *Ānandavardhana. Dhvanyāloka*. Translation, Preface and Commentary by Yu.M. Alihanova. Moscow: Nauka, 1978 (in Russian)].

Алиханова Ю.М. *Литература и театр Древней Индии: исследования и перевод*. М.: Вост. лит., 2008 [Alihanova Yu.M. *Literature and Theater of Ancient India*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2008 (in Russian)].

Вертоградова В.В. Хала. Саттасаи. (Предисловие, перевод с пракрита). Алиханова Ю.М., Вертоградова В.В. *Индийская лирика II–X веков*. М.: Наука, 1978. С. 3–125 [Vertogradova V.V. *Hāla. Sattasāī*. (Introduction, translation from Prakrit). Alihanova Yu.M., Vertogradova V.V. *Indian Lyric Poetry of the 2nd–10th Centuries*. Moscow: Nauka, 1978. Pp. 3–125 (in Russian)].

Вертоградова В.В. К истокам пракритской поэзии (охотничьи песни). *Древняя Индия. Язык, культура, текст*. М.: Наука, 1985. С. 105–116 [Vertogradova V.V. The Sources of Prakrit Poetry (Hunting Songs). *Ancient India. Language, Culture, Text*. Moscow: Nauka, 1985. Pp. 105–116 (in Russian)].

Русанов. М.А. Хала Сатавахана. Саттасаи. *Антология пракритской поэзии*. Перевод, предисловие, комментарий и словарь М.А. Русанова. М.: РГГУ, 2006 [Rusanov M.A. *Hāla Sātavāhana. Sattasāī. A Prakrit Lyric Anthology*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2006 (in Russian)].

Юдицкая Е.А. Способы ведения речи в классической санскритской драме. *Индия – Тибет: текст и смыслопорождение в культуре: Рериховские чтения 2016–2019 в Институте востоковедения РАН*. Сост. и отв. ред. В.В. Вертоградова. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. С. 123–145 [Yuditskaya E. A. *Modes of Speech in Classical Sanskrit Drama. India – Tibet: Sense-forming Function of Text in Culture*. George N. Roerich Annual International Conference at the Institute of Oriental Studies 2016–2019 / Ed. by V. Vertogradova. Moscow: LRC Publishing House, Languages of Slavic Culture, 2021 (in Russian)].

Ānandavardhana. *The Dhvanyāloka*. Benares: Chowkhambā Sanskrit Series, 1940.

Bhāsa. *Bhāsanāṭakacakram. Plays Ascribed to Bhāsa. Original Thirteen Texts in Devanāgarī*. Crit. ed. by C.R. Devadhar. Poona: Oriental Book Agency, 1937.

Bhāsa. *Avimaraka*. Ed. by T. Gaṇapati Sāstrī. Trivandrum: Travancore Government Press, 1912.

Bhāsa. *Svapnavāsavadattam. A Sanskrit Drama in Six Acts Attributed to Bhāsa*. Ed. by C.R. Devadhar. Poona: Oriental Book Agency, 1946.

Bhaṭṭa Nārāyaṇa. *The Venīsaṃhāra*. Ed. with a Complete Translation into English, Notes and Appendices by A.B. Gajendragadkar. Bombay: Elphinstone College, 1933.

Çūdraka. *The Mṛichchhakatika of Çūdraka*. Ed. by V.R. Nerurkar. Bombay: The Bombay Book Depot, 1937.

Doniger W. *The Woman Who Pretended to Be Who She Was*. Oxford University Press, 2005.

Esposito A.A. *Dūtavākya. Die Worte des Boten*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010.

Harṣa. *Priyadarçikā nāṭikā*. Ed. by T.V. Sreenivasachariar. Madras: Oriental Press, 1908.

Kālidāsa. *The Abhijñānaśākuntala of Kālidāsa with the Commentary of Rāghavabhaṭṭa*. Ed. by N.B. Goḍabole. Bombay: Nirṇaya-sāgar Press, 1922.

Kālidāsa. *The Mālavikāgnimitra of Kālidāsa with the Commentary of Kāṭayavema*. Ed. by K.P. Parab. Bombay: Nirṇaya-sāgar Press, 1924.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮДИЦКАЯ Екатерина Алексеевна –
ученый секретарь Отдела истории и культуры
Древнего Востока Института востоковедения
РАН, Москва, Россия.

Ekaterina A. YUDITSKAYA,
Academic Secretary of the Department of History
and Culture of Ancient Orient, Institute of Oriental
Studies RAS, Moscow, Russia.

ПУБЛИКАЦИИ

DOI: 10.31857/S086919080015031-1

«ПИСЬМА ИЗ СТАРОЙ КОНФЕТНИЦЫ»
(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ Т.Н. САВЕЛЬЕВОЙ)¹

© 2021

Р.А. ОРЕХОВ ^a

^a – Центр египтологических исследований РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3840-3529; radamant67@mail.ru

Резюме: В статье впервые публикуются документы из архива московского египтолога Т.Н. Савельевой. Обнаруженная автором переписка И.М. Дьяконова с коллегами по сектору древнего Востока в Москве (Институт народов Азии АН СССР) позволяет по-новому взглянуть на отдельные аспекты научного наследия выдающегося отечественного египтолога Ю.Я. Перепелкина и написанных им глав для первого тома «Всемирной истории» (1955). Этот многотомный труд был задуман как первая попытка представить целостное видение мирового исторического процесса с точки зрения марксизма, разумеется, как он понимался в то время. Исследователям древнего Востока, как бы промарксистски они не были настроены, чрезвычайно тяжело вписывать данные конкретной науки в предложенный шаблон.

В частности, в основу глав Перепелкина об истории Древнего царства легла его многолетняя работа с египетскими памятниками V–VI династий, в которых освещалось функционирование крупных вельможеских хозяйств. Юрий Яковлевич пришел к выводу, что основополагающей категорией производителей в данном типе хозяйств была «корабельная ватага», которая не являлась собственностью вельможи и находилась от него только в частичной экономической зависимости. Другими словами, он не видел зачатков рабовладения в экономической структуре данного типа хозяйств. Более того, Перепелкин не обнаружил в египетских источниках даже косвенной информации о таком важном институте, как община, которая являлась исходным пунктом в марксистском видении истории. Все это стало причиной острого конфликта между научными редакторами первого тома Г.П. Францовым, В.В. Струве, И.М. Дьяконовым с одной стороны, и Ю.Я. Перепелкиным — с другой.

Ключевые слова: Ю.Я. Перепелкин, И.М. Дьяконов, архив Т.Н. Савельевой, «Всемирная история».

Для цитирования: Орехов Р.А. «Письма из старой конфетницы» (по архивным материалам Т.Н. Савельевой). *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 231–248. DOI: 10.31857/S086919080015031-1

¹ Автор статьи выражает искреннюю признательность заведующему сектором древнего Востока Государственного Эрмитажа, профессору А.О. Большакову за ценные советы и замечания.

**“LETTERS FROM AN OLD CANDY BOWL”
(BASED ON ARCHIVAL MATERIALS BY T.N. SAVELIEVA)**

© 2021

Roman A. OREKHOV^a

^a – Center for Egyptological Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3840-3529; radamant67@mail.ru

Abstract: *In the article a number of papers from an archive of the Moscow Egyptologist T.N. Savelieva are published for the first time. Discovered in the archive, the correspondence between I.M. Diakonov and his colleagues from the Department of the Ancient East in Moscow (Institute of Oriental Studies, RAS) sheds a new light on the scientific heritage of the prominent Soviet Egyptologist Yu.Ya. Perepelkin as well as his chapters for the first volume of the “World History” (1955). This multivolume treatise was supposed to be the first attempt to present holistic vision of the world historical process. Although researches of the Ancient East were loyal to the regime and held a pro-Marxist position, they experienced difficulties in fitting facts into a prescribed scheme.*

Perepelkin’s chapters on history of the Old Kingdom were based upon his multiyear work with the sources coming from the time of the 5th–6th Dynasties and providing information on functioning of large noble households. The scholar concluded that a major category of producers in them was the so-called “ship’s gang”, which was not a property of the noble and economically depended on him only partially. In other words, Perepelkin did not see the beginnings of slavery in economical structure of such households. Moreover, he did not find in Egyptian sources even indirect information on such a fundamental institution in Marxists’ world vision as a village community. All of these caused a bitter conflict between editors of the first volume – G.P. Frantsov, V.V. Struve, I.M. Diakonov from one side, and Yu.Ya. Perepelkin from other one.

Keywords: Yu.Ya. Perepelkin, I.M. Dyakonov, archive of T.N. Savelyeva, “The World History”.

For citation: Orekhov R.A. “Letters from an Old Candy Bowl” (Based on Archival Materials by T.N. Savelieva). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 231–248. DOI: 10.31857/S086919080015031-1

Целью предлагаемой статьи является публикация документов из архива Т.Н. Савельевой, связанных с научным наследием выдающегося отечественного египтолога Ю.Я. Перепелкина (1903–1982). Однако, прежде чем перейти к их содержанию, необходимо дать небольшую справку.

Архив московского египтолога Т.Н. Савельевой после ее смерти в 1999 г. был передан в Центр египтологических исследований РАН. Его основу составили: достаточно обширная картотека, рабочие записи, книги и научная периодика. Но наибольшую ценность представляли письма. В течение всей своей научной деятельности Татьяна Николаевна поддерживала тесные контакты с ведущими египтологами страны и зарубежья. Особая дружба связывала ее с ленинградскими коллегами по сектору древнего Востока. Достоинство всяческого уважения и даже восхищения то, что ей удалось сохранить самые теплые отношения с такими корифеями советской востоковедческой школы как Ю.Я. Перепелкин, О.Д. Берлев, Е.С. Богословский, И.М. Дьяконов. С ними она советовалась по целому ряду научных и организационных вопросов, ей доверяли множество секретов, которые не решались раскрыть коллегам по работе.

Наиболее важные для себя письма Татьяна Николаевна хранила в рабочем столе в развернутом виде (конверты к большинству из них, к сожалению, не сохранились). После ее смерти и уже после того, как все документы и книги были переданы в библиотеку Центра, с любезного разрешения родственников мне пришлось осматривать ее рабочую комнату в целях проверки наличия неучтенного материала. В тот момент я и обратил внимание на старую конфетницу, в которой находился нехитрый скарб, нитки, пуговицы, поздравительные открытки от родственников. Однако, когда я ее открыл и слегка перевернул содержимое, то обнаружил на ее дне аккуратно перевязанную пачку ветхих бумаг. После ее извлечения я понял, что в моих руках оказалась чрезвычайно важная переписка И.М. Дьяконова с коллегами по сектору древнего Востока в Москве, освещающая подготовку первого издания «Всемирной истории»². Эта переписка была датирована 1953–54 гг., и то, что она сохранилась, можно считать почти чудом. Содержание писем представляет особую ценность не только с точки зрения становления советского востоковедения, а также хронологии и хода написания «Всемирной истории», но и позволяет выяснить отдельные аспекты научного мировоззрения Ю.Я. Перепелкина, крупнейшего отечественного египтолога. Поэтому их публикация и введение в научный оборот чрезвычайно важны с точки зрения изучения отечественной историографии.

Здесь также необходимо дать некоторые пояснения, в частности, почему эти письма оказались в руках именно Татьяны Николаевны. По настоянию И.М. Дьяконова, в ту пору научного сотрудника Ленинградского Отделения Института народов Азии, и, вместе с тем, научного редактора первого тома «Всемирной истории», Татьяна Николаевна была включена в число авторов «Всемирки» как составитель библиографии по древнему Востоку. И.М. Дьяконов полагал, что с этой ответственной технической работой может справиться только она (см. далее). Соответствующий опыт у нее уже был, так как, начиная с 1944 г. она имела навыки по составлению критико-библиографических рефератов и обзора литературы по истории древнего Востока, с которыми «неоднократно и с успехами выступала в качестве докладчика на заседаниях Московской группы Института востоковедения»³. Поэтому и переписку от лица московского сектора вела именно она⁴. И вот из этой переписки становится очевидным, что Ю.Я. Перепелкин вступил в острый конфликт с научной редакцией «Всемирки». Касался он, прежде всего, отдельных аспектов марксистского мировоззрения. При этом любопытно, что, зная о взглядах Перепелкина, члены редколлегии и многие сотрудники секторов широкой огласке их не придавали. Ведь шел 1953 год!

По заданию дирекции Института народов Азии (впоследствии Институт востоковедения РАН) в 1945–1946 гг. Юрий Яковлевич был включен в коллектив авторов «Всемирной истории», издания, которое вновь начали планировать (т.е. была реанимирована довоенная идея написания большого многотомного исторического исследования). Одновременно с этим Ю.Я. Перепелкин должен был переключиться на работу над новой темой. Его обязали изучить производственные отношения в Египте эпохи Древнего царства. Почему это произошло, доподлинно неизвестно. Возможно, эта задача была сформулирована В.В. Струве, которому хотелось, чтобы добытый им материал, касающийся зачатков рабовладения на основе шумерских документов, был дополнен аналогичным материалом на основе египетских источников [Вассоевич, 2000, с. 37].

² Несомненно, эти письма представляли для самой Татьяны Николаевны особую ценность, и поэтому она их держала отдельно, стараясь никому не показывать. Среди них переписка И.М. Дьяконова с главным (ответственным) редактором первого тома Г.П. Францовым, членами секторов древнего Востока в Москве и Ленинграде, а также самой Т.Н. Савельевой.

³ Сведения из характеристики на представление к должности с.н.с. (Архив ЦЕИ РАН).

⁴ Следует добавить к этому, что Татьяна Николаевна по просьбе И.М. Дьяконова редактировала часть египетской рукописи Ю.Я. Перепелкина.

То, что это исследование было начато и успешно продвигалось, подтверждается в трех письмах Ю.Я. Перепелкина Т.Н. Савельевой. Первое такое письмо датировано 16 сентября 1953 г. В этом письме Ю.Я. Перепелкин просит похотайствовать Т.Н. Савельеву перед В.И. Авдиевым, на тот момент заместителем директора Института народов Азии о перенесении им части запланированной научной работы на более поздние сроки. Это было связано с тем, что В.В. Струве затягивал вычитку написанного Юрием Яковлевичем материала по Египту для «Всемирной истории». Здесь же впервые упоминается его работа над материалами по Древнему царству:

«Что касается темы 1954 г., то я охотно включусь в предлагаемую коллективную работу о возникновении и развитии древнеегипетского государства в эпоху Древнего царства и возьму на себя время V–VI династий. Цель и сроки моей работы на 1954–56 гг. Вам, следовательно, виднее чем мне. Объем работы...».

Продолжение письма не сохранилось, но, к счастью, суть этой работы упоминается Перепелкиным в следующем письме, датированным уже 2 октября 1953 года. Ниже я привожу его текст полностью (см. рис. 1а–б)⁵.

«Глубокоуважаемая Татьяна Николаевна!

Очень благодарен Вам за то, что доложили Всеволоду Игоревичу о моих делах и поспособствовали их выяснению. Редактирование Василием Васильевичем моих глав из «Всемирной истории» продолжается и до вчерашнего дня не продвинулось дальше Нового царства, которое еще читается и не возвращено мне для переделок. На следующей неделе – к четвергу – Василий Васильевич надеется закончить свое чтение. Не знаю, осуществится ли только это намерение, так как Василия Васильевича отвлекают от редактирования неотложные дела.

Теперь одно пояснение касательно написанной уже части моей прежней работы о производстве Древнего царства. О производительных силах у меня написано было пока что только в общей – другой – работе о Раннем царстве. То же, что я имею ввиду, это написанная уже часть специального большого исследования о производстве собственно Древнего царства, причем эта написанная уже часть трактует не производительные силы, а производственные отношения (часть их и производительные силы надо было еще изложить в дальнейшем). Естественно, написанная часть построена почти целиком на материале V–VI династий, так что прекрасно укладывается в предложенное Всеволодом Игоревичем деление по династиям. Надо будет только, как мне представляется, отметить, что 16 п.л. по теме мною уже были написаны прежде...

Уважающий Вас Ю. Перепелкин».

Очевидно, что уже к середине 1950-х гг. ученым был собран и обработан значительный материал, касающийся производственных отношений Древнего (Старого) царства, который лег в основу будущей книги «Хозяйство староегипетских вельмож»⁶ и который помог, в свою очередь, сформулировать некоторые выводы о характере этих отношений. Эти выводы, как мы увидим ниже, и стали камнем преткновения между Перепелкиным и редакцией «Всемирки».

Что же произошло на стадии подготовки этого труда? Ответ на это содержится в письмах И.М. Дьяконова⁷. Наиболее важными в этой связи следует считать письма, датированные

⁵ Рисунок к статье находится на цветной вклейке.

⁶ Как следует из двух писем Т.Н. Савельевой от 17 марта 1958 г. и 27 февраля 1962 г., первоначальное название рукописи, подготовленной к публикации, было «Староегипетское производство». Перепелкин, как об этом свидетельствует он сам, планировал ее завершить в 1954–55 гг.

⁷ Следует заметить, что письма Игоря Михайловича помимо своей информативности обладают и немалыми литературными достоинствами. Все они преимущественно напечатаны на машинке и только за редким исключением написаны от руки – у Игоря Михайловича был очень специфический и трудноразличимый почерк.

10 января 1954 г. (в московский сектор), 16 февраля 1954 г. (в московский сектор), 2 ноября 1954 г. (ответственному редактору первого тома Ю.П. Францову). Начнем по порядку.

«Зеленогорск-Ленинград, 10 января 1954 года.

Дорогие друзья!

Поздравляю Вас с прошедшим Новым годом и желаю, чтобы он был лучше предыдущего. Сам я более или менее. Теперь о делах «Всемирки – сначала ленинградских, а потом московских. Перепелкин окончательно донял и меня и Ис. Мих.⁸ и при этом окончательно отказался подписываться. Он не против наших редакционных поправок, хотя и имеет тысячу мелких замечаний, которые внесет в оригинал макета / который надо стремительно прислать ему, как только он появится/. Но у него с нами методологические /!/ расхождения. Он поставил ультиматум: либо мы всех эксплуатируемых должны считать рабами, либо не употреблять термина “рабовладельческий” / класс, государство, строй/, так как ведущими в производстве были такие эксплуатируемые, которых мы / и всякий разумный человек/ рабами признать не может. Тщетно мы ему говорили, что в рабовладельческом обществе вовсе не обязательно, чтобы наибольшее число эксплуатируемых было рабами, что тот факт, что “вельможеские” хозяйства – самые большие не может при натуральном хозяйстве означать, что они определяют облик общества – так как продукт внутри их и потреблялся, и не влиял, как влияет товар в капиталистическом обществе, на все отношения в обществе. Мы отказались зачислять всех в рабы, а он отказался подписывать главы. При этом он ссылается на то, что Утченко⁹ в свое время разрешил ему писать так, как он понимает, а иначе бы он не согласился; а теперь, дескать, с него требуют не по условию. В связи с этим я звонил обозревателю¹⁰, и обозреватель предложил следующее, также в ультимативном порядке: чтобы в оглавлении его фамилия числилась, но чтобы в начале перепелкинских

Возможно, именно литературный талант Дьяконова в немалой степени способствовал тому, что его назначили научным редактором всего раздела по Древнему Востоку (с правом правки!). Требовался человек, который в совершенстве владел литературным и научным стилями и смог соединить воедино различные методологические подходы и способы подачи материала, сделав том удобным для чтения широкого круга неспециалистов. Однако по этическим причинам я намеренно опускаю те места переписки, в которых упоминаются люди и их оценки, которые не имеют отношения к нашей теме.

⁸ Подразумевается крупный советский востоковед, исследователь древнеегипетского права, Исидор Менделевич (Михайлович) Лурье (1903–1958).

⁹ Сергей Львович Утченко (1908–1976) – крупнейший советский историк-античник, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, заместитель директора и заведующий сектором древней истории Института всеобщей истории РАН.

¹⁰ Под «обозревателем» здесь подразумевается Г.П. Францов (1903–1969), крупный советский исследователь религии и атеизма, курировавший по партийной линии первый том «Всемирной истории». Примечательно, что Григорий (Юрий) Павлович начинал свою научную деятельность как египтолог. Будучи учеником В.В. Струве, он написал интересное исследование «Легенды о Бокхорисе у Геродота», где сопоставил рассказ историографа с египетскими источниками, показав, что источником Геродоту послужило народное сказание саисского времени и что Геродот сохранил нам самый древний вариант легенды об оракулах Бокхориса (1927). Исследованию фольклорных мотивов в египетской литературе была посвящена кандидатская диссертация Юрия Павловича «Древнеегипетские сказки о верховных жрецах» (1936). Г.П. Францов был соавтором интересного очерка «Древний Египет» (1938 г., совместно с И.Л. Снегиревым). Интересные наблюдения исследователь сделал в статье «К эволюции древнеегипетских представлений о Земле», где сопоставил строки Лейденского демотического папируса I, 384, IX, 22–23 с источниками Нового царства. Г.П. Францов пришел к выводу, что у древних египтян, задолго до Анаксимандра сложилось представление об объемной форме Земли, плавающей в пространстве (1940). Однако, несмотря на успехи в египтологии, в дальнейшем, под влиянием известного этнографа В.Г. Богораз-Тана, он сместил сферу своих научных интересов в область истории религии и атеизма. Продвинувшись по партийной линии, он стал продвигать марксистский подход для описания социальной истории Египта. В этом смысле он был антагонистом Ю.Я. Перепелкина (более подробно о жизни и трудах Г.П. Францова, см. [Францов, 1972]).

глав было бы сделано примечание, примерно, такого содержания: “Для глав по Египту использованы материалы Ю.Я.Перепелкина, при чем выводы, касающиеся общих методологических вопросов / или: формационных вопросов/ принадлежат редакции”. Очень прошу и Вас, Григорий Федорович¹¹, подумать о формулировке подобного примечания. Внутри текста оно будет незаметно. Но с Ю.Я. я пока еще не успел говорить на эту тему, и я предвижу дальнейшую торговлю. Кроме того, Ю.Я. категорически отказался делать библиографию, так как он не может рекомендовать русской литературы, которые от него, несомненно, потребуют. Так что в отношении библиографии придется, пожалуй, попросить Татьяну Николаевну....

Ваш И. Дьяконов».

Перед нами первое письмо о «методологических расхождениях» Ю.Я. Перепелкина и редакции «Всемирки». Оно касается наличия (вернее, отсутствия) рабовладельческого способа производства в Египте в эпоху строительства пирамид. Подчеркнем, что Ю.Я. Перепелкин пришел к этому выводу на основе анализа надписей и гробничных рельефов V–VI династий, на которых были изображены работники крупных вельможеских хозяйств, организованные в «корабельные ватаги» (*jzwwt*). Так как эта ватага является основополагающей производительной единицей в этом хозяйстве и при этом ее нельзя считать полностью зависимой от вельможи, налицо противоречие между марксистским подходом и египетским материалом.

В ходе дальнейшей переписки с сектором эти моменты будут всплывать неоднократно. Однако это вовсе не значит, что Ю.Я. Перепелкин пытался на основании столь узкого временного промежутка сформулировать выводы формационного характера! Он сделал только частные наблюдения относительно экономического функционирования вельможеского хозяйства. Примечательно, что редакторы, предвидя острую фазу спора, заранее рассматривают возможные пути отступления, наподобие – в главе использованы материалы Ю.Я. Перепелкина, а выводы, касающиеся методологических (формационных) вопросов, принадлежат редакции¹².

Далее в письме Ю.П. Францову И.М. Дьяконов описывает уже по позициям конкретные расхождения между редакцией и Перепелкиным, и одновременно стремится нащупать некий разумный компромисс, смягчить, примирить позицию Ю.Я. Перепелкина и его коллег. Вместе с этим поднимаются и более глубокие вопросы, по которым Дьяконов вполне соглашается с Перепелкиным (см. рис. 2).

«Ленинград, 2 ноября 1954 г.

Дорогой Юрий Павлович!

Меня тоже очень порадовало Ваше письмо – страстное отношение к этим вещам – дело хорошее. Спасибо Вам и (за) незаслуженные мной комплименты. Теперь о существе дела. Я хотел своим письмом показать, какие трудности возникают здесь передо мной, и каков

¹¹ Ильин Г.Ф. (1914–1985) – крупный советский востоковед, исследовавший институт рабства в древней Индии. Входил в коллектив научных редакторов первого тома «Всемирной истории». Соавтор, совместно с Г.М. Бонгард-Левинным, фундаментальной монографии «Индия в древности» (1985).

¹² Из письма Т.Н. Савельевой мы узнаем, что подобная формулировка была предложена самим Юрием Яковлевичем: «[...] Ваше недоумение по поводу того, как сделана оговорка во “Всемирной истории”, не лишено оснований. Предложенная мною с отчаяния оговорка была: В главах об Египте, написанных Ю.Я. Перепелкиным, редакция сочла нужным внести дополнения в части общих выводов и некоторых характеристик в соответствии с установками настоящего издания» [...] (Письмо Ю.Я. Перепелкина Т.Н. Савельевой датировано 4 мая 1956 г., Архив ЦЕИ РАН). В предисловии к изданию «Всемирной истории» окончательная формулировка звучала так: «В главах по истории Египта, написанных Ю.Я. Перепелкиным, редколлегия сочла нужным внести дополнение из части общих выводов некоторых частных характеристик» [Всемирная история, I, 14].

характер тех проблем, которые встают. Это не значит, что мы ничего не сделали, и что все находится в состоянии полного хаоса. Дела обстоят не так плохо, хотя Перепелкин, конечно – вещь очень и очень трудная.

1) Вы спрашиваете, как это получается, что Перепелкин требует, чтобы ему сказали, что в Египте – община, а не ищет ее сам. Суть дела, конечно, заключается вот в чем: по Перепелкину, когда у нас говорят “община”, то, с легкой руки В.В. и других, имеют в виду индийскую общину, то есть общину не только самоуправляющуюся, но и совместно держащую в собственности всю землю, – с переделами, без частной собственности. Такой общины в Египте, с его точки зрения, в историческое время не было. Я, исходя из вавилонского материала, думаю, что и в Вавилонии такой общины не было, так как купля-продажа земли начинается там вместе с первыми письменными документами, с самого начала III тыс., и при том вовсе не на “высоких полях”, как думает В.В. / которых, по-моему, в Вавилонии не существовало/, а повсюду. В большинстве стран Востока община не отличалась от античной, с той лишь разницей, что вода действительно была в коллективном управлении и коллективной собственности. Мы с П. договорились, что $\otimes_1^{\cap}$ мы будем считать за общину, но только такую $\otimes_1^{\cap}$, где живут свободные, а не лица, лишенные средств производства. В главы П. эта община была вставлена непоследовательно. В частности, не только П., но и я никак не могу согласиться с тем, чтобы считать общинниками людей, не владеющих средствами производства – это же противоречие самое вопиющее. Так же не могут быть общинниками – по тем же причинам – и работники “патесиальных” хозяйств в Шумере, и не даром они при III династии Ура оказываются экономически самыми настоящими рабами. Между тем, настоящие, т.е. свободные общинники существовали и при III династии Ура и позже.

Поэтому если сейчас общинники из глав П. выпали, то это не значит, что при редактировании мы их не восстановим. Я только не хотел это делать сейчас сам, так как для этого нужны люди, лучше меня понимающие египетский материал. Если это будет проведено последовательно, то П. протестовать против общины не будет. Но не будем скрывать друг от друга, Юрий Павлович, что у самой редакции никакой ясности по поводу общины нет; одного внутреннего убеждения в том, что община должна быть, совершенно недостаточно. Если $\otimes_1^{\cap}$ это община / а я почти уверен, что это так/, то надо о ней, кроме слова “община”, сказать – может быть, несколько раз, в зависимости от эпох – какая это община – в частности, что во главе ее стояло царское, а не выборное должностное лицо, и что земля могла продаваться. Иначе, употребляя это, увы, слишком многозначное слово, мы только собьем с толку читателя и вызовем на себя нарекания за необоснованные утверждения.

2) Относительно рабов и рабовладельческого общества. Здесь речь идет главным образом о терминологическом моменте¹³.

На египетском материале у Ю.Я. и на вавилонском материале у меня/ прибавлю, и на финикийском – у Гельцера¹⁴, и т.д./ получается одно и то же: численно преобладающими работниками, при том в экономически определяющих крупных хозяйствах являются люди, лишенные средств производства и эксплуатируемые путем принуждения, рабовладельческими методами. Однако, они не лишены полностью человеческих прав, иной раз могут вернуться в свободное состояние или выслужиться до крупных чинов / хотя это и не характерно/, имеют свое имущество, иногда государственные повинности. Иногда /вначале/ они работают отрядами, как заправские рабы, иногда /обычно позже/ их сажают на землю

¹³ Очевидно, что в данном случае И.М. Дьяконов стремится смягчить радикальные выводы Ю.Я. Перепелкина и оградить его от критики ответственного редактора.

¹⁴ Михаил Львович Гельцер (1928–2010) – советский и израильский историк, крупный специалист по древней истории Ближнего Востока и Финикии, ученик В.В. Струве и И.М. Дьяконова.

и дают хозяйствовать более-менее самостоятельно. Перепелкин сомневается в том, что это рабы, на том основании, что они – не “вещь” собственника, но подчеркивает / и особенно в первоначальном, не сокращенном варианте его глав/, что они ни в коем случае не крепостные и не наемники – стало быть, это не феодализм и не “античный капитализм”. Я лично считаю, что имеющихся данных достаточно для того, чтобы считать даже на основании существования только такого способа эксплуатации общество рабовладельческим. Именно в существовании его, как мне представляется, и лежит специфика раннерабовладельческого периода. И в этом же причина, что в ряде стран позднее, когда общий мировой уровень развития производительных сил гораздо выше, а ведущие страны уже пережили рабство, из раннеклассового общества может выплывать не рабовладение, а сразу феодализм. В условиях древнего Востока этого быть не могло. И не могло, в частности, потому, что – хотя формы эксплуатации на первых порах были очень разнообразны и подчас причудливы – наряду с этим существовала и совершенно настоящая рабовладельческая эксплуатация. Она существовала, по понятным причинам, преимущественно в мелких частных хозяйствах, и с развитием частного хозяйства стала и не могла не стать преобладающей. Общая тенденция развития была в сторону выработки “классических” форм рабовладения. Но называть этих эксплуатируемых больших хозяйств рабами, тем не менее, как мне кажется, нет причины. Они – эксплуатируются по-рабовладельчески, но сами пока не рабы. Тут дело не в переходном периоде – конечно, рабовладельческая формация уже наступила, но это раннерабовладельческое общество. Для переходного периода это слишком долго.

Ю.Я. со мной в принципе согласен, но считает, что если мы скажем, что большинство эксплуатируемых в ведущих хозяйствах были свободные, или, скажем, зависимые, то тут то и возникает призрак феодализма или “античного капитализма”. Отсюда – “полураббы”, термин, который, как мне кажется, должен устроить нас. Он для себя этот вопрос не уяснил – в этом еще нет ничего преступного – не он выбирал время для написания “Всемирной истории”, а соглашался писать только на том условии, что ему можно будет писать в пределах того, что ему уже ясно. Но на изложенной выше концепции мы с ним договорились, при условии “полурабов”. Я думаю, в интересах согласия, нашу договоренность можно принять.

Кстати, когда я говорил в прошлом письме о *mr.t*, то я давал себе полный отчет в том, что это термин не социальный, могущий скрывать самое разное содержание¹⁵. Я употреблял этот термин только для краткости, имею в виду производителей крупных хозяйств Древнего царства.

3) Как видите, мы рабов с П. отнюдь не выбросили в древнем Египте, совершенно напротив. Что же касается общины, то я не мог с ним объясниться, не представляя себе дела ясно сам. Однако, конечно, и община у нас будет.

Таким образом, речь в моем письме шла об определенных трудностях, которые встали на пути установления текста, приемлемого и для П., что мне кажется важным. Перепелкин слишком хорошо знает материал, чтобы можно было пренебрегать возможностью того, чтобы он сказал: да, я считаю, что в этом тексте все соответствует действительности. О других причинах, почему я считаю это важным, я писал в прошлый раз. Мне кажется, что выработкой нового варианта текста эти трудности в значительной мере будут преодолены.

¹⁵ В данном случае перед нами все же важнейший для египетской социальной организации термин. И.М. Дьяконов дает его в сокращенном написании. Полная форма, как установил О.Д. Берлев, звучит как *mr.tjt*, т.е. перед нами пассивное причастие от глагола *mrj* «любить». Буквальный перевод – «которых любят» или «возлюбленные». Женский род указывает в данном случае на собирательность, совокупность такого рода людей, состоящих на службе того или иного хозяина. Однако все они так или иначе являлись «рабами царя», а не конкретного частного лица. Более подробно см.: [Шэхаб Эль-Дин, 1993, с. 292–303].

Во всяком случае, если вариант П. окажется неприемлемым, ничто не мешает пустить отработанный ранее материал, как редакционный.

Должен сказать, что главной заслугой тома я тоже считаю показ Востока в развитии, установление известных этапов. Конкретно, однако, в тексте очень много мусора. В.В., например, во всех частях, которыми он специально не занимался, очень отстал от новых открытий, или замечает только самое недостоверное. О Фригии, например, я уже писал, но это не исключение. Очень плохо с Каллистовым. Взявшись серьезно за его «Крит», я убедился, что он совершенно не знает нового материала, а прямо списывает с Пендлбери с предисловием В.В. Таким образом, при редактировании III и IV части я снова столкнулся с необходимостью переделок.

В III части – опять новые большие трудности с Перепелкиным. Испуганный угрозами В.В., что его общество похоже на феодализм, он до такой степени запутал весь социальный материал, что сначала я, а потом в какой то мере и Вы, редактируя его “Новое царство” и пытаюсь вывести какую то стройную картину, не только пришли в полное противоречие с его концепцией, но и вообще, кажется, наломали дров. Дело в том – так на это смотрит и М.Э.¹⁶, последние годы много специально занимавшаяся Новым царством, – что наряду с сохранением старого типа хозяйств с пресловутыми “полурабами”, – в особенности храмовых хозяйств – / и точно также в Вавилонии в царских хозяйствах времени Хаммураби/, здесь особенно большую роль начинает играть рядовой рабовладелец/ или “потенциальный” рабовладелец/, в хозяйствах которого развивается “настоящее” рабство; именно на этих частных рабовладельцев и опирается сначала Эхнатон, а потом Рамсес в борьбе с жречеством, и трактовать эту борьбу как борьбу двух группировок знати /кстати термин очень неопределенный, меняющий содержание от периода к периоду / было бы неправильно. Я попросил П. написать социальный строй Нового царства заново, как он был, а не нарочно в туманно запутанном виде. Он очень боялся – особенно гнева В.В., – но я его убедил в том, что то, что правильно по материалу, и марксистски всегда будет наиболее правильно, а, следовательно, всегда можно отстоять. Вы, конечно, можете по этому поводу опять высказать много горьких и резких слов по поводу П., и будете, возможно, правы, – но таков уж он, и надо иметь в виду, с кем имеешь дело.

В общем, как видите, я много переломал и придется много перепечатывать, и перепечатывать – но это потому, что я хочу, чтобы было лучше и тоже не хочу подписывать очень плохого. Во всяком случае, я приложу все усилия, чтобы мое редактирование не привело бы к задержке в сдаче в производство окончательного текста.

4) В отношении того, что мы “испортили” у Ю.Я. большинство его возражений сводится к тому, что иной раз мы / главным образом, впрочем, я/ в ходе того, как мы, с одной стороны, сокращали, а с другой, стилистически правили, не точно выразили то, что он хотел сказать. Хотя при его дотошности это отнимает много времени, однако ничего существенного, в сущности, тут нет, – как и в тех случаях, когда П. стремится снизить категоричность утверждений. Если бы, как я просил, перепечатанный текст глав Перепелкина был ему послан вовремя, с тем, чтобы я после своей редактуры мог бы сверить его с ним, то не было бы, вероятно, больших недоразумений. Насчет же “дезертирства” П. говорит: “Я предупреждал, что не подойду, как автор, а Утченко /тогдашний редактор и начальство/ сказал, что я могу писать, как хочу”. В общем, он, конечно, с самого начала рассчитывал на то, что написанное им будет только материалом (!). Но на это не надо идти. Ведь написать совсем по-своему мы просто не успеем, и лучше, чтобы отвечал за свой текст все-таки автор, который, и не подписав, фактически остается на 95% автором, чем если автором

¹⁶ Здесь подразумевается М.Э. Матье (1899–1966) – крупнейший советский египтолог, известная своими работами по религии, идеологии и искусству древнего Египта.

будут числиться Францов, Дьяконов и другие. Я имею опыт: когда печатались комментарии и переводы вавилонских законов в ВДИ, Киселев со страху снял неблагозвучную фамилию автора ряда разделов, а теперь я всюду, в том числе и за границей, хожу как автор того, чего я не писал. Одно дело, отвечать как редактор, другое – как автор. Поэтому, – хоть Вы и сердитесь по поводу нашей деятельности с /или над/ Перепелкиным, – а все-таки составить текст, который бы он подписал – надо.

Опять получился роман вместо письма, потому спешу кончить. Я уже послал I, II и IV части в обработанном мной виде, минус главу по Древнему царству и главу о западном Средиземноморье. Последнюю, вместе с III частью, я привезу на праздниках, а свои три главы II. дошлет, пока обрабатываются остальные главы для первого набора. Вы ничего не пишете по поводу разных моих предложений и недоумений, не связанных с Перепелкиным – очевидно, это обсудим уже лично?

Главное, чтобы получилось лучше, чем было в прежних учебниках, и всюду, где возможно – хорошо. Думаю, что в конце концов, после всех мучений, так и получится.

Желаю Вам всего лучшего. Ваш И. Дьяконов».

К данному письму примыкает другое, к сожалению, не датированное, но, по смыслу, относящееся к весне–лету 1954 года (см. рис. 3а–б).

«Дорогая Татьяна Николаевна!

....

Должен ответить вкратце на Ваше письмо.

С Ю.Я. мы уже сделали ок. 30 % текста его глав, так что просить его не читать – поздно. Да и когда мы успеем все сделать, если и сейчас еще не начнем с ним этой работы?

Вырабатываем с ним согласованный текст с величайшим трудом, мучением и руганью. Много поправок по такой линии: 1) исправление возникших при сокращении, перестановках и редактировании неточностей; 2) заполнение пробелов; 3) истребление того, с чем Ю.Я. не согласен, как с не доказанным известным фактическим материалом. Сюда пошла большая часть общины и т.п. – но все же в каком-то виде община, очевидно, будет.

Хотя он и не согласен с некоторыми довольно важными добавками редколлегии, все же, как мне кажется, согласованный (и, я надеюсь, подписанный) экземпляр глав будет лучше существующего. Поэтому я постараюсь отстаивать выработанный вместе с Ю.Я. текст, чтобы вышел именно он.

Расстраивается же Ю.Я., независимо от возможных Ваших мелких поправок, и так очень сильно. Он говорит – редакция вставляет не то, что есть, а то, что, как она считает, должно быть – исходя из априорных соображений.

Ваш И. Дьяконов»

Данные письма существенно глубже отображают недопонимание, даже конфликт Перепелкина и редакции «Всемирки», конкретизируя при этом отдельные положения. Юрий Яковлевич по-прежнему уверен, что египетское общество не только не рабовладельческое, но и не феодальное¹⁷. В египетских источниках отсутствуют упоминания о таком важном институте как община.

¹⁷ Примечательно, что Ю.Я. Перепелкин, отрицая наличие в Египте рабовладельческого способа производства, все же признавал там наличие домашних рабов или «купленников» (jsw.w), которые, однако, не определяли лица всего египетского общества [Перепелкин, 1988, с. 83]. К дискуссии о египетском феодализме см.: [Струве, 1932; 1934; Постовская, 1961, с. 79].

В этот водоворот были вовлечены не только Перепелкин–Дьяконов–Францов, но и все, кто, так или иначе были причастны к написанию и изданию первого тома – и москвичи, и ленинградцы. Первое письмо, с одной стороны, раскрывает позицию Дьяконова, который, скорее, выступает в роли дипломата, стараясь смягчить позицию Перепелкина и одновременно стремясь вывести из-под удара себя и своих коллег, нащупать некий компромиссный вариант. На другом полюсе – довольно жесткая позиция главного (ответственного) редактора тома Ю.П. Францова, который призывает ни на йоту не отходить от марксистского понимания истории. Однако из письма видно, что это не всегда удается. Исследователям древнего Востока, как бы промарксистски они не были настроены, чрезвычайно тяжело вписывать данные конкретной науки в предложенный шаблон. Перепелкин на это идти категорически не хочет, а если и идет, то только под большим давлением, особенно со стороны В.В. Струве¹⁸. Сделаем небольшое отступление и постараемся более подробно рассмотреть это на примере такого камня преткновения редакции и Ю.Я. Перепелкина, как община.

К. Маркс «отождествлял сельскую общину с первобытным коммунизмом», а наблюдаемое в истории имущественное и социальное неравенство, классы и государство – рассматривал как результат разложения общинного строя. Вместе с Ф. Энгельсом он смотрел на этот институт как на всеобъемлющую форму социальной организации, зиждущуюся на природной основе, которая с образованием классового общества трансформируется в соседскую организацию сельского населения. Прогресс в общественных отношениях, переход от одного способа производства к другому неизбежно вел к дальнейшей эволюции общины. Вплоть до наступления капитализма это важнейший социальный институт, проявляющий себя во всех сферах общественной жизни: экономике, социально-политических, идеологических отношениях, быте и т.д. И на послепервобытных докапиталистических стадиях общинные отношения, в различной форме и степени, органически вплетаются в ткань общественной структуры, пронизывая ее сверху донизу [Данилова, Данилов, 1978, с. 11].

Поэтому, если следовать логике этой схемы К. Маркса (очевидно, и логике редакции «Всемирки»), мы не можем не обнаружить следов этой общины, различных ее форм (пережитков), в египетском обществе эпохи Древнего царства. Получается, что Перепелкин, лучше всех знавший и понимавший египетский материал, сделать этого не мог. Это и вызывало недоумение и некоторую обеспокоенность как Ю.П. Францова, так и И.М. Дьяконова, так как в таком случае марксистская модель не работала для Египта.

Сам И.М. Дьяконов полагал в своих работах, что на древнем Востоке «патриархальный род и сельская община не являются двумя последовательными ступенями в развитии общества, они сосуществуют» [Дьяконов, 1963, с. 32]. Территориальная община существует наряду с патриархальными родами как некая самоуправляющаяся организация со своими

¹⁸ Замечание И.М. Дьяконова относительно угроз В.В. Струве не лишено оснований. Так в одном письме Татьяне Николаевне Савельевой он пишет: «Дорогая Татьяна Николаевна! [.....] У нас дела без перемен. Ю.Я. волнуется и хочет снимать свою фамилию со “всемирных” глав. В.В. кипятится и давит на него. На вопрос Ю.Я., почему он так не редактировал И. М.-ча (т.е. Дьяконова), В.В. сказал, что он давно не занимался Ассирией, но он еще займется ей, и тогда...А что до общинников в Шумере, то до них ему дела нет, так как он сейчас занят Урукaginaй; а И.М. признал сделанные им, В.В., поправки к переводу Урукaginaй, и т.п. Желаю Вам всего наилучшего. Ваш И. Дьяконов» (Ленинград, 9 ноября 1953 года). Впрочем, нельзя исключить и обратного. Как полагает А.О. Большаков, «главным борцом с текстом Перепелкина был сам Дьяконов, а не Струве», так как именно Дьяконов в отличие от Перепелкина «много думал об официальном признании», а «запала у самого Струве, достигшего своей вершины, уже не хватало» (устное сообщение). Вдобавок к этому, И.М. Дьяконов был идейным марксистом, следовательно, его позиция была ближе к позиции главной редакции тома, т.е. к Г.П. Францову и В.В. Струве. Тем не менее, к чести И.М. Дьяконова следует отнести то, что свою позицию он всегда выражал открыто, и ценил талант Ю.Я. Перепелкина.

административными органами (советом старейшин, народным собранием)¹⁹. При этом территориальной общиной нужно считать не только открытое село (тип поселения, не особенно характерный для 2–3-го тыс. до н.э.), но и самоуправляющееся укрепленное поселение, условно называемое «городом», жители которого занимаются преимущественно сельским хозяйством наряду с ремеслом²⁰. Наличие таких укрепленных городов в 2–3-го тыс. до н.э. с сельскохозяйственным населением и с самоуправлением в виде советов старейшин и народных собраний подтверждается обширным документальным материалом, в том числе для Аккада и для хурритского общества [Дьяконов, 1964, с. 77–78]. Отсюда становится понятным, почему И.М. Дьяконов предлагает Перепелкину считать за общину именно , буквально «город/селение», засвидетельствованное источниками еще Раннего царства [Савельева, 1992, с. 16]. Это вполне укладывалось в его концепцию развития института общины на древнем Востоке.

Однако в дальнейшем, под влиянием работ самого Перепелкина, а также его учеников – О.Д. Берлева, Е.С. Богословского и А.О. Большакова, – взгляды И.М. Дьяконова на эволюцию общины в чем-то укрепились, а где-то были полностью подвергнуты ревизии [Дьяконов, Якобсон, 1998, с. 26–27]. Так, он писал, что на Востоке община очень рано и повсеместно была деформирована мощными и многоступенчатыми государственными структурами, а в Египте была ими уничтожена полностью, хотя своеобразные «вторичные» общины, как было установлено Е.С. Богословским, возникали и там, например, в поселениях «мастеров» [Богословский, 1983].

Объяснение этой уникальности, по Дьяконову, состоит в уникальности географических условий Египта: очень узкая полоска населенной земли вдоль огромной реки, представлявшей собой путь через весь Египет. Никаких естественных границ между номами не существовало, но зато резкие естественные границы отделяли Египет от окружающего мира. При первых же проявлениях классового общества и неизбежно возникавших при этом войнах между первичными политическими образованиями здесь неизбежно и очень рано должно было возникнуть единое для всей долины государство – гораздо раньше, чем в любом другом месте. Чрезвычайно рано возникший мощный бюрократический аппарат и постоянная армия придают древнеегипетскому обществу совершенно особый облик. Особыми были также и его идеология, его менталитет.

Ссылаясь на мнение А.О. Большакова, И.М. Дьяконов отмечает далее, что имевший место только в Египте переход практически из первобытности прямо в централизованное государство (в других обществах такой переход занял многие века, и люди успели «привыкнуть») породил совершенно особую идеологию власти: только здесь царь был богом, и притом богом, если не формально, то фактически самым главным, отодвинувшим других богов на задний план. И только в Египте уже с эпохи Среднего царства (ок. 2000 г. до н.э.) вырабатывается система, согласно которой вся основная масса трудящегося населения числится как «царские хемуу». Этот принцип управления всеми производящими хозяйствами из государственного центра сохранялся в Египте до римского времени включительно. Сведений о «настоящей» общине... практически нет. Но, возможно, что в каком-то смысле весь Египет рассматривался как община во главе с царем, причем не соседская, а род-

¹⁹ К аналогичному выводу приходят и многие современные исследователи, занимающиеся вопросами теории развития общины. В частности, отмечается, что такие категории, как род и община – это не этапы эволюции единого института, а абсолютно разные институты, где соседская община (при условии ее наличия) занимается хозяйственными вопросами, родовые структуры регулируют семейно-брачные и генеалогические проблемы [Алаев, 2020, с. 115]. Получается, что И.М. Дьяконов обнаружил это явление одним из первых.

²⁰ В данном случае И.М. Дьяконов исходит из тезиса К. Маркса о «нерасчлененном единстве города и деревни на Востоке» [Маркс, 1940, с. 13].

ственная: слово *hemw в общафразийском праязыке означало «свойственник», «непрямой родич»» [Дьяконов, Якобсон, 1998, с. 27].

Таким образом, Игорь Михайлович пересмотрел свои первоначальные взгляды и пришел к выводу, что следов полноценной общины в староцарском Египте не было, так как ее развитие остановилось на самой древней родовой стадии. Здесь выводы Ю.Я. Перепелкина полностью подтвердились, и И.М. Дьяконов, спустя несколько десятилетий, должен был это в конце концов признать. Как же понимал египетскую общину сам Перепелкин?

А.О. Большаков, близко знавший Юрия Яковлевича, любезно обратил мое внимание на следующие моменты. Так как «Ю.Я. посвятил свои “Хозяйства” памяти египетских ватаг гребцов, на основе которых организовывались рабочие отряды, создававшие все то что дошло до нас от Египта, он понимал их как бюрократический аналог общины, самодостаточный и пригодный для того, чтобы послать ее на сельскохозяйственные или строительные работы или, вооружив, в военную экспедицию. То есть подлинной общины в Египте он не видел (как и все прочие непредвзятые исследователи), а видел некую самообеспечивающуюся и саморегулирующуюся единицу, “вторичную общину”, организованную на тех же принципах, но не самостоятельную, действующую в рамках государственного управления»²¹.

Данное наблюдение чрезвычайно важно. Вместе с тем, стоит задуматься, почему в таком случае эта своеобразная община была поглощена административным аппаратом и была фактически уничтожена? Игорь Михайлович отмечает, что все дело в природных условиях Египта. В этой связи хочется поделиться своими собственными наблюдениями по поводу данной проблемы, дополнив его выводы.

Для начала стоит обратиться к классикам. Так, К. Маркс отмечал в своих работах, что общинный коллектив, имеющий чисто природную, кровнородственную основу, является исходным пунктом человеческой истории, необходимой предпосылкой производства и всех сфер жизнедеятельности на ранних этапах общественной эволюции. Но с переходом от первичной формации ко вторичной, от доклассового общества к классовому, в виде соседской территориальной организации крестьян община длительное время сохраняет значение основания общественной системы. Такая ее роль предопределяется привязанностью индивида к земле как к естественному базису производства и его неразвитостью, натуральностью хозяйства, сращенностью непосредственного производителя с природными условиями производства [Маркс, Энгельс, т. 3, с. 88; т. 46(I), с. 99–103; т. 46(II), 19, с. 450–451]. Получается, что одним из главных условий существования территориальной или соседской общины следует признать ее оседлость, т.е. привязанность некоего сообщества людей к земле, к конкретной территории, т.к. общинный коллектив, в конечном счете, являлся ее собственником²².

И вот тут-то и выясняется, что это главное условие в Египте практически невыполнимо. Уже древнейшие царские анналы фиксируют такие важные экономические мероприятия резиденции как «учет скота» и «учет полей» [Wilkinson, 2000]. Связано это было не столько с практикой примитивного «полюдь», сколько с тем, что река постоянно меняла свое русло [Bunbury, 2019]. Одновременно с этим менялась и интенсивность разливов. Соответственно, площадь полноценной для возделывания земли не являлась

²¹ Устное сообщение.

²² От этой посылки К. Маркс легко переходил к складыванию института рабства – «если вместе с землей завоевывают самого человека как органическую принадлежность земли, то его завоевывают как одно из условий производства, и таким путем возникают рабство и крепостная зависимость, которые вскоре извращают и видоизменяют первоначальные формы всех общин, сами становясь базисом последних» [Маркс, Энгельс, т. 46 (I), с. 480].

величиной постоянной, и требовался ее регулярный учет. Учет производился, начиная от Элефантины и заканчивая Дельтой. Поэтому земля в масштабах всего Египта была в высшей степени важным, но одновременно и нестабильным экономическим ресурсом, так как ее, с одной стороны, могло быть мало, с другой, наоборот, много! Это вызывало массовые миграции населения, что приводило, в конце концов, к неизбежным конфликтам. Именно поэтому забота о земле была делом не одной конкретной общины, а централизованной царской власти. Идеологически это было оформлено как «Завещание Геба», согласно которому вся земля переходила в собственность царю как наследнику богов [Берлев, 1999]. Ее учет и последующий передел начинался сразу, как только она появлялась из-под воды, в сезон «выхождения». В другие сезоны этот вопрос был не актуальным. Это помогало планировать и регулировать экономическую жизнь в масштабах всей страны.

Более того, документы второй половины Древнего царства сообщают нам о практике перемещения населения с тех территорий, на которых был возможен неурожай, или которая подвергалась последствиям засухи, в более благополучные районы (номы)²³. Из последнего мы можем заключить, что живая сила, как и земля, были важнейшими экономическими ресурсами, которые определяли совокупно жизнедеятельность всей страны, а не отдельного вельможеского хозяйства. Естественно, никакие вельможи на местах единолично не могли решить данные проблемы. Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что вся рабочая сила (подчеркнем, особенно неквалифицированная, из которой преимущественно и комплектовались «корабельные ватаги») управлялась из единого центра. Она могла быть направлена как на доставку грузов в другую часть страны, строительство и укрепление каналов, так и на постройку гигантских пирамид (см. выше мнение А.О. Большакова). Поэтому «ватаги» матросов (jzwwt) были чрезвычайно мобильны. Они могли работать как в резиденции, так и в провинции на вельможу, т.е. в тех местах, где наиболее остро ощущалась их необходимость. Если ватаги выполняли абсолютно любую неквалифицированную работу, поэтому логично, что они пользовались орудиями труда, которые им выдавали на местах, либо в царском хозяйстве, либо в вельможеском. Им самим в данном случае ничего не принадлежало.

Ю.Я. Перепелкин отмечал в своем исследовании, что корабельные ватаги и ремесленники производственных заведений определяли лицо вельможеского хозяйства. Однако из этого вовсе не следовало, что вельможа получал право набирать людей для собственного обогащения, как рабовладелец, а только с целью привлечения дополнительной силы для уборки урожая, устранения последствий паводка и сооружения дамб, другими словами, столько, сколько было необходимо для решения конкретной задачи в его номе и хозяйстве. Ведь этот самый вельможа отвечал перед царем за свою территорию, а главное, за землю. В таких условиях рабство могло пониматься в том смысле, что рабовладелец был только один – царь, а все подданные были его рабами. А.О. Большаков сделал справедливое замечание, когда говорил (со слов Дьяконова), что египтяне практически мгновенно прыгнули из первобытности в достаточно мощное централизованное государство, ведь рудиментом этой первобытности был специфический египетский коллективизм без частной собственности. Зачатки общины остались где-то на периферии начала египетской истории, ее следы, скорее всего, отсутствуют не только в Древнем, но и в Раннем царствах.

Вернемся к нашему материалу. В последнем письме И.М. Дьяконова заслуживает внимания его очень важное наблюдение, что Перепелкин с самого начала рассчитывал, что его текст будет «просто материалом». Однако если в этом письме это была просто реплика, то в следующем Игорь Михайлович говорит об этом со всей определенностью.

²³ См.: [Шэхаб Эль-Дин, 1993, с. 276–282].

«Ленинград, 16 февраля 1954 г.

Дорогие “секторяне”!

Прежде всего – все ли у Вас благополучно, особенно у Татьяны Васильевны²⁴?

Во всю работаю над редактированием Перепелкина. Редактирую его как бог черепаху: 1/ перекраиваю структуру: невозможно, что у него вся политическая история где-то совсем уж на задворках и, например, о строительстве пирамид многократно говорится в плане производительных сил и производственных отношений задолго до того, как рассказано о самом факте строительства пирамид. Сам Ю.Я. говорит, что все дело в том, что нужно было бы давать переходные периоды; тогда были бы подходы и к политической истории, и к производственным отношениям периода расцвета. Почему же он так не сделал? Потому, что в “Вопросах истории” и в “Очерках по истории СССР” сделано так: производительные силы, потом производственные отношения, потом политическая история. Но ведь получаются обрубки, нет никакого перехода и развития от эпохи к эпохе? Да, мол, но на обсуждении все одобрили эту систему, и т.п. Ну, короче говоря, я режу по-своему структуру; но переходных периодов действительно нет, и мне их не сочинить. Делаю, что может получиться; 2/ перекраиваю стиль: чудачеств, правда, осталось очень мало, написано живо, но разговорность языка имеет и свои минусы: то, что в живом языке дополняется интонацией и т.п., на письме пропадает, и предложение сплошь и рядом становится слишком непонятным. С другой стороны, очень уж стричь Ю.Я. под общий серый фон не следует. Т.Н., хотя и бережно обращалась с языком Ю.Я., однако все же, как мне кажется, напрасно некоторые вещи истребила: например, я думаю, что “областена начальники” и “высшие чины” – вполне правильно по-русски. Зато Вы пропустили кое-какие синтаксические и другие погрешности; 3/ перекраиваю выброшенное, то есть восстанавливаю кое-что из принципиально важного. Но, Татьяна Николаевна, из ремесел Древнего царства много восстановить не мог: и так о средствах производства говорится с обстоятельностью, вероятно, чрезвычайно интересной для специалиста, но для простых читателей неимоверно утомительной. Наоборот, меня тянет кое-что из “производительных сил” сократить; 4/ наиболее тяжелый случай: вставляю выводы, так как совершенно невозможно поставить неискушенного читателя лицом к лицу с грудой интереснейшего, но совершенно непереваренного и понятного только специалисту материала/ да не всякий и специалист, видимо, может его правильно оценить: В.В., например, по-видимому, не может – почему же считать, что рядовой читатель проницательнее В.В.? По-моему, предоставлять читателю самому делать выводы из материала – значит бросить его в гущу недоумений и ложных умозаключений, так как, все-таки, нужен опыт, чтобы разобраться во всем этом. Однако, вопрос в том, как на мои выводы посмотрит сам Ю.Я.!

Пока что, он махнул на все рукой и сказал: делайте, что хотите, это уже не мое. Но нам чрезвычайно важно, чтобы он подписал. Если мы хотим, чтобы у нас, наконец, была история Древнего Востока, а не роман, то нам нужно выступать единым фронтом. Деление должно идти на тех, кто за факты, и тех, кто за неподтвержденные ничем концепции. А если Ю.Я. займет и здесь позицию неподписания, то выйдет, что принципиальной разницы между тем, что было до нашего редактирования и после него – нет. Я надеюсь, что мне удастся убедить Ю.Я., но с ним ведь никогда не знаешь, что будет. А как редактор, я – и все, кто будут после меня – хуже, чем В.В.: тот хоть соблюдал вежливость и заставлял автора переделывать самого, я же кромсаю по своему усмотрению, ибо если я начну все согласовывать, то мы не токмо что к маю, но и к маю будущего года не кончим, да и Ю.Я. вряд ли будет рад тому, что я краду его время. Но умолчания Ю.Я. на практике невозможны, неподписанием он только будет играть на руку “романистам от истории древнего Востока”, а в его нынешнем

²⁴ Татьяна Васильевна Степугина (1923–2016) – крупный отечественный китаист, ближайшая подруга Т.Н. Савельевой.

виде текст “Египта” будет выглядеть на общем сером фоне как цветная заплата. Исходя из этих соображений, я и действую, а что будет дальше – аллах знает. Очень прошу Вас, и особенно Григория Федоровича, высказаться по принципам редактирования....

Горячий привет от Вашего И. Дьяконова».

Если в предыдущем письме это только незначительная реплика, то в следующем И.М. Дьяконов говорит об этом напрямую – Перепелкин стремится избежать выводов, и предоставляет это сделать самому читателю! Из этого мы можем заключить, что сам Перепелкин, с одной стороны, был чужд отвлеченного теоретизирования, предпочитая предоставить читателю живой материал, из которого он сам сделает свои выводы, но, с другой, – делает это вполне сознательно, не желая открыто вступать в полемику с начальством. Поэтому эти выводы за него и делает И.М. Дьяконов. Если его материал вписывался в марксистскую модель, то это было хорошо, если нет, то он шел на компромисс крайне неохотно.

Вместе с тем очевидно, что идеи Перепелкина не просто были известны, они продолжали жить, пусть и не той жизнью, какой бы хотелось их автору, и влияли на взгляды современников и его ближайших учеников. Например, крупнейший отечественный египтолог Е.С. Богословский разделял взгляды своего учителя! В своей работе «Слуги фараонов, богов и частных лиц» в самом конце своего исследования он сделал одно чрезвычайно важное наблюдение, которое хорошо характеризует его исследовательский метод (впрочем, очевидно, и метод его учителя): «Насколько я понимаю, египтяне по уровню общественного самосознания и строю мышления не могли охватить всю социально-экономическую структуру общества в целом, и тем более – ее механику и развитие. Это задача современного исследователя, и успешно она может быть разрешена только в том случае, если такой исследователь окажется в состоянии отвлечься от того, что известно об общественном устройстве других стран, и сможет понять древнеегипетское общество и его историю изнутри, уяснив и осмыслив все его особенности, возможности и способы его отражения в сознании самих древних египтян. Только после этого, собрав и осмыслив решительно все сведения о социально-экономической истории древнего Египта, можно и нужно будет сопоставить древнеегипетское общество (или общества?) на всех ступенях его развития с общественными устройствами других стран и народов» [Богословский, 1979, с. 147].

Дополняя это замечание, скажем только то, что во всем этом Юрий Яковлевич и его ближайший ученик, вероятно, руководствовались убеждением, что наука еще просто не доросла до широких обобщающих выводов. Ведь для того, чтобы к этим выводам прийти, надо собрать и осмыслить огромный материал глубоко чуждой и далекой от нас культуры. Очевидно, что Перепелкин (равно как и Богословский) просто не верили, что это понимание к середине XX века стало возможным. Поэтому И.М. Дьяконов поневоле был вынужден составлять эти выводы за Ю.Я. Перепелкина для «Всемирной истории» и вписывать их в марксистский шаблон, как того требовало время, а Перепелкин это делать категорически отказывался. Вероятно, в этом и кроется причина глубокого конфликта между Перепелкиным и редакцией «Всемирки», обстоятельства которого были сохранены в документальном архиве Т.Н. Савельевой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алаев Л.Б. Сельские земельные соседские общины: логика vs история. *Восток (Oriens)*. 2020. № 4. С. 113–125 [Alaev L. The Rural Agricultural Neighbors' Communities: Logic vs History. *Vostok (Oriens)*. 2020. No.4. Pp. 113–125 (in Russian)].

Берлев О.Д. Наследство Геба. Представления о природе древнеегипетского землепользования. *Подати и повинности на древнем Востоке*. Ред. М.А. Дандамаев. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. С. 1–33 [Berlev O.D. Heb's Inheritance. Perceptions of the Nature of Ancient Egyptian land Use. *The Taxes and Duties in the Ancient East*. Ed. M.A. Dandamaev. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedeniye, 1999. Pp. 1–33 (in Russian)].

Богословский Е.С. *Слуги фараонов, богов и частных лиц. К социальной истории Египта XVI–XIV вв. до н.э.* М.: Наука, 1979 [Bogoslovskii E.S. *Servants of the Pharaohs, Gods and Individuals. To the Social History of Egypt of the 16th–14th centuries B.C.* Moscow: Nauka, 1979 (in Russian)].

Богословский Е.С. *Древнеегипетские мастера (по материалам из Дер эль-Медина)*. М.: Наука, 1983 [Bogoslovskii E.S. *Ancient Egyptian Masters (Based on Materials from Der al-Medina)*. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].

Вассоевич А.Л. О Юрии Яковлевиче Перепелкине и его научных открытиях. *Перепелкин Ю.Я. История Древнего Египта*. Ред., вступ. ст., коммент. А.Л. Вассоевич. СПб.: Летний Сад, журнал «Нева», 2000 [Vassoevich A.L. About Yuri Yakovlevich Perepelkin and His Scientific Discoveries. Ed. A.L. Vassoevich. *Yu. Ya. Perpelkin. History of Ancient Egypt*. Saint Petersburg: Letnii sad, "Neva" magazine, 2000 (in Russian)].

Всемирная история. Том I. Ред. Ю.П. Францев. М.: Госполитиздат, 1955 [*The World History*. Vol. I. Ed. Yu.P. Frantsev. Moscow: Gospolitizdat, 1955 (in Russian)].

Дьяконов И.М. К проблеме общины на древнем Востоке (реплика М.О. Косвену). *Вестник древней истории*. 1964. № 4. С. 74–80 [Diakonoff I.M. To the Problem of the Community in the Ancient East (Objections to M.O. Cosven). *Journal of Ancient History*. 1964. No. 4. Pp. 74–80 (in Russian)].

Дьяконов И.М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей. *Вестник древней истории*. 1963. № 1. С. 16–34 [Diakonoff I.M. The Community in the Ancient East in the Works of Soviet Scholars. *Journal of Ancient History*. 1963. No. 1. Pp. 16–34 (in Russian)].

Дьяконов И.М., Якобсон В.А. Гражданское общество в древности. *Вестник древней истории*. 1998. № 1. С. 22–30 [Diakonoff I.M., Yacobson V.A. Ancient Civil Society. *Journal of Ancient History*. 1998. No. 1. Pp. 22–30 (in Russian)].

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству (из неопубликованных рукописей К. Маркса). *Вестник древней истории*. 1940. № 1. С. 9–27 [Marx K. Forms Prior to Capitalist Production (from Unpublished Works of K. Marx). *Journal of Ancient History*. 1940. No. 1. Pp. 9–27 (in Russian)].

Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 1–50. М.: Госполитиздат, 1955–1981 [Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. Vols. 1–50. Moscow: Gospolitizdat, 1955–1981 (in Russian)].

Данилова Л.В., Данилов В.П. Проблемы теории и истории общины. *Община в Африке: проблемы типологии*. Ред. С.А. Токарев. М.: Наука, 1978. С. 9–60 [Danilova L.V., Danilov V.P. Community Theory and History Problems. *Community in Africa: Typology Issues*. Ed. S.A. Tokarev. Moscow: Nauka, 1978. Pp. 9–60 (in Russian)].

Перепелкин Ю.Я. *Хозяйство староегипетских вельмож*. М.: Наука, 1988 [Perepelkin Yu. Ya. *The Economy of the Old Egyptian Nobles*. Moscow: Nauka, 1988 (in Russian)].

Постовская Н.М. *Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917–1959 гг.)*. М.: Издательство АН СССР, 1961 [Postovskaia N.M. *Studying the Ancient History of the Middle East in the Soviet Union (1917–1959)*. Moscow: Izdatelstvo AN SSSR, 1961 (in Russian)].

Савельева Т.Н. *Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства*. М.: Наука, 1992 [Savel'eva T.N. *Temple Economy of Egypt during the Old Kingdom*. Moscow: Nauka, 1992 (in Russian)].

Струве В.В. Советская наука о древнем Востоке в период 1917–1932 гг. *Известия Государственной Академии истории материальной культуры*. 1932. № 9–10. С. 27–29 [Struve V.V. Soviet Science on the Ancient East in the period 1917–1932. *Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture*. 1932. No. 9–10. Pp. 27–29 (in Russian)].

Струве В.В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока. *Известия Государственной Академии истории материальной культуры*. 1934. № 77. С. 32–111, 157–181 [Struve V.V. The Problem of the Origin, Development and Decomposition of Slaveholding Societies of the Ancient East. *Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture*. 1934. No. 77. Pp. 32–111, 157–181 (in Russian)].

Францов Г.П. *Научный атеизм. Избранные труды*. М.: Наука, 1972 [Frantsov G.P. *Scientific Atheism. Selected Works*. Moscow: Nauka, 1972 (in Russian)].

Шэхаб Эль-Дин Т. *Автобиография в Древнем Египте в эпоху IV–VIII династий*. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993 [Shahab El-Din T. *Autobiography in Ancient Egypt in the Era of the 4th–8th Dynasties*. PhD Thesis. St. Petersburg, 1993 (in Russian)].

Bunbury J. *The Nile and Ancient Egypt. Changing Land – and Waterscapes, from the Neolithic to the Roman Era*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Wilkinson T. *Royal Annals of Ancient Egypt. The Palermo Stone and its Associated Fragments*. London–New York: Kegan Paul International, 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОРЕХОВ Роман Александрович –
кандидат исторических наук, научный
сотрудник Центра египтологических
исследований РАН, Москва, Россия.

Roman A. OREKHOV, PhD (History),
Research Fellow, Center for Egyptological
Studies RAS, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014889-4

НОВАЯ НАДПИСЬ С ГРОБНИЦЫ ДАРИЯ I В НАКШ-И РУСТАМЕ И ЦЕРЕМОНИЯ ПРОСКИНЕСИСА В АХЕМЕНИДСКОЙ ИМПЕРИИ¹

© 2021

Э.В. РУНГ^a, В.П. ОРЛОВ^b^{a, b} – Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия^a – ORCID: 0000-0002-4200-4486; eduard_rung@mail.ru;^b – ORCID: 0000-0002-4716-0859; vasily_orlov_historian@mail.ru

Резюме: Статья посвящена рассмотрению опубликованной в 2019 г. ахеменидской трехязычной надписи с гробницы царя Дария I (522–486 гг. до н.э.) в Накш-и Рустаме (DNf). Эта надпись является третьей по счету, подписывающей рельефы персидских вельмож, изображенных на фасаде гробницы, которые были ближайшими сподвижниками Дария и способствовали его приходу к власти. Первые два – изображения и надписи Гобрия и Аспафина (DNc–d), и вот теперь, по всей вероятности, – Утана. Древнеперсидская версия новой надписи содержит неизвестный прежде глагол, который описывал действие вельможи, изображенном с рукой у своего рта, на рельефе ниже надписи. обстоятельное рассмотрение спорных моментов интерпретации надписи позволяет сделать вывод, что текст указывает на то, что представленный на рельефе перс обращался к царю Дарию с жестом благословения или приветствия, в древнеперсидской версии выраженной глаголом *āfārṇāti-/āfīnāti-*, а в аккадской – *ikarrab* (форма 3 л. ед. ч. наст.вр. от глагола *karābu*).

Соотнесение этих текстуальных и визуальных свидетельств царской гробницы в Накш-и Рустаме с античной традицией о проскинесисе в Ахеменидской империи позволяет заключить, что новые данные представляют уникальную информацию о восприятии персами церемонии проскинесиса царю. На гробницах последующих персидских царей в Накш-и Рустаме (Ксеркса, Артаксеркса I, Дария II) и в Персеполе (Артаксеркса II и Артаксеркса III), выполненных в стиле гробницы Дария I, стало традиционным помещать на фасаде рельефные изображения вооруженных копьями или секирой персов слева от трона (там, где на гробнице Дария были Гаубарува и Аспачана), и персов, приветствующих царя поднесением рук ко рту – справа (там, где изображался Утана). Жест поднесения руки ко рту встречается как на знаменитых сценах царской аудиенции из Ападаны Персеполя, так и на других изображениях ахеменидского периода. В таком случае, конечно, лучшие всего данный жест может характеризовать глагол со значением «благоволить», «благословить».

Ключевые слова: Персия, Ахемениды, Дарий I, эпиграфика, Накш-и Рустам, проскинесис.

Для цитирования: Рунг Э.В., Орлов В.П. Новая надпись с гробницы Дария I в Накш-и Рустаме и церемония проскинесиса в Ахеменидской империи. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 249–263. DOI: 10.31857/S086919080014889-4

¹ Исследование в части, подготовленной Эдуардом Валерьевичем Рунгом, выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-18-00374, реализуемый на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

A NEW INSCRIPTION FROM THE TOMB OF DARIUS I IN NAQSH-I RUSTAM AND THE CEREMONY OF *PROSKYNESIS* IN THE ACHAEMENID EMPIRE

© 2021

Eduard V. RUNG ^a, Vasilii P. ORLOV ^b^{a, b} – Kazan Federal University, Kazan, Russia^a – ORCID: 0000-0002-4200-4486; eduard_rung@mail.ru;^b – ORCID: 0000-0002-4716-0859; vasilii_orlov_historian@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the investigation of the Achaemenid trilingual inscription, having been published in 2019, from the tomb of the King Darius I (522–486 BC) in Naqsh-i Rostam (DNf). This inscription is the third one relating to the reliefs of the Persian nobles depicted on the façade of the tomb, who were Darius's loyal supporters. The first two are images and inscriptions of Gobryas and Aspathines (DNc–d), and now the third is of Otanes. The Old Persian version of the new inscription includes a previously unknown verb that describes the action of a nobleman, depicted with a hand at his mouth, in the relief below the inscription. A thorough examination of the controversial aspects of the interpretation of the inscription allows us to conclude that the text refers to the action of a person represented on the relief who addressed King Darius with a gesture of blessing or greeting. The correlation of this textual and visual evidences from the royal tomb in Naqsh-i Rostam with the classical tradition reporting on proskynesis in the Achaemenid Empire allows us to come to conclusion that the new data provide us with the unique information about the ceremony of proskynesis to the King as it was seen by the Persians. The gesture of raising the hand to the mouth is found both in the famous scenes of the royal audience from the apadana of Persepolis, and in other images of the Achaemenid period.

Keywords: Persia, the Achaemenids, Darius I, epigraphy, Naqsh-i Rostam, *proskynesis*.

For citation: Rung E.V., Orlov V.P. A New Inscription from the Tomb of Darius I in Naqsh-i Rostam and the Ceremony of *Proskynesis* in the Achaemenid Empire. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 249–263. DOI: 10.31857/S086919080014889-4

Acknowledgments: The research in the part prepared by Eduard V. Rung was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00374, implemented on the basis of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University.

НОВАЯ НАДПИСЬ ДАРИЯ I ИЗ НАКШ-И РУСТАМА

В 2001 г. во время реставрационных работ на наскальной гробнице персидского царя Дария I в Накш-и Рустаме (рис. 1)² рабочие произвели очищение от природных наслоений рельеф в виде мужской фигуры, изображенной с поднятой левой рукой ко рту, в верхнем правом углу фасада гробницы (рис. 2). В результате явственно проступила надпись, состоящая из четырех строк. Что касается самого рельефа, то он был одной из шести симметрично расположенных мужских фигур, по три с каждой стороны от царского трона, изображенных на фасаде гробницы, которые олицетворяли ближайших сподвижников Дария I, участвовавших в заговоре против Гауматы в 522 г. до н.э.

² Рисунки к статье находятся на цветной вклейке.

Однако вплоть до 2018 г. надпись оставалась неизвестной в научных кругах и была «вновь открыта» только 23 октября того же года, когда иранский лингвист М. Доруди в сопровождении фотографа М.А. Мосалланежада посетил некрополь в Накш-и Рустаме и при помощи окуляра фотоаппарата заметил надпись и сделал несколько качественных ее фотографий. Впоследствии Доруди послал фотоснимки своему коллеге С. Дельшаду, в то время завершавшему свою диссертацию, посвященную ахеменидской эпиграфике, в Свободном университете Берлина, который подтвердил факт обнаружения новой надписи. 27 января 2019 г. С. Дельшад и М. Доруди, поднявшись на гробницу, исследовали надпись с более близкого расстояния, а в марте опубликовали совместную статью, посвященную вновь открытой надписи, получившей обозначение DNf [Delshad, Doroodi, 2019]. Среди текстов Накш-и Рустама с гробницы Дария I она является шестой по счету: первые два (DNa–b) – пространные тексты, высеченные на фасаде гробницы в ее правом верхнем углу и по центру; два других (DNc–d) – надписи, выполненные над рельефами мужских фигур слева от трона и идентифицирующие двух сподвижников Дария: Гаубарува – Гобрия (рис. 3) и Аспачану – Аспафина (рис. 4); также и другие надписи (DNe) сопровождают рельефные изображения тридцати представителей народов Ахеменидской империи, символически поддерживающих царский трон³. Вновь открытая надпись, таким образом, по своему исполнению является схожей с DNc–d, и, подобно им, также выполнена на трех языках – древнеперсидском, эламском и аккадском. Древнеперсидская версия надписи состоит из двух строк, эламская и вавилонская – из одной строки каждая (рис. 5); начало надписи не сохранилось, однако, восстанавливается по аналогии с двумя другими подобными текстами (DNc–d).

ДРЕВНЕПЕРСИДСКАЯ ВЕРСИЯ НАДПИСИ

Прежде всего, обратимся к тексту на древнеперсидском и приведем транслитерацию сткк. 1–2 надписи:

- 1 [------]-š-u-v-r-i-š : d-a-r-y-v-h-u-
- 2 [------]-h-y-a : a-f-r-[?]-a-t-i-y

В этой связи напрашивается аналогия с надписью в отношении Гаубарувы (DNc), рельеф под которой изображает человека с копьем; <a>-r-<š>-t-i-b-r в тексте принято в историографии переводить как «копьеносец» – *arštibara*⁴. Таким образом, Гаубарува характеризуется как копьеносец царя Дария:

- 1 g-u-b-r^u-u-v : p-a-t-i-š-u-v-r-i-š : d-a-r-
- 2 y-v-h-u-š : x-š-a-y-θ-i-y-h-y-a : <a>-r-<š>-t-i-b-r

Исходя из этой аналогии, надпись должна была начинаться с имени, а частично сохранившееся слово -š-u-v-r-i-š, несомненно, должно восстанавливаться как p-a-t-i-š-u-v-r-i-š. Последнее, определенно, является указанием на этническую принадлежность носителя имени. В историографии соотносят этникон *Pātišuvariš* с названием одного из племен в южном Иране⁵, о котором сообщает Страбон (XV. 3. 1), именую его *патисхориями* (Πατισχορείς).

³ Транслитерацию и перевод надписей Дария I из Накш-и Рустама см.: [Tolman, 1908, p. 3–47; Weissbach, 1911, p. 86–99; Kent, 1950, p. 137–141; Vallat, 1997, p. 149–159; Lecoq, 1997, p. 219–226; Schmitt, 2000, p. 25–49; 2009, S. 100–114; Меликов, 2013, с. 116–128].

⁴ “Spear-bearer” [Tolman, 1908, p. 47; Kent, 1950, p. 140; Schmitt, 2000, p. 45]; “Lanzenträger” [Weissbach, 1911, p. 97; Schmitt, 2009, p. 112]; “le porteur de lance” [Vallat, 1997, p. 159; Lecoq, 1997, p. 224]. В вавилонской версии текста надписи – na-šū-ú ‘as-ma-ru-ú, в эламской – ^{GIS}ši-ru-um ku-ik-[i-r]a. Перевод в обоих случаях – «копьеносец».

⁵ См., напр.: [Henkelman, 2011, p. 12; Bahadori, 2017].

Принимая во внимание, что следующие два слова представляют собой упоминание имени Дария и его царского титула, мы, таким образом, восстанавливаем большую часть самой древнеперсидской надписи, кроме, разумеется, только имени изображенного на рельефе человека: [----p-a-t-i]-š-u-v-r-i-š : d-a-r-y-v-h-u-[š : x-š-a-y-θ-i-y-]-h-y-a : a-f-r-[?]-a-t-i-y. Что касается собственно имени, то оно должно было состоять не более чем из четырех знаков в дополнении к знаку словораздела. Р. Шмитт [Schmitt, 2019, p. 45] обоснованно предположил, что в лакуне упоминается имя Утаны – Отана, одного из «шести персов», сподвижников Дария и единственного из них, имя которого насчитывает всего четыре знака – U-t-a-n (DB. IV. 83) (имена оставшихся трех пока не засвидетельствованных на гробнице Дария I, длиннее). С учетом этого древнеперсидская часть надписи могла выглядеть следующим образом:

1 [U-t-a-n : p-a-t-i]-š-u-v-r-i-š : d-a-r-y-v-h-u-

2 [š : x-š-a-y-θ-i-y-]-h-y-a : a-f-r-[?]-a-t-i-y

Между тем, рельеф под вновь открытой надписью изображает персидского вельможу (Утану?) с левой рукой, поднятой ко рту, а сама надпись включает в себя глагол 3л. ед.ч. наст.вр., четвертый слоговый знак которого с начала слова недостаточно идентифицирован. Более-менее определенно по фотографии можно рассмотреть символ <, который может быть частью слогового знака.

С. Дельшад и М. Доруди [Delshad, Doroodi, 2019, p. 6, not. 7–8] отмечали, что еще при аутопсии надписи они усматривали знак < (ya). Однако, в дальнейшем в своей статье они допускали возможность употребления и других знаков – < (θa) или даже < (na). В своей недавней публикации на персидском языке они более склонялись к последнему варианту – присутствию знака < (na), однако они делают этот свой вывод уже на основе интерпретации всего текста [Delshad, Doroodi, 2020, p. 7, 9]. Дело в том, что независимо от того, какой из этих знаков действительно присутствовал в тексте, становится понятным, что в нем употреблено слово, прежде не отмеченное во всем корпусе ахеменидских царских надписей. Поэтому, реконструкция самого глагола, даже с учетом возможных параллелей, встречающихся в текстах на авестийском и среднеперсидском, до известных пределов будет гипотетичной.

Рассмотрим основные варианты реконструкции испорченного знака надписи, предложенные первоиздателями. Так, если в тексте присутствует знак < (ya), то в таком случае сам глагол должен транслитерироваться как a-f-r-[y]-a-t-i-y. Такой глагол мог быть производным от древнеиранских глаголов движения с корнем уā- «идти» [Bartholomae, 1904, Col. 1282]; в авестийском засвидетельствован глагол *frayāi* со значениями «идти», «следовать» [Bartholomae, 1904, Col. 989], а префикс *a-* указывают на направление движения. В древнеперсидском, однако, такой глагол не отмечен, хотя встречается глагол с корнем *au-* в аналогичном значении: *āyatā* – «они пошли» (DZc. 11). В подобном значении употребляются глаголы и с корнем *šiyav-*, например, *ašiyavam* – «я отправился», «я пошел» (DB. I. 84, 91; II. 65; V. 21); *ašiyava* – «он отправился», «он пошел» (DB. I. 33, 41, 76, 80 II. 3, 17, 22, 32, 72, 85, 95; III. 4, 16, 28, 32–33, 42, 72, 82, 87). Именно в пользу глагола **āfrayāti*-склоняется Р. Шмитт [Schmitt, 2019, p. 47–48] при интерпретации древнеперсидской версии текста надписи. Альтернативный вариант допускает возможность восстановления знака < (θa) – a-f-r-[θ]-a-t-i-y, что может свидетельствовать о глаголе, производном от корня *θa-*, «говорить». В древнеперсидском корпусе 145 раз встречается глагол *θāti-* – «он говорит». В том случае, если предположить глагол **āfraθāti-* с корнем *θa-*, то следует также допустить употребление одновременно двух префиксов со значением направления действия *a-*, *fra-*, однако такое не засвидетельствовано для древнеперсидских глаголов. И, наконец, третий вариант – восстановление знака < (na), что предполагает присутствие глагола a-f-r-[n]-a-t-i-y

со значением «благоволить», «благословить», «молиться». В древнеперсидском, однако, такой глагол не отмечен; в нем употребляются глаголы с корнем *yad-* в значении «почитать», «молиться»⁶, однако, исключительно по отношению лишь к божеству Ахурамазде: *ayadaiy* – «я почитал» (DB. V. 16, 32; DSf. 18; DSk. 5); *ayadiya* – «они почитали» (DB. V. 16, 32; XPh. 36, 40); *jadiyāmiy* – «я почитаю» (DNa. 54; DPd. 21; XSc. 4); *yadataiy* – «они почитают» (DB. V. 19; XPh. 53). С. Дельшад и М. Доруди [Delshad, Doroodi, 2020, p. 13] видят связь предполагаемого в тексте надписи глагола *a-f-r-[n]-a-t-i-y* с авестийским **āfrīnāti*⁷, производным от древнеиранских глаголов с корнем *fray-* «удовлетворять» [Bartholomae, 1904, Col. 1016–1017]; префикс *a-* также указывает на направление действия. Такой глагол засвидетельствован и в языке пехлеви⁸, причем в контекстах, даже более подходящих к данной надписи. Так, в одной надписи из Персеполя упоминаются благословения (*'plyny krty*) царя Шапура II по отношению к своему отцу и предкам, а также Шапуру I, царю царей, а в другой надписи – Селевк, судья Яведшапура и Кабула, выражал благословение самому царю царей Шапуру II [Frye, 1966, p. 84–88]. Словоформа **āfrīnāti* в тоже время должна была следовать из транслитерации *a-f-r-[i-n]-a-t-i-y*, а не *a-f-r-[n]-a-t-i-y*, но тогда необходимо восстановить в соответствующем испорченном месте текста надписи два клинописных знака – 𐎠𐎡 (*i-na*), а не один 𐎡 (*na*). Недостаток места в лакуне для написания двух знаков говорит против этого варианта [Delshad, Doroodi, 2019, p. 6, not. 7; Schmitt, 2019, p. 46]. Тем не менее, употребление глагола **āfrīnāti* выглядит наиболее предпочтительным, и эта особенность в орфографии (написание *a-f-r-[n]-a-t-i-y*, а не *a-f-r-[i-n]-a-t-i-y*) скорее может объясняться особенностями древнеперсидского по сравнению с авестийским. Необходимо принять также во внимание и аргументы М. Кюммеля [Kümmel, 2019], который предположил в тексте надписи восстановление древнеперсидского глагола *a-f-r-[n]-a-t-i-y* в качестве производного от глаголов с иранскими корнями *āfarn*⁹ / *āfrn* в том же самом значении – «благословлять», «молиться».

Р. Шмитт [Schmitt, 2019, p. 47–48] доказывает возможность употребления в надписи глагола **āfrayāti* не только с учетом лингвистических аргументов, но и исторических. По мнению исследователя, надпись могла описывать сферу деятельности при царском дворе изображенного на рельефе человека с рукой, поднятой ко рту⁹. Р. Шмитт считает его дворцовым служащим, вводящим посетителей в царские покои, известного по сообщениям древнегреческих авторов как εἰσαγγελεύς¹⁰. В таком случае, по мнению исследователя, употребление глагола со значением «входить», т.е. **āfrayāti*, описывающего сферу деятельности указанного лица, представляется оправданным. Однако, исследователь не учитывает, что действие, которое может описывать глагол новой надписи, могло быть связано с жестом поднесения руки ко рту, что встречается как на знаменитых сценах царской аудиенции из ападаны Персеполя (рис. 6–7), так и на других изображениях ахеменидского периода¹¹, и копируется на всех царских гробницах, построенных царями после Дария I (рис. 8).

Кроме того, надписи, относимые к первым двум рельефам, описывают конкретные действия каждого изображенного на них человека, а не его функции при дворе¹².

⁶ В авестийском это глаголы с корнем *yaz-* [Bartholomae, 1904, Col. 1274–1279].

⁷ В «Авесте» этот глагол встречается в форме I л. ед. ч. наст. вр. – *āfrīnāmi* – «я благословляю», «я молюсь» (Yasn. VIII. 8; XI. 15; LH. 1, 8; LXII. 1; LXVIII. 14–15, 19; LXXII. 6).

⁸ MacKenzie, 1971, s. v. *āfrīdan*, *āfrīn-* / *āfur-* [*'plytn*, *'plyn-*, *'pwl-* / *M 'p(w)ryd*, *'pwr-*, *P 'fryn-*, *N āfarīdan*, *āfarīn-*] praise, bless; create; *āfrīn* [*'pryn* / *M 'pryn*, *N āfarīn*] praise, blessing; Gignoux 1972, s. v. *'plyny*: 'bénédiction'.

⁹ По мнению Р. Шмитта [Schmitt, 2019, p. 48], рельефы на фасаде гробницы Дария I в Накш-и Рустаме представляют сцену аудиенции царя, и один из изображенных вельмож должен вводить посетителей к царю.

¹⁰ Р. Шмитт [Schmitt, 2019, p. 48] отождествляет его с *хазарпанатишем* – *хилиархом*.

¹¹ Например, на буллах из Даскилии [Kaptan, 2002, p. 28–40].

¹² Как полагают С. Дельшад и М. Доруди [Delshad, Doroodi, 2019, p. 6], надпись DNf содержит глагол, описывающий, что фигура делает.

Это показывает надпись в отношении Гаубарувы, изображенного с копьем в руке, в которой тот называется «копьеносцем царя Дария», но еще более определенно это демонстрирует надпись об Аспачане (DNd), изображенного с секирой, которая, как и рассматриваемая надпись, содержит глагол:

1 a-s-p-c-n : v-ç-b-r : d-a-r-y-v-h-u-š : x-š-

2 a-y-θ-i-y-h-y-a : i-s-u-v-a-m : d-a-r-y-t-i-[y]

И хотя слово *v-ç-b-r* (*vaçabara*) интерпретируется исследователями различно¹³, несомненно, оно представляет собой придворный титул¹⁴, тогда как конкретные действия Аспачаны описывается выражением *isuvam dārayati-*, т.е. «секиру держит»¹⁵. Таким образом, и Гаубарува и Аспачана предстают в качестве носителей оружия царя Дария, и надпись над рельефом соответствует изображению на рельефе. В таком случае лучше всего жест поднесения руки ко рту в случае с рельефным изображением Утаны может характеризовать глагол со значением «благоволить», «благословить», т.е. **āfərnāti- / āfərnāti-*.

ЭЛАМСКАЯ И ВАВИЛОНСКАЯ ВЕРСИИ НАДПИСИ

Практически не поддается интерпретации эламская версия рассматриваемой надписи. После упоминания имени и этникона изображенного на рельефе человека¹⁶, надпись содержит: ^{DIS}da-ri-ia-ma-u-iš ^{DIS}EŠŠANA-ir-me-na-ma-ak. Можно предположить по крайней мере два возможных варианта транслитерации глагола, где *ma-* является суффиксом, *-k* – окончанием 3 л. ед. ч. Им срр. [Grillot-Susini, 1987, p. 34; Khačikjan, 1998, p. 35; Tavernier, 2011, p. 330]: *na-ma-ak*¹⁷ и *me-na-ma-ak*¹⁸. Теоретически можно усмотреть присутствие в данной надписи глагола с корнем *na-*, «говорить» [Hinz, Koch, 1987, p. 975], однако, следует заметить, что в ахеменидских текстах на эламском языке обычно даются совершенно иные

¹³ Слово *vaçabara* исследователи предпочитают переводить как «носитель одеяний», “clothes-bearer” [Schmitt, 2000, p. 46]; “garment-bearer” [Tavernier, 2014, p. 310; Waters, 2017, p. 43]. Более старые переводы – «лучник», “bow-bearer” [Tolman, 1908, p. 47] – этот перевод принимают Д.М. Льюис и П. Бриан [Lewis, 1977, p. 16; Briant, 2002, p. 214], а также «носитель боевого топора», “Streitkolbenträger” [Weissbach, 1911, p. 97].

¹⁴ Иногда исследователей видят в Аспачане «камергера» и именно так предпочитают переводить слово *vaçabara*: “chambellan” [Lecoq, 1997, p. 225], “Kammerherr” [Schmitt, 2009, p. 112].

¹⁵ Чаще всего дается следующий перевод: «Колчан держит» [Tolman, 1908, p. 47; Weissbach, 1911, p. 97; Vallat, 1997, p. 159; Lecoq, 1997, p. 225; Schmitt, 2000, p. 46; 2009, p. 112; 2014, p. 195]. Однако Р. Кент переводит: «Держит боевой топор царя Дария» [Kent, 1950, p. 140; cf. Briant, 2002, p. 214], что, разумеется, предпочтительнее, так как с колчаном изображен на рельефе и Гобрий; причем, Аспафин держит именно секиру, а колчан у него висит за спиной. Вавилонская версия этой надписи ввиду наличия лакуны в соответствующем месте не позволяет уточнить смысл текста, однако, эламская версия содержит следующее: *ar-te-e mar-ri-iš*. Слово *ar-te-e* переводят либо как колчан (“Köcher”: [Hinz, Koch, 1987, p. 80]), либо же как «боевой топор» (“battle-axe”: [Hallock, 1969, p. 670]), и, таким образом, перевод как в древнеперсидской, так и в эламской версиях текста не дословный, но смысловой.

¹⁶ [^{DIS}hu-ut-tá-na(?) bà-ut-ti-is-mar-ri]-iš, Варианты написания имени Утаны в надписях на эламском [Delshad, Doroodi, 2020, p. 14].

¹⁷ В этом случае *ir-me* может являться предлогом / глагольным префиксом. В ахеменидских надписях на эламском языке встречается *ir-ma* в позиции после определяемого существительного в значении «против» (DB. II. 24, 29, 33, 41, 45; III. 10, 14). С учетом контекста надписи возможен перевод «в направлении царя Дария», который соотносится с употреблением префикса *a-* в древнеперсидском глаголе надписи и предлога *ana* в аккадском [Delshad, Doroodi, 2019, p. 8].

¹⁸ В случае, если предположить употребление формы *me-na-ma-ak*, то, как предположили С. Дельшад и М. Доруди [Delshad, Doroodi, 2019, p. 8], *ir* является резумптивным местоимением, а **mena-* – глаголом. По мнению этих исследователей, хотя глагол **mena-* не засвидетельствован в ахеменидском эламском, однако, известны эламские теофорные имена, которые оканчиваются на *-mena* со значением «великолепие, мощь» [Hinz, Koch, 1987, S. 914; Zadok, 1984, S. 28]. Такая интерпретация не помогает прояснению смысла надписи.

формы этого глагола в III спряжении; в 3 л. ед. ч. наст. вр. этот глагол там всегда встречается в форме *na-an-gi* – «он говорит»¹⁹.

Обращение к вавилонскому варианту надписи, также при отсутствии ее однозначной интерпретации, тем не менее, поддерживает заключение о связи жеста поднесения руки ко рту и самого текста. После упоминания личного имени и этникона²⁰ его носителя, следует: *‘a’-‘na’ mda-a-ri-ja-‘muš’ LUGAL i-GA-ir-ra-bi*. В данном случае написание глагола *i-GA-ir-ra-bi* имеет ряд особенностей. Во-первых, оно не соответствует распространенной практике аккадской орфографии (следовало бы ожидать появления в тексте надписи *i-ga-ag-ra-ab*), однако особенности орфографии можно объяснить консонантизацией слогового знака *ir*, произносимого как [p], и *bi*, произносимого как [b], что, вероятно, объясняется влиянием арамейского алфавита и в целом соответствовало нормам позднеавилонской клинописи [Streck, 2012, p. 384]. Во-вторых, слоговый знак *GA* имеет первое значение *ga*, второе – *qá*, но в аккадской клинописи с территории Элама этот знак дает нам *kà* [Labat, Malbran-Labat, 1994, p. 245].

Возможно допустить несколько вариантов прочтения и перевода глагола *i-GA-ir-ra-bi* [Delshad, Doroodi, 2019, p. 9]. Во-первых, если знак *GA* читать как *ga*, то можно предположить в тексте надписи глагол **igarrab*, форма 3 л. ед. ч. наст. вр., однако, корень *g-g-b* вообще не засвидетельствован в корпусе аккадских текстов; если *GA* читать как *qá*, то получается глагол *iqarrab*, 3 л. ед. ч. наст. вр. от глагола *qerēbu* / *qarābu*, «подходить», «приближаться» (т.е. в том же значении, что и предполагаемый древнеперсидский глагол **āfrayāti*- в случае его употребления в тексте надписи)²¹. Однако если *GA* читается как *kà*, то мы получаем глагол *ikarrab*, грамматически верную форму 3 л. ед. ч. наст. вр. от глагола *karābu* «благословлять», «приветствовать» и, таким образом, имеем перевод на аккадский древнеперсидского глагола со схожим значением, т.е. **āfarnāti*- / *āfīnāti*²². Обращение к случаям употребления глагола *karābu* в ассиро-вавилонской традиции обнаруживает следующие закономерности. Во-первых, данный глагол используется, как правило, в связи с пожеланием подданными благословения богов по отношению к царю, во-вторых, в связи с благословением от лица царя самих подданных, и, в-третьих, если подданные непосредственно посылали благословения самому царю. Так, в знаменитом «Цилиндре Кира» (стк. 36) говорится, что народ Вавилона благословил царство Кира (UN.MEŠ TIN. TIR.KI *‘ik-tar-ra-bu’* LUGAL-*ú-tu*). В случае если подданные посылали благословение царю непосредственно в его присутствии, то они поднимали свои руки в качестве жеста, выражающего эти благословения, как это показывают ассирийские рельефы и строки из письма придворного Адад-шуму-уцура²³ ассирийскому царю: «И я благословляющий царя моего господина. Перед царем моим господином я стою и от всего сердца свои руки

¹⁹ [Payer, 1955, p. 65–66; Hallock, 1969, p. 736]. С. Дельшад и М. Доруди исключают из рассмотрения возможность появления глагола с корнем *na-* на том основании, что это глагол в ахеменидских надписях чаще всего встречается в форме III спряжения, однако тот же глагол может иметь форму I спряжения как *na-āš* [Hinz, Koch, 1987, p. 975], так что нельзя исключить возможность его существования в форме глагола II спряжения как *na-ak* (о том, что большинство глаголов в эламском образуют более одного спряжения см.: [Stolper, 2004, p. 78]). Точное же значение глагола, который присутствует в надписи, к сожалению, остается неизвестным, поскольку перевод зависит от остальных морфологических элементов слова.

²⁰ [*‘mí-mi-i-ta-na(?)^{LI}pa-id-di-iš-ḥu’-ri-iš* [Delshad, Doroodi, 2020, p. 17].

²¹ CAD, XIII, p. 228 (s. v. *qerēbu*): “1) to be near, close, adjacent... 2) to come near, to come close, to approach, to come to, to arrive at; 3) to approach with the request... 11) to speak to, to address to someone”.

²² CAD, VIII, p. 192–193 (s. v. *karābu*): “1) to pronounce formulas of blessing; 2) to pronounce formulas of praise, adoration, homage and greeting; 3) to invoke blessing upon other persons before the images of the gods, to pray to the gods; 4) to make the gesture of adoration or greeting”.

²³ Адад-шуму-уцур был ученым при дворе Асархаддона и Ашшурбанипала. Сохранилось около 50 писем, адресованных этим царям [Šašková, 2010, p. 122].

простираю. Когда мои руки устанут, я прибегну к силе моих локтей» (*ù a-na-ku ka-ri-ib LUGAL be-lí-ia i-na pa-an LUGAL be-lí-ia la-zi-iz-ma ina gu-mur-ti ŠÀ-bi-ia ina a-ḫi-ia la-ap-lāḫ ki-ma a-ḫi-ia e-ta-an-ḫa ina ki-šir am-ma-ti-ia e-mu-qí-ia lu-gam-mir*) [Parpola 2007, р. 97, no. 124]. Другой придворный, Набу-шуму-лишир, в своем письме царю клянется в своей преданности, и, в частности, пишет: «Каждый день, от открытия дверного засова до закрытия ворот с поднятыми руками перед Господином и Госпожой я благословляю царя, моего господина (*a-na LUGAL be-lí-a [a]-¹kar¹-rab*)» [Dietrich, 2003, р. 34]. Среди трофеев Саргона II упоминается статуэтка Аргишти, царя Урарту (*ša-lam*), поднимающего правую руку в виде жеста благословления (*ka-ri-bat*) [Luckenbill, 1927, р. 98]. Приведенные примеры непосредственно показывают связь употребления глагола *karābu* с поднятием рук во время совершения церемонии приветствия царя. Наконец, в месопотамском ритуале *Šuilla* (от шумерского *ŠU.ÍL.LÁ*, букв. «поднятие рук»), направленном на визуальное восприятие молитвы²⁴, также прослеживается взаимосвязь между поднятием рук (*nīš qāti*) и выражением благословения божеству (*karābu*)²⁵. К. Фречет [Fréchette, 2005, р. 87–88] отмечает, что в ряде случаев глагол *karābu*, семантическое поле которого было довольно широким (моление, приветствие, превознесение, благословение), обозначал жест поднятия (правой) руки подчиненного при встрече с лицом более высокого статуса, напоминая военное приветствие. В то же время жест изъяснения покорности следует усматривать на рельефе победной стелы Асархаддона из Зенджирли в северной Сирии, на которой изображены стоящими перед царем с поднятыми ко рту руками два местных правителя.

В результате данные свидетельства могут подтверждать, что на рельефе в Накш-и Рустаме жест поднятия руки ко рту соотносится со строками аккадской версии надписи, в которой сообщается, что персидский вельможа, очевидно Утана, благоволил или посылает приветствие в отношении царя Дария.

НАДПИСЬ, РЕЛЬЕФ И СЦЕНА ПРОСКИНЕСИСА

На гробницах последующих персидских царей в Накш-и Рустаме (Ксеркса, Артаксеркса I, Дария II) и в Персеполе (Артаксеркса II и Артаксеркса III), выполненных в стиле гробницы Дария I, стало традиционным помещать на фасаде рельефные изображения вооруженных копьями или секирой персов слева от трона (там, где на гробнице Дария были Гаубарува и Аспачана), и персов, приветствующих царя поднятием руки ко рту – справа (там, где изображался Утана). До обнаружения данной надписи исследователи по-разному интерпретировали жесты поднятия руки ко рту на этих рельефах. Э. Шмидт [Schmidt, 1970, р. 87a] предполагал, что персы, изображенные справа на фасаде гробниц, были «плакальщиками» (Mourners). М. Рут [Root, 1979, р. 179] рассматривала эти сцены как выражение уважения царю (“the act of respect”). С. Дельшад и М. Доруди [Delshad, Doroodi, 2019, р. 5, 6, 15], основываясь на лингвистическом анализе текста надписи (особенно его вавилонской версии), полагают, что фигура ниспосылает благословение царю (“the figure invokes blessing upon the King”). Однако данные авторы никак не исследуют ни надпись, ни рельеф в контексте исполнения церемонии *проскинесиса* в Ахеменидской империи²⁶. Они не обращают внимание и на то обстоятельство, что сцены благословения царя помещены на гробницах, и поэтому в них должен был вкладываться иной смысл, отличный от того, который предполагался в случае изображения придворных сцен аудиенции царя на рельефах в ападане Персеполя.

²⁴ Об этом ритуале см.: [Lenzi, 2015, р. 25]. О других аккадских словах и выражениях, обозначающих моление см.: [Oshima, 2011, р. 10–11].

²⁵ [Fréchette, 2012, р. 37].

²⁶ О персидской практике *проскинесиса* см. подробнее: [Rung, 2016; 2020].

Современные исследователи рассматривают *проскинесис* прежде всего в качестве действия, совершаемого по отношению либо к богам, либо к людям – в придворном церемониале правителей Востока. Они сводят *проскинесис* или к определенному виду жеста (чаще всего это поднесение своей руки ко рту, символически выражающее направление поцелуя с расстояния по отношению к царю²⁷, или земной поклон²⁸), или же полагают, что *проскинесис* обозначал целый ряд жестов, не сводящихся к какому-либо конкретному²⁹. Рассмотрение употребления в древнегреческой литературной традиции глагола *προσκύειν* и, в частности, производного от него существительного *προσκύνησις*, демонстрирует, во-первых, что греки не относили их к характеристике какого-либо конкретного жеста, а, во-вторых, употребляли их для выражения определенных чувств самого широкого диапазона по отношению как к богам, так и к людям (молитва, благословение, уважение, приветствие, подчинение)³⁰.

Наиболее часто выражение *проскинесиса* греки, конечно, видели в коленопреклонении и земных поклонах, однако среди жестов *проскинесиса* поднесение руки ко рту очевидно было в числе наиболее значимых. Вновь открытая надпись, таким образом, явственно демонстрирует, что древнегреческий глагол *προσκύειν* семантически мог употребляться в схожем значении, что и древнеперсидский глагол с корнями *āfarn*/*āfjn*, и аккадский глагол *karābu*.

Изображения же на царских гробницах представляют собой еще одно важнейшее свидетельство персидского ритуала совершения *проскинесиса* по отношению к царю и могут быть сопоставлены со сценами царской аудиенции на рельефах из ападаны Персеполя, теперь известными также на буллах из Даскилия [Kaptan, 2002, p. 28–40]. Однако между представленными жестами *проскинесиса* на изображениях со сцен аудиенции и на рельефах гробниц, существуют некоторые различия, требующие объяснения. Так, на сохранившихся двух рельефах ападаны (один из которых – центральный рельеф северной лестницы ападаны – находится в Национальной музее Ирана в Тегеране, а другой – с восточной лестницы – демонстрируется на террасе Персеполя) *проскинесис* по отношению к царю Дарию I совершает некий вельможа в мидийском одеянии (или царский военачальник, получивший аудиенцию царя, или высший сановник – *хилиарх*³¹, или дворцовый служащий, вводящий посетителей к царю) посредством небольшого наклона тела и поднятия правой руки ко рту, напоминающего жест направления поцелуя на расстояние³².

Однако на фасадах гробниц поднесение руки ко рту не сопровождается поклоном, и действие совершается не правой рукой (как на сценах аудиенции), а левой. Последнее требует объяснения, поскольку совершение ритуальных действий именно правой рукой не выглядит случайным, а наполнено глубоким символизмом, связанным с совершением религиозных церемоний.

Поднесение правой руки ко рту видно уже на знаменитой стеле царя Хаммурапи, который стоит перед богом Шамашем в молитвенной позе. М. Гаррисон [Garrison, 2017, p. 410] обратил внимание на то, что на оттисках печатей из Персеполя изображается ритуальная процессия, участники которой поднимают правую руку ко рту; таким образом, вопреки мнению некоторых исследователей [Frye, 1962, p. 96; Llewellyn-Jones, 2013, p. 72], действие *проскинесиса* при Ахеменидах еще не утратило своего первоначального религиозного контекста и не превратилось в формальную церемонию приветствия царя.

²⁷ [Scott, 1921/1922; Taylor, 1927, p. 53; Frye, 1972, p. 106; Wiesehöfer, 2003, S. 448; Matarese, 2014, p. 122].

²⁸ [Tarn, 1948, p. 359; Cotesta, 2012].

²⁹ [Bowden, 2013, p. 59; Abe, 2018, p. 4].

³⁰ См. подробнее: [Rung, 2020, p. 410].

³¹ По мнению Д. Стронаха, высший чиновник, изображенный на рельефе, мог быть командиром царской гвардии [Stronah, 2002, p. 379].

³² В историографии принято говорить о жесте поцелуя, посылаемого рукой (“hand-kissing gesture”: [Matarese, 2014, p. 122]; “Kußhand”: [Wiesehöfer, 2003, p. 448]).

Возможно осуществление *проскинесиса* посредством поднесения левой руки ко рту вельможами на фасаде гробниц таким же образом не выглядит случайным, а объясняется тем, что в данном конкретном случае почитание получал не правящий монарх, но уже умерший, и, таким образом, мог быть связан с посмертным культом царей в Ахеменидской империи³³. Здесь следует сослаться на упоминаемое в античных источниках совершение *проскинесиса* не только самому царю, но и его *сакральному двойнику* (τοῦ βασιλέως δαίμων) [Рунг, 2016, с. 185–187; Rung 2020, р. 426–427], а также обратиться к уже названной надписи Шапура II из Персеполя, в которой тот выражает благословение по отношению к своему отцу и своим предкам [Frye, 1966, р. 85].

Что касается поклона при *проскинесисе*, то рельефы из Персеполя, изображающие делегации персидской и мидийской аристократии, показывают, что поклон не обязательно присутствовал при поднесении руки ко рту. Разнообразие жестов *проскинесиса* и многозначительность самой церемонии вполне объясняют различия в нюансах при ее исполнении [Rung, 2020, р. 409–412].

УТАНА, СЫН ТУХРЫ В НАДПИСИ И НА РЕЛЬЕФЕ

Итак, как следует из наиболее надежного прочтения несохранившегося начала новой надписи с гробницы Дария I из Накш-и Рустама, в ней должно называться имя Утаны – Отана, одного из виднейших сподвижников царя.

В Бехистунской надписи имя Утаны, сына Тухры, упоминается единожды в числе шести знатных персов, роды которых царь призывал своих потомков оберегать (DB. IV. 80–86). И хотя Утана не принимал участия в военных действиях против мятежников в первые годы царствования Дария I³⁴, и по отношению к нему не зафиксировано в Бехистунской надписи использование определений «подчиненный» (*baⁿdaka*) или «военачальник» (*maθišta*)³⁵, он значится вторым после Виндафарны в числе заговорщиков против Гауматы. Такое положение нужно связать с происхождением и статусом самого Утаны.

Геродот упоминает нескольких персов с именем Отана³⁶, но среди них особо выделяет Отана, сына Фарнаспа³⁷. Фарнасп, помимо Отана, имел дочь Кассандану, которая являлась женой Кира Великого (Hdt. III. 2–3). Из сообщения историка следует, что Кассандана умерла раньше Кира, а он в свою очередь впал в скорбь и повелел поданным объявить траур по почившей супруге (Hdt. II. 1). Подтверждение этому находим в Вавилонской хронике Набонида за 17 год, где сказано: «В месяце [арахсамну...] жена царя умерла. От 27-го дня аддару до 3-го дня нисану в Аккаде был траур, (и) все люди обнажили головы»³⁸. Не исключено, что Кассандана из рода Ахеменидов подразумевается в Бехистунской надписи в качестве матери Камбиса II, что дает Дарию право называть Камбиса представителем «нашего рода» (DB. I. 26–35).

Таким образом, из сообщения Геродота следует, что Фарнасп и, соответственно, его дети Кассандана и Отан изначально были Ахеменидами, а Кир Великий породнился с этим родом, что впоследствии дало Дарию I возможность претендовать на престол за счет родства с матерью Камбиса II и Бардии.

³³ О заупокойном культе царей в Ахеменидской империи см.: [Рунг, 2016, с. 185–187].

³⁴ Если следовать Геродоту, то Отан во время вавилонского восстания был отправлен с военной экспедицией на остров Самос (Hdt. III. 140–147).

³⁵ Об этих терминах см. подробнее: [Орлов, 2018; Rung, 2015, р. 337–339].

³⁶ См. подробнее: [Кошеленко, 1971, с. 34; Briant, 2002, р. 134–135].

³⁷ Ещё В. В. Струве [Струве, 1968, с. 233] предположил, что «отец истории» мог назвать вместо отца Отаны его более далекого предка, а К. Херреншмидт [Herrenschmidt, 1987, р. 63f] высказала гипотезу, что Фарнасп – это ни что иное, как прозвище Тухры, однако эта идея подверглась серьезной критике.

³⁸ Переводы см.: [Grayson, 1975, р. 111; Дандамаев, 1985, с. 39].

И. Брем [Brehm, 2009, p. 58–59], проанализировав генеалогические сведения Геродота, приходит к выводу, что легитимация власти через матримониальные связи являлась довольно типичной для персов. Кир Великий связан с родом Астиага через прямое родство с его дочерью Манданой. Камбиз II был сыном Кассанданы из рода Ахеменидов и при этом бездетным, что привело к разрыву преемственности с Киром Великим по патрилинейному принципу. Дарий I связал себя узами брака с дочерьми Кира Великого, заговорщиков, а также с женами Камбиса II и Бардии. Ксеркс I был рожден Атоссой, дочерью Кира Великого и, соответственно, связан по женской линии не только с персами, но и с мидянами. Таким образом, Отан и Дарий I могли являться родственниками, но не находились в кровном родстве по мужской линии с Камбисом II и Киром Великим. В пользу такого восстановления генеалогии Отана свидетельствует его положение в период царствования Дария.

Именно Отан при помощи дочери Феди́мы, вышедшей замуж за Бардию, узнает о самозванце на царском троне, а затем организовывает заговор, к участию в котором привлекает знатных персов из числа своих друзей – Аспафина и Гобрия (Hdt. III. 70). После переворота, как сообщает Геродот, Отан, единственный из заговорщиков, отказывается от притязаний на престол, с условием, что сохранит независимость от власти будущего Великого царя и остальных участников заговора (Hdt. III. 83). Из этого имплицитно следует, что Отан номинально мог иметь даже больше прав занять трон, нежели другие заговорщики. После отказа от притязаний на верховную власть, знатнейшие персы договорились о том, что будущий царь будет выделять Отана предоставлением ему мидийских одежд и других даров (Hdt. III. 84).

Несколько слов нужно сказать о принадлежности Отана к *патисхориям*, ведь ни в одном известном ранее источнике данный этникон не применялся к этому персу. Видится логичным рассмотреть это через обращение к надписи Гаубарувы, где тот именуется аналогичным образом. М.А. Дандамаев [Дандамаев, 1985, с. 78–79] интерпретировал сообщение надписи так: «Гаубарува происходил из знатного рода Патейхорейев». И.В. Пьянков [Пьянков, 2013, с. 343, 345] отмечал, что Гаубарува – единственный, чье имя сопровождается не только этническим определением «перс», но и имеет сословно-племенное уточнение – «патисхорей». По его мнению, патисхоры – это племя земледельцев и, таким образом, сам Гаубарува происходит из сословия земледельцев, на что Дарий I указывает демонстративно. И.М. Дьяконов [Дьяконов, 1956, с. 434] считал, что Гаубарува мог быть вождем племени (или фратрии) патисхориев, которое он отождествляет с мидийским племенем Патишхвар. Таким образом, принадлежность Утаны к *патисхориям* может объяснять важность его социального статуса и ведущую роль в заговоре против Гауматы. Уточнение о том, что Утана был *патисхорием*, делает уязвимым предположение П. Бриана, поддержанное В.Ф.М. Хенкельманом и М.В. Столпером [Henkelman, Stolper, 2009, p. 286], согласно которому именно Гобрий был лидером субклана *патисхориев*, упоминаемого Страбоном (Strabo. XV. 3. 1). Данная гипотеза основывалась на том, что этникон «*патисхорий*» применительно к Гаубаруве упоминается не только в надписи в Накш-и Рустаме (DNc), но и в вавилонской версии Бехистунской надписи (DB. IV. 54), а также в персепольской фортификационной табличке (NN 1581). Схожей точки зрения придерживается А. Бахадори [Bahadori, 2017, p. 186; 2019, p. 320–321], который считает, что возглавляемое Гаубарувой племя *патисхориев* контролировало область, пролегающую между современными городами Башт и Эрдекан. Теперь же позиция относительно ведущей роли Гаубарувы в племени *патисхориев* требует однозначного пересмотра в пользу признания такой роли за Утаной, тоже родом *патисхория*.

Помимо этнической принадлежности Утану и Гаубаруву сближают матримониальные связи с царем Дарием. По данным «отца истории», до вступления на престол Дарий обзавелся тремя сыновьями от дочери Гобрия (Hdt. VII. 2). В свою очередь, Мардоний был сыном

Гобрия и сестры Дария I (Hdt. VII. 5), а, соответственно, этот брачный союз мог санкционировать еще Гистасп, отец Дария I, который выдал свою дочь замуж за Гобрия. Дж. Хайланд [Hyland, 2018, p. 33] считает, что матримониальные связи, которые установили Гистасп, сын Аршамы и Гобрий, сын Мардония, около 520 г. до н.э., были типичным примером брачного союза между аристократическими семьями в ранний период истории Ахеменидской империи. Вскоре сын от дочери Гобрия Артобазан якобы высказал свои притязания на трон, так как считался самым старшим (Hdt. VII. 2), а Ксеркс I аргументировал свое право стать царем тем, что он родился от Атоссы, дочери Кира. Что касается Отана, то его дочь Федима стала также женой и Дария I (Hdt. III. 88). Таким образом, во время царствования Дария I наиболее могущественными его сподвижниками выступали Отан и Гобрий. Оба перса принадлежали к могущественному племени или клану *патисхориев*, а, кроме того, именно об их матримониальных связях с Дарием I лучше всего осведомлен Геродот, хотя, по словам историка, Великий царь мог брать в жены только дочерей из числа заговорщиков (Hdt. III. 84). В силу этого исторический контекст объясняет, почему именно Гаубарува и Утана изображены напротив по обе стороны от трона на Накш-и Рустамском рельефе.

Таким образом, представляется определенным, что новая надпись на гробнице Дария I в Накш-и Рустаме описывает жест поднесения руки ко рту, изображенный на рельефе и интерпретируемый как выражение *проскинесиса*, а соответствующие глаголы на древнеперсидском и аккадском по своему семантическому значению описывают совершение этого церемониального действия. Однако ни надпись, ни изображение не имеют никакого отношения к характеристике дворцовых обязанностей представленного на рельефе вельможи. Поэтому мнение Р. Шмитта [Schmitt, 2019, S. 48], что изображенный на рельефе перс Утана служил в качестве церемониймейстера при дворе Дария I, выглядит спекулятивным. На правой части фасада гробницы изображены с поднятыми ко рту руками все три фигуры, а не только снабженная надписью. Более того, возможность обнаружения надписей, относящихся к нижестоящим фигурам, также нельзя исключать. В частности, те же С. Дельшад и М. Доруди анонсировали такую возможность применительно к средней фигуре на правой стороне фасада гробницы, уже введя обозначение для неоткрытой надписи как DNG [Delshad, Doroodi, 2019, p. 15–17].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

CAD – *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Vol. 1–20. Chicago: The Oriental Institute of Chicago, 1956–2010.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Дандамаев М.А. *Политическая история Ахеменидской державы*. М.: Наука, 1985 [Dandamaev M.A. *A Political History of the Achaemenid Empire*. Moscow: Nauka, 1985 (in Russian)].

Дьяконов И.М. *История Мидии: от древнейших времен до конца IV в. до н. э.* М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956 [Dyakonov I.M. *A History of Media: From Ancient Times to the End of the 4th Century BC*. Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1956 (in Russian)].

Кошеленко Г.А. Драхма Синатрука с надчеканкой Отаны. *Нумизматика и эпиграфика*. 1971. Вып. 9. С. 33–37 [Koshelenko G.A. The Drachma of Sinatrak with a countermark of Otanes. *Numismatics and Epigraphy*. 1971. Issue 9. Pp. 33–37 (in Russian)].

Меликов Р. *Древнеперсидские надписи. Транслитерация, перевод, глоссарий*. Баку: Издательский дом «Şərq-Qərb», 2013 [Melikov R. *Old Persian Inscriptions. Transliteration, Translation, Glossary*. 2013, Baku: “Şərq-Qərb” Publishing House, 2013 (in Russian)].

Орлов В.П. Социальный статус персидской аристократии в Ахеменидской империи (к вопросу о значении термина *bandakā*). *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2018. № 4. С. 66–77 [Orlov V.P. Persian Aristocracy in the Achaemenid Empire (on the Meaning of the Term *bandakā*). *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2018. No. 4. Pp. 66–77 (in Russian)].

Пьянков И.В. *Средняя Азия и Евразийская степь в древности*. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013 [Pyankov I.V. *Central Asia and the Eurasian Steppe in Antiquity*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Linguistic Society, 2013 (in Russian)].

Рунг Э.В. Культ царя в Ахеменидской державе. «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом и постэллинистическом мире. Под ред. С.Ю. Сапрыкина, И.А. Ладынина. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. С. 174–190 [Rung E.V. A Cult of the King in the Achaemenid Empire. “*Gods among Men*”. *The Rulers Cult in Hellenistic and Post-Hellenistic World*. Eds. S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin. Saint Petersburg: RHGA Publishing House, 2016. Pp. 174–190 (in Russian)].

Струве В.В. *Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии*. Л.: Наука, 1968 [Struve V.V. *Sketches on the history of the Northern Black Sea Region, the Caucasus and Central Asia*. Leningrad: Nauka, 1968 (in Russian)].

Abe T. Proskynesis: From a Persian Court Protocol to a Greek Religious Practice. *TEKMERIA*. 2017–2018. Vol. 14. Pp. 1–45.

Bahadori A. Achaemenid Empire, Tribal Confederations of Southwestern Persia and Seven Families. *Iranian Studies*. 2017. Vol. 50 (2). Pp. 173–197.

Bahadori A. On the Structural Aspects of Persian Elites in Achaemenid Persia. *Iran and the Caucasus*. 2019. Vol. 23. Pp. 307–331.

Bartholomae C. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904.

Bowden H. On Kissing and Making Up: Court Protocol and Historiography in Alexander the Great's Experiment with Proskynesis. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 2013. Vol. 56 (2). Pp. 55–77.

Brehm J. Die Herrschaftsfolge des persischen Königshauses in den „Historien“ des Herodot im Spannungsfeld von Kontinuität und Wandel. *Genealogisches Bewusstsein als Legitimation. Inter- und intragenerationelle Auseinandersetzungen sowie die Bedeutung von Verwandtschaft bei Amtswechseln*. Eds. H. Brandt, K. Köhler, U. Siewert. Bamberg: Bamberg University Press, 2009. Pp. 35–59.

Briant P. *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2002.

Cotesta V. *Kings into Gods. How Prostration Shaped Eurasian Civilizations*. Leiden–Boston: Brill, 2012.

Delshad S., Doroodi M. DNF: A New Inscription Emerges from the Shadow. *ARTA 2019.001*. http://www.achemenet.com/pdf/arta/ARTA_2019.001_Delshad_Doroodi.pdf. (accessed: 17.03.2021).

Delshad S., Doroodi M. Katibeh-ī dar Sāyeh: Katibe-ye Nowyafteh-ye Haxāmaneši Mowsum be DNf, *Zabān-hā va Gūyeš-hāye Irāni*. 2020. Vol. 11. Pp. 3–28 [Delshad S., Doroodi M. An Inscription in the Shadow: A New-found Achaemenid Inscription Called DNf. *Iranian Languages and Dialects*. 2020. Vol. 11. Pp. 3–28 (in Persian)].

Dietrich M. *The Neo-Babylonian Correspondence of Sargon and Sennacherib* (State Archives of Assyria, 17). Helsinki: Helsinki University Press, 2003.

Frye R.N. *The Heritage of Persia*. London: William Clowes Publisher, 1962.

Frye R.N. The Persepolis Middle Persian Inscriptions from the Time of Shapur II. *Acta Orientalia*. 1966. Vol. 30. Pp. 83–93.

Frye R.N. Gestures of Difference to Royalty in Ancient Iran. *Iranica antiqua*. 1972. Vol. 9. Pp. 102–107.

Frechette C.G. *The Name of the Ritual: Investigating Ancient Mesopotamian “Hand-lifting” Rituals with Implications for the Interpretation of Genre in the Psalms*. PhD Diss. Cambridge, Massachusetts: Harvard University, 2005.

Frechette C.G. *Mesopotamian Ritual-Prayers of ‘hand-Lifting’ (Akkadian Suillas): An Investigation of Function in Light of the Idiomatic Meaning of the Rubric*. Münster: Ugarit Verlag, 2012.

Gignoux P. *Glossaire des Inscriptions Pehlevies et Parthes (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Supplementary Series. Vol. I)*. London: Lund Humphries, 1972.

Garrison M.B. *The Ritual Landscape at Persepolis. Glyptic Imagery from the Persepolis Fortification and Treasury Archives*. Chicago: University Press, 2017.

Grayson A.K. *Assyrian and Babylonian Chronicles*. N.Y.: Locust Valley Publisher, 1975.

Grillot-Susini F. *Éléments de grammaire élamite*. Paris: Recherche sur les civilisations, 1987.

Hallock R.T. *Persepolis Fortification Tablets*. Chicago: University Press, 1969.

Henkelman W.F.M. On Tapyroi and Tablets, States and Tribes: The Historical Geography of Pastoralism in the Achaemenid Heartland in Greek and Elamite Sources. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 2011. Vol. 54 (2). Pp. 1–16.

Henkelman W.F.M., Stolper M.W. Ethnic Identity and Ethnic Labelling at Persepolis: The Case of the Skudrians. *Organisation des pouvoirs et contacts culturels dans les pays de l'empire achéménide. Actes du colloque organisé au Collège de France par la "Chaire d'histoire et civilisation du monde achéménide et de l'empire d'Alexandre" et le "Réseau international d'études et de recherches achéménides" (GDR 2538 CNRS), 9–10 novembre 2007 (Persika 14)*. Ed. P. Briant, M. Chauveau. Paris: De Boccard, 2009. Pp. 271–328.

Herrenschmidt C. Notes sur la parenté chez les Perses au début de l'empire achéménide. *Achaemenid History II: The Greek Sources*. Ed. H. Sancisi-Weerdenburg, A. Kuhrt. Leiden: Nederlands Instituut Voor Het Nabije Oosten, 1987. Pp. 53–67.

Hinz W., Koch H. *Elamisches Wörterbuch*. T. 1–2. Berlin: Verlag von Dietrich Teimer in Berlin, 1987.

Hyland J. Hystaspes, Gobryas, and elite marriage politics in Teispid Persia. *The Digital Archive of Brief Notes & Iran Review*. 2018. Vol. 5. Pp. 30–35.

Kaplan D. *The Daskyleion Bullae: Seal Images from the Western Achaemenid Empire*. Vol. I–II. Leiden: Nederlands Instituut Voor Het Nabije Oosten, 2002.

Khačikjan M. *The Elamite Language*. Roma: Istituto per gli studi micenei ed egeo-anatolici, 1998.

Kent R.G. *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven: American Oriental Society, 1950.

Kümmel M. 2019: Analogie oder Lautgesetz? Zur Erklärung von Mittelpersisch burr-‘schneiden’, xirr-‘kaufen’, āfurr-‘segnen’ und altpersisch a-f-r-[-?]- DNf 2. 27. *GeSuS-Jahrestagung Sprach(en)forschung: Disziplinen und Interdisziplinarität, Warschau, 1–8 (Handout)*.

Labat R., Malbran-Labat F. *Manuel d'Épigraphie akkadienne*. Paris: Geuthner, 1994.

Lecoq P. *Les inscriptions de la Perse achéménide*. Paris: Gallimard, 1997.

Lenzi A. *Akkadian Prayers and Hymns. A Reader*. Atlanta: SBL Press, 2015.

Lewis D.M. *Sparta and Persia: Lectures Delivered at the University of Cincinnati, Autumn 1976 in Memory of Donald W. Bradeen*. Leiden: J.E. Brill, 1977.

Llewellyn-Jones L. *King and Court in Ancient Persia (550 to 331 BCE)*. Edinburgh: University Press, 2013.

Luckenbill D.D. *Ancient Records of Assyria and Babylonia*. Vol. 2. Chicago: University Press, 1927.

MacKenzie D.N. *A Concise Pahlavi Dictionary*. London–New York–Toronto: Oxford University Press, 1971.

Matarese C. Sending a Kiss to the King: The Achaemenid *Proskynēsis* between Explanations and Misunderstandings. *Ancient World*. 2014, Vol. 45. Pp. 122–145.

Oshima T. *Babylonian Prayers to Marduk*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2011.

Paper H.H. *The Phonology and Morphology of Royal Achaemenid Elamite*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1955.

Parpola S. *Letters from Assyrian Scholars to the Kings Esarhaddon and Ashurbanipal*. Vol. 1. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2007.

Root M.C. *The King and Kingship in Achaemenid Art. Essays on the Creation of an Iconography of Empire*. Leiden: Brill, 1979.

Rung E. Some Notes on *Karanos* in the Achaemenid Empire. *Iranica antiqua*. 2015. Vol. 50. Pp. 333–356.

Rung E.V. The Gestures of *proskynēsis* in the Achaemenid Empire. *Klio*. 2020. Bd. 102 (2). Pp. 405–444.

Schmidt E.F. *Persepolis, III: The Royal Tombs and other Monuments*. Chicago: University Press, 1970.

Schmitt R. *The Old Persian Inscriptions of Naqshi-Rustam and Persepolis*. London: School of Oriental and African Studies, 2000.

- Schmitt R. *Die altpersischen Inschriften der Achaimeniden. Editio minor mit deutscher Übersetzung*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2009.
- Schmitt R. 2014: *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2014.
- Schmitt R. Überlegungen zu zwei neuen altpersischen inschriften (Phanagoreia, Naqš-i Rostam). *NARTAMONGAE*. 2019. Vol. 14. Pp. 34–49.
- Scott J.A. The Gesture of Proskynesis. *Classical Journal*. 1921/2, Bd. 17. Pp. 403–404.
- Stolper M.W. Elamite. *The Cambridge Encyclopedia of the World's Ancient Languages*. Ed. R.D. Woodard. Cambridge: University Press, 2004.
- Streck M.P. Babylonian and Assyrian. *The Semitic Languages. An International Handbook*. Ed. S. Weninger, G. Khan, M.P. Streck, J.C.E. Watson (eds). Berlin–Boston: De Gruyter, 2012, Pp. 359–396.
- Stronah D. Icons of Dominion: Review Scenes at Til Barsip and Persepolis. *Iranica antiqua*. 2002. Vol. 37. Pp. 373–402.
- Šašková K. Adad-šumu-ušur and His Family in the Service of Assyrian Kings. *Who Was King? Who Was Not King? The Rulers and the Ruled in the Ancient Near East*. Ed. P. Charvát, P. Maříková Vlčková. Prague: Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Czech Republic, 2010. Pp. 113–130.
- Tarn W.W. *Alexander the Great, II: Sources and Studies*. Cambridge: University Press, 1948.
- Tavernier J. Élamite. Analyse grammaticale et lecture de textes. *Res Antiquae*. 2011. Vol. 8. Pp. 315–350.
- Tavernier J. Some Thoughts on the *ustarbaru*. *Extraction and Control: Studies in Honor of Matthew W. Stolper*. Ed. M. Kozuh, W. Henkelman, C. Jones, C. Woods. Chicago: University Press, 2014. Pp. 297–322.
- Taylor L.R. The 'Proskynesis' and the Hellenistic Ruler Cult. *Journal of Hellenic Studies*. 1927. Vol. 47. Pp. 53–62.
- Tolman H.C. *Ancient Persian Lexicon and the Text of the Achaemenidan Inscriptions Transliterated and Translated with Special Reference to Their Recent Re-Examination*. New York–Cincinnati–Chicago: American Bank Company, 1908.
- Vallat F. *Corpus des inscriptions royales en elamite achemenide*. Thèse présentée pour l'obtention du Doctorat de IIIe cycle. Paris, 1997.
- Waters M. *Ctesias' Persica and Its Near Eastern Context*. Madison: University of Wisconsin Press, 2017.
- Weissbach F.H. *Die Keilinschriften der Achämeniden*. Leipzig: Hinrichs, 1911.
- Wiesehöfer J. "Denn ihr huldigt nicht einem Menschen als eurem Herrscher, sondern nur den Göttern": Bemerkungen zur Proskynese in Iran. *Religious Themes and Texts of Pre-Islamic Iran and Central Asia: Studies in Honour of Professor Gherardo Gnoli*. Ed. C. Cereti, M. Maggi, E. Provasi. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2003. S. 447–452.
- Zadok R. *The Elamite Onomasticon*. Napoli: Istituto universitario orientale, 1984.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

РУНГ Эдуард Валерьевич –
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой археологии и всеобщей
истории Института международных
отношений Казанского (Приволжского)
федерального университета, Казань, Россия.

Eduard V. RUNG, DSc (History), Professor,
Institute of International Relations, Kazan Federal
University, Kazan, Russia.

ОРЛОВ Василий Павлович –
кандидат исторических наук, ассистент
кафедры археологии и всеобщей истории
Института международных отношений
Казанского (Приволжского) федерального
университета, Казань, Россия.

Vasilii P. ORLOV, PhD (History), Assistant,
Institute of International Relations, Kazan Federal
University, Kazan, Russia.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S086919080015156-8

Для цитирования: Тишин В.В. [Рец. на:] Rezakhani Kh. *ReOrienting the Sasanians: East Iran in Late Antiquity*. Edinburg: Edinburgh University Press, 2017. xiv, 242 p. ISBN: 978-1-4744-0030-5. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 264–268. DOI: 10.31857/S086919080015156-8

For citation: Tishin V.V. [Review of:] Rezakhani Kh. *ReOrienting the Sasanians: East Iran in Late Antiquity*. Edinburg: Edinburgh University Press, 2017. xiv, 242 p. ISBN: 978-1-4744-0030-5. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 264–268. DOI: 10.31857/S086919080015156-8

REZAKHANI KH.

REORIENTING THE SASANIANS: EAST IRAN IN LATE ANTIQUITY.

Edinburg: Edinburgh University Press, 2017. XIV, 242 p. ISBN: 978-1-4744-0030-5

© 2021

В.В. ТИШИН ^а

^а – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия
ORCID: 0000-0001-7344-0996; tihij-511@mail.ru

Название книги иранского исследователя Х. Резахани «*ReOrienting the Sasanians*» на английском языке содержит игру слов. Формально подразумеваемый перевод «ПереОриентация Сасанидов» в той орфографической форме, в которой оно обозначено в книге, будет означать буквально «ПереВосточивание Сасанидов».

Х. Резахани поставил задачу систематизировать данные по истории соответствующей эпохи районов Средней Азии и Афганистана (у автора – «the regions in Central Asia and the Hindu Kush»), которые он предлагает определять как «Восточный Иран» («East Iran») (р. 3). Он стремится показать, что происходившее на восточных границах империи Сасанидов имело для ее истории не меньшее значение, чем то, что случалось на ее западных рубежах (р. 4). Особенность книги состоит в том, что для реконструкции и детализации исторических событий автор активно привлекает нумизматический и эпиграфический материал, отводя письменным источникам второстепенную роль (р. 26). Именно это обстоятельство обуславливает и новаторство, и в то же время прекрасно осознаваемую самим автором уязвимость его реконструкций (р. 26–27).

В предисловии (Preface, р. 1–6) и введении (Introduction, р. 7–26) автор обосновывает цель работы, говорит о своих теоретическо-методологических и методических предпочтениях, а также обсуждает источниковедческие проблемы. Основная часть работы представлена девятью главами, изложенными чуть менее чем на 160 страницах.

Глава 1 «Сасаниды и сисанцы» (The Sasanians and Sistanis, р. 27–45) посвящена становлению династии Сасанидов и их связям с восточными регионами будущей империи. Автор обращает внимание на то, что Систан, где тогда раскинулись владения индо-парфянской династии, уже с самого начала династии Сасанидов попал в ракурс внимания ее правителей,

будучи завоеван уже при Артахшѐре I. Отмечая значение этого события, автор рассматривает Систан как «ворота для покорения Восточного Ирана» (р. 30: «a gateway to the subjugation of East Iran»). Подробно рассмотрены сильные и слабые стороны гипотезы о связи индо-парфян с образованием индо-скифов, возникшим в результате сакского вторжения во второй половине II в. до н.э. и положившего конец индо-греческому владычеству. Во главе него стояли такие правители, как Мауэс и Азес. Недостаток материала не позволяет делать уверенных заключений, но, видимо, современником Азеса был правивший в Дрангиане/Сакастане/Систане некто Вонон – человек, носивший имя, известное среди Аршакидов, чей сюзеренитет он, вероятно, признал (р. 30–33). Его преемники, брат и племянник носили, соответственно, имена *Спалахора* и *Спалагадама*, содержащие элемент *spala-*, что отсылает к восточно-иранским языкам: ср. др.-ир. *spara-* «войско», парф. *spāda-*. Х. Резахани допускает сопоставление известных по монетам правителей, именовавшихся Спалагадама и Гондофар (р. 36–37). С последним связывается возвышение образованной династии. Среди прочего интересно сделанное на основе анализа иконографии монет последнего правителя династии индо-парфян Фарн-Сāsāна наблюдение о его претензиях на верховное правление, а также указание на возможность искусственного возведения потомками Артахшѐра I их происхождения к некоему Сāsāну (чье имя распространено в ономастике индо-парфян) и, следовательно, гипотеза о «восточно-иранском происхождении» самой династии Сасанидов (р. 42–45).

Глава 2 «Кушаны и Сасаниды» (The Kushans and the Sasanians, р. 46–71) является в общем попыткой показать не меньшее значение кушан для истории Ирана, чем для истории Индии, Афганистана и Пакистана (р. 47). Автор заранее предупреждает, что его реконструкция истории кушан будет отражать только наши современные знания и непременно разрушится после появления новых источников (р. 47). Он подробно обсуждает сложности, связанные с проблемой происхождения кушан, умаляя ее значимость для данной книги. Здесь он следует сложившейся схеме отсчета начала истории кушан с миграции конфедерации кочевых племен, известных по китайским источникам как *юэ-чжи* 月氏/月支, отождествляемых с тохарами, почему соответствующий регион впоследствии и получил название Тохаристан (с. 49–53, 72). После длительной эры благоденствия и процветания расширившихся владений кушан их столкновение с Сасанидами при Шāпуре I, по-видимому, привело к утрате ими Бактрии/Тохаристана, где воцарилась ветвь сасанидского дома, известная как «кушано-сасаниды» или «кушан-шахи» (р. 68, 70). Емкий обзор политической, нумизматической и культурной истории Кушанского царства не имеет прямого отношения к истории Сасанидов, но, по мнению Х. Резахани, именно кушаны, впервые установившие господство над территориями по обе стороны Гиндукуша, распространив здесь влияние греко-бактрийского языка, способствовали созданию великолепного искусства, объединившего элементы различных культур, и положили начало иконографии монет, оказавшей влияние на нумизматическую традицию всех последующих политических образований (р. 70–71). Автор приходит к выводу о том, что «кушаны были первой культурной и политической силой, управлявшей Восточным Ираном» (р. 71).

Глава 3 «Кушано-сасаниды и Восточный Иран» (The Kushano-Sasanians in East Iran, р. 72–86) посвящена локальным правителям Тохаристана, носившим характерные для сасанидского ономастикона имена (отмеченные у них даже раньше, чем у старшей ветви династии), но использовавшим в чеканенных ими монетах с пехлевийскими или бактрийскими легендами сочетание *царь кушан*. Они, по-видимому, были достаточно автономны или даже независимы от центральной сасанидской власти, что может объясняться сложностью централизации на ранней стадии создания империи, а также существованием на уже отторгнутых у кушан территориях устойчивых управленческих традиций (с. 76). Автор

пытается восстановить хронологию этой династии и некоторые детали ее политической истории, а также проследить по особенностям монет постепенное уменьшение их амбиций и возможностей вплоть до их падения под натиском кидаритов и возрастания могущества Сасанидов ближе к концу IV в.

Глава 4 «Иранские гунны и кидариты» (The Iranians Huns and the Kidarites, p. 87–103) посвящена вопросам хронологии появления кидаритов. Гибель кушано-сасанидов гипотетически объясняется действиями Шāpūra II, стремившегося предупредить вторжение кочевников на его восточные территории и укрепить рубежи своих владений (p. 86, 87). Это вторжение связывается с народом, именуемым китайскими источниками *сюн-ну* 匈奴, в византийской традиции известным под именем *хиониты* (лат. *Chionitae*, ср.-греч. χιόνες), восходящим, вероятно, к пехл. *Хуōн*; с первым же связывается происхождение параллельно употреблявшегося согд. *хwn*. Это следует из статьи К. Этвуда, упомянутой в книге выше (p. 50, note 10). Х. Резахани рассматривает появление хионитов, кидаритов, эфталитов и алханов, обычно условно обобщенно именуемых «иранскими гуннами», как следствие одной миграции, связывая это единственно достоверно зафиксированное вторжение в Среднюю Азию с народом, которого китайские источники знают как *жуань-жуань* 蠕蠕. По косвенным данным, оно могло состояться ок. 357 г. (p. 88–89). С опорой на нумизматические аргументы, автор выступает в пользу мнения, согласно которому правление кидаритов в Бактрии, Кабуле и Гандхаре следует относить к промежутку 370–457/468(?) гг. Их владычество сохранялось затем в Самарканде по меньшей мере до 509 г. Замечательно также наблюдение о возможной связи между кидаритами и алханами (p. 101–102).

Глава 5 «Алханы в районах Южного Гиндукуша» (The Alkhans in the Southern Hindu Kush, p. 104–124) посвящена наименее изученной группе «иранских гуннов», факт господства которой в восточной части Бактрии/Тохаристана и Гандхаре выявляется только по данным нумизматики (бактр. *αλχαν(v)ο*). Именно их вторжения в Индию нашли отражение в местной литературной традиции (*пуранах*). Автор допускает, что в основе этнонима лежит эпоним (p. 105–106, 108). Монеты алханов на ранних этапах демонстрируют зависимость от сасанидских образцов, но отличаются от эфталитских монет. Идентифицирующей характеристикой является наличие самостоятельного тамгового знака и искусственно удлиненная форма головы на изображениях правителей. В книге обосновывается, что самостоятельная история алханов отсчитывается примерно с 430 г. (p. 109–110). Автор оставляет открытым вопрос о происхождении алханов, но признает пока наиболее возможным их сопоставление с пехл. *Karmīr Хуōн*, санскр. *hala-hūṇa* (p. 106–107). К сожалению, он никак не комментирует упоминание у Феофана Исповедника под 563 г. посольства к византийскому двору от неких *Ερμιχίονες*, как и связанное с ним сообщение более раннего автора Феофана Византийца о *Κερμυχίωνας*, чье имя выступает как персидское название тюрков (Тоῦρκοι <...>, οὗς Πέρσαι οἰκεῖα ὕλῳσση *Κερμυχίωνας* φάσι) (см., напр.: Moravcsik, 1983, S. 158–159)].

Глава 6 «Эфталитская империя и ее преемники» (The Hephthalite Empire and Its Successors, p. 125–146) посвящена народу, достаточно хорошо известному исследователям, но Х. Резахани дает новую интерпретацию некоторых деталей. Эфталиты появляются, по-видимому, ок. 460 г., занимая Тохаристан после поражения кидаритов. Так называемое восстание маздакитов, по мнению автора, имело не религиозную или социальную подоплеку, а было выступлением антиэфталитской группировки сасанидской знати (p. 131–132). Он также заключает, что именно объединение при эфталитах Тохаристана и Согдианы в рамках одного политического пространства «создало ядро позднесасанидской и раннеисламской провинции Хорасан» (p. 146).

Глава 7 «Согдиана в кидаритский и эфталитский периоды» (Sogdiana in the Kidarite and Hephthalite Periods, p. 147–156) дает краткий обзор истории региона, в пределы которого в

расширенном понимании включают территории «от Бухары на западе до Худжанда и даже Ферганы на востоке». В период IV–V вв. здесь происходят значительные процессы урбанизации, а затем благодаря поступлению к эфталитам сасанидского серебра, выплачиваемого в качестве дани, развитие купечества, что отразилось в создании согдийских торговых колоний в Семиречье и далее – в Восточном Туркестане и Гань-су. Упомянутое в это время слово *хwn*, следуя автору, вероятнее всего, связано с более ранними кочевническими вторжениями, нежели теми, что имели место в IV в., т.е. это *сюн-ну* 匈奴 или *юэ-чжи* 月氏 (р. 148). С завоеванием вождем этих *хwn* территории Бухарского оазиса в V в. автором связывается приводимая в «Ta' rûx-i Buxārā» ан-Наршаху легенда, где фигурирует предводитель тюрков, называемый *بياغو* [byâğw], т.е. *بياغو** [ybâğw] (р. 149). Автор присоединяется к версии об их отождествлении с кидаритами, чье владычество в Согдиане завершается в 509 г., когда ее завоевывают эфталиты. Один из обсуждаемых здесь вопросов – это присутствие буддизма в регионе в период господства кидаритов и эфталитов, по крайней мере, во владениях Уструшана, для подтверждения чего автор находит ряд аргументов (р. 154–155).

Глава 8 «Нёзакский и тюркский периоды» (The Nēzak and Turk Periods, p. 157–175) уделяет значительное внимание такой локальной династии как *Нёзак*, известной по монетам с пехлевийской легендой *пу́кы MLK'* и возвысившейся на территории между рр. Кабул и Забул после событий 484 г.; ее ветвь правила в Кабулистане до VII в., когда уступила место тюркской династии, в Забулистане – по-видимому, до начала VIII в. В то время как Тохаристан постепенно утратил свое политическое и экономическое значение, сделавшись периферией на фоне переживавшей экономический подъем Согдианы, Нёзакам удалось создать здесь не столь значительное, но довольно крепкое владение. Их монеты отличает использование именно пехлевийского языка, а также появление такого элемента как голова быка над короной на изображении правителя. В книге приводятся аргументы в пользу того мнения, что во второй половине VII в. именно представители этой династии в Забулистане носили титул, отмеченный в арабских источниках как *رتيل* [r.tbyr], бактрийских – *hilitbēr*, что обычно реконструируют как **eltābār* (р. 166–169). Интересны еще попытки выявить связь между этими правителями Забулистана и известными со второй половины VII в. правителями Кабула с титулом *тегин* (р. 170–171), а также поместить в исторический контекст монеты с именем *павоγоло*, которое автор склонен связывать с предводителем сопротивления против арабов во второй половине VII в., допуская еще отождествление с Нёзак тархāном (р. 172–174).

Глава 9 «Тохаристан и Согдиана в позднесасанидский период» (Tokharistan and Sogdiana in the Late Sasanian Period, p. 176–184), несмотря на небольшой объем, также показывает возможности новых интерпретаций на основе нумизматических данных. Занятие тюрками в 588 г. Балха было нарушением соглашения, достигнутого между ними и Сасанидами после разгрома эфталитов. Несмотря на поражение, понесенное от сасанидской армии, тюрки, как показывает, в частности, отсутствие сасанидского нумизматического материала, в итоге овладели территориями также к югу от р. Аму-Дарья, поставив в Тохаристане правителя с титулом *йабгу*, что было вынужденной мерой ввиду отдаленности этих земель от центральной ставки (р. 178–179). Его монеты сочетают позднесасанидское и нёзакское влияние. Остается неясным видение автором хронологии, когда все же тюрки завладели этими территориями. Автор никак не комментирует сюжеты, связанные с восстанием Бестāма и походом Смбата Багратуни за р. Аму-Дарью.

В главе уделено внимание и судьбе членов сасанидского дома, бежавших на восток после фактического падения династии ввиду поражения от арабов и затем пытавшихся восстановить свое положение при помощи тюрков и империи Тан вплоть до середины VIII в. (р. 182–184). Именно битва при Таласе 751 г., похоронившая амбиции танских императоров

и одновременно надежды сасанидских династов, рассматривается как хронологическая черта, логично завершающая основное изложение.

Под пунктом 10 следует «Общее заключение и послесловие» (General Conclusions and Postscript, p. 185–193). Здесь автор с самого начала пытается обратить внимание на то, что собственная внутренняя история затронутого им в работе региона «Central Asia» в целостности мало привлекает внимание исследователей, в основном приобретая вспомогательное значение при изучении истории Китая и Ближнего Востока. Далее следует то, что, в общем-то, можно назвать, собственно, «эпилогом», кратко повествующим о дальнейшей судьбе «Восточного Ирана» (p. 187–189), затем еще два раздела, в одном из которых автор возвращается к обоснованию своей работы, а в другом – говорит о перспективах дальнейших исследований.

В качестве своеобразного приложения под пунктом 11 преподнесен очерк с названием «Эпилог и экскурс касательно Шахнаме» (Epilogue and Excursus on the Shahnameh, p. 194–198). Здесь обосновывается, что значительная часть мотивов иранского эпического цикла, отраженного в «Шāх нāме», сложилась на территории «Восточного Ирана» под влиянием соответствующих событий.

Завершают книгу библиография (Bibliography, p. 199–234) и приложенный указатель (Index, p. 235–242). Работа также снабжена картами (p. xi–xiii).

Мы видели свою задачу в том, чтобы ознакомить с этой книгой читателя русскоязычного пространства. Не столько связанная, собственно, с историей Сасанидов, она, несомненно, будет востребована исследователями истории Средней Азии и сопредельных территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica*. 3. unv. Aufl. Bd. II. *Sprachreste der Turkvolker in den byzantinischen Quellen*. Leiden: E.J. Brill, 1983. XXV, 376 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТИШИН Владимир Владимирович –
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института
монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

Vladimir V. TISHIN, PhD (History),
Senior Research Fellow, Department of History
and Culture of Central Asia, Institute
for Mongolian Studies, Buddhology
and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080015065-8

Для цитирования: Мартынов Д.Е. [Рец. на:] Белая И.В. *Поучения Изначальной владычицы Сунь Бу-эр. Даосское учение для женщин*. М.: Ганга, 2020. 352 с. ISBN 978-5-907243-44-6. *Vostok (Oriens)*. 2021. № 3. С. 269–272. DOI: 10.31857/S086919080015065-8

For citation: Martynov D.E. [Review of:] Belaya I.V. *Sermons of the Primordial Immortal Sun Bu'er. Taoist Doctrine for Women*. Moscow: Ganga Publishing, 2020. 352 p. ISBN 978-5-907243-44-6. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 269–272. DOI: 10.31857/S086919080015065-8

БЕЛАЯ И.В.
*ПОУЧЕНИЯ ИЗНАЧАЛЬНОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ СУНЬ БУ-ЭР.
ДАОССКОЕ УЧЕНИЕ ДЛЯ ЖЕНЩИН.*
М.: Ганга, 2020. 352 с. ISBN 978-5-907243-44-6

© 2021

Д.Е. МАРТЫНОВ ^a

^a – Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
SCOPUS Author ID 56358370600; ORCID ID 0000-0001-5385-1915; dmitrymartynov80@mail.ru

Предлагаемый вниманию читателей памятник является только частью колоссальной, без малого десятилетней, работы И.В. Белой в области даологии. Одной из важных вех на этом пути стала защита автором диссертации в совете по присуждению докторских степеней Казанского университета в области философии 13 июня 2019 г., оппонентами на которой выступили такие признанные специалисты по классической китайской философии и даологии, как А.И. Кобзев и С.В. Филонов. Важнейшим источником для диссертации послужил корпус текстов, в даосской традиции приписываемых Сунь Бу-эр (孫不二, 1119–1182)¹. Именно этот текстуальный набор с комментариями автора-переводчика, исполненный в традиционном китайском стиле и снабжённый оригиналами текстов, послужил ядром представляемого издания.

И.В. Белая хорошо известна специалистам в области не только синологии, но и сравнительной философии. Располагая внушительным числом исследований, изданных в виде статей, и 500-страничным текстом диссертации (считая визуальные источники), при издании результатов своего труда в монографической форме автор должна была столкнуться с нелёгким выбором. Тем не менее Ирина Витальевна предпочла сначала представить заинтересованным лицам (тираж обозначен в 700 экз.) комментированный текст источника, сведя теоретический блок к самому необходимому минимуму. Это определило «пирамидальную» структуру книги, разбитой на три главы. Первая глава (с. 19–42) посвящена собственно фигуре Сунь Бу-эр в учении школы Цюаньчжэнь. Вторая глава (с. 43–70) названа «Корпус сочинений Сунь Бу-эр», хотя её содержание несколько шире заявленного в заглавии. Наконец, основной объём публикации (с. 71–242) составляет выполненный И.В. Белой перевод поэтического сборника Сунь Бу-эр «Поучения Изначальной владычицы Сунь Бу-эр» (*Сунь Бу-эр юань цзюнь фа юй* 孫不二元君法語) с комментариями Чэнь Ин-нина (陳櫻寧, 1880–1969). Примечания (в том числе цитирование оригинальных текстов Чэнь Ин-нина), библиографические списки и указатели вынесены в отдельные разделы, которыми книга завершается.

¹ И.В. Белая использует традиционное написание китайских имён через дефис, а терминов и названий сочинений раздельно, когда один слог соответствует одному иероглифу.

Во вводном разделе кратко охарактеризовано место школы Цюаньчжэнь в развитии даосизма как такового, а также дана характеристика так называемой «субтрадиции», каковой термин является одним из важнейших в концепции И.В. Белой. Понятие об алхимической субтрадиции активно пропагандировал в ранний период Республики (1920-е – 1930-е гг.) Чэнь Ин-нин, вводя его в своём комментарии к сборнику стихотворений Сунь Бу-эр (с. 15–16). Любопытно, что в период, когда Китай только знакомился с идеями феминизма, Чэнь Ин-нин в своём комментарии особо отмечал, что, во-первых, даосское учение не просто утверждает равенство мужчин и женщин, но и гласит, что даже в подвижнических практиках женщины достигают успеха значительно быстрее. Во-вторых, не ставя целью пропаганду «женской алхимии», комментатор стремился сделать учение даосских подвижников и подвижниц доступным для широкого круга заинтересованных в них мирян (с. 17–18).

Достоинством исследования И.В. Белой является то, что оно почти целиком построено на первоисточниках. Структура работы построена по логико-хронологическому принципу. Первая глава посвящена разбору жизнеописаний Сунь Бу-эр, вошедших в корпус *Дао цзана*. Начало агиографии наставницы Сунь относится к периоду, отстоящему от её кончины примерно на 60 лет (с. 21). Автором представлен синтез имеющихся жизнеописаний, который позволяет понять, что именно для современников эпох Сун и Цзинь было наиважнейшим в представлениях о даосских аскетах и подвижниках, учитывая, что культ бессмертной Сунь стал складываться позже других учеников её наставника Ван Чун-яна. Примечательно, что пока не известно о существовании стел, воздвигнутых в честь непосредственно Сунь Бу-эр, однако в эпиграфических материалах, посвящённых другим даосским наставницам, упоминается её почитание в составе даосского пантеона. В линию преемства секты Цюаньчжэнь она была включена при монгольской династии Юань в 1302 г. (с. 38–39).

Таким образом, изложение во второй главе вводится тезисом, что по мере развития культа Сунь Бу-эр «ей начали приписывать сочинения как прозаического, так и поэтического характера, разъясняющие различные аспекты учения Цюаньчжэнь» (с. 45). Впервые приписанные ей сочинения были опубликованы в 1347 г. в составе даосской антологии «Отголосок журавлиного крика». Именно тексты из данного собрания были переведены на английский язык в 2014 г. [Komjathy, 2014]. Некоторые тексты, приписываемые Сунь Бу-эр, не были включены в *Дао цзан*. В эпоху Цин (1644–1911) Сунь Бу-эр стали указывать в качестве автора различных даосских произведений, посвящённых преимущественно практическим методам достижения бессмертия. В XVIII–XIX вв. культ Сунь Бу-эр активно развивался в горах Цзиньгайшань, вызвав появление новых сочинений, предисловие к одному из которых датировано 1835 г. (с. 54–55). Все упоминаемые тексты сопровождаются кратким рефератом и заметками об их аутентичности и возможном происхождении. Завершается вторая глава описанием текстуальной истории сборника текстов «Уставные речи Изначальной владычицы Сунь Бу-эр», избранных И.В. Белой для перевода. Впервые под таким названием собрание стихотворений увидело свет около 1800 г. и несколько раз переиздавалось вплоть до 1934 г. (с. 63–65). Далее следует характеристика ситуации с текстами традиции Сунь Бу-эр в западной синологической историографии и в современной комментаторской традиции КНР и Тайваня.

Корпус аллегорических стихотворений, приписываемых Сунь Бу-эр, опубликован в соответствии с давней традицией издания китайских сакральных и эзотерических текстов, в которой представлены как даосские переводы Дж. Легга [Legge, 1891], так и непревзойдённый эталон текстологической работы – «Стансы Сыкун Ту» В.М. Алексеева [Алексеев, 2008]. На одной странице представлены китайский оригинал и перевод, по возможности,

имеющий ритмическую форму и сохраняющий число слов, равное числу иероглифов в строке оригинала (давно обоснованный трудами М.Е. Кравцовой способ перевода китайской поэзии [Кравцова, 1994, с. 14–17]). Далее следует собственно комментарий, который вводится пояснениями китайских и западных исследователей (если они существуют), что может перейти в полемику, когда И.В. Белая излагает собственные взгляды на предмет и передающие его тропы (как, например, на с. 84–86). Каждый комментарий завершается абзацем, в котором прозой передан смысл стихотворения как целостного послания. Данная глава изобильно иллюстрирована репродукциями из разных изданий даосских сочинений; иллюстрации уместны в качестве как визуального источника, так и средства создать настрой у читателя, который воспримет публикацию как художественное произведение или руководство для даосских практик. На с. 136 содержится соответствующее стихотворение «Выполнение упражнений». Тем не менее подписи к иллюстрациям увеличили бы их ценность для неспециалистов в области даосизма или просто для досужего интеллектуала, желающего расширить пределы своей эрудиции. Важнейший для алхимической субтрадиции Сунь Бу-эр метод «обезглавливания дракона» подробно рассмотрен в комментарии к одноимённому стихотворению (с. 143–155). Далее тексты наставляют адепта, как дойти до состояния бессмертного-*сяня*. Комментарий, как обычно, использует весь арсенал китайской эклектической традиции, начиная от эпохи Южная Сун. В собрании стихотворений, посвящённых высшей степени восхождения к состоянию *сяня*, приведён и комментарий Чэнь Ин-нина. Именно Чэнь Ин-нин обратил внимание на то, что стихотворения данного раздела содержат как общие, укоренённые в даосской коррелятивной космологической антропологии, постулаты, так и описания конкретных практик и ритуалов, которые служат для приготовления организма адепта к трансформации и не добавляют ничего в общем плане.

Авторское «Заключение» (с. 243–249) содержит разбор понятия «субтрадиция», в основу которого Чэнь Ин-нином был положен методологический критерий, а именно – прагматическое стремление распространить даосское учение в женской целевой аудитории. И.В. Белая приводит характерные черты «женской» направленности переведённого ею корпуса стихотворений, и в первую очередь – подчёркивание различия полов как на космологическом, так и психофизиологическом уровне, что ведёт к капитальным различиям в описываемых практиках. При этом женские практики чётко отделялись от парных или мужских. Таким образом, тексты, составляющие именно «субтрадицию», создавались практикующими даосами XVII–XX вв. на основе представлений о совершенствовании духа через преобразование тела. Объединяемые данными признаками тексты рассматриваются И.В. Белой как «мегатекст», в который входят сочинения о женских методах совершенствования от лица самой Сунь Бу-эр; тексты о совершенствовании, «переданные» божеством Сунь Бу-эр; а также тексты, непосредственно с именем Матушки-владычицы не связанные. Они носят многоплановый характер, широко используют наследие не только даосской философской классики, но и конфуцианских канонов («Мэн-цзы» и «Ли-цзи»), буддийские интенции и даже такой неканонический текст, как «Шань хай цзин».

Подводя итоги, можно сказать, что российская и мировая даология чрезвычайно обогатилась. Эстетично изданная книга сама по себе представляет ценность, не говоря о важном источнике, который расширяет предметное поле даологических и шире – синологических исследований. Хотя в данное издание не вошли объёмные теоретические главы, имеющиеся материалы вполне адекватно отражают проделанный И.В. Белой исследовательский путь. Говоря же о достоинствах перевода и комментария, мы без колебаний поставим «Пouchения Изначальной владычицы Сунь Бу-эр» в ряд классических исследований в области китайского религиоведения и сравнительной философии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алексеев В.М. *Китайская поэма о поэте: стансы Сыкун Ту (837–908): перевод и исследование (с приложением китайских текстов)*. М.: Восточная литература, 2008 [Alexeev V.M. *Chinese Poem about a Poet: Stanzas by Sikong Tu (837–908). Translation from Chinese and Research (with Chinese texts)*. Moscow: Vostochnaia Literatura, 2008 (in Russian)].

Кравцова М.Е. *Поэзия Древнего Китая: Опыт культурологического анализа*. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994 [Kravtsova M.E. *Poetical Tradition of Ancient China. Attempt of Culturological Review*. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1994 (in Russian)].

Komjathy L. Sun Buer: Early Quanzhen Matriarch and the Beginnings of Female Alchemy. *Nan Nü*. 2014. Vol. 16. No 2. Pp. 171–238.

Legge J. *The Sacred Books of China: The Texts of Taoism*. Oxford: Clarendon Press, 1891.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАРТЫНОВ Дмитрий Евгеньевич –
доктор исторических наук, профессор
Казанского (Приволжского) федерального
университета, Казань, Россия.

Dmitry E. MARTYNOV, DSc (History),
Professor of the Kazan (Volga region) Federal
University (KFU). Kazan, Russia.

Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110166 от 18.01.1994 г.)

Подписано к печати 10.06.2021
Тираж 250 экз.

Формат 70×100 ¹/₁₆
Зак. 5/3а.

Уч.-изд. л. 23,1
Цена свободная

Учредитель: Российская академия наук
Издатель: Российская академия наук
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

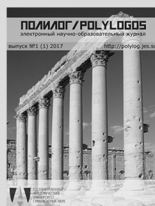
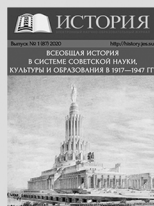
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).